

ЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ

ПОЧТИ НЕ СЛЕПИЛО

"Вожатые и монстры, вкусная еда в столовке и мрачные тайны в подземных бункерах!", — так мог бы гласить правдивый буклет приморского лагеря "Кристалл". Но кто бы туда приехал?.. Вот неполный список:

Ангелла на своём ржавом корабле. Монстр, но красивая!

Радость 144-09 пешком из мира антиутопии. Ребёнок, но уже с личным ножом!

Ира из 11-го класса. Скромная отличница, но что-то ей здесь надо!

Пашка и Сергей. Наконец-то обыкновенные школьники. Но они так любят приключения!

Таня — только она не очень-то сюда стремилась. Но, ржавая труба — её любимое оружие!

И просто чудовища!

Лиловые волны океана рассекает огромный ржавый корабль. Кривой нож носа вздымается над очередным холодным валом, чтобы, навалившись, взрезать его до белого пенного нутра. Свидетель из нашего мира назвал бы корабль дредноутом. Это с первого взгляда. Со второго он бы понял: моря Земли не знали таких линкоров даже в период между двумя великими войнами, когда стальные левиафаны украшали, или уродовали — дело вкуса — бухты великих держав мира.

Этот исполин бы точно изуродовал. Цвета запёкшейся крови, с вытянутыми хищными обводами, ошестинившийся пушками так, словно оружейники забыли чувство меры и ставили стволов по три, там где хватало одного, а где в огромную башню просились три орудия — ставили три, но в два ряда. Сотни метров гулкого рыжего сплава и на палубе никого. Но принять корабль за необитаемый не дают чёрные дымы из торчащих кверху труб. Они исторгают облака копоти так, словно их предназначение состоит в осквернении низкого пасмурного неба.

На верхней палубе гуляет только ветер, заглушая рокот пены далеко внизу. Но вот дрожь проходит по толстому металлу: дредноут меняет курс. Первыми разворачиваются носовые орудийные башни — похоже для них среди холодного простора цвета крови осьминога нашлась цель под стать калибру. Иначе зачем наводить десяток стволов, каждый толщиной с вековое дерево, в сторону, где бродят среди неизведанных материков только волны.

Залп сотряс корабль, эхо выстрелов сотрясло испачканное небо и подняло свой, горячий, ветер, радиально примявший волны плоской рябью.

В пяти километрах по курсу дредноута снаряды зарылись в толщу воды, поднимая глубинными разрывами фонтаны достающие до низких туч. Вниз пролилась стена воды, из-за которой всё явственнее виднелось разгорающееся сияние в точке, ставшей целью для пушек корабля и его полукилометровой туши, закладывающей невозможный вираж и собственное цунами по левому борту.

На переднюю орудийную башню взобралась странная фигура, похожая издалека на паука. Вблизи вы бы услышали, как скребут по металлу металлом суставчатые лапы чудовища, которое вылезло из недр дредноута полюбоваться на дело рук своих. Рук, кстати говоря, вполне изящных и даже красивых, как и вся верхняя часть обнажённой девушки с длинными волосами, ниспадающими белыми локонами на грудь. Можно залюбоваться, если получится не падать ошеломлённым взглядом ниже пояса, где живое и красивое тело гнездится в кибернетическом кошмаре, напоминающем одновременно конечности насекомого и манипуляторы совершенного механизма.

Похоже, что саму девушку её химерический вид несколько не смущает. Пятиметровые паучьи лапы вцепились в обшивку, покоя хозяйку корабля на высоте человеческого роста, готовые карабкаться, прыгать или бежать с ловкостью недоступной чистым созданиям природы.

Блондинка смотрит в разгорающееся жерло открывающегося портала взглядом внешне спокойным, но затаённо безумным, властно предвкушающим неведомую доселе добычу: целый мир. Наш с вами мир, проглядывающий в варварски пробитой мощным оружием дыре.

Отсветы портала, пылающего накачанной в него взрывами энергией, играли на белой

коже девушки-монстра, подобно закатному солнцу того мира, куда она сейчас собиралась ворваться.

Всё ярче и ярче.

Часть I. Глава 1

К большому асфальтному кольцу перед лагерем подъехала целая колонна автобусов, из которых высыпали радостные дети и выбрели печальные отроки. Мальчиков и девочек приехало примерно поровну и, набирая отряды, их разделили. Мальчишек, более младшие из которых уже начали задирать своих сверстниц, а более старшие пытаются знакомиться со своими, немедленно вычленили из общей толпы рослые парни-вожатые. При виде этих загорелых спортсменов школьники уважительно притихли. Построить мальчишек не составило труда, шеренги мужских отрядов двинулись в свою часть лагеря, прежде чем последние девушки вынесли из автобусов вещи. И чем старше были девушки, тем меньшую прыть они показывали, тем большего размера сумки у них были.

Таня Хизер сидела в салоне до последнего — десятиклассница с вызывающим, чуть насмешливым взглядом голубых глаз то и дело откидывала прямые русые волосы длинной челки с лица, делая это быстрым рефлекторным жестом. Слегка хмурое настроение и нелюбовь к малознакомым коллективам подсказали ей, что спешить и толкаться в салоне, как это делают «мелкие», не стоит, лучше посидеть несколько лишних минут, наблюдая в окошко за суматохой. Но, вопреки своему желанию торжественно захлопнуть двери автобуса, Хиз пришлось помогать одной неумехе, вежливо пропускавшей всех вперед. Когда пришла наконец её очередь, обнаружилось, что сумка девчонки застряла под сиденьем. Таня не смогла вынести душераздирающего зрелища неуклюжей беспомощности и, конечно же, пришла на помощь. Так что из автобуса она, запланированная гордая одиночка, вышла рука об руку с другим аутсайдером — хрупкого вида девушкой, рассыпающейся извинениями и благодарностями.

Их уже ждали около двадцати ровесниц, кстати, тоже не спринтеры, но вид у них был такой, как будто они жарятся на солнце добрых полдня. Хизер с внутренним юмором оценила картину: толпа красавиц, обвешанных чемоданами, стоят в тени огромных кипарисов, обдуваемые утренним морским бризом и делают вид, что их привезли на уборку камыша в Узбекистан и теперь они из-за отстающих компаньенок рискуют лишиться вечерней пайки. Эти мысли не могли не отразиться на лице Хиз, так что она мгновенно заслужила дозу всеобщей неприязни.

До слепящего белизной корпуса было добрых полкилометра, причем 450 метров пришлось идти по лестницам. Поскольку детский лагерь Кристалл расположился на спускающемся к морю склоне горы, по территории трудно было сделать хотя бы десять шагов, не наткнувшись на ступеньки. Одно спасало — все дорожки и аллеи оказались надежно укутаны густой тенью красивой парковой растительности. Хизер ошеломленно крутила головой, она впервые видела место, столь величественно убранное зеленью, где асфальт тропинок и камень лестниц так гармонично сочетался бы с зарослями плюща, ниспадающего с огромных деревьев.

Почувствовать, сколь тяжел был путь с грузом, довелось лишь в большом фойе корпуса, когда Хиз обессилено упала на диван, едва сдерживая стон облегчения. Большинство девушек своих эмоций не скрывали, поэтому причитания и вздохи не смолкали, пока последняя из школьниц не заняла свое место. Рядом с Таней оказалась ее недавняя знакомая по автобусу. Хиз заметила её и соседка по дивану сжалась, поэтому не оставалось ничего

другого, как протянуть в неловком жесте руку и улыбнуться.

— Я — Таня, привет.

— Ира, — девушка также неловко взяла и покачала вверх-вниз руку Хизер.

— Приятно познакомиться, Ира, можешь называть меня Хизер или Хиз — это прозвище от фамилии.

— А у меня нет прозвища, — немного смутилась новая знакомая.

— Ничего, — решила пошутить Хиз, — судя по окружающему нас «криминальному» контингенту, скоро появится.

Ира сначала сделала большие глаза, еще раз оглядывая «контингент», а потом заулыбалась.

— Ты меня ведь просто разыгрываешь, Таня?

— Да, Ира, просто болтаю для поддержания разговора, кстати, можешь отпустить мою руку.

Ира бросила руку как будто та ее обожгла, и стремительно бледная кожа девушки стала почти свекольной, по самые кончики ушей.

— Да ладно! — Таня чуть не ткнула кулаком в плечо своей новой знакомой, но вовремя передумала — еще не хватало вжиться в роль рубахи-парня рядом с хрупкой знакомкой. Ира отвернулась, ее выдавали только красные уши, выглядывающие из-под черных волос. — Ну, я подожду немного, пока ты перестанешь смущаться, — снова попыталась сгладить ситуацию Хиз. И, как ни странно, это подействовало. Уже через несколько секунд Ира приобрела нормальный цвет.

В холле стояли две женщины, судя по всему, вожатые, причем, совсем не те две студентки, что привели сюда всех от автобусов, эти дамы появились незаметно и сейчас молча наблюдали за происходящим. Девочки одна за другой замечали их и замолкали, тишина лавинообразно нарастала, пока не стала абсолютной, прозвучав, словно хлопок одной ладонью. Стало слышно тихое бормотание телевизионной панели на стене, загадочные дамы посмотрели на нее, словно в первый раз увидели, вслед за их взглядами повернулось три десятка шей, тридцать пар глаз уставились на экран.

— Вы почувствуете начало новой жизни! — Произнес восторженный голос за кадром, а в кадре кого-то кружила и поднимала в небеса метель из белоснежного пуха. Всё понятно — реклама какой-нибудь гигиенической ерунды.

Телевизор стал черным и безжизненным — у одной женщины в руке из ниоткуда возник пульт. Теперь все тридцать пар глаз, не мигая, уставились на предположительно вожатых — в умении овладеть вниманием аудитории им не откажешь.

Дамы выдержали небольшую паузу, словно давая возможность девочкам внимательно рассмотреть себя.

Второе впечатление о «дамах», по крайней мере у Хиз, оказалось отличным от первого. Это были вовсе не дамы, а довольно молодые девушки, возможно, что их строгая, но стильная одежда была виной иллюзии. Хиз подумала, что представляла себе вожатых одетыми совсем по-другому, как учителей физкультуры, например, а эти, казалось, сошли с картинки журнала мод посвященного европейскому винтажу. Вожатые, производя при беглом взгляде впечатление сестёр, были похожи ничем, кроме стройных рослых фигур. Слева, ближе к залитым солнцем пролетам, стояла девушка с белыми волосами, собранными в тугий пучок сзади, а справа — ближе к темным лифтам — девушка с прямыми, черными волосами, обрамлявшими лицо каре. У обоих плясали в глазах чертики, они наслаждались

производимым эффектом. Первой заговорила брюнетка с низкой чёлкой:

— Здравствуйте, девочки, я — ваша вожатая, меня зовут Маргарита, кому интересно Маргарита Геннадиевна. — Она замолчала и посмотрела на свою белокурую напарницу, та, поймав взгляд, словно волейбольную подачу, выстрелила им в «зрителей».

— Здравствуйте, девочки, я — ваша вожатая, меня можно называть Светлана Александровна, но мне будет приятнее — просто Светлана. Вас двадцать восемь, а нас двое — мы будем большим дружным отрядом.

— Но, чтобы гарантировать постоянную интригу, — подхватила Маргарита без паузы, словно продолжал говорить один человек, только резко изменив голос, — мы разделимся на две группы...

— Чтобы соревноваться друг с другом, — пояснила Светлана.

— Разумеется, — снова продолжила Маргарита, — если необходимо будет состязаться с другими отрядами...

— Мы будем единой командой, — сказали вожатые вместе, да так складно, что получился, третий, общий голос.

— Выбрать, кто к какой группе будет принадлежать — достаточно просто, — продолжила Светлана.

— Вы разделитесь на тех, кто хочет, чтобы балконы их номеров выходили на горы, — сказала Маргарита.

— И на тех, кто хочет балкон с видом на море. Для этого поднимемся на свой этаж.

— Вставайте, вставайте! — вожатые захлопали в ладоши, как будто прогоняли ленивых голубей.

«Что ж, краткое знакомство окончено», — подумала Хиз и с опаской покосилась на свои чемоданы, гадая об удалённости нужного этажа.

Лифта было два, а потому подъем на пятый, самый верхний, этаж корпуса у двадцати восьми девушек с вещами занял не более десяти минут, хотя Таня приготовилась как минимум к получасовому ожиданию. Просторный коридор постепенно заполнялся школьницами, которых вожатые попросили складывать свои вещи у двух кресел, что стояли у окна. Когда все прибыли, куча сумок скрыла под собой мебель и, казалось, даже свет померк, поскольку вершина пирамиды грозила закрыть собой окно полностью.

— Грузовому лифту повезло, что он сломался, — пошутила вожатая Светлана. Ей подхихикнула всего пара голосков — самые отчаянные подлизы, остальных девушек юмор на время оставил, так как они мечтали поскорее закончить затею с «дележом» и рухнуть, наконец, на кровати в своих номерах.

Таня тронула Иру, которая не отступала от нее ни на шаг, и показала ей взглядом на четверку старшекласниц, которые стояли в стороне от всех и вид имели слишком свежий, чтобы быть пассажирами утренних автобусов.

— Они, наверное, раньше прибыли, — сказала Ира, — может быть, живут в соседнем городе.

Хиз удивленно подняла брови: мысль, о том, что сюда можно попасть как-то иначе, чем пройдя через четыре часа усыпляющей езды, была ей диковинна.

Кто-то из вожатых сделал два быстрых хлопка в ладоши — почти все девушки тут же затихли, и на секунду стало слышно, о чём переговариваются только прибывшие девчонки. Как ни странно, но звуки их речи не складывались в знакомые слова.

— Все очень просто, — начала темноволосая Маргарита, — осматривайте номера. Кому нравятся горы за окном — подходите ко мне.

— А кому — море, ко мне, — закончила блондинка Светлана.

Девушки стали открывать двери, заходить в ожидающие их номера и послушно изучать законные пейзажи.

Хиз потянула ручку ближайшей двери, сделала шаг и так бы застыла на пороге, если бы ни наступавшая на пятки Ира. Они вдвоем прошли в номер, который был достаточно скромн, чтобы хоть чем-то зацепить внимание.

Но окно!

Вернее, вид из него!

И окно, и вид, и балкон: величие и великолепия!

Вперед поднимался хвойный лес, стремясь к близкому горизонту вогнутой чаши. И горизонт этот в своем последнем прыжке достигал неба белоснежными шапками гор. Один взгляд мог вместить всю полосу перехода от жаркого субтропического лета до искрящейся на солнце зимы. Лето было зеленым и живым, лес дышал ветром раскачивавшим верхушки высоких сосен, а зима — каменно-снежная, словно сам космос в своем недвижимом холоде, была столь же впечатляюща, реальна и нереальна одновременно, как упавшая на землю Луна.

Но одного вдоха всё же было мало, чтобы успеть впитать в себя красоту полностью, Таня заставила себя дышать и с улыбкой слышала тихий выдох рядом. Судя по оглушительному молчанию, словно врывающемся через окно напрямиком с голых и укрытых снегом скал, Ира ощущала не меньший прилив чувств.

Девочки медленно пошли в сторону балкона, сквозь распахнутые двери, а когда вверху вместо потолка появилось синее-синее небо, у Хиз немного закружилась голова, ей даже захотелось взять кого-нибудь за руку. Рядом стоящая Ира была идеальной для этого кандидатурой... но... пока Таня думала, первый порыв прошел и теперь это было бы, по меньшей мере, глупо.

— Пошли, посмотрим на море? — Сказала Хиз и девушки, то и дело оглядываясь, отправились в номер напротив.

Море с высоты пятого этажа и плюс еще метров двести спуска с горы было невероятно широким, огромным. Оно успокаивало, а солнце, ведь это была южная сторона, грело лицо. На балконе становилось жарко. Сразу возник образ купальника, шезлонга и стакана с лимонадом и льдом.

Вопрос о том, что Хиз и Ира поселятся в одном номере, даже не возникал, друг для друга они были единственными мало-мальски знакомыми и приемлемыми на данный момент кандидатурами. И для обеих беспокойная романтика гор оказалась сильнее солнечного спокойствия моря. Так они попали в отряд вожатой Маргариты.

Половина дня пролетела быстро, парадоксально при этом производя впечатление целых выходных обыкновенной жизни. Начался день для Хиз, как и для ее новой подруги Иры, ранним утром с пересадки из поезда в автобус и почти бесконечной езды через горные перевалы и серпантины высоко над морем. В свой номер, с ошеломляющим видом на горы они заселились только к обеду.

Те четверо девушек, которые присоединились к отряду уже в корпусе, стали подопечными вожатой Маргариты, то есть обитателями северо-восточной стороны последнего этажа пятиэтажного корпуса. Хизер они сразу же показались выделяющимися из общей массы, но Ира, не найдя в четвёрке ничего особенного. Когда стало ясно, что все они будут в одной команде, Хизер уже собралась строить теорию заговора в детском лагере, но была охлаждена своей подругой.

— Но почему они вчетвером безоговорочно селятся на северной стороне, хотя за номера с видом на море чуть драка не случилась? — Наседала Хиз на Иру, когда они, наконец, уединились в своей тенистой комнате.

— Вот поэтому-то! — Веско заявила Ира, и ей тут же пришлось комментировать двусмысленное высказывание, потому что у Хиз от такой загадочной фразы сразу же загорелись глаза. — Ты заметила, что они ведут себя не так, как прибывшие на автобусах. То есть не суетятся, не теряются, как делаем это мы — новички. Они либо местные, то есть живут в соседнем городе, либо уже не первый раз отдыхают в этом лагере, а скорее всего и то и другое одновременно.

— И доподлинно знают, что вид на горы интересней вида на море? — уточнила Хиз.

— Может быть это, но давай мы у них спросим всё сами.

— Брр! — Мотнула головой Хиз. — У меня от них мороз по коже! К тому же готова поспорить, что они вовсе не по соседству живут: говорят между собою на непонятном языке.

— Ну, ты же видела их только мельком! — Рассудительная Ира никак не хотела принимать игру своей новой подруги. — Если на то пошло, то кто здесь странный, так это вожатые.

— Они такие странные, — с видом знатока сказала Хиз, — что их заподозрить можно только в излишнем позёрстве перед впечатлительными школьницами. — При этом Таня забавно заломила бровь, копируя какого-то знаменитого сыщика, Ира невольно хихикнула. Ей было приятно обсуждать с Хиз выдуманные тайны, а Тане в свою очередь нравилось, что новая подруга не поддакивает ей — это бы только всё испортило. Их несерьезный разговор, как дым фокусника, наполнял обстановку лагеря чем-то загадочным, почти настоящим, заставляя ощущать: вокруг не всё так просто, есть сокровище, при этом близко. Эмоция дежавю: тебе снова семь лет, а старшие ребята запугивают историями о черной-пречерной руке.

«Так вот оно каково: быть в летнем лагере!», — непрерывно улыбаясь, думала Таня, она была готова извиниться перед родителями, стыдясь недовольной мины и безосновательно надутых губ.

Не успели девочки как следует обсудить экстравагантных вожатых, как их стали собирать к обеду. Маргарита и Светлана стучались в каждый номер. Что творится в коридоре, слышно было по всему этажу, поэтому Хиз и Ира, когда раздался стук в их дверь,

уже знали, что та приоткроется, в комнату заглянет Маргарита и скажет торжественным голосом:

— Собираемся вниз через три минуты, девочки. Обед!

Несмотря на то, что девушки, а тем более школьницы — невероятные копуши, в холле всем удалось собраться, конечно, не за три минуты, но за пять, точно. Сказался ранний подъем, долгая дорога и пропущенный завтрак, так что урчания из подростковых животов складывались в капеллу здорового голода.

На асфальтной площадке тем временем уже выстраивались отряды с других этажей и нестройные колонны под присмотром руководителей одна за другой скрывались в густых тенях прохладных аллей. Отряд с пятого этажа был, конечно же, самым последним.

— Девочки! — Сказала Светлана повышенным голосом. На улице ей приходилось говорить в два раза громче. Любой тихий звук сливался с трепетом листвы на ветру, в котором при должной фантазии слышался далекий прибой, лизавший галечные пляжи в ста метрах ниже. Даже полуденное солнце тёплым светом вносило штрих в стихию обволакивающих звуков. Хиз снова почувствовала прилив счастья, ей даже показалось, что у нее кружится голова, а тело будто колышет тёплым течением.

— Пойдемте, обедать! — Как обычно продолжила за своей компаньонкой другая вожатая, и неровный строй двинулся в ту же аллею, что и минутой ранее более расторопные отряды.

Ко всеобщему удивлению идти пришлось всего-то минуту. Дорога к столовой спустилась по двум широким пролетам белокаменной лестницы, обрамленной клумбами и вазонами античного вида с большими плоскими кактусами, а потом прошла плавно уходящей вверх асфальтной дорожкой, широкой и светлой, с покачивающимися по бокам высокими кипарисами. Деревья росли не вплотную друг к другу, и даваемая ими тень с равными промежутками прерывалась полосами солнечного света. Это напоминало большую и ослепительную пешеходную зебру.

Здание, которое располагалось за углом, скрыли выступ скалы и густая зелень. Меж тополями стоял бетонный трехэтажный корпус с огромными окнами во всю стену на втором и третьем этажах.

— Девочки, — обратилась к отряду вожатая Светлана, — обратите внимание направо, — она показала на массивные деревянные двери с толстыми чугунными ручками, — здесь на первом этаже расположен малый кинозал и библиотека...

— А где большой кинозал? — Выкрикнула красивая высокая девушка. Ей ответила Маргарита:

— Как тебя зовут, дитя? — Вожатая не была старой, чтобы так обращаться к старшекласснице, поэтому тут же несколько мелких голосков хихикнуло.

— Аня, — не обратив внимания на смешки, ответила девушка.

— Анастасия! — Восхищенно воскликнула Маргарита. Здесь, когда приходилось говорить громко из-за шума ветра, отчетливо слышалась чарующая особенность её голоса, чуть более низкого, чем обычно и слегка шелестящего, как звук деревянной флейты. Безошибочно в интонациях строгой на вид вожатой слышалась внимательность, твердость и забота. — Большой[А1] кинотеатр у нас находится под открытым небом, его мы посетим завтра, когда будем дружно прогуливаться по всему лагерю, знакомясь с другими отрядами и осматривая достопримечательности.

— Кстати, о знакомстве отрядов. — Подхватила Светлана звонким и чистым

голосом, — наш дружный коллектив перед прогулкой должен обзавестись именем.

— А теперь все бегом обедать! — Неожиданно сказала Маргарита и хлопнула в ладоши, словно прогоняла стаю голубей[A2]. — Третий этаж!

Кормили более чем достойно. Обед состоял из первого, второго, салата и десерта. Традиционный компот из сухофруктов, которого так ждала Хиз, знакомая с ним только по рассказам родителей о пионерском детстве, был. Но был также чай в пакетиках черный и зеленый и уже разлитое по широким чашкам в цветочек какао с молоком. Таня, конечно же, взяла компот, и они вместе с Ирой, которой приглянулось какао, пошли с подносами в руках выбирать свободный столик с видом на верхушки кипарисов.

Гул в столовой стоял порядочный. Чему бы людей ни учили, но принятие пищи остается приятнейшим поводом для хорошей беседы. Никто не спешил расправляться с порциями; столовая большая, но уютная, располагала к тому, чтобы откинувшись на стуле и вальяжно ковыряясь вилкой в тарелке, смотреть по сторонам и сыто перебрасываться репликами с соседями. Обстановка приближалась к идиллической. Две стены, составляющие южный угол, были стеклянными, за ними находился балкон, опоясывающий здание, скорее всего, по периметру. Повсюду стояли кадки с пальмами, монстерами, фикусами и еще чем-то вьющимся и раскидистым, создавая ажурные стены, разбивая столовую на зеленые закоулки.

Когда Хиз и Ира перешли ко второму, то, по-видимому, одновременно решили, что опасность облиться супом миновала и можно влиться в общий гомон.

— Как тебя сюда отправили? — Завела разговор Хиз, после очередного глотка вкусного коричневого компота.

— Я хорошо попросила родителей, они немного поупрямились для вида, взяли обещание хорошо учиться и впредь, и купили мне путевку, — ответила Ира.

— Сама попросила? — Хиз все еще по инерции думала, что детский лагерь — это ссылка, пусть не в Сибирь, а на море, но всё же следствие подростковой подневольности.

— Ну да. А что удивительного?

— Просто я никогда не думала, что могу попасть в «пионерский» лагерь. — Хиз объясняла это не только Ире, но и себе. — Родители рассказывали, но это были истории из *их* детства — другая реальность. Поэтому, когда мне сообщили, что вместо нового ноутбука я получаю путевку в лагерь, я подумала, что это что-то вроде наказания или попытки воспитания. У нас такой скандал случился дома. Папа всё никак не мог понять, почему я не рада сюрпризу. А я его дураком обозвала. — Хиз поймав сочувствующий и удивленный взгляд Иры, быстро продолжила. — Но сидя здесь, я начинаю понимать, что, кажется, была неправа.

— Точно неправа!

— С чего ты так уверена?

— Мне много об этом лагере рассказывал друг, одноклассник. — Ответила девушка, и стала прятать взгляд.

— Понятно. — Для Хиз ее новая подруга казалась открытой книгой. — Одноклассник, в которого ты влюблена, прожужжал тебе об этом месте все уши?

— Мы друзья, три года за одной партой сидим.

— Как романтично! — пропела Хиз, обращая глаза к потолку.

— Да, — коротко ответила Ира и заулыбалась уже почти без стеснения.

— Надеешься его встретить здесь?

— Нет, конечно, я не до такой степени мечтательная дурочка, просто Сергей и вправду заставил меня заочно полюбить это место. Он прекрасный рассказчик, но в живописании этого лагеря, кажется, превзошел сам себя. Начал рассказывать еще в сентябре, не дожидаясь сочинения на тему «Как я провел лето», а закончил в мае, вздыхая о том, смогут ли родители его сюда и этим летом отправить.

— Ого... — Таня чуть не посвистела, но ограничилась несколькими круговыми движениями пальца у головы, что должно быть изображало головокружение или умопомрачение.

— Да, немного похоже, — согласилась Ира и задумалась.

— И что же он такого рассказывал? — Прервала молчание Хиз.

— Много всего, но только это было о Восточной половине лагеря... — Девушка запнулась, но вопросительно поднятая бровь Хиз потребовала продолжения. — Нам это должны только после обеда сказать, прости. — Ира понизила голос. — Лагерь разделен на две части, для мальчиков и для девочек, по склонам горы: юго-западная и юго-восточная половины.

— Восточная и западная. — Повторила Таня задумчиво. Широко открытые глаза и отсутствующий взгляд свидетельствовали об удивлении на грани с шоком.

— Да, мы в западной части и в восточную, мальчишечью половину, попасть можем только в определенное время.

Таня продолжала смотреть на свою подругу совершенно круглыми глазами:

— Ку-да мы по-па-ли?.. — произнесла она членораздельно. Нормальное мышление медленно к ней возвращалось и когда большая его часть уже была «дома», Хиз воскликнула на всю столовую: — Ой-йо-ё-ё-ё!

Нормальные звуки окружения прервались на долгую секунду, казалось, что некоторые шеи даже хрустнули от резкого поворота головы в сторону.

— А за нарушения розгами здесь не наказывают? — Хиз перегнулась через стол и говорила теперь очень тихо. — То-то я смотрю, вожатые необычные, наверное, садисты скрытые... до поры до времени скрытые.

— Таня, прекрати. Сергей рассказывал, что все новенькие так реагируют, а в этом-то кроется одна из лучших черт лагеря.

— Жить за заборами — лучшая черта?

— Ты говоришь, как мой дедушка-диссидент. Но ведь часы, когда открываются проходы между западом и востоком «Кристалла» — самые веселые, они называются карнавальными и к ним все готовится чуть ли ни с утра!

— Не убедительно, но что-то в этом есть. — Хиз подперла указательным пальцем свой нос, отчего он смешно сморщился, потом она заметила, что делает и оставила лицо в покое. — Но почему я все узнаю только сейчас и от тебя? Они же, — она кивнула на остальных девчонок в столовой, — так и вовсе ничего не знают, вот удивятся! — Закончила она почти злорадно. — Ведь многие и шага не могут ступить без восхищения зрителей мужского пола.

Как на иллюстрацию тезиса подруги обратили внимание на длинноволосую блондинку, которая стояла посреди столовой с подносом и ищущими глазами водила из стороны в сторону. Неожиданно ее взгляд остановился на Хиз и Ире, те поспешно отвернулись, но было поздно, блондинка решительно зашагала в их сторону.

— Здесь свободно? — Белобрысый голосок, вопрошая, требовал, поэтому окончание

фразы получилось несколько визгливым. Спецэффект разоружил Хиз и расплавил Иру, поэтому в ответ они только закивали.

Блондинка, поставив аккуратно свой поднос на стол, вздернула кверху нос и, держа спину демонстративно прямо, присела. Ела она словно на приёме у королевы, рассчитывая каждое деликатное движение. Хиз была уверена, что им «повезло» принять за столиком обыкновенную зануду-задаваку, поэтому её вполне устроило воцарившееся молчание, но Ире стало неловко и она спросила:

— А как тебя зовут? Ты, кажется с нашего отряда, только с солнечной половины?

Увидев, как блондинка кладет на край тарелки вилку и степенно промокает салфеткой губы, Хиз подумала: «Сейчас начнёт...».

— Солнечная половина? — Вздернула кверху тонкие почти бесцветные брови незнакомка. — Хорошо звучит! А вас как тогда назвать? Лунная половина? Царство мрака? Мир теней?

— Банда упырей, — с готовностью подхватила Хиз, — сейчас высосем твою кровь вместо компота, если не скажешь, как тебя зовут!

Блондинка опешила, Ира тоже, а Хиз стало удивительно весело.

— Меня зовут Рита, покорно представилась блондинка, а-а, вы и вправду...

Теперь была очередь удивляться Тане, никак она не ожидала, что ее невинная шутка вызовет хоть какой-то испуг, если только девчонка их не разыгрывает:

— Банда упырей? Нет, конечно, — примирительно сказала Хиз, — меня зовут Таня...

— А я — Ира. С чего ты взяла, что Хиз говорила серьезно? — На вопросительную паузу Полины пришлось пояснить, — Хиз — это Таня.

Блондинка ожила. Она обнаружила, что вокруг доброжелатели и принялась тараторить. Было ясно, что сплетничать ей нравится, каким бы бредом не выглядело то, что она рассказывает.

— Так вы на своей темной стороне ничего не знаете? Ну как? У нас все только об этом и говорили. Вы видели тех, что к нам присоединился — четверых? Девочка, которая здесь была в прошлом году говорит, что видела тогда их всех и тоже вместе, и тоже все говорили, что с ними что-то не в порядке. Они тогда тоже жили на темной стороне...

— Стоп! — Вскричала Хизер. — Темная сторона, светлая сторона, у нас тут не «Звездные войны», для разнообразия можно нашу сторону называть северной или горной.

— Хорошо, — поспешила согласиться Полина, похоже, ей очень хотелось рассказать дальше, — но и тем, кто был здесь в прошлом году тоже рассказали об этой, четверке, что они здесь были всегда и всё время точно такие и всегда на тём... на северной стороне!

Хиз посмотрела вокруг, за дальним столиком, в тени большой монстеры сидела «таинственная четвёрка». Ничего из ряда вон в них не было, но всё равно чувствовалась отличность от остальной пёстрой толпы: смуглые, в похожих синих блузах и юбках с белыми орнаментами на оборках. Не «дети кукурузы» из одноимённого ужастика точно, какие-нибудь сектанты с натяжкой.

Таня повернулась к Ире:

— Целых три часа в лагере, а самого важного-то и не знаем! Соседки наши если и не злодейки, то как минимум седые старожилы, а то и горцы с мечами!

Ира серьёзно кивнула:

— Вот у кого надо будет все расспросить о «Кристалле».

— Да вы что?! — Блондинка негодовала. — С ними надо быть максимально

осторожными, говорят, они — что-то вроде ведьм или приведеный лагеря! Только обо мне ни слова...

— Не беспокойся, Рит, — сказала Хиз, с трудом сдержав чуть не прыснувший от прозвучавшей чуши смех, — тебя мы не выдадим.

Рита сразу успокоилась и невинно спросила:

— А вы мне все расскажите, что они вам расскажут?

— Ну конечно, Риточка, — Хиз чувствовала себя великодушной, — мы же теперь почти как подруги.

Сказала это Хиз и тут же прикусила язык, потому как во вспыхнувших глазах Риты она прочитала, что та слово «почти» не расслышала.

— Мы будем ходить друг к другу в гости! — Почти визжала от восторга девчонка. Голос при этом у нее был препротивный и тоненький, но вот лицо удивительно искреннее и приятное. Хиз даже начала было думать, что Рита не так уж и плоха, как показалось вначале. — Я скажу своей соседке, что вы мои подруги и мы сможем сколько угодно наслаждаться солнцем и морем с моего балкона. Это ж не то, что ваши скучные горы!..

Хиз отбросила свои преждевременные симпатии и теперь во все глаза смотрела на другую картину: капризная блондинка-задавака благосклонно дружит с «девушками с северной стороны».

Пора было подпортить настроение глупо щебечущей Рите:

— А хочешь, Рит, — начала заговорщицким тоном Хизер, — мы тебе что-то такое расскажем, что ты вообще со стула упадешь?

Рита мигом превратилась в сплошное внимание: только что она была сторблена и тянулась через стол к Тане и Ире, едва не перебирая скрюченными от предвкушения пальцами с розовыми ногтями, а тут уж она сидит прямая, как жердь, глаза не мигают, явно приготовилась падать со стула. В знак согласия она покивала.

— Как ты думаешь, где все мальчики? — Без предисловий спросила Хиз.

Рита сосредоточенно обвела взглядом столовую, прочертив острым носиком два полукруга, и ответила:

— Уже поели и купаются!

— Может быть. — Хмыкнула Хиз. — Только ели они в другой столовой и купаются на своем, совершенно отдельном пляже!

Ожидаемого эффекта падения со стула не последовало, Рита лишь спросила тихо:

— И-и? Что-то я не понимаю...

Таня и Ира молчали, терпеливо наблюдая на ритыном лице движение мысли. Сначала одна ее светлая бровь поползла вверх, секунду там подержалась в одиночестве, а потом к ней резко подскочила вторая и Полина (чуть не упав со стула) закричала, подпрыгнув:

— Мальчики — отдельно?! Девочки — отдельно?! СОВСЕМ?

На Полину уставились теперь все глаза в столовой, вилки замерли, как вкопанные, Хиз показалось, что она даже услышала, как за ближайшим столиком у кого-то зубы со скрипом остановились на середине бутерброда с маслом.

— Но почему? — Хриплым, слышным даже поварам на кухне шепотом произнесла Поля.

Раздавшийся громкий ответ, прозвучал как удар палкой:

— Потому что так интересней, девочки! — Все лица повернулись к вожатой Маргарите, неизвестно откуда взявшейся посреди столовой. То, что она была без Светланы, почему-то

казалось зловещим предзнаменованием, особо впечатлительные, например Ира и Полина даже поежились.

— После того, как все закончат обедать — бегом по номерам, полчаса на отдых и сплетни, — здесь вожатая сделала многозначительную паузу и ехидно улыбнулась, — а потом — на пляж! Там и поговорите с нами обо всем... Мы ж ведь теперь, почти как подруги. — Маргарита заглянула в глаза всем девочкам сразу, взгляд ее был наполнен теплом и озорством, словно у кошки завидевшей хорошенькую мышку.

Глава 3

Отдыхать Таня и Ира расположились не в номере, как было указано вожатой, а в тенистой, и даже весьма, беседке. Переводя дух, как после погони, они огляделись. Заросшая диким виноградом, стоящая у каменной стены склона, беседка была прохладной несмотря на жаркий полдень. При внешней неброскости беседка внутри оказалась внушительных размеров, вмещающая под зеленой крышей не менее 20 рядов скамеек, на каждой из которых могли бы свободно разместиться по пять человек. При этом одна половина скамеек смотрела на другую, а в центре было свободное место и узкий стол. Пожалуй, здесь могло бы вместиться два-три отряда целиком, или один с ногами и полулежа. А в середине, наверное, удобно играть в шахматы перед множеством зрителей.

— Почему мы убежали? — Спросила Ира. Девочки действительно ретировались из столовой без всякой заботы о достоинстве. Стоило вожатой выйти, Хиз схватила Иру за руку и буквально потянула к выходу, а когда они оказались на лестнице, то и вовсе перешла на бег. Рита осталась удивленно хлопать им вслед ресницами.

— Просто не захотелось быть в центре внимания. — Небрежно ответила Хиз.

— Понимаю. Я бы так быстро не сообразила припустить оттуда.

— И сейчас бы отвечала на множество дурацких вопросов! Вожатая — тоже хороша: «Чтобы было интересней!» — передразнила Хиз. — А сама отложила объяснения на потом, зная, что никто отдыхать и не подумает. Все будут искать тех, кто хоть что-то знает, и пытаться их.

— Ритой они займутся в первую очередь, — хихикнула Ира.

— А она ничего не знает, бедолага, — искренне посочувствовала Хиз. — Интересно, сколько девочки времени потеряют, прежде чем выпотрошат Риточку.

— Судя по тому, как много слов знает Риточка, — заметила Ира, — они могут так и не напасть на верный след.

Хиз рассмеялась, представив тонны чуши, которые Рита выворачивает на своих слушателей, толкнула Иру локтем в бок и спросила:

— Как тебе наша новая подруга?

Ира серьезно задумалась:

— Она неплохая, только сильно...

— Глупая?

— Многословная, — предпочла тактично заметить Ира. — Как ты думаешь, она не обидится, что мы ее вот так бросили на растерзание в столовой?

— Она? Нет. Наоборот будет признательна, за то, что мы ее вот так бросили в центр всеобщего внимания.

Из беседки было хорошо видно, как сначала в корпус устремились несколько групп девчонок, одна из которых была теми странными новенькими, а потом вслед за ними, с минутным опозданием, быстро и шумно протопал весь оставшийся отряд с Ритой во главе.

Выждав некоторое время, из своего укрытия выбрались и Таня с Ирой. Они шпионками жались к стенам, а на открытых пространствах предпочитали передвигаться бегом и на цыпочках. Когда кроссовки зашуршали по холлу, слышнее стало хихиканье «тайных агентов», а в лифте они еле удержались, чтобы не прыснуть перед тем, как автоматические двери закроются полностью. Зато до пятого этажа можно было смеяться до упаду, держась

за поручень у зеркала и топая так, что звенели канаты за лампами над головами. Когда двери раскрывались, девочки, снова тихие, вытирали слезы. Коридор был преодолен в три прыжка. Наконец, подруги смогли прижаться спинами к двери, стоя внутри номера.

Поиски купальников в недрах чемоданов отняли неоправданно много времени, а две кровати девчонки забросали вещами так, что стало не видно тонких колючих одеял (по рассказам родителей Хиз, самые колючие одеяла — самые тёплые, их делают для пионерских лагерей из драгоценной верблюжьей шерсти). Таня и Ира едва укладывались в отведенный вожатыми на сборы срок, поэтому суета в номере стояла невероятная.

Вдруг, когда купальники уже были одеты, прямо в комнате раздался громкий шум, словно включилось испорченное радио. Девчонки от неожиданности замерли, их внутренности, несмотря на тёплый день, похолодели. Звук — шипение с треском — секунда за секундой, туго наматывая нервы, длился и длился.

Взгляды девчонок одновременно нашарили источник врывающегося хаоса. Это оказался неприметный динамик над дверью, под ним была ручка. Хиз кинулась к стулу, перетащила к дверям, залезла на него и прикрутила громкость до минимума. Радио всё равно шипело недодушенной змеёй.

— Оно не выключается полностью! — Сообщила Таня и слезла со стула.

Звук наполнял комнату посторонним присутствием и вынуждал себя слушать, поглощая внимание ожиданием.

Девушки стояли и смотрели на динамик.

— Еще пара минут, и я его сломаю. — Неожиданно заявила Ира. Хиз лишь вопросительно уставилась на подругу, шипение принуждало быть немногословными. — Я играю на фортепиано, — пояснила Ира, — у меня развит слух, а эта гадина шипит почему-то в миноре!

Шипение резко оборвалось, из динамика зазвучала классическая музыка, солировало... фортепиано!

Не успела Ира произнести «Шопен», как музыка стихла, и раздался голос вожатой Маргариты:

— Через десять минут, девочки, ждём вас в холле.

И тут же добавил голос вожатой Светланы:

— И не забудьте купальники!

Холл встретил отряд кондиционированной прохладой, девушки по двое-четверо вываливались из лифта и рассаживались по креслам и диванам. Как обычно, еле слышно вещала плазменная панель со стены, там был включен платный детский канал. Половина взглядов замирала, пойманная приключениями подростковой телезвезды и ее профессионально забавных друзей.

Хиз лишь пожалала плечами, мельком глянув на панель, а Ира чуть не свернула шею, пока шла вместе с подругой к свободному дивану, с которого, кстати, экран был совершенно не виден. Зато отлично просматривались лифты, что было по-своему тоже интересно.

Появившаяся с соседкой по комнате Рита, уже было рванула к своим новым подругам, но по дороге попала в лапы телесериала и предпочла устроиться с краюшка переполненного зрителями дивана, который стоило ей только усесться, разочарованно вздохнул полным составом — пошла заставка. Ира и Хиз лишь вскользь услышали, что необходимо оплатить пакет «КидсТВ» и тогда у детей «начнется новая жизнь»...

Телевизор потух, в фойе стояли вожатые, без лишних напоминаний воцарилась тишина и напряженное внимание.

— Если все собрались... — начала Маргарита.

— ...То можем идти на пляж! — закончила Светлана.

— И попытайтесь не отставать, — вновь прозвучал голос — деревянная флейта вожатой Маргариты.

— А то, что мы вашим родителям скажем, если вы потеряетесь? — Звонко пошутила вожатая Светлана.

Солнце недавно прошло зенит, на улице было жарко, но совсем не душно: стоило зайти в тень, чувствовался легкий освежающий ветерок.

К морю пришлось спускаться долго, казалось, что счета ступенькам вниз нет. Но он был, и вожатые охотно рассказали об этом и многом другом, перекрикивая шум листьев и приближающегося моря. Оказалось, что к морю от их корпуса в сумме ведут около 800 ступеней — всего 40 лестниц и переходов между ними, поэтому путь вниз кажется таким бесконечным.

— А вы представьте, каким может показаться путь вверх! — Заметила Маргарита тоном, в котором слышалось непритворное восхищение трудностями. Стоны ужаса были ей ответом.

— За то, какие у вас будут стройные ноги, старшеклассницы! — Попробовала подбодрить отряд Светлана. Но, как обычно, у южной вожатой веселить получалось хуже, чем пугать у северной.

Наконец деревья расступились, кончилась последняя лестница и отряд киселём из чашки вылился на набережную.

Поражённые и ослеплённые подростки замирали, не пройдя и десятка шагов по белому бетону. Впереди горело море, оно, разрезаемое длинными бунами, накатывало на пляжи, гремело мелкой галькой, рокотало и пенилось. Смотреть прямо на него было невозможно, казалось, что расплавленная солнцем вода сияет в десять раз ярче, чем отражаемое ею солнце. Вожатые, улыбаясь, переглянулись и тоже остановились.

— Девочки! — Маргарита для вескости похлопала в ладоши. — В тень!

Девчонки шли оглядываясь. Побережье лагеря «Кристалл» уходило в обе стороны на несколько километров. В центральной части — нарядный бульвар, выложенный белой, розовой и желтой шестиугольной плиткой, в которую архитекторы гармонично вписали клумбы и газоны с яркими цветами и радугами брызг от стрекочущих поливалок. По краям набережная становилась простой бело-серой бетонной полосой с потемневшими от времени и водорослей волноломами. Налево, если лицом к морю, — в сторону города — пляж заканчивался циклопической кучей хаотично наваленных друг на друга берегоукрепительных ежей-тетраподов — даже издали смотреть не по себе. Вблизи же, наверное, эта куча негостеприимного ломающего геометрию железобетона внушала трепет. Вправо набережная становилась пристанью, у которой качалась пара лодок со спущенными парусами, в конце расположился небольшой каменистый пляжик плавно сходящий на нет с наступлением скал, которые шли отвесно к морю сколько хватало взгляда — до ближайшего мыса в паре километрах от детского лагеря.

Все побережье «Кристалла» было для детей и только для них, трудно даже представить, как сюда смог бы случайно или намеренно забрести какой-нибудь турист.

Ошеломленные ярким морем и головокружительным пространством набережной, девочки пошли за Светланой. Маргарита замыкала шествие, следя чтобы никто не отставал.

Отряд спустился ступеньками, огороженными крашенным в синий поручнем, на сам пляж, который отделялся от набережной стеной высотой более трех метров. По центру, на полдороги к прибою, прямо на гальке стоял большой навес: на крепком стальном каркасе ветер надувал полосатую парусину.

— Девочки, быстро в тень! — Подгоняла Маргарита и так спешащий отряд. За какую-то минуту под прямыми лучами июньского солнца девушки начали ощущать себя цыплятами в гриле. Но под навесом главным стал свежий, чуть пахнувший морем знакомец ветерок.

Расселся отряд прямо на гальке, которая в тени была не холодная и не теплая. Вожатые в своих строгих костюмах выглядели на фоне пляжа немного странно. Они устроились лицом к девочкам, тоже сидя, но поскольку они были всё же выше даже самой высокой Ани, никто перед ними не терялся, Маргарита и Светлана могли заглянуть в лицо каждой.

— Можете задавать вопросы, — сказала Светлана, ласково и снисходительно, поглядев на отряд, словно на выводок хорошеньких щеночков.

Девочки молчали, всё оказалось настолько неизвестным в этом лагере, что не было ясно с чего начинать.

— Пить хотите? — Неожиданно сказала Маргарита. Все согласно закивали, тогда она достала из кармашка на своей строгой серой юбке телефон с антеннкой, он затрещал, когда вожатая нажала кнопку: это была маленькая рация. Тут же долговязая Аня, видно, она была сообразительной, выпалила самый первый вопрос:

— А почему смартфоны не ловят?

— Видите ли, девочки, — начала объяснять Светлана, в то время как Маргарита кому-то говорила по рации: «Девочки отряда «1-А» хотят пить», — дело в том, что горный ландшафт надежно «тушит» сигналы связи, которые могли бы долетать от города, а здесь, на территории лагеря, вышки хоть и установили, но не обслуживают — зачем они нужны, когда больше чем полгода вокруг пусто?

— А если что-то случится? — Снова спросила Аня, а за её спиной кто-то тихо добавил: «...как в фильме ужасов!».

— Ничего не случится! — Уверено, с играющей снисходительной улыбкой заявила

Маргарита, убирая рацию в кармашек. — Как видите, у каждой вожатой есть средство связи, как и у каждого работника лагеря. У нас свой диспетчер, через которого идет связь, а у него, конечно, есть обычный проводной телефон.

— В прошлом веке он был обычным.

— Так что, если кому позвонит мама, — без тени издёвки продолжила Светлана, ее соединят с вожатой, так найдется дочка.

— Зато мы никуда не можем позвонить?! — Неожиданно для себя выкрикнула Хиз.

— Никуда! — Ответила Маргарита и, предупреждая многочисленные вопросы, продолжила, — А зачем? Если что-то срочное — пользуйтесь рациями вожатых.

Отряд было загудел, но колокольчик голоса Светланы, выбил последнюю табуретку из-под темы звонков:

— Лагерь ни в чём не виноват, руководство выкручивается, как может, вы даже не представляете сколько стоит каждая рация, не говоря уже о радио-базе. А кроме того, ваши молчащие смартфоны делают отдых более полноценным!

Придумать, что возразить можно было, но тут раздался «тилинь-тилинь» велосипедного звонка: вверху, по краю набережной ехал большой трехколесный велосипед, у которого на задней оси находился красный ящик со старомодно заглаженными углами, безошибочно определяемый, как холодильник. За изогнутым рулем, под небольшим тканевым козырьком, сидел тучный усатый мужчина в белом фартуке, словно сошедший с рекламы молока. Он помахал девочкам и еще раз тренькнул звоночком. Потом слез с велосипеда и стал ждать.

— Пойдемте, отряд, возьмем десерт! — Задорно прокричала Светлана и вскочила на ноги, вместе с Маргаритой они понеслись по хрустящей гальке к «молочнику», как его про себя окрестила Хиз.

Первые из девочек еще были вначале лестницы, когда обе вожатые склонились над недрами холодильника. Их руки погрузились в клубящийся холодный пар и достали оттуда по мороженому и пакетику с соком. Вскоре уже все стояли вокруг велофургончика с напитками и мороженым и благодарили «дядю Мишу», как он попросил себя называть.

Отряд радостный и возбужденный вернулся под свой навес, а молочник дядя Миша просигналил и устремился в обратный путь.

Девчонки-старшеклассницы, заранее настроенные настороженно, готовые при малейшем поводе стать хмурыми, обиженными, получив мороженое в руки, превратились в детей смотрящих широко открытыми глазами на мир. Лагерь теперь каждой представлялся сказочным местом, искорки симпатии зашевелились даже при взгляде на вожатых.

— Для того чтобы расположить к себе девушек, нет подкупа лучше мороженого, — пошутила в своей непонятной манере Маргарита. И поскольку она сама уплетала пломбир и была очень похожа на любую из своих подопечных, ее слова не воспринимались насмешкой.

Когда все доели, Светлана сказала иронично:

— А салфеток то мы и не взяли! — Девочки закрутили головами, явно ожидая, что сейчас дядя Миша будет ехать обратно, только груженный салфетками. Нет, велосипедной тележки не было.

(На набережную высыпали девочки из младшего отряда и, разинув рты, смотрели по сторонам.)

— Но у нас есть море! — весело закричала Маргарита. — Кому не нравится липнуть или просто хочется искупаться — за мной!

Вожатые дружно скинули туфли, освободились от рубашек и юбок, оказавшись в

элегантных раздельных купальниках, разбежались и, будучи по колени в воде, нырнули с головами.

Девочки были ошеломлены. Идеальными фигурами вожатых тоже. Вынырнули Маргарита и Светлана метрах в двадцати от берега и стали просто смотреть на свой отряд. Тот пребывал в оцепенении еще секунды две, а затем все принялись раздеваться, благо хоть были предупреждены о купальниках. Те, кто не догадался надеть купальник в корпусе, устремились к раздевалкам. Вскоре послышались первые визги, вода хоть и была теплой, но все же тонизировала по контрасту с воздухом, который над камнями колыбался от жары.

Хиз про себя отметила, что бежать по гальке босиком — с непривычки больно, но ей так хотелось в освежающую прохладу, что она достигла волн в числе первых. Вскоре весь отряд оказался в воде. Кто-то остался в кромке прибоя, барахтаясь в волнах и цепляясь пальцами за перекатывающуюся гальку, другие, вытянув шеи и стараясь не намочить волос, плыли по-лягушачьи. Таня же стояла на цыпочках, по подбородок в воде, и наслаждалась тем, как ее баюкает море. Когда находила волна, Хиз отталкивалась от дна и медленно воспаряла на десяток сантиметров. Из-под воды с тихим всплеском вынырнула Иришка и молча присоединилась к Тане. Они стали вдвоем парить, наблюдая за резкими и яркими цветами солнечного дня, слушая шум, издаваемый отрядом. Спокойствие и отстранённость плотной ватой окутали подруг и так, казалось, могло бы продолжаться вечно.

— Ой! — Воскликнула Ира и округлившимися глазами стала смотреть в воду перед собой. Хиз мгновенно очнулась от транса и хотела спросить у подруги, в чем дело, как что-то крепко схватив ее за ноги, дернуло вниз. Таня оказалась с головой под водой и с ужасом ощутила, что ее быстро утаскивают на глубину. Она что есть сил забарахталась и забила ногами, ее тут же отпустили. Вынырнув Хиз увидела перед собой два лица: испуганное Иришки и до безобразия радостное лицо Риты. Та даже хрюкала, так была довольна своей шуткой. Смотреть на это было невозможно, поэтому Таня, не колеблясь, бросилась на Риту, чтобы утопить её. Но та сразу нырнула, а вынырнув через несколько метров, отплыла на безопасное расстояние беззаботным брасом, словно у неё был моторчик. Там она снова принялась довольно хрюкать и даже чуть не начала смеяться, но тут хлебнула солёной воды и закашлялась, что хоть немного охладило гнев Хиз. Гоняться за Ритой не имело смысла — та плавала как дельфин.

Первые девчонки с посиневшими губами потянулись на берег, вслед за ними вышли вожатые и попросили всех собраться под навесом.

— Девочки! — Крикнула Светлана и помахала рукой тем, кто еще плескался в море. — Сейчас будут даны ответы на все ваши вопросы, не пропустите!

Дважды просить не пришлось, отряд вылез на солнышко, но, не успев согреться, был согнан под навес. — Обгорите, — сказала Маргарита.

— Через несколько минут согреетесь, а через полчаса все равно будет снова жарко, — добавила Светлана.

— Где мальчики? — Выкрикнула волновавший всех вопрос Полина. Повисла тишина и вожатые, демонстрируя идеальный загар гибких тел, вышли из тени, приложили руки козырьками от солнца и стали всматриваться в сторону каменного хаоса на дальней восточной оконечности берега, выступавшей над бунами и закруглявшейся линией высокой набережной. Девчонки не выдержали и одна за другой начали тоже что-то высматривать. Перед ними была та же пустая солнечная пристань, а бетонные буны купались в ярко-синем море. Наконец вожатая Маргарита неопределенно махнула рукой:

— Где-то там.

— Да, точно, в той стороне, — с серьезным видом кивнула Светлана.

И вот тут отряд прорвало. Вопросы посыпались градом, разные, но суть была одна: где там? Плюс еще несколько уточнений: а не в другом ли вообще лагере? А что, с ними видаться запрещено?

Рассказывать начала Маргарита.

— Директор нашего лагеря...

— Спартак Петрович, — вставила Светлана.

— ... видный педагог с сорокалетним стажем и Ленинской премией. Под его руководством «Кристалл» тридцать лет назад начал долгий путь от пионерского лагеря до детского пансионата высочайшего класса. При этом во главу угла были поставлены комфорт и увлекательность вашего здесь пребывания. И если с комфортом все ясно, то, как сделать так, чтобы вам было интересно? Способов много, но все эти игры и соревнования воодушевляют далеко не всех, а попытки принуждения к творчеству имеют успех только в специализированных лагерях.

— На другом конце города, — перебила Светлана, — есть детский пансионат «Пегас». Там отдыхает сто склонных к поэзии ребят. У нас же в «Кристалле» сейчас полторы тысячи юношей и девушек и примерно столько же характеров и увлечений.

— Кроме самого разнообразного спортивного и творческого досуга на любой вкус, — продолжила Маргарита с улыбкой, — директор решил сделать упор на некогда самый распространенный прием — отделить мальчиков от девочек.

— Вспомните разделённые гимназии. Встреча девушек и мальчиков была столь неординарным событием! На воскресных балах все сияли, готовились к ним за несколько дней, а впечатлений хватало на неделю!

— На неделю? — с ужасом выкрикнула Полина.

— На неделю, — с мрачной удовлетворенностью подтвердила вожатая Маргарита. Но не успели все возмутиться, как Светлана продолжила:

— Но вам больше чем на день терпения не хватит, начнутся побег и другие дисциплинарные нарушения.

В этот момент Хиз подумала, что их воспитатели не перестают ни на минуту играть в пинг-понг вниманием и нервами отряда, искренне наслаждаясь процессом.

— Естественно, что то, что мы вам сейчас сказали, лишь в большом удалении напоминает причины и анализ, предложенные в кандидатской работе Спартака Петровича, — голос Маргариты стал преувеличенно серьезен. Например, разделение по половому признаку влияет на остроту внимания, память, мотивацию, естественность в поведении, ответственность.

— Проще говоря, — подхватила Светлана, — девочки без мальчиков — внимательнее, а мальчики без девочек — умнее.

Последняя фраза вызвала смех, Хиз тоже с удовольствием похихикала над шуткой про парней. Последние смешки стихли, как только стало ясно, что вожатые готовы продолжить рассказ. Секундную паузу заполнил громкий шепот Риты: «Действительно внимательнее!». Маргарита улыбнулась перед тем, как продолжить:

— С семи до десяти часов вечера открыты все двери «Кристалла». Это очень большой лагерь, но когда он в одно мгновение увеличивается сразу вдвое...

— Даже нас, вожатых это впечатляет.

— А давно вы работаете в «Кристалле»? — неожиданно для себя задала вопрос Таня.

— Давно, — Маргарита загадочно улыбнулась своей напарнице.

— Действительно, давно, — вернула мечтательную улыбку Светлана. А Хиз подумала, что вожатые, хоть и работают на публику, но иногда расслабляются и становятся немного странными и не такими контрастно-противоположными, как им хочется казаться. Эту мысль Таня решила отложить на потом, чтобы в спокойной обстановке обсудить с Ирой, а тем временем девчонки продолжали задавать вопросы.

— Так половинки «Кристалла» — разные? А где лучше? — спросила полненькая рыжая девочка.

— Ангелина? — Девочка кивнула, и Маргарита продолжила. — Половинки лагеря, действительно, очень разные и именно поэтому определить, где лучше — невозможно. И поскольку год за годом эта западная половина — девичья, а восточная — для юношей, с каждым летом части лагеря отличаются всё больше.

— Теннисные корты и баскетбольные площадки есть в обеих половинах, а вот чтобы играть в бадминтон, мальчикам придется ходить к девочкам, а фехтовать учат, наоборот, только на мальчишечьей стороне. — Привела пример Светлана. — Но это даже не главные отличия. Когда будете гулять — все поймете сами.

— Насчёт фехтования — это, блин, не честно! — воскликнула Хиз.

— А когда мы будем гулять? — На голос Риты даже никто не обернулся, его обладательницу все уже знали.

— Можно сказать, что вы здесь не прекращаете «гулять» ни на минуту. — Слова Светланы звучали так ласково, что в них очень хотелось верить, а Маргарита расставила реальные точки над «i»:

— Только половину времени вы гуляете под присмотром. Но Рита, наверное, имела ввиду, когда вы будите гулять по *всему* лагерю. Повторюсь: с семи до десяти часов вечера. И никаких ограничений.

— А дискотека? — Девочка, впервые задала вопрос и поэтому все обернулись, чтобы увидеть кто это.

— Оля. — Безошибочно констатировала Маргарита, обозначая очень худенькую, словно выгоревшую телосложением на солнце девушку, и когда та кивнула, ответила: — дискотека с восьми до десяти.

— Всего два часа, но зато каждый вечер! — Восторг вожатой Светланы не был заразителен.

— А на выходных, — Маргарита интригующим тоном предупредила несколько вопросов, — хоть и абсурдно для летних каникул это понятие, но на выходных вы узнаете, что будет на выходных! Будут сюрпризы!

Девушки почувствовали, что если вожатая Маргарита дает понять, что пояснений не будет, то их не будет в самом деле, поэтому отряд лишь вздохнул.

— Почему пляж такой пустынный? — Спросила Хиз. Все это время её не покидало ощущение сюрреализма, но что именно делало ситуацию похожей на счастливый сон, она долго не могла понять. Но когда отряд на секунду умолк, в её памяти всплыли рябые от людей картинки летних морских курортов. По сравнению с ними лагерь был вымершим.

— Просто мы захотели побыть с вами наедине, — прозвучал ответ достойный вожатой Маргариты, а Светлана пояснила:

— Крики чаек — лучший фон для знакомства, чем шум младших отрядов...

— ...они могут с ума свести: неудержимые, восторженные, хаотичные! Вожатые их в море чуть ли не сетями ловят — не завидую... — Маргариту пробрала дрожь.

— ...поэтому мы и пошли купаться, ведь только самым старшим отрядам разрешается быть на пляже в такое время — послеполуденный солнцепёк. Но все равно всем, кто отдыхает и работает в «Кристалле» летом — повезло. Вы уже заметили, что жарко только на солнце?

Отряд закивал.

— Потому что долина, в которой расположен лагерь уходит далеко в горы, плавно поднимаясь — оттуда все время поступает свежий прохладный воздух.

— Явление не уникальное, но редкое. Правда, ночью здесь холодновато... А зимой часто туман даже днём и сыро. — Вожатая на долю секунды словно погрузилась в воспоминания. — Но вас здесь зимой не будет...

— И насколько холодно ночью? — Спросила худенькая девочка, у которой от одних только разговоров о холоде кожа стала гусиной.

— Пар со рта идет. Иногда.

— Вам не жарко? Давайте купаться! — Неожиданно предложила Светлана, ее фразы прозвучавшие без перехода и невпопад, сбили с толка, когда девчонки одумались, вожатые уже подошли к воде и призывно махали руками.

— Но у нас еще столько вопросов! — Прокричала сквозь шум разбивающейся волны Аня.

— Рады бы да не можем! — Передразнивая крик Ани, да еще и сложив руки рупором, ответила Маргарита.

— Медициной противопоказано! — Подхватила Светлана, — еще минута и вы перегреетесь и купаться будет нельзя до вечера!

Послышались вздохи: «Понятно» и «Ну, а как же». Девушки вставали с гальки и снова направлялись к морю. Первые уже опасливо шупали ступнями воду, за прошедшие полчаса та, будто услышав разговоры о холоде, стала свежее. Одна Полина, с явным хвостовством, разбежалась и, прыгнув почти параллельно волнам, вошла в воду без единого всплеска.

— Полина рисуется, — сказала Хиз.

— Она просто брод теперь знает и может, в отличие от нас, одним махом оказаться в воде, а не ежиться от каждой холодной капли, — ответила Ира, глубоко вздохнула, сделала маленький разбег и тоже нырнула в прибой. Тане ничего не оставалось, как последовать её примеру.

В кабинете директора детского лагеря «Кристалл» на стене висела такая же огромная телевизионная панель, как и в холлах корпусов. Сам Спартак Петрович сидел у окна, глядя то на море, то на экран телевизора, на котором вместо детского канала сияла красным опрокинутая на бок восьмерка — символ бесконечности. При ближайшем рассмотрении в восьмерке угадывалась карта лагеря: в центре, где все линии сходились, были ворота, разделяющие две половины лагеря, соответственно, левая часть знака бесконечности — девичья часть, а правая — мальчиковая. Широкие центральные аллеи обозначались тускло-бардовым цветом, а жилые корпуса, которые примыкали к этим линиям — были красными, дорожки — светло-серые, тропинки — коричневые нити, зеленые прямоугольники, круги и ромбы — скверы. Спортивные сооружения угадывались по схематическим обозначениям: теннисные ракетки, футбольный мяч, баскетбольное кольцо. Множество других значков подробно рассказывали о лагере: прямоугольник с дымовой трубой и язычками пламени внутри должен быть котельной, хотя некое испорченное воображение могло бы увидеть в нём крематорий.

Директор перестал смотреть в окно, он повернулся к экрану с картой, всё внимание сосредоточилось на живой схеме. Каждый отряд обозначен одной цифрой и одной буквой. «1-А», похоже, завершил купание и начал подъем по лестнице, в середине которой медленно росло и набирало яркость фиолетовое, нечеткое словно дымка, пятно.

Спартак Петрович был собран, словно гроссмейстер во время важной партии, он немного подумал, выдвинул из-под стола клавиатуру и набрал: «1-А» — остановка на 10 минут на обзорной площадке». Надпись мелькнула на экране и пропала, сразу же замигал кружочек «1-А». Когда одна из вожатых прочитала сообщение и подтвердила прием, кружок, ползущий к фиолетовому облаку, вновь стал гореть ровно.

Спортсменов в отряде было всего ничего — по пальцам одной руки пересчитать. Ни Хиз, ни Ира в это число не входили, плетясь в сильно растянутом хвосте, в который превратился весь отряд. Казалось, что ступеньки, насмехаясь, бесконечно выныривают из-за угла, вырастая друг за другом по одной или целыми пролетами после площадок. Чехарда из ступенек еще немного и начнет смешить: не может их быть столько за раз!

Впереди мучительно ползущего вверх отряда спокойно шла Светлана, она как могла подбадривала плетущийся «хвост». Впрочем, как раз ближе всего к ней оказались те, кому ободрения были ни к чему. Рита явно наслаждалась подъемом, вернее тем, как легко она его преодолевает по сравнению с отстающими. Девушка, скорее всего, давно занимается спортом и, даже если раньше ей это не всегда было в радость, а тренировалась она с понуканиями родителей, то теперь все старания окупаются с лихвой — искренней завистью сверстниц.

«Жаль мальчишки не видят меня на фоне отряда — этого хилого жалкого зрелища», — мысль немного остудила рвение Риты, и она стала вышагивать не так тожественно, более естественно. Как ни странно, но от этого прогулка стала только приятней, налилась красками, Поля удивленно покрутила головой по сторонам. С моря бесконечную лестницу наверняка не разглядеть, скрытую деревьями, густо вьющимися виноградом и лианами. Только иногда на площадках покров зелени расступался и, обернувшись, можно было

рассмотреть воистину величественный вид — волны становились все меньше, и бежало их все больше от скачкообразно отодвигающегося и распахивающегося горизонта. С высоты путь казался извилистым ручьём ниспадающим к морю по крутой зелёной горе. И как она всего этого не заметила раньше?

Но на площадках никто надолго задерживаться не хотел — солнце успело раскалить их до неуютного плавкого состояния. Змейка «1-А» тихо ползла себе по тени, делая резкие завитки кольцами на участках освещенных солнцем.

За Ритой спокойно шли четверо девушек, которые отличились тем, что не приехали со всеми на автобусах, а загадочно появились прямо в коридоре пятого этажа. «Наверняка местные», — снова подумала Ира, — «Бодро идут и спокойно, словно привыкли к горкам и лестницам».

Хиз толкнула Иру, показала взглядом на авангард и задыхаясь проговорила:

— Смотри как маршируют... (вдох) хоть бы вспотели... (выдох) с ними точно что-то не так!

Ира несогласно помотала головой, но свою позицию раскрыть не успела, так как из головы отряда стали раздаваться радостные, даже восторженные возгласы, которые привлекли внимание всех отстающих. По «хвосту» пробежала надежда: «Неужели пришли?».

Не пришли. По словам вожатых, осталась еще минимум четверть. Но здесь, на очередном повороте бесконечной лестницы, была обустроена большая обзорная площадка с беседкой углом, двумя краями головокруглительно нависающая над обрывом.

— Отдых, девочки! — Послышался голос Светланы, дыхание ее не сбилось, говорила она, словно поднялась вверх не более чем на высоту второго этажа.

Отряд целую минуту собирался, благо, что для всех хватило лавочек. Девчонки садились лицом к обрыву, упирались коленками в гладкий, крашеный бетон невысокой стеночки-парапета и клали руки и подбородки на идущую по периметру трубу ограждения. Благодаря шиферной крыше беседки, на площадке была тень, привычный ветерок здесь дул едва заметно.

Девчонки затихли, наслаждаясь отдыхом и видом, от которого сознание вырывалось из головы и свободно парило над морем.

Всё стало подробным и контрастным, цвета приобрели насыщенность и разделились на бессчетное число оттенков. Море теперь было не просто синим и блестящим, а стало похожим на картину, вышитую шелковой нитью в тысячи палитр голубого, лазурного, бирюзового. Близкие и далекие деревья, скалы и бетон были настолько объемными, яркими на солнце и темными, глубокими в тени, что создавалось впечатление погружения всего сущего внутрь объема бесконечно прозрачного кристалла.

Ясность буквально кружила голову Рите. Если другие девушки только подняли глаза от ступенек и вертели головами по сторонам, то Рита уже успела попасть в плен высоты, она видела прямо перед собой сразу и всё — от правого до левого горизонта, от бурунов на гальке пляжа до белых клочьев облаков, стремительно пробегающих в высоте. Её внимание привлек корабль — фигурка на фоне моря. Он шёл далеко, наверное, в нескольких километрах от берега, но даже с такого расстояния было понятно, что судно имеет впечатляющие размеры. Рита видела большие корабли только в фильмах, поэтому её внимание без остатка приковалось к необычному судну. А то, что оно необычно стало ясно сразу — по черному дыму, таящему тонким шлейфом — его исторгали огромные трубы корабля. Полина принялась считать трубы — одиннадцать! Невероятно! Она стала считать

их снова, как кто-то из отряда восторженно закричал:

— Смотрите, корабль!

Тут же к чёрточке, что рассекала волны на полдороге к горизонту, обратились все девичьи взгляды. Кто-то близоруко щурился, кто-то ставил ладонь козырьком, а вожатые смотрели в небольшие, но по виду совсем не театральные бинокли. Откуда они их только достали?

— Какой он необычный... — протянула Хиз, у нее было хорошее зрение.

— Да, экзотический, — согласилась вожатая Маргарита.

— Дредноут, — добавила вожатая Светлана. Это слово не все поняли, но бинокли в руках классных дам были замечены. Посыпались просьбы, даже мольбы посмотреть в них. Вожатые без лишних слов сняли кожаные ремешки биноклей с шей и отдали приборы девочкам. Образовалось две очереди и каждый, кто подносил к глазам окуляры, находил корабль и удивленно восклицал, тем самым только усиливая нетерпение тех, кто еще не смотрел. Хиз с трудом удерживалась, чтобы не прыгать. Наконец биноклем завладела Ира, она смотрела долго, потом молча передала прибор Тане. Хиз некоторое время водила биноклем из стороны в сторону, пытаясь поймать корабль, наконец, в скруглённом поле зрения промелькнуло что-то темное. Немного назад, вот!.. Все-таки Хиз не удержалась от удивленного возгласа. Бинокль обладал прекрасным увеличением и если невооруженным взглядом далекий силуэт казался лишь неумовимо нелепым, то с помощью оптики он представлял во всём своём невероятном великолепии.

Дредноут, вожатая правильно обозвала этого монстра, быстро шел на запад, рассекая волны корпусом, который впереди приобретал форму загнутого кверху консервного ножа. Сам черно-ржавый, корабль, судя по всему, был гигантским: на его палубах с трудом можно было рассмотреть маленькие подвижные фигурки, но не людей. По рельсам сновали тележки с механизмами, краны поднимали на тросах неведомые грузы. В основном механика крутилась вокруг орудийных башен, а из каждой торчало сразу по несколько пушек, которые по калибру можно было бы сравнить с деревьями или фонарными столбами, и то не в пользу последних. Впереди корабля больших башен было три — одна стволами над другой, сзади — две. Орудия поменьше в большом количестве смотрели по бокам. Но самое уродливое и грозное, что было у этого корабля — трубы, из которых валили клубы черного дыма. Морально корёжило от того, как чистое небо марается такой густой копотью.

Хиз передала бинокль Рите и стала изо всех сил всматриваться в далёкий силуэт. «Наверное идет под всеми парусами», — подумала Хиз, а потом сама себя поправила, — «Нет, скорее у него полный вперед всех машин или что-то вроде этого». Ей представились черные от угольной пыли, мокрые от едкого пота люди, которые суматошно кидают уголь в жадную пасть раскаленной печи. «Такой работой можно заниматься, только если тебя прикуют в машинном отделении кандалами», — Тане пришлось помахать головой, чтобы отогнать мрачное видение, навеянное взявшимся из несчастливого мира кораблём.

Спустя двадцать минут чёрный дредноут скрылся за западным мысом, он оставил после себя ощущение неба испачканного дымом, неприятного и непонятного сна. В бинокли успели посмотреть все без исключения, теперь внимание было направлено на вожатых, те не выглядели удивленными, скорее расстроенными. Словно чудо само по себе было вполне возможно, но вот его проявление оказалось крайне неудачным.

— Мы, как старшие, похоже, должны что-то вразумительно объяснить. — Не то спросила, не то просто констатировала вожатая Светлана, она беспомощно обратилась

взглядом за поддержкой к Маргарите. Та пожала плечами:

— Может быть такие корабли ещё используют, например, кино снимают, фэнтези? — предположение сначала прозвучало с сомнением, но потом Маргарита стала уверенней, она искала удобный ответ, и он любезно шел в руки. — В этой части Южного берега часто снимают фильмы.

Хиз хотела было возразить, что для киношных декораций «явление» было слишком масштабным и натуральным, но Маргарита, заглянув ей в глаза, продолжила строить версию:

— И в последнее время все чаще и дороже снимают. Вот, прошлым летом, за мысом к западу отсюда, — отряд послушно глянул вдоль берега влево, — снимали блокбастер с сумасшедшим бюджетом.

— Директору пришлось срочно связываться с МЧС, военными, чтобы те подтвердили, что это не война началась, а кино, — добавила Светлана и отряд сразу заулыбался. Если с вожатой Маргаритой хотелось спорить, то ее напарница вселяла в то, что рассказывала, улыбку и разделяла ее на всех. — Представляете, два десятка боевых кораблей было в море прямо перед нами, весь лагерь высыпал на набережную посмотреть на битву. — И только начало казаться, что Светлана рассказывает сказку, как подключилась Маргарита и ее веский и полный драматизма тон внес в историю цемент реализма:

— Большие десантные корабли, а их было два — с гору размером, стреляли из своих крупнокалиберных пулеметов, нам тогда казалось, что это настоящие пушки сошла с ума и не могут остановиться ...

— Но потом на одном из фрегатов действительно несколько раз выстрелила пушка, — глаза Светланы поведали внимающему отряду, как невыразимо громко стреляли орудия.

— Словно в небо вбивают километровый костыль, — сказала Маргарита, — это было совсем непохоже на гром — резче, громче, глубже, в животе всё натянулось от такого звука. — Вожатая вскинула руками с растопыренными пальцами, словно ей неожиданно под дых дали.

— Не удивительно, что все подумали, что это настоящая битва перед нами. Откровенно говоря, стало очень не по себе.

— Столько детей на берегу, их невозможно быстро увести и спрятать...

— Пришлось бы силой тащить каждого. — Светлана драматически улыбнулась: «се ля ви», то есть пришлось бы и потащили силой, не стесняясь.

— Но тут всем вожатым поступило сообщение от директора лагеря, что с ним связались из ближайшей к «Кристаллу» воинской части: это съемки отечественного боевика с участием военно-морских сил.

— Вожатые зачитали сообщения и тут все принялись прыгать и вопить, словно могли докричаться до Фондарчука!

— Неизвестно, слышали ли на кораблях этот гвалт, ведь они были далеко от нас...

— Но в бинокли увидели точно и последовал целый салют из многих орудий и даже запустили несколько осветительных ракет, чтобы дети точно поняли, что это в их честь, а не просто по заказу режиссера.

— А как фильм называется?

— А когда он выйдет? — Посыпались вопросы отряда.

Отвечать взялась Маргарита:

— Это были съемки боевика «Флибустьеры». — Не все поняли кто такие флибустьеры,

но название звучало многообещающе — многие девчонки воскликнули «Ух ты!». — Выйти фильм должен этой осенью.

— Не забыть бы посмотреть... — отряд оказался полностью захвачен историей о блокбастере, поэтому о проплывшем десять минут назад дредноуте почти забыли, только Хиз задумчиво произнесла:

— Интересно, из какого фильма наш корабль-чудовище сбежал?

— Вторая часть «Флибустьеров», — предположила Ира, которая была рядом и слышала Таню.

У Хиз заиграла загадочная полуулыбка, но не от того, что ее позабавил ответ, ей очень понравилось, что кто-то отвечает на все, что она пробормочет себе под нос — Иришка становится её любимой подругой!

Девчонки вернулись в родной корпус, опять усталые, но на этот раз счастливые прогулкой. Когда собрались в фойе, было сообщено, что на целых два часа все предоставлены сами себе. При этом вожатая Маргарита сказала:

— И подумайте над названием для своей половинки отряда.

— Потом мы соберемся и обсудим, что у нас получится, — добавила вожатая Светлана. — Только отнеситесь серьезно, у всех будут головные уборы с вышитыми названиями.

— Забегая вперед. Потом эти предметы станут сувенирами — одними из лучших, что вы увезете домой. — Маргарита подмигнула отряду, они со Светланой заговорщически переглянулись, давая понять, что сувениры будут всякие.

— И напоследок о дисциплине. — Впервые в интонации вожатой почувствовалась не наигранная, а вполне серьезная строгость. И так примечательный тембр голоса Маргариты стал почти стальным — деревянная флейта задышала морозным воздухом. — Вы можете отсутствовать на объявленных сборах, не ходить вместе со всеми завтракать и обедать.

— Всего-то останетесь голодными или будете не в курсе событий, — сказала Светлана, интонации ее наполнил тот же лёд, звонкий голос выстукивал на ксилофоне из сосулук.

— Вам ничего не грозит за игнорирование общего распорядка.

— Только мы немного расстроимся, — теперь вожатые переглянулись без тени улыбок, они начинали пугать.

— Категорически запрещается только..., — эти слова были просто созданы для Маргариты в ее строгой ипостаси.

— ...Покидать пределы лагеря и самостоятельно купаться в море. — Ледяной ксилофон Светланы зачитывал смертный приговор. — Отсутствовать с момента последнего общего сбора разрешается не более трех часов.

— Иначе вас будут искать, а когда найдут — вручат наручный навигатор. — Всем было очень интересно, что это за штука, но, ни одного вопроса задано не было.

— Телевизор в полном вашем распоряжении, как здесь, так и в зале для плохой погоды на нашем этаже, — Светлана снова была добра.

— Идите осмотрите зал сами, он прямо напротив лифта, а нам пора убегать к начальству, — Маргарита осчастливила всех своей острой улыбкой и вожатые ушли, как ни в чём ни бывало.

Светлана и Маргарита вошли в кабинет директора. В приемной сидела секретарша, она

ничего не спросила, лишь кивнула. Спартак Петрович стоял у большого открытого настежь окна, руки его были сцеплены за спиной, плечи расправлены — он с видимым удовольствием дышал свежим воздухом и любовался видом, который с высоты директорского кабинета отдаленно напоминал карту на экране. Сквозь рощи парков просматривалась огромная восьмерка «Кристалла», виднелись кое-какие детали не прикрытые буйной летней зеленью: корты и спортивные площадки, и конечно черно-коричневый куб котельной с торчащей короткой, словно обрубленной посередине трубой.

Спартак Петрович повернулся к вожатым, как только они переступили порог кабинета.

— Ну как? — Спросил директор.

— Движение было, — сказала Светлана.

— Но скорее вниз, чем вверх, — добавила Маргарита.

— Но не точно вниз? — Для руководителя лагеря новость не была приятной. — Давайте посмотрим.

Вожатые вынули из кожаных футляров, которые были ладно пристроены у них через плечо, бинокли и положили на стол. Спартак Петрович сел в кресло, подсоединил к приборам по шнуру и выдвинул клавиатуру. Большая настенная панель со схемой лагеря мигнула и на ней появилось изображение дредноута. Вначале он был лишь далеким силуэтом на фоне бликующего моря, потом последовало медленное увеличение — корабль разросся до размеров экрана, а потом вышел за них. Стало возможно различать отдельные механизмы, такелаж, точки клёпок на бронеовой обшивке. Сомнений в том, что это боевой корабль не было. Но в каких морях он мог вести сражения?

Директор крутил пульт в руках, изображение переключалось с камеры одного бинокля на камеру другого. Когда девочки передавали приборы друг другу, картинка смазывалась, дёргалась, снова искала корабль, а потом пару минут изумленно по нему шарила. Внимательное лицо Спартака Петровича морщилось от вынужденных неудобств, но он продолжал изучать запись:

— Понимаю, что пришлось отдать оба бинокля детям, — сказал директор и сделал звук видеозаписи громче. Хорошая акустика, которой был оборудован кабинет, наполнила пространство легким шумом листьев и прибоя, и удивленными выкриками отряда. Директор просмотрел обе записи и только в одном месте он резко нажал паузу.

— Чей это голос? — Спросил директор, отмотав на нужные секунды и дав послушать вожатым восклицание за кадром:

Девушка была удивлена не меньше остальных, но в возгласе из коротких непонятных звуков слышались нотки возмущения, может быть даже крепкое словцо. Да, именно таким тоном, любой нормальный человек сообщил бы миру о молотке, ударившем по пальцу.

Пульт перешел к Светлане, она отмотала на несколько секунд назад: «О! Моире де те!». Кажется, девочка выругалась на иностранном языке.

— Хоть бы это был испанский, — улыбка у директора лагеря сидела немного криво. — Определите, кто это.

Отряд бы не узнал своих вожатых, их лица стали гипсовыми: скульптурная группа «сосредоточенность и ответственность». Запись шла, пока сквозь шум тот же голос не произнес: «Держи, Хиз». Картинка замелькала прежде, чем вновь найти корабль.

— Вы знаете, кто это? — спросил Спартак Петрович.

— Да, — сказала вожатая Светлана.

— Это Ира Верховская, — сказала вожатая Маргарита, — она отдала бинокль своей

подруге Тане Хизер.

— Наблюдайте за ними, — директор выключил картинку с дредноутом, — и хорошо бы им побыстрее получить браслеты-навигаторы. И вы совершенно правы насчет корабля — сдвиг у нас был определенно вниз.

Душевых на этаже было две — обе располагались в тупике коридора, там, где у окна стояло кресло утром погребенное под девичьими сумками. В ожидании своей очереди на мягком сидении и подлокотниках устроились сразу шесть девушек — начало очереди. Похоже, в отряде не нашлось той, которая бы ни жаждала принять душ после невыносимого подъема от моря. Девушки выходили в халатах, с узлами полотенец на головах и тут же в душевые заскакивали следующие. Без всякой договоренности очередь была двойной — душ принадлежал той половине отряда, на стороне которой он находился. С северного душа вышла очередная пара чистых барышень, Хиз и Ира поспешно заскочили внутрь, их подлокотник тут же заняли следующие девочки.

Сзади хлопнула дверь и Хиз все-таки схватила Иру за руку, которую та крепко сжала. Несколько секунд девочки стояли ослеплённые, унимая головокружение и приводя дыхание в норму, потом они разняли руки и принялись щупать стены — сначала очень осторожно, а потом всё смелей, пока наконец не стали постукивать по большим прозрачным плиткам, из которых были выложены внешние стены душевой — угол здания. Чистые и слегка влажные квадраты толстого стекла не задерживали свет, но имея глубокой рельеф из переплетенных ромбов, преломляли и дробили то, что было по другую сторону до состояния пересыпающихся острыми гранями миражей. За стенами ветер раскачивал кроны высоких тополей — внутри душевой они превращались в мечущиеся зеленые облака и бешено прыгающие тени. Это было похоже на кошмар художника-импрессиониста, выражающийся в дискомфорте турбулентности света и цвета. Или же на прекраснейшее видение слепящей абстрактной радости лета.

Однако в этом ошеломительном душе надо было, прежде всего, мыться, а не наслаждаться световым хаосом. Хиз и Ира вспомнили о других девушках, которые ждали за дверью. Несмотря на то, что душевые кабинки были отгорожены друг от друга обыкновенной стеной — непрозрачной, пришлось сделать некоторое психологическое усилие, чтобы раздеться. Помещение, которое воспринималось как буйное открытое пространство, не было уютным для обнажения. Возможно, после наступления темноты, оно и становилось сносным в этом отношении, но не сейчас. Хиз, считая себя менее впечатлительной, выбрала кабинку, вплотную примыкающую к прозрачной стене — головокружение здесь атаковало непрерывно.

Эксперименты с кранами показали, что воды, и горячей, и холодной, в корпусе имелось вдоволь. Таня вспомнила свой прошлогодний отдых с родителями: в прибрежной гостинице, где всё было на высшем уровне, включая развешанные по коридорам большие писанные толстым слоем масла картины, чтобы заполучить действительно горячую воду, родителям приходилось каждый вечер напоминать дежурному, чтобы тот будил кочегара пораньше. «Советская романтика», — говорили родители и странно улыбались переглядываясь.

Румяные от горячей воды, окутанные в облака влажного пара, девчонки облачились в халаты, Ира намотала на голову полотенце с мокрыми волосами, а более короткая причёска Хиз торчала во все стороны русым дикобразом.

Ко входной двери с внутренней стороны была прикреплена бумажка с надписью по трафарету (красный фломастер потёк): «Не забудьте включить вытяжку. Спасибо». Таня пощелкала выключателями — два из них включали свет, а третий, он был отдельно —

запустил мотор вентиляции. Пар стал быстро всасываться в дыру под потолком, забранную крупной решеткой. За ней что-то громко затарахтело, так, словно в глубине отвалилась большая деталь. Девочки от неожиданности съжились, Хиз, которая едва успела убрать руку, хлопнула по выключателю. Мотор замолк с жалобным «хррр», но деталь продолжила свою лязгающую скачку по железным внутренностям канала, похоже, она приближалась к выходу.

Таня и Ира заморожено смотрели на отверстие, наконец, из него вылетела яркая золотистая железка: описав дугу она звякнула о пол и даже ни разу не подпрыгнула. Это был медный ключ, коротенькой цепочкой прикрепленный к медной же наполированной бирке. Хиз подскочила к нему, схватила и спрятала в кармане халата.

До номера подруги промаршировали быстро и молча — на них никто не обратил внимания.

Ключ Таня достала, только заперев комнату изнутри. Девушки сели каждая на свою кровать и стали изучать находку, вертя ее по очереди в руках. И сам ключ, и бирка, и даже цепочка выглядели новыми, те немногие царапины, что остались на меди, скорее всего получились во время падения через вентиляцию. С одной стороны на бирке было написано «Кристалл», а с другой находилась пиктограмма: схематическая калитка с номером «5» на дверце и раскидистое дерево за ней.

— И ежу понятно, что это ключ от калитки, которая ведет в лес, — заключила Хиз.

— Также ёж догадывается, — ответила Ира, — что искомая дверь имеет номер пять и соваться туда не следует.

— Это еще почему?

— Потому что наденут браслет-навигатор.

— Если поймают.

— Но, самое интересное не в этом. — Теперь Ира крутила в руках артефакт. — Самое интересное, кому этот сюрприз из вентиляции предназначался на самом деле?

— Тому, кто не включил вытяжку, купаясь перед нами. — Предположила Таня.

— А перед нами в душевой были подозрительные тебе местные, но когда мы вошли, пара не было, значит, вентиляцию включали. — Ира была наблюдательна.

— Значит, ключ сбросили, пока мы были под душем и ничего не слышали из-за шума воды. Следовательно, предназначается он именно нам, и мы просто обязаны посмотреть, кто нас будет ждать за калиткой.

— А может наоборот, не стоит откликаться на приглашение, вдруг — ловушка? — спросила Ира.

— Капкан! — ехидно воскликнула Таня. — Чего нам бояться? Мы же в детско-подростковом раю, забыла? Может быть, это твой школьный друг ищет романтической встречи?

Ира промолчала насчет друга, но она точно не была согласна мчаться сломя голову в лес. Хиз заметила отведенные в сторону глаза Иры и примирительно спросила:

— Я чего-то не знаю об этом лагере? Тебе твой друг за партой понарасказывал и страшных историй о «Кристалле»?

— Рассказал, — согласилась со вздохом Ира и тут же повеселела, — но ты их услышишь только ночью!

— Чтобы страшнее было?! — Таня уже предвкушала вечерние посиделки, когда рассказчик светит себе фонариком снизу на лицо.

— Да!

Найти карту с выходами в лес не составило особого труда. Возле корпуса располагались информационные щиты, на одном из которых был план лагеря с подробно обозначенными строениями, дорожками и лестницами. Тропинок, конечно же, не нарисовали. Таня была готова поклясться, что видела с балкона тропку, которая, огибая каменную подпорную стену, убегала сквозь заросли вверх по горе. Топтаная в траве дорожка рассказала о том, что здесь должны существовать сотни укромных мест, которые еще предстоит исследовать. Но это потом, а пока карманы жёг медный ключ. Калитка номер «5», судя по плану, оказалась прямым за пятиэтажным корпусом, который словно маленькая корона венчал девичью половину лагеря. Его территория походила на лоскутное одеяло, брошенное на склон горы, а кольцом была проложена центральная улица, возле которой стояли все корпуса. От нее отходило множество дорожек потоньше — «переулков», которые вели к различным второстепенным строениям, обозначенным цифрами и буквами. В центре кольца находилось что-то под буквой «К» и этим строение привлекало внимание — единственное со столь лаконичным наименованием. Например корпус, в котором жил отряд 1А был обозначен, как ДПО-1, рядом же был многоугольник Ст-1 — столовая.

На схеме рядом с пятой калиткой проходила только узкая линия, начинающаяся у границы восточной и западной частей лагеря. Таким образом, надо было обходить пол территории: спуститься метров на 100 вниз по горе, потом выйти к дорожке, которая ведет вдоль всего периметра «Кристалла» и подняться по ней примерно на 130 метров вверх. Это если на лифте ехать, которого здесь, кажется, не было, а пешком умножаем на десять.

— Триста вниз, а потом четыреста вверх, — сказала Хиз.

— Что?

— Триста ступенек вниз, а потом четыреста ступенек вверх до этой калитки. Это если следовать схеме.

— А если не следовать, то нам по прямой в разы ближе выходит, — Ира хоть и была отличницей, но спорт не входил в сферу ее горячих увлечений.

— Пойдем тогда.

— Что, прямо сейчас?

— А когда?

— Девочки! — Голос Риты звучал сверху. Подруги закрутили головами и увидели, что с балкона им машут сразу четверо блондинок.

— Она собственный клуб открыла, — констатировала Таня.

— И набирает туда своих клонов-двойников, — согласилась Ира.

— Девочки! А вы уже придумали название? — Риточка так и сияла. — А мы придумали: «Солнечные ла...» — Договорить ей не удалось, на нее накинулись блондинки и закрыли ей рот руками.

— Это еще не окончательный вариант. — Раздался сквозь возню комментариев с балкона. Полину утащили в номер, снова стало тихо.

— «Солнечные лапочки» времени не теряют, — сказала Хиз и они с Ирой рассмеялись.

— Мы совсем забыли о названии отряда! — Иру это беспокоило.

— И что с того? — А Таню беспокоил ключ.

— А если без нас ерунду придумают такую, что потом пилотку на голову не натянешь?

— Действительно. — Согласилась Хиз со вздохом. — Не хотелось бы носить всю смену

глупое имя. Пойдем, найдем тех, кто уже начал что-то придумывать.

Приключение с ключом пришлось отложить.

Стоило только девочкам выйти из лифта на своем этаже, как их тут же взяли в дело. Незнакомая девушка отиралась у их двери, а когда увидела, нерешительно спросила:

— Вы с 509-го?

Получив утвердительный ответ, она сказала, что их и ждет, все уже собрались и придумали кучу названий.

Штаб мозгового штурма был в соседнем, 507-м номере. В небольшой комнате сгрудились все шестнадцать членов северной части отряда, примерно половина из них дискутировала, сидя на кроватях, а остальные лишь присутствовали, откровенно коротая время. Те, кто совсем соскучился, выходили на балкон и, облокотившись о перила, смотрели по сторонам. Лишь единицы до сих пор отчаянно пытались выжать из своих смартфонов хоть что-то интересное, но без мобильного интернета и вайфая те были на удивление никчёмными устройствами. Даже фоточки не интересно делать, когда их нельзя сразу запостить!

Таня и Ира уже хотели было протиснуться на балкон, но активная часть отряда, в которой, кстати, была та самая четвёрка «странных» девушек, решила ознакомить новоприбывших с имеющимися вариантами названий. «Русалки», «Север Кристалла», «Горные тропки», «Морские волны», «Свежесть утра», «Волшебный прибор» и еще с десяток более бездарных вариантов. Хиз сказала, что ей по душе «Горные тропки», потому что это звучит загадочно и многообещающе, а Ира, подумав, сказала, что, пожалуй, всё перечисленное неплохо, но необходимо подумать еще. Тогда ей рекомендовали придумать собственное название не откладывая. Таня вызвалась помочь подруге, и они беспрепятственно попали на балкон. В комнате уже просто болтали, вконец устав от любых названий.

— Мне тоже по душе «Горные тропки». — Сказала Ира. — Потому что хотелось бы запомнить именно вот этот вид с балкона, комнату, в которой нам предстоит прожить еще двадцать четыре дня. Но хотелось бы более яркого названия.

— «Сияние гор» — достаточно ярко? — Спросила Хиз.

— Даже слепит, но похоже на название для команды сумоистов.

— Или кендоистов. «Блеск вершин»?

— Неплохо, но слишком пафосно.

— Духи гор?

— Как отряд боевиков афганских. Вот что-нибудь бы похожее на «Горные нимфы».

— А почему афганских? — Спросила Хиз, но, не дождавшись ответа сказала: — Мне нравятся «Горные нимфы», это реально то, что надо! Пошли, доложим.

Вернувшись в комнату, девушки рассказали о новых вариантах, это заметно оживило присутствующих. Нашлись те, кому приглянулся «Блеск вершин» — это имя стало серьезным конкурентом для «Горных нимф». Но, в конце концов, было решено, что если до встречи с вожатыми не возникнет лучших вариантов, то на пилотках будет красоваться название с нимфами.

Все начали расходиться, те, кому было наплевать на имя отряда, выпорхнули из номера первыми. Хиз и Ира пересекали порог, когда их окликнули.

— А вы классные названия придумали и так быстро, — сказала девушка из «странных»,

как их называла Хиз или «местных», как их называла Ира.

— Ну, мы же пришли почти на всё готовенькое — основное направление для мыслей было проложено вами. — Ответила Ира. Деликатность была у неё в крови.

— В прошлом году мы назывались «Горные тропки», так что, как видите, заготовки у нас довольно старые. — Беседу вела одна из девушек, а остальные просто улыбались и кивали. — Давайте знакомиться, мы — Ольга и три Лены.

Девушки по очереди представлялись, кивая:

— Таня.

— Ира.

— Лена.

— Лена.

— Лена.

— Оля, — завершила круг девушка, похоже, лидер компании.

— Вот мы и знакомы, — подытожила Хиз. На несколько секунд повисло неловкое молчание, его нарушила Ира:

— Вы все с одного города?

— Да, — ответила Оля, а лены закивали. Одна из них уточнила:

— С того берега моря!

Таня и Ира непонимающе уставились на новых знакомых.

— Мы с побережья, но не с этого. — Все четыре довольных лица так и напрашивались: «А угадаете, откуда мы?».

— С Турции что ли? — сказала первое пришедшее на ум Хиз.

— Нет, разве мы на них похожи? — Дала первую подсказку Оля.

— Тогда из Болгарии! — Ира азартно приняла правила игры.

— Нет, но уже теплее.

Ира и Таня напряглись, припоминая соседей по морю, но знания ближайшей географии оказались исчерпаны. Нашлась Хиз:

— Скажите что-нибудь на родном языке!

Лены захлопали восторженно в ладоши, а Оля сказала:

— Чеазыс, фата фрумаза?

Теперь пришла очередь восхищаться Тане и Ире. Таня попросила:

— Расскажите так что-нибудь о своей стране, а мы попробуем угадать. Оля продолжила говорить диковинными словами:

— Авем о тара фрумаза, инсорита, цуисториеглориаса...

— Маиалес Контеле Дракула! — Перебила одна из Лен и все засмеялись.

— Вы из Румынии! — воскликнула Хиз.

— Ну да, Дракулу-то одного все и знают — это стопроцентная подсказка.

— Это же сюда три дня ехать, наверное? — спросила Ира. —

— С ума сойти! — подтвердила Хиз.

— По суше, если поездом или автобусом, — уточнила Оля, — но всего день морем.

— И чем вы приплыли?

— Мы пришли, как говорят настоящие моряки! Нас привозит на яхте отец Лены, — кивок в сторону одной из девушек.

— Уже третий год моя семья начинает свой отпуск с того, что заводит нас всех в этот лагерь, а дальше они оправляются к горам Кавказа, в Турцию, Грецию...

— Прямо в лагерь завозят на яхте? — спросила восхищенная Таня.

— Ну, на пятый этаж мы не заплывали, но папа пришвартовался у набережной «Кристалла». Вы же видели эти огромные буны? — Девочки закивали. — Почти к каждому может пристать небольшое судно. А есть одна буна, самая длинная, к ней запросто пришвартуется настоящий стометровый корабль.

Таня и Хиз сильно удивились, у них была куча вопросов. Румынские девушки охотно рассказали, что для них отдых в «Кристалле» — это всегда событие, приключение и просто экзотика о которой можно долго рассказывать в Румынии. Учатся они в одной школе и живут в приморском городке, по-русски хорошо говорят, потому что родители учились и работали в СССР, а акцент как раз в лагере и исправили... Беспорядочные вопросы и ответы еще бы долго сыпались с двух сторон, но тут щелкнуло радио и жизнерадостный голос Светланы в тихом сопровождении Шопена сообщил, что до общего сбора осталось всего полчаса. Две Лены тут же убежали в свой номер, Хиз и Ира тоже не стали задерживаться, особенно Тане не сиделось на месте, она буквально утащила подругу.

Комната с раскиданными по кроватям и столикам вещами, показалась страшно уютной — своей, девочки плюхнулись на кровати.

— Ты права, — с ходу сказала Таня, — они хоть и классные, но совершенно не странные. Примечательные, конечно, но вовсе не в том зловещем плане, что я имела в виду, и уж тем более не «приведения лагеря».

Ира казалась задумчивой, она ответила не сразу:

— Всё что они рассказали — ты всему поверила?

— Насчет яхты не сразу, но смысл им врать — впечатление произвести? — Хиз снова заметила нелогичное настроение подруги и немного растерялась. — Может тебя Дракула пугает?

— Влад Цепеш давно умер, — глубокомысленно сказала Ира. — Но эти четверо ведут себя как актёры в хорошем фильме: придраться не к чему, картинка — красота, но это как раз и ненатурально.

— Пусть будет так! Мы будем следить за ними! — Без тени серьезности сказала Хиз, спародировав киношный жест с двумя пальцами «я смотрю за тобой».

— Скорее уж они следят за нами. — К Ире возвращалась ее оптимистичная беззаботность, но эта фраза была сказана всё же с умыслом.

— Ты имеешь ввиду, что из всех, они окликнули и познакомились поближе именно с нами.

— Да.

— И что же в нас такого особенного?

— Ключ, например.

— Где он? — Подскочила Хиз и принялась ощупывать шорты.

— Здесь, — сказала Ира и достала из кармана загадочный предмет.

— Что будем с ним делать?

— Пока ничего, скоро идти на сбор к вожатым.

В кронах высоких деревьев гулял тот же ветер, но солнце успело пройти большую часть небосклона — дневной свет неуловимо пожелтел. Еще Рита заметила, что все тени удлиннились и сдвинулись в сторону. Её подруги по половинке отряда сбежали с крыльца и устремились в беседку, а девушка, оторопев, осталась стоять — именно тени её поражали больше всего, причем человеческие виделись живыми и объёмными. Рите было хорошо спокойно смотреть сначала на тени других девчонок, потом на тени деревьев, которые оказались не менее интересными: листики на плоскости хоть и прятались друг за друга, но полностью не исчезали, создавая на ярком асфальте многослойный живой узор, текучую мозаику. Мысль о том, как непривычно её гипнотическое оцепенение посетила Риту, спокойно удивила и сделала созерцание еще глубже — у девушки даже стало дрожать дыхание.

Вожатая Маргарита показала коллеге на Риту, Светлана кивнула. Неизвестно сколько бы девушка ещё пробыла в экстазе, когда дверь за ней распахнулась и оттуда вылетели Хиз и Ира. Они буквально сбили Риту с крыльца — та, чтобы удержать равновесие сбежала по ступенькам, оглянулась на девушек и восхищенно сказала: «Ого!». Возглас этот подруги приняли на свой счет, но на самом деле он был адресован резкому выходу из транса.

Вскоре весь отряд был в сборе. Взглянув на вожатых, Таня поняла, чего им не хватало — теперь недостаток был исправлен — на идеальных причёсках Светланы и Маргариты покоились тёмно-серые — в тон костюмам, с тонкими белыми окантовками пилотки. Они были одеты прямо, словно на военных, справа поблескивало серебром: «1-А». Девчонки с восхищением и нелогичной завистью смотрели на головные уборы вожатых. Завтра ведь у всех будут такие же. Но хотелось именно сегодня! А сегодня серые, кажется, бархатные, с рядами маленьких дырочек вдоль бортов, невыносимо стильные головные уборы были только у вожатых и те, обладая ими, находились в перекрещенных лучах софитов всеобщего внимания.

— «1-А», — громко сказала Маргарита, притронувшись к надписи, — эти звуки сейчас для вас ничего не значат, но не пройдет и нескольких дней, как вы станете гордиться ими.

— «1-А», — громко сказала Светлана, — это мы!

— Завтра у вас у всех появятся такие пилотки, — Маргарита прикоснулась к другой стороне убора, — а здесь будет надпись, именно так вас запомнят другие отряды и вы запомните друг друга. Надеемся, вы хорошо продумали названия, через час их уже начнут вышивать.

— А можно посмотреть? — Раздался почти жалобный голосок Риты.

— Нет! — Хором воскликнули вожатые и девочка отдернула уже тянувшиеся руки.

— Пусть это будет для вас завтра сюрпризом, — сказала Светлана.

— Поверьте, они очень хороши, — добавила Маргарита, улыбаясь как чеширский кот.

— Ну, девочки, как будет называться наш маленький южный отряд? — спросила Светлана.

— Небесные ласточки! — выкрикнула Рита, её восторженно и вразнобой поддержали.

— Прекрасное название, — похвалила вожатая, — я с удовольствием его буду носить.

— И мы!.. — заголосили в ответ «ласточки».

— А что придумали мы? — спросила Маргарита.

Обитательницы северной стороны корпуса переглянулись, и за всех ответила рослая Аня:

— Горные нимфы.

Маргарита многозначительно кивнула, словно пробуя на вкус название:

— Очень хорошо. Меня за нимфу никто, конечно, не примет.

— А меня за ласточку...

Вожатые картинно повесили носы и весь отряд зашумел, пытаясь убедить Маргариту и Светлану в том, что они вылитые ласточки-нимфы. Те заулыбались и снова повернули свои гордые и довольные профили кверху. Когда эмоции улеглись, вожатые сообщили, что сейчас они выберут «почтальонов» — тех, кто будет говорить от имени своих отрядов, сообщая что-то вожатым, или в случае обратной коммутации, приносить вести сверху. Вот эту «обратную коммутацию» не все с ходу поняли, и высокая Аня сказала:

— Я приду и скажу всем, что мне скажет вожатая Маргарита.

— Ты совершенно права, Аня, среди Горных нимф быть тебе почтальоном, — Маргарита неожиданно погладила девушку по голове, та вздрогнула, но удивленная не отстранилась.

— Ну, а почтальоном у нас, — сказала Светлана, обводя взглядом свой отряд, — будет Рита!

В ответ Рита поклонилась, словно актриса в театре, а девочки-ласточки захлопали.

— А теперь минутку, мы со Светланой должны немедленно отправить наши новые названия отрядов, — сказала Маргарита, достала свой мобильный терминал и принялась ловко нажимать кнопки.

— По заказу лагеря, на фабрике предстоит вышить полторы тысячи пилоток, мы же хотим свои получить завтра с утра, а не к обеду или вечеру, — пояснила Светлана и тоже уткнулась в терминал.

Отряды негромко заговорили, все ещё плохо были между собой знакомы, а потому оставленные вожатыми, не знали толком, о чем можно общаться. Исключение составляли Полина со своими подружками-клонами, четыре венгерских девушки, Хиз с Ирой и еще пара небольших группок. Один коллектив прямо на глазах формировался вокруг Ани — ее уверенная, возвышающаяся над всеми фигура, притягивала окружающих. Таня ожидала видеть трёх Лен и Олю в лидерах, но венгерские девушки, казалось, при вожатых не хотели слишком высовываться.

Пауза не затянулась, Светлана и Маргарита оторвались от коммутаторов. Их лица были сосредоточены, даже немного хмуры, они внимательно вглядывались в своих подопечных, не спеша и тщательно стирая морщины озабоченности со своих высоких чел: Маргарита вновь стала холодно-снисходительной, а Светлана — радостно-светящейся, но у обоих кое-что всё же осталось от того, что они подсмотрели в своих машинках: готовность, скрытая алертность.

В это время директор лагеря Спартак Петрович, отодвинул клавиатуру, бросил взгляд на экран с картой и мигающим сиреневым пятном, отошел к окну.

«Как часто», — сказал он сам себе, — «второй раз за день. А ведь сначала мы годами ждали. Нужно быть готовыми».

Директор шумно выдохнул и вышел из кабинета.

Полдник!

До ужина ещё далеко, а аппетит не по расписанию зверел от свежего воздуха. Когда вожатые сказали всему отряду, что снова пора в столовую — полдник, половина девочек не поняла о чем идет речь. Многие думали, что полдник обязательно должен быть в полдень. Но тогда зачем он, если есть обед? Другие были уверены, что тот идет сразу после завтрака, как у англичан второй завтрак, и лишь единицы точно знали, где полднику место.

— Кто угадает, что обычно дают на полдник в детском лагере? — спросила Светлана у отряда, который растёкся по вместительной беседке.

— Пирожки с компотом! — выкрикнули одновременно Хиз и Ира.

— Правильно, — подтвердила Маргарита, — это обязательно в первый день. А что будет на полдник во второй день?

Отряд вопросительно посмотрел на подруг, те растерянно пожали плечами.

— Омлет, — раздался уверенный голос высокой Ани.

Вожатые удивленно вскинули брови:

— Редко кто из новичков на этот вопрос отвечает! — сказала Светлана. — Но ведь ты первый раз в нашем лагере.

— Мне бабушка, когда делала омлет, всегда рассказывала о том, что только в советских лагерях умели делать омлеты высотой с ладонь и притом такие, что таяли во рту.

— Мы взяли лучшее от советских лагерей, — сказал незнакомый мужской голос. Все немедленно обернулись — у входа в беседку стоял классический пенсионер, может быть даже ветеран труда. Через руку висел коричневый пиджак, на котором разве что орденов не хватало. — Ну, здравствуйте, дети, я — директор «Кристалла» Спартак Петрович. В моем возрасте и при должности без отчества никак нельзя, а я так и не привык, до сих пор себя просто Спартаком считаю.

— ...гладиатором... — кто сказал, было непонятно, тихий голос спрятался за спинами. Директор, услышав это, гордо улыбнулся и стрельнул пронзительными серыми глазами — совсем в этот момент молодыми.

Вожатые вытянулись по струнке. Тот смотрел на них, не как на подчиненных, а как на любимых учеников.

— Здравствуйтесь, Спартак Петрович! — сказала Светлана.

— Здравствуйтесь, Солнечные ласточки, — ответил директор.

— Рады вас видеть! — сказала Маргарита.

— И я вас, Горные Нимфы.

— Здравствуйтесь... — пронесся нерешительный шорох отряда «1-А». Девочки при виде большого начальства оробели, хотя директор вызывал симпатию: он был похож на любого из тех пенсионеров, что любят в солнечный денек посидеть с шахматами в сквере, а не доставать внуков дома.

— Пойдемте полдничать! — пригласил Спартак Петрович и девочки немедля стали выбираться из беседки, кучкуясь за спинами вожатых.

Двести метров до столовой в сопровождении директора не стали неловкими. Спартак Петрович просто шел рядом с отрядом, в то время как вожатые возглавляли его, и разговаривал со школьницами, как добрый классный руководитель.

— Сижу в кабинете, в своей башне. — Когда деревья расступились, директор показал направление, и все смогли увидеть небольшое трехэтажное здание, построенное выше других по склону горы. — Бумаг на столе столько, что можно рыться до конца смены, ну их... Для меня лагерь не начинается, пока детей не увижу.

— А мы первые? — просила Рита.

— Да, самые первые.

— А почему мы? — теперь вопрос задала Аня, ей не надо было тесниться к директору ближе, как Рите — она обратилась поверх голов.

— Очень просто, это моя личная традиция, — директор заулыбался, видно ему очень нравились традиции, — идти к тем, кто первыми пришлет названия отрядов. Спасибо, что это были вы, а то, сразу после «Ласточек» и «Нимф» пришли «Трансформеры» и «Суперпауки». На минуту позже и пришлось бы идти почти в самый низ восточной части — там младшие мальчики — в этом возрасте всегда веселые, но утомительные, к тому же обратную дорогу вверх я бы сам не осилил. Пришлось бы, едва зайдя за угол, «гольфущку» вызывать. — Спартак Петрович пояснил: — Это старенький электроавтомобильчик, его молодость прошла где-то на гольфовых полях в Голландии — дети из первых смен подарили, когда выросли.

— Жаль фуникулер не подарили, — попыталась сострить Таня Хизер. Ее шутка сильно насмешила директора:

— Это когда здесь дом престарелых будет — обязательно запустим фуникулёр!

Спины вожатых тоже заулыбались, а вот большинство ровесниц Хиз лишь наморщили лбы.

Возле столовой директор попрощался с отрядом:

— Я по скромному, с черного хода — на кухне сюрприз сделаю, лично проверю насколько вкусные пирожки испекли наши повара.

Спартак Петрович свернул за угол здания. Отряд смотрел ему вслед — бодрому и крепкому пенсионеру, который без всяких усилий расположил к себе «1-А».

Солнце клонится к закату — маленькое и яркое, долго не могу оторвать от него взгляда. Зрелище действует успокаивающе, даже не приходится прибегать к навыкам, полученным на последних психотренингах. Мне совершенно безосновательно кажется, что всё будет хорошо. Наверное, так действует этот воздух, пронизанный сладкими и терпкими запахами. Мысли снова возвращаются к одному и тому же, правда, было бы странно, если бы я сейчас думала о другом.

Я — Радость 144-99 знаю, что послужу на благо Государства, чтобы со мной дальше ни случилось.

Кто-то, менее умный и усердный, на моём месте мог бы подумать, что затерян в неизвестности и неведении, как безымянная крыса, унесённая ливнем. Но моя вера в Учителей, Учёных и Военных безгранична, ведь они беззаветно отдают себя Цели. Такой хочу быть и я, суждено мне столкнуться в этом мире с быстрой и бесполезной смертью, или же я смогу бороться, направляя события ближе к тому пути, который приведёт их навстречу с моей Родиной. Обязательно приведёт: при этой моей жизни, в следующей, или через миллион.

Мне ничего не сказали, чтобы я тоже не могла ничего сказать тем, кого встречу. Почему же я тогда решила, что вообще есть какая-то миссия? Может вся задача и состоит в том, чтобы проверить проходимость врат «Кристалл» для человека? Нет, Государство глупых жертв не принимает даже от добровольцев, а уж тем более оно не будет несправедливо к тому, кого вызвали.

Сами по себе встречи с врачами, психологами и специалистами армии в лагере отдыха

ничего не значат, ведь талантливых детей стараются выделить как можно раньше и со многими из нас рано или поздно *беседуют*. Но тот старик с осанкой ровной, как флагшток, который говорил со мной последним, взял мою руку и, глядя в глаза, сказал: «Удачи тебе, Радость». Меня никогда раньше никто не брал за руку просто так. На занятиях по борьбе — показывали приёмы, на уроках медицины — помогали найти пульс. Старик сделал это просто, чтобы ободрить. В его пронизательном взгляде была надежда.

Здесь такое высокое и яркое небо, под ним — море. Оно было и до перехода, я его раньше видела и купалась в горьких сиренево-багровых волнах, холодных как растаявший снег. Теперь здесь море синее — такое странное, хотя по-своему красивое — любопытно будет посмотреть на него поближе. Но это потом... а сейчас так хочется есть!

Глава 8

Радостные вопли младших отрядов слышны еще с лестницы, приправленные сладким запахом сдобы с повидлом под смелые звоны ложечек о края чашек с чаями, компотами и какао.

Очередь в столовой получилась смешанной, пришедши первыми, младшие отряды по второму, а может и третьему заходам, шли к раздаче, за ними пристраивались старшие. Девочки продвигались быстро, выхватывали из румяных пирамид текущие с боков повидлом пирожки, проходили мимо пирамид с компотами и устремлялись к свободным местам. Атмосфера праздника и свободы вместе со сладкими запахами витала по столовой, ее разбавлял, усиливая многократно, тугий поток воздуха с балкона — белоснежные полупрозрачные шторы развевались у распахнутых настежь стеклянных дверей.

Хиз с Ирой наложили на подносы по три пирожка: яблоки, вишня, фруктовое повидло и взяли какао и травяной чай. Несмотря на суету, в столовой было предостаточно свободных мест, Ира уже крутила головой в поисках уютного уголка, когда Таню посетила удачная идея:

— Пошли на улицу, на балкон — открыто ведь!

Ира испытывала нерешительность по поводу балкона, но Хиз настояла:

— Если открыто, значит можно.

Девочки, выйдя, оказались перед стеной густой зелени, через которую рваными сантиметрами был виден асфальт внизу, море — на горизонте и небо — вверху. Удобное местечко нашлось в самом углу, подальше от выхода из столовой и поближе к открытому пространству. Глядя на Таню и Хиз, на балкон стали выходить другие девушки, сначала — отряд «1-А», а через пять минут уже и «малышня» забегала. Благо, подоконники, вернее один подоконник, разделённый на равные части колоннами и идущий по периметру, был шириной почти с поднос, а потому с комфортом могли разместиться все желающие.

Сквозь окна светлая столовая была видна, как на ладони, при этом, те, кто был внутри, с нескрываемым интересом смотрели на возникшую снаружи суету, стекло делало из противоположной стороны аквариум.

Находившиеся в углу балкона Таня и Ира могли себе позволить без лишних движений переключать внимание с зарослей деревьев и играющего листьями ветра на броуновское движение в столовой. Хиз теперь пила какао, а Ира дегустировала чай — не крепкий, но ароматный, с горными травами.

«Как хорошо все-таки!», — подумала Таня. Она повернулась в сторону моря и пыталась рассмотреть горизонт сквозь мельтешащие в густой зелени прорези. Ира ее толкнула в бок, на что Хиз возмущенно спросила:

— Ну что?

В ответ подруга показала взглядом куда-то в глубины столовой. Таня посмотрела в ту сторону, но ничего нового там не заметила — та же суета и шум.

— Девочка в униформе, смотри за ней, сейчас подошла к очереди.

Теперь Хиз действительно увидела нечто примечательное. В конец очереди пристроилась девчушка лет двенадцати, которая выделялась на ярком цветном фоне темным пятном. Она прятала лицо, её плечи изо всех сил сутулились, а шаги были напряжены, словно она вышла на лёд без коньков. Девушка изо всех сил старалась быть незаметной, тем

не менее, продвигаясь в очереди. Но все её усилия пропадали зря благодаря одежде — униформе, как выразилась Ира. Это был зелено-серый костюм из глухой, застегнутой под самое горло рубашки и прямой, как труба, юбки длиннее колен, черные сбитые ботинки доходили до середины голени. Серая девушка поравнялась с пирожками и стала делать что-то внизу со своей рубашкой. Хиз и Ире было плохо видно, но кажется, та поправила пуговицы над юбкой. Всё, отвернувшись спиной. За ней встала Рита с подносом, по позе которой и вздернутому носу легко читалось презрение к безвкусному костюму. Девушка всё стояла перед пирожками, в очереди образовался затор. Наконец, Рита не выдержала и что-то сказала, нетрудно догадаться, что попросила быть расторопней. девчонка отшатнулась от Риты, вынужденная пройти дальше — к компотам.

По ту сторону раздачи стояла тётенька в белом халате и колпаке, застыв с подносом полным стаканов, она смотрела во все глаза на серую девушку. Та почувствовала взгляд, подняла глаза и тут же метнулась в обратную сторону.

— Держи её! — голос у поварихи оказался зычным, как заводской гудок. Мгновенно сцена стала центральной, девушку заметили все, но держать её никто не собирался.

И Рита не собиралась её держать, она оказалась на пути у внезапной беглянки вместе со своим подносом с кофе и булочкой: они взлетели! Взлетел кверху поднос, за ним подбросило ноги в сандалиях. Другие ноги в ботинках пролетели сверху, их обладательница по вытянутой баллистической орбите неслась в сторону неизвестно когда возникшей на этом месте вожатой Светланы, тоже с едой на подносе. В финале номера девушка со всего размаха врезалась головой в живот Светлане, и они обе завалились на пол под громкий и звонкий аккомпанемент посуды, приземляющейся на гранит.

Кто-то крикнул: «Ух ты!», кто-то зажмурился, но на секунду повисла пауза. Потом, как по сигналу, все сорвались с мест: посмотреть поближе и помочь подняться участникам катастрофы. Первой на ногах оказалась девушка в сером — её сняли с вожатой, которая теперь сидела и глотала воздух — удар головой пришелся под дых. Сквозь кольцо любопытных и сочувствующих пробилась вожатая Маргарита. Она подошла к своей коллеге, та помотала головой «со мной все в порядке», и вожатая сразу переключилась на девушку в униформе.

— Ты не ушиблась? Тебе не больно? — неподдельная тревога была в голосе Маргариты. Девушка прижала руки к животу, пытаясь скрыть размазанное красное пятно.

— Что это? Ты поранилась?

В ответ девушка замотала головой. Ответил трубный голос тётеньки из-за раздачи:

— Всю рубашку в повидло испачкала! И зачем было прятать пирожки? Взяла бы сколько хотела.

Девушка, опустив голову, попятилась к выходу.

— И зачем я закричала? Привычка, наверное, всю жизнь такие сорванцы вокруг, — сокрушалась кухарка громко.

— Постой, — сказала Маргарита, видя, что девушка снова собирается удирать. Вожатая сделала шаг за беглянкой и словно о стену ударилась, когда увидела нож, выставленный в свою сторону. Очень маленький ножичек, ручка которого полностью скрывалась в сжатом до бела кулаке, тонкое короткое лезвие на вид было очень острым.

— Не подходите! — закричала девочка, истощный голос выдавал страх и решительность.

Все послушно застыли.

— Умница! — раздался голос директора лагеря. — Bravo! Верю даже я!

Ножик упал на пол. За спиной девушки стоял Спартак Петрович, его рука сжимала её плечо. Тут она разревелась.

— Ты замечательно сыграла, я достоверней актрисы не видел, можешь выходить из роли, — директор развернул девушку к себе.

— Драматический кружок «Кристалла» уже начал свою работу, — сказал Спартак Петрович бодрым голосом. — Вы увидели маленькую сценку из будущего спектакля, набор талантливых актеров продолжается, обращайтесь к своим вожатым.

Директор замолчал, и снова повисла тишина, шок, вызванный «сценкой» едва начал отпускать «зрителей».

— Я обязательно запишусь в ваш кружок, — сказала худенькая девушка из отряда Хиз.

— Милости просим! — ответил директор и пошёл из столовой вместе с «актрисой», которая ступала как тряпичная кукла и могла бы безвольно осесть, если бы не поддержка Спартак Петровича. «Вот это играет!», — восхищенно прошептала тётенька за раздачей. «Да, да...», — ответили ей тоже очень тихо, никто пока не решался заговорить в полный голос.

Дети и подростки стали расходиться к своим недопитым компотам, медленно в столовую возвращался беззаботный шум полдника, в нем появилась новая нота — обсуждение бурного происшествия.

— Нам снова навешали лапши на уши, — сказала Хиз, едва только они с Ирой вернулись на балкон — в этом лагере врут напрапалую.

— Снова? — спросила Ира.

— Да, первый раз был, когда проплывал дредноут.

— Ты уверена, что это не киношный корабль был?

— Абсолютно уверена!

— А что же тогда?

— Ну, я не знаю. Может быть, мираж, гость из прошлого, или из параллельного мира, или пришельцы с другой планеты на оригинальном ретро-НЛО. Но он совсем не отсюда. Я видела старинные линкоры только в фильмах, а современные корабли только в теленовостях, но этот дредноут похож на них, как бегемот на лошадь — они даже не родственники хоть и назначение одно: бегать на четырех ногах и есть траву. А вожатые выдали себя с головой сразу же.

— Как? — Ира была внимательна, на ее лице отражался ход мысли, может быть и не такой же, как у Тани, но определенно серьезной.

— Да они должны были первые удивиться, а не сказочки срочно придумывать. А теперь вот эта девушка в униформе и снова какая-то неправдоподобная история для школьников о театре самодеятельности.

— Хорошая мина при плохой игре? — Подсказала Ира.

— Да, при этом шитая белыми нитками! Они нас всех за дураков держат! — Эту фразу Хиз почти выкрикнула — на нее глянули несколько человек.

— Пошли на улице договорим, — предложил Ира. Таня молча согласилась. Подруги встали, взяли подносы, чтобы отнести их к окошку приёма грязной посуды и спустились на первый этаж.

— Наделала ты шума, — вздохнул директор. Он и залитая слезами девочка стояли на

улице, за их спинами захлопнулась дверь черного хода. Спартак Петрович достал рацию:

— К первой столовой машину для гольфа, пожалуйста, — сказал он и послушал, как в ответ сквозь шипящие помехи с трудом пробился голос подтверждающий прием. — Помехи-то, какие сильные, это из-за тебя, между прочим. Как зовут?

Девочка сразу не поняла, что от нее хотят, ответила с запинкой:

— Радость 104-99.

— Вот как, — директор удивленно вскинул брови. — У тебя и номер есть? Вместо фамилии что ли?

— Что вы от меня хотите? — Слезы девочки подсыхали, но не от того, что она успокаивалась, наоборот, напряжение, на время отступившее во время эмоционального взрыва, снова вернулось. Несмотря на летнее тепло, её знобило.

— Знать, как к тебе обращаться, откуда ты, почему с номером, как тебе помочь, в конце концов? Ведь ты же в беде? — Директор говорил негромко, в его голосе была забота, ему хотелось верить.

— Отпустите меня...

— А куда ты пойдешь?

Девочка посмотрела на горы, небо, оглянулась на столовую, внимание ее привлекла и одежда Спартак Петровича.

— Кто вы? — Директор по глазам девочки видел, что ее быстро наполняет паника, еще немного и она станет животной, и тогда несчастная упадет, потеряв сознание, или будет буйствовать, что тоже будет в некотором[A1] роде потерей сознания.

— Я честно хочу тебе помочь, — Спартак Петрович пытался угадать, что может успокоить, хотя бы на время, этого попавшего в невероятное и отчаянное положение подростка. — Знаешь, я здесь главный: в этом месте, где все создано для того чтобы делать детей счастливыми. Тут никто никого не обидит, а любая несправедливость будет обязательно исправлена. Поможет любой, к кому ни обратиться.

— У всех есть номер. — Неожиданно проговорила девочка, клацая зубами, ее трясло. Потом закрыв глаза, она собралась с силами и уже более ровным голосом стала декларировать. — Имя и номер даны каждому от рождения, но фамилию гражданин выбирает сам, когда заслужит это право. — Девочка замолчала и открыла глаза, она была намного спокойнее, хоть ещё и вздрагивала, но, по-видимому, произнесенная цитата придала ей сил.

Из-за угла вырвался белый открытый электромобиль, с тканевым тентом от солнца вместо крыши, за рулем сидел дядя Миша, девочка во все глаза смотрела на него и машину. Двуместный кар для гольфа остановился рядом с директором. Дядя Миша вышел, сочувственно посмотрел на девочку и сказал: «В холодильнике есть мороженное». Потом он помог директору усадить девочку, та совершенно неуклюже залезла в маленький салон, страх на время оставил её, она с открытым ртом осматривала электромобиль. Когда дядя Миша дал ей в руки брикет запечатанного пломбира, та его чуть не выронила с возгласом: «Холодное!». Директор подхватил мороженное, распечатал его и вручил за палочку номеру 104-99, в его взгляде читалось сострадание:

— Ты не знаешь, что это? Ешь осторожно, кусай маленькими кусочками, держи некоторое время во рту перед тем, как проглотить. Многим нравится больше пирожков. — Он подождал, пока девочка сделает первый осторожный укус, затем нажал одну из двух педалей гольф-мобиля и мягко повел его по аллее. 104-99 замерла, схватилась свободной

рукой за подлокотник, директор спокойно вел машинку дальше. — Растает, — директор кивнул на мороженное и девочка послушно сделала следующий осторожный укус. — Ну как? — В ответ 104-99 промычала что-то похожее на «Награда». Спартак Петрович покачал головой. — Невесело у вас там, если мороженное дают только в награду.

— Мне дважды давали, — гордо сказала девочка, отхватывая солидный кусок так, что показалась палочка. Она внимательно посмотрела на палочку и добавила с полным ртом, — только без щепочки.

— Её есть не надо, — поспешил сказать директор и хлопнул себя по лбу, — ведь ты же голодная! Ай, я глупый! Но ты в столовой такой переполох устроила, особенно когда свой ножик выхватила. — Спартак Петрович оправдывался, причем в первую очередь перед собой.

— А вы отдадите мой Нож? — спросила 104-99, с таким уважением выговаривая слово «Нож», словно это была минимум снайперская винтовка.

— Он тебе дорог?

— Это моя Привилегия, — в словах звучала гордость. — Я командир в своём отряде.

Директор на панели гольф-мобиля нажал комбинацию клавиш, зашипела рация и сквозь помехи донесся голос Светланы: «Слушаю».

— Девочка в столовой обронила свой острый сувенир, принесите его, пожалуйста, в верхний кафетерий.

Рация в ответ зашуршала: «Буду через 15 минут».

— Отлично, — сказал директор, обращаясь к 104-99, — скоро тебе вернут «Нож». А сейчас мы едем тебя кормить. Да и меня тоже, ведь только за пирожками на кухню пошёл, а тут ты. Хотя чего я ожидал? Наверное, ангела, а тут — «Радость» с номером.

Машинка повернула на очередной развилке вверх и натужно зажужжала электрическим двигателем. Радость тщательно облизала палочку от мороженого, вытерла ее о застиранный платочек и спрятала в кармашек на юбке. Девочка успокоилась, она внимательно смотрела по сторонам, то и дело резко поворачивая голову. Особенно её интересовали строения, а когда по пути попалась статуя пионера-горниста, вообще чуть из машины не выпрыгнула, Спартак Петровичу пришлось немного притормозить.

— Статуи нравятся? — спросил директор.

— Здесь тоже есть Пионер-12? — Вопросом на вопрос ответила девочка, она всё ещё выкручивала шею, пытаясь разглядеть скрывшегося за поворотом аллеи бронзового мальчика.

— Как видишь, — сказал директор. Потом он отбросил какое-то сомнение, но произнес, всё равно не глядя на 104-99:

— Как ты думаешь, где ты находишься и что с тобой случилось? — Тут жужжание электромотора затихло и кар остановился среди парка со старыми деревьями, на асфальтном пятачке перед одноэтажным деревянным строением с большими окнами. Кафетерий был выкрашен в веселую жёлто-бело-красную полоску.

Девочка вдохнула полной грудью воздух пропитанный запахом мшелых деревьев и сказала неожиданно заулыбавшись: — По-видимому, в Раю. Значит, я не умерла.

Обе половинкиотряда после полдника собирала одна вожатая Маргарита, она стояла словно маяк в беспокойном детском море, в которое превратилась площадка у столовой. Таких «маяков» было пять, все в одинаковой элегантной одежде — это оказалась униформа, разными были только цвета пилоток и чехлов для коммутаторов на поясе: чем младше отряд — тем ярче головной убор и футляр для рации ему в тон. Незнакомые «классные дамы» улыбались и что-то говорили младшим детям, при этом некоторых приходилось ловить и силком ставить в общую кучу.

Когда очередная девушка из отряда «1-А» подходила и спрашивала: «А где вожатая Светлана?», Маргарита улыбалась и кивала на Полину или Аню, одна из них, в зависимости от того, из какой половинки был вопрошавший, отвечали: «Она у директора, уточняет план на завтра. Скоро будет». Судя по монотонности интонаций, это повторялось уже раз семь. Наконец, из столовой показались последние девушки, Аня и Полина радостно воскликнули: «Все!».

— А теперь замереть! — крикнула Маргарита и почтальоны принялись вслух считать свои подотряды. Ещё раз прозвучал двойной возглас: «Все!».

Хиз прошептала Ире на ухо: «Скоро наши командиры научатся у вожатых говорить одним голосом».

Ира хмуро покивала. Подругам удалось выскользнуть из столовой на десять минут раньше, этого времени хватило лишь на короткий разговор. Выводы были следующие: если бы не явление «дредноута», всё можно было бы списать на розыгрыш в стиле: «чтобы было интересно». Но теперь ко всем событиям необходимо относиться скептически и, по возможности, стараться внимательнее смотреть по сторонам. И еще хотелось найти кого-нибудь, с кем можно было бы обсудить свои туманные домыслы, не боясь показаться смешными.

— Все в сборе, — заключила Маргарита. Она повела отряд вниз, по незнакомой лесенке, продолжая говорить. — Теряться можно, но только в свободное время. Если вы не пойдёте купаться вместе со всеми — ваше дело, но если вы не появитесь из моря — беда. Тот же принцип и с обедом — кто идет в столовую, тот из неё возвращается. В процессе любого мероприятия ваше количество должно быть неизменным. В случае срочной необходимости убежать по своим делам, а поверьте, чем больше пройдет времени, тем больше у вас их будет, сообщайте вожатым или почтальонам. Вопросы?

— Куда мы идём?

— О, девочки, просто гулять — короткая экскурсия, — Маргарита сделалась коварной, — но сначала мы остановимся здесь для маленькой торжественной церемонии.

Отряд стоял в небольшом скверике, размером с баскетбольную площадку.

— Полина и Аня, подойдите ко мне, — сказала Маргарита торжественно. За спиной у неё была клумба со скульптурной группой: два мальчика и девочка с игрушечным самолётом в руках. Каменные пионеры, крашенные в серебрянку, запускали модель в небо, скульптору удалось передать мгновение, предшествующее полёту, ветер в волосах детей.

Оба почтальона подошли к вожатой, она пригласила встать их по обеим сторонам от себя, лицом к «зрителям».

Все замерли.

Выждав небольшую паузу, Маргарита, отмеряя каждое движение под беззвучную классическую симфонию, расстегнула футляр, из которого не так давно был явлен бинокль, и достала двое часов с красными ремешками.

— Это навигаторы почтальонов! — объявила вожатая, держа «часы» перед собой в вытянутых к отряду руках. — Они отличаются от обычных только цветом ремешка.

— Красивые! — сказала девушка, у которой на руке были часы.

Навигаторы и вправду выглядели симпатично. Ремешок из ткани с дырочками был насыщенного светло-вишнёвого оттенка с тонкими чёрными буквами «1-А». За круглым циферблатом с выпуклым стеклом отсвечивало на солнце серо-стальное табло — самые обычные электронные часы. Перечёркивая цифры, от центра к краю отходила одна тонкая стрелочка, она слегка светилась зелёным.

— Это простейшие GPS-навигаторы, они показывают только время и направление, а если нажать на кнопочку, то расстояние в метрах до цели.

— А что за цель? — спросила Аня.

— Если не менять настройки, цель — это наш корпус. Таким образом, вы никогда не заблудитесь, а с другой стороны, мы — вожатые, вас никогда не потеряем, потому что каждое устройство обозначает себя на местности.

— А сейчас, почтальоны, — все удивлённо повернули головы в сторону знакомого голоса — на площадку вышла Светлана, после визита к начальству выглядела она серьезнее обычного. Но может быть, вручение навигаторов и вправду было таким важным и волнующим моментом? — давайте ваши руки!

Аня и Рита послушно протянули левые запястья и вожатые, каждая своему почтальону, одели навигаторы, застёжки были самыми обычными — язычок в дырочку.

— Навигаторы среди прочего считают ваш пульс, как фитнес-браслеты, — стала рассказывать Маргарита, пока девочки изучали свои новые приборы. — Только, если пульс пропадёт, сигнал поступит нам, директору и на пост спасателей.

— А если я его просто сниму, меня тут же примутся спасать и искать? — Рита с испугом смотрела на свой «наручник», в этот момент он перестал ей казаться таким уж привлекательным.

— Думаете, навигатор не знает, на руке он или нет? — ответила Светлана. — И, конечно же, вы его можете снять в любой момент и вообще носить, когда вздумается...

— Но для почтальона навигатор с красным ремешком — необходимый атрибут, — вставила Маргарита, — так что мы бы вас попросили с ними надолго не расставаться.

— А кроме почтальонов, «браслеты» могут получить только хулиганы? — Вопрос задала девушка с часами, она была из северного отряда. Ей ответила Маргарита:

— Алёна. — Похоже, вожатые знали поименно всех девушек, наверное, картотеки с фотографиями разучивали. — Нет, не обязательно совершать какой-нибудь плохой поступок, можно просто попросить.

— Но в чём же тогда наказание навигатором, о котором вы говорили?

— А задача наказания перед лагерем не стоит, навигаторы для, как ты выразилась, Алёна, «хулиганов», это вовсе не возмездие, а только мера предосторожности.

— Ради их собственной безопасности, — подхватила Светлана, — если ребёнок предрасположен к безответственному поведению.

— Или плохо воспитан, — подсказала Маргарита.

— Да. Мы его перевоспитывать, направлять и наставлять будем, но это не всегда

работает сразу. И, к сожалению, такие дети чаще других попадают в беду.

— При этом подводят своих друзей.

— А мы должны защитить и таких детей и тех, кто их окружает.

— Браслет в таком случае хорошая гарантия того, что ребёнок будет вовремя найден и спасён.

— Но если проказник снимет свой «браслет»? — спросила Аня.

— А навигаторы для проказников не снимаются! — У вожатых стали очень довольные лица, они словно языки всем показывали.

Аня и Полна задергали свои ремешки, те чуть посопротивлялись рвению и неловким движениям, но всё же поддались и расстегнулись. Девочки уже спокойнее одели их обратно.

— Еще навигаторы противоударные и непромокаемые! — сообщила Маргарита.

— Ремешки их не режутся, не рвутся, их также можно будет забрать себе на память. — Сказала Светлана, пожалуй, самую важную информацию этого собрания.

— Кто хочет получить навигаторы? — Спросили вожатые хором.

Хотели все. Чуть раньше, после короткой беседы с Радостью № 104-99 — пока ей подавали обед, Спартак Петрович вместе со Светланой решили, что лагерь может себе позволить расстаться с тысячью ремешков со вставками из кивларовых нитей, но все имеющиеся в наличии навигаторы необходимо было раздать. «Откуда в лагере столько устройств?», — удивилась Светлана. На что директор серьёзно ответил: «Мы же давно готовились к этой смене».

Короткая беседа с Радостью № 104-99 в ожидании обеда:

— Радость, ты действительно считаешь, что умерла и попала в Рай?

— Нет, я так не считаю. Если бы я умерла, то не попала бы в Рай.

— Стоп... А куда бы ты попала?

— Снова бы родилась, чтобы продолжить служение Государству.

— А сейчас ты в Раю, потому что не умерла?

— Да.

— Хм. У нас наоборот.

— Потому что вы уже Дома.

— Дома — значит в Раю?

— Да.

— А откуда ты? Не с Дома?

— С Нового Дома.

— Вы так и называете вашу планету?

— Мы её называем Землёй или Новым Домом.

— Наша планет называется тоже Землёй — просто Домом.

— Всё правильно. Старый Дом — рай, откуда мы были изгнаны, в Новый Дом.

— С ума сойти, Радость, мы сейчас запутаемся.

— Это вы запутаетесь, а я всё знаю твёрдо.

— Откуда?

— Государство нас учит.

— Ты с таким уважением говоришь о вашем государстве, расскажи о нём больше.

— Нас учили не говорить врагам ничего о Государстве даже под пытками.

— Ты считаешь нас врагами?

— Нет.

...

— Держи, тебе принесли твой Нож. Это вожатая Светлана — она руководитель старших девочек. Ты не против, если она тоже будет слушать?

— Не против. Она очень похожа на моего воспитателя.

— А как зовут твоего воспитателя?

— Радость ВерГо — что значит Верная Государству — это её фамилия.

— Она гражданин, заслуживший Привилегию?

— Да.

— Чем она её заслужила?

— Я ничего не должна говорить врагам о Государстве.

— Но ты же говорила, что не считаешь нас врагами.

— Не считаю, я не уверена.

— Чем мы не враги наверняка?

— Враги бы меня стали сразу пытаться. На уроках мы смотрели фильмы о врагах — они чудовища, вы на них совсем не похожи.

— Они люди-чудовища, то есть очень плохие люди, или какие-нибудь не похоже на людей существа?

— И то и другое.

— До того, как попасть к нам, ты была в похожем месте, другом лагере?

— Отличается не только лагерь. Это другой мир.

— Ты думаешь, что есть другие миры кроме твоего?

— Да, и я в одном из них.

— «Другой мир» — откуда вообще у тебя эта идея, где ты слышала эти слова. Может быть, ты в другой стране.

— Небо, наверное, похоже во всех странах... Слова «другой мир» каждый гражданин слышит во время первого урока: «Мы пришли из другого мира, где воздух легче, а Солнце яркое и далёкое. Там всем всего всегда хватало и человеку любое животное было другом. Если мы будем слажено и с ответственностью трудиться на благо Государства, оно найдет путь Домой и отведёт нас всех туда. Всех до единого, кто был по-настоящему предан. Не будут забыты и те, кто умер здесь окончательно и не родился, в мире, который мы назвали Новым домом. Они встретят по ту сторону, в Родном Доме из которого нас изгнали, когда мы согрешили и поставили личное выше Общественного».

— Кто вас изгнал?

— Всевидящее Государство, когда, заглядывая в человеческие сердца, оно увидело, что мы обречены на... эгоизм. «Они вышли в гордыне своей за двери Рая, а когда оглянулись, не увидели больше дома. Солнце огромное и тусклое медленно взошло над близким горизонтом, осветив чужие пустые города. Молчаливые и подавленные разошлись люди и долго прибывали в одиночестве, не желая общаться с себе подобными. Видя раскаяние и близость гибели всего изгнанного рода человеческого, Государство сжалилось над своими детьми и послало Учёных и Военных собрать всех в честь радостной вести: будет подарена надежда и прощение — ищите путь домой — он есть и вы найдёте».

— Какая у тебя хорошая память. Ты цитируешь?

— Да. Книгу Нового Бытия знают наизусть все граждане.

— А есть не граждане?

— Есть, но жизнь их без сени Государства проходит быстро и безрадостно за пределами городов, где они питаются друг другом...

Рита и Аня теперь были самыми настоящими почтальонами с красными ремешками. В конце дня вожатые обещали выдать устройства всему отряду, но сейчас с «часами» на запястьях красовались только эти двое. Прогулка не продолжилась, пока все девочки не посмотрели и не потрогали навигаторы. Маргарита и Светлана обучили помощниц набирать сигнал SOS — три по три нажатия единственной кнопкой — стальной полоской на торце. Отмена сигнала (всякое бывает, хотя того мальчика, что кричал: «Волк! Волк!», в конце поучительной истории съели) — два по четыре нажатия.

— Пора продолжать наш путь, девочки, времени не так уж и много, а нам предстоит еще одно ответственное событие. — сказала Маргарита. На удивление Светлана ничего не добавила, она выглядела задумчивой, похоже, перемена в настроении была вызвана непредвиденным событием, мысли о котором не давали качественно играть роль. Она лишь неопределенно помахала рукой: «Пойдёмте, пойдёмте...» и возглавила процессию. Некоторое время Маргарита в одиночку несла двойное бремя вожатых, покрывая растерянность напарницы, давая ей возможность незаметно вернуться в норму.

— Мы идём к спортивной площадке, — торжественно и гордо объявила Маргарита, при этом она обвела всех взглядом тренера, готовящего олимпийских чемпионов.

Поход сам по себе был неплохой разминкой. Отряд спускался по лесенкам, потом поворачивал на развилках, потом поднимался по диагонали тенистыми дорожками. Наконец с очередной площадки, меж крон деревьев, растущих на ярус ниже, замаячили вышка арбитра и баскетбольные кольца. Несмотря на зрительную близость, пару минут пришлось покружить, прежде чем короткая парадная лестница вывела прямиком ко входу на баскетбольное поле. Девочки спускались по двое друг за дружкой, впереди были вожатые, Маргарита рядом со Светланой — вновь весёлой и беззаботной. Вожатые взялись, каждая со своей стороны, за створки высоких сетчатых ворот и с усилием их распахнули. Раздался продолжительный скрежет, некоторые от него поморщились.

Площадку со всех сторон окружала высокая сетка. По-настоящему высокая, через такую мяч трудно перебросить. Верх сетки был густо заплетён лианами, накрыт кронами деревьев, тогда как внизу за нее держался редкий плющ. В густой тени, накрывавшей спортивную площадку, случайные сорняки не росли.

Переплетение старого парка и вросшего в него спортивного комплекса создавало ощущение уединения, неподвижного до тех пор, пока не начинаешь вслушиваться. Здесь нет ветра, он где-то далеко вверху на горе. Пока не начинаешь вглядываться. Солнца здесь тоже нет, только его маленькие острые разведчики рассыпаны яркими желтыми пятнами, похожими на остатки вырезанных из бумаги человечков. Хиз это место определенно нравилось, ей трудно было представить тут спортивное оживление, но легко виделось задумчивое чтение на одной из лавочек-трибун. Лавочки располагались всего с одной стороны поля, в четыре ряда — каждый покрашен в свой насыщенный и чистый цвет: красный, синий, зелёный, желтый.

Вожатые провели отряд через площадку к другим скрипучим воротам — близнецам предыдущих. За ними оказалась еще одна лесенка, которая спускалась к длинному ряду рукомольников и квадратному строению, у которого лицевая стена была тоже сеткой, только с дверцей, запертой на ключ. Внутри виднелись лавочки и стеллажи.

Маргарита открыла двери, щелкнула выключателем и неоновые трубки лампочек осветили сумрак на полках. Здесь лежали мячи — футбольные, баскетбольные, гандбольные и теннисные, цветные палочки для эстафетных игр, флажки и конусы, даже крашенные в серебристый цвет муляжи гранат с ручками, такие, как в фильмах о Второй Мировой войне. В одном из углов стояла целая вязанка шестов для гимнастики, а рядом в таком же количестве висели кольца, чтобы крутить на талии. У противоположной стены — закрытые шкафы, которые открывались тоже универсальными ключами вожатых. В первом из шкафов были одинаковые пары кед — сотни, от них шла волна нового резинового запаха, во втором стопками лежала сложенная спортивная форма...

— А третий шкаф — сюрприз, — сказала Маргарита, — который вам откроется в конце нашего спортивного занятия.

— А у нас что, сейчас будет спортивное занятие? — удивлённо спросила полная рыжая девочка Лина.

— В некотором роде, — ответила Светлана, — но пусть никто не беспокоится, потеть на спортплощадке не придётся!

— Да, первый урок — он самый приятный, — добавила Маргарита. — Но оба отряда должны построиться по росту. Нам так будет проще подобрать и раздать всем форму.

Отряды оживились в предвкушении формы. Вожатые построили их в две шеренги у склада инвентаря и девочки стали заходить парами, сначала самые высокие, и быстро выходить со стопочкой синей формы и красными кедами.

— Идите на скамейки и примеряйте форму, — наставляла Светлана.

— Если что-то не подходит, становитесь в конец своей очереди, — говорила Маргарита.

— Как вы можете заметить, всё новое, принадлежать эта одежда будет только вам...

— И уедет она из лагеря вместе с вами...

— Так что подбирайте размеры тщательно, — закончила Светлана.

Очереди продвигались быстро, вожатые деловито оценивали на глаз девочек и сразу выдавали им комплект из шорт и футболок, размеры кед надо было выбирать самому по номерам.

Первой к лавочкам подошла Аня, к ней сразу же присоединилась Рита. Она не была самой высокой среди Солнечных Ласточек, но почтальонам всегда полагалась быть впереди. Прежде чем переодеться девочки нерешительно осмотрелись по сторонам, вокруг была лишь пустая площадка, окруженная плотной стеной зелени за сеткой. Подходили следующие обладательницы новенькой спортивной формы, и девушки просто отвернулись друг от друга, быстро сбросили одежду и одели другую. Футболки и шорты свободного покроя, но элегантные и легкие, тёмно-синие с белыми полосочками по швам. Надев кеды, Рита и Аня сложили свою одежду стопочками на лавке, поставив под неё обувь, и посмотрели друг на друга — за неимением зеркала.

— Неплохо, — сказала Аня.

— Даже удивительно, как неплохо, — согласилась Полина.

Каждая при этом, конечно же, представляла себя.

Вскоре оба отряда стояли вдоль лавочек, поправляя футболки цвета зимнего моря и шевеля пальцами в кедах.

Когда успели переодеться вожатые, никто не понял, но и они уже были в форме, только не синей, а мышинно-серого цвета.

— Суть первого урока физкультуры сводится к примерке формы. — сказала Светлана.

— Посмотрите внимательно друг на друга, — сказала Маргарита и девушки послушно оглянулись, — эта одежда будет для вас столь же привычной, как блузки привезенные чемоданами из дома, а кеды вероятно станут любимой обувью в «Кристалле».

— А теперь сюрприз! — Светлана вся сияла от счастья, она даже сложила ладони у груди, словно собралась помолиться, или скорее захлопать от неподдельного восторга.

— Это наша любимая часть первого урока физкультуры! — Маргарита доверительно понизила голос. — Сюрприз двойной!

— Во-первых, вы получаете для своей одежды замечательные рюкзаки, прошу снова пройти за нами. — И вожатые увлекли всех в свой чудо склад, где сразу стало тесно. Там они открыли тот самый третий шкаф, где на крючках висели красные небольшие спортивные рюкзаки, откровенно девичьи.

— Всем взять по одному и идти складывать внутрь свою одежду! — скомандовала Маргарита. Возникла суета и давка, которая быстро рассосалась, спустя пару минут уже весь отряд стоял у лавок полностью готовый к новым указаниям. У вожатых на спинах красовались такие же красные рюкзаки. Вот теперь Маргарита и Светлана больше походили на настоящих пионерских руководителей. Правда их идеальные причёски и лица полные мудрости и любви по-прежнему принадлежали классным дамам позапрошлого века.

— Вторая часть сюрприза состоит в том... — начала Светлана и остановилась, давая договорить Маргарите.

— Что к корпусу вы добираетесь сами, — продолжила Маргарита.

— Слушайте ваших почтальонов...

— И учитесь пользоваться навигаторами.

Вожатые быстро прошли мимо обалдевшего отряда, поднялись по лестнице к выходу с площадки и скрылись в зелени за ближайшим поворотом дорожки, только калитка звякнула.

— Ну вот! — сказал кто-то через секунду.

— Хороший сюрприз, — добавил другой голос.

— Как они могли? Мы же первый день в лагере! — это возмущалась Рита. К её недовольству примкнули все клоны-блондинки и на недавно тихой площадке стал нарастать шум.

— Ну, это же классно, — воскликнула Хиз, — наконец прогуляемся без этих «чтобы было интересно» вожатых!

Кроме Иры Таню никто не услышал. Та сочувственно сказала:

— Были бы у нас навигаторы, слиняли бы сами, а так придётся держаться вместе.

— Вернемся в корпус — сразу к вожатым за навигаторами!

— Девочки! — это взывала к разуму отряда Аня. — Поговорим по дороге, давайте выбираться отсюда. Нас же не в диком лесу бросили, всего-то по дорожкам полчаса походим!

— А ты видела, сколько здесь этих дорожек? — визгливо воскликнула Рита.

— Видела! Но я, как почтальон, собираюсь свой отряд вывести. Могу и твой прихватить, если тебе так здесь понравилось, что не собираешься уходить.

Все смолкли, слушая перепалку.

— Да, здесь мило, — с вызовом сказала Рита, — но я отсюда выйду. Мы — «Ласточки» выйдем и вас, «Нимфы» не спросим!

— Да! — закричала один из клонов в тишине и все с недоумением уставились на неё.

— Пойдёмте, «Нимфы», — Аня бросила последний презрительный взгляд на Риту и

пошла вслед за вожатыми. Весь северный отряд последовал за ней.

— Нельзя разделяться! С этого начинаются все фильмы ужасов! — Воскликнула бледная и худенькая девочка с медными волосами, её имени пока никто не знал. Потом она пожала плечами, извиняющимся взглядом попрощалась с «Ласточками» и поспешила за своими.

— Мы всё равно первыми доберёмся до корпуса! — Прокричала вслед Рита.

— Сами напросились, — сказала через плечо Аня, — победителя считаем по последнему прибывшему на пятый этаж.

В ответ Рита, кажется, чертыхнулась.

— Кто по-твоему выиграет? — Тихо спросила Маргарита у Светланы. Та в ответ пожала плечами. Вожатые стояли, удобно облокотившись о ствол высокого дуба. Отряды они почти не видели за густой листвой, лишь мелькания синих кусочков материи, да красных рюкзачков. Зато слышимость была отличной.

— Не знаю, но нам, чтобы их провожать придётся разделиться.

— А в чём проблема?

— Вдруг опять трещина и что-нибудь ка-а-ак вылезет!

Маргарита подумала, прежде чем отвечать.

— Мы знаем, что и внизу, и сверху — такой же детский лагерь, как и «Кристалл», чуть хуже, чуть лучше. С любыми детьми мы справимся уговорами, а для вожатых, даже самых свирепых, есть самбо, не зря же с осени по весну тренировались всем коллективом...

— ...месяцами не вылезая из лагеря, — привычно закончила за коллегу Светлана. — Только тебя не было, когда мы разговаривали с Радостью 144-99.

— С кем, с кем? — Имя для Маргариты прозвучало не просто странно, оно вызвало мгновенное беспокойство: идешь себе по тротуару, может быть, насвистываешь, или думаешь о чём-то приятном, да и облачка на небе — мечтательные. И как шагнешь с высокого бордюра и клацнешь громко челюстью, и топнешь так, что почки отзовутся болью.

— Той девочкой с ножиком. Это у неё имя такое, с номером и без фамилии. Мурашки по коже от её скупых рассказов. Мне показалось, что в «Кристалле», который ниже, не немного хуже, а намного. Санаторий какого-то ужасного мира и они тоже отчаянно хотят домой.

— Как и мы?

— Намного сильнее. У нас это абстрактная идея нескольких религий: изгнание из Рая и проживание на не такой уж и плохой Земле. А у них конкретная идеология, вокруг которой сплотились все, потому что у них там, если не ад, то точно его преддверие. — Они работают на возвращение и как евреи за Моисеем идут в одном строю за диктаторами и в ответе каждый... — тут Светлана запнулась.

— ...по-номерно. — угадала Маргарита, почувствовала, какое понятие ищет Светлана. — Мои уже пошли — я за ними.

— Посмотрим, чьи будут первыми! — громким шепотом сказал Светлана вслед. Она хотела переключиться на сиюминутные заботы об отряде, но сразу не смогла, добавила уже для себя: — ...по-номерно, а кто не по-номерно, того в расход — на завтрак.

«Солнечные ласточки» уже минут двадцать поднимались по асфальтной дорожке, которая петляла по парку, словно змея, поворачивая через каждые двести метров в противоположную сторону, но, тем не менее, неумолимо и круто ведя в гору. Рита остановилась, якобы подождать свой отряд — спортивная подготовка позволяла ей быстрым шагом следовать впереди, то и дело отрываясь и заглядывая за угол. Поначалу девочки старались поспевать за ней, но быстро выдохлись. Потом стали умолять, чтобы Риточка не шла так быстро, кто-то даже предположил, что почтальон хочет бросить своих подопечных:

— Если хочешь убежать — убегай, но только оставь навигатор — нам без него не выбраться, — сказала некто Марина — она запомнилась Рите по россыпям веснушек на её

бледном лице и покрасневшим от солнца плечам, хотя волосы девушки были иссиня-черными. С Мариной согласилась большая часть отряда и первыми были клоны. «Предатели!», — подумала Рита и решила использовать свои личные преимущества на общее благо, хотя бы для сохранения власти — ей нравилось быть впереди отряда.

Очередной раз обогнав весь отряд метров на сто, она зашла за угол, где смогла сбросить самоуверенную маску и на несколько секунд предаться отчаянию. Навигатор упрямо показывал на 90 градусов восточнее, чем вел серпантин. И если вначале прибор определял расстояние по прямой всего в полтора километра, то теперь индикатор метров подбирался к двум тысячам. Следовать по дорожке упрямо дальше — лишь наращивать расстояние. Возвращаться обратно, значит спускаться по склону, чтобы потом заново отвоёвывать у горы высоту, а отряд уже стонет и находится, по-видимому, на грани бунта, того и гляди — скрутят и отберут навигатор. О том чтобы прийти раньше «Горных нимф» почтальон уже не мечтала, ей хотелось просто выбраться из парка, желательно с минимальным позором.

Из-за поворота дорожки послышалось измученное шлёпанье ног по асфальту, а между густо посаженных кипарисов мелькнул силуэт. Рита подобралась, важно прищурилась и стала смотреть на навигатор приговаривая:

— Всё ближе и ближе к корпусу, если бы мой отряд не тащился, как полудохлая змея, мы бы уже были на месте.

— Мы (тяжёлый вдох) идём (выдох с присвистом) не в ту (вдох с хрипом) сторону (шумное сглатывание слюны), — сказала та самая веснушчатая брюнетка с обгорелыми плечами, Рита уже забыла, как её зовут.

— А в какую надо? — Спросила с презрением в голосе и с надеждой в душе Рита.

— В ту, — девочка показала точно туда, куда и стрелка навигатора, — мы всё время удалялись.

Судя по звукам, а это были задыхающиеся жалобы и тяжёлое шарканье, отряд подходил к повороту. Почтальон после полусекундного раздумывания взяла девушку под руку и крепко удерживая, повела вперёд.

— Эй, вы куда? — Раздался ревнивый голос кого-то из блондинок.

— У нас секреты, не мешайте! — Выкрикнула через плечо Рита и увидела, как клон надулся. Но дышал он тяжело и с трудом переставлял ноги, а потому ничего больше не сказал.

— Э-э-э...

— Марина, — подсказала девушка.

— Конечно, Марина! — Рита взмахнула свободной рукой и пожалала плечами так, словно это не она забыла имя девушки, а та сама запомнила и обратилась за помощью. Продолжила она очень тихо, близко-близко приблизив лицо к лицу Марины, что было легко, учитывая, что Рита практически тащила девушку, но благодаря поддержке та перестала задыхаться, она рисковала потерять сознание, героически догоняя прыткого почтальона. — Так что делать? — Спросила Риточка шёпотом и воровато оглянулась — лишнего внимания на них не обращали.

— Идти напролом, если не хочешь возвращаться, может быть еще и «Нимф» обгоним.

— Обгоним «Нимф»?! — Протянула Рита, как оказалось слишком громко, из отряда тут же послышались протесты — никто уже никого не хотел обгонять.

— Нимфы сразу пошли не в ту сторону. — Сказала Марина и у почтальона на лице отразилось неверие. — Они от площадки свернули не туда.

— Как? Оттуда же нас привели вожатые!

— Вожатые нас специально блудили и путали. В нужную сторону сразу свернула ты, — Марина хихикнула, — из вредности!

— А ты откуда всё знаешь? — Спросила Рита. Насчёт вредности она проглотила, так как было полностью согласна, тем более что это всё-таки она выбрала верный путь, чем быстро начала гордиться.

— У меня талант штурмана, как говорил дедушка, врождённый — по бабушкиной линии. Дед был профессиональным гонщиком, мы с ним все Карпаты объездили — меня он в качестве навигатора всегда брал. Только точку на карте показывал и компас: в какую сторону и сколько часов примерно ехать. А я говорила, куда поворачивать на всех развилках и перекрёстках, даже ночью мы по самым путанным дорогам могли быстро к любому селу в горах выехать...

— Так как же обогнать «Нимф»? — Перебила Риточка. Ей правда было очень интересно, как Марина с дедушкой по Карпатам колесили и она пообещала себе ещё об этом спросить, но потом, когда честь почтальона «Ласточек» будет спасена. «Целеустремлённость — нужное для предводителя качество», — вздохнула про себя Рита. — Где та развилка, на которую укажет твоё чувство штурмана?

— Если ждать развилку и идти дальше вверх, то мы будем всё дальше удаляться от корпуса и можем не успеть не только за «Нимфами» — нас в розыск объявят. — Марина чувствовала себя в своей тарелке — возможно впервые за день ей стало легко, весело и интересно одновременно. — Давай пойдём прямо по парку: если не будет оврагов и речек — быстро выйдем на нужную дорожку.

— Пройдём сквозь стену лабиринта! — воскликнула Рита, уже не таясь, и обернулась к отряду — тот был угрюм и недоверчив. — Поступили новые сведения! — Она говорила громко, обращаясь ко всем. — Есть возможность срезать, но придётся идти не по дорожке.

Отряд не хотел идти не по дорожке.

— Но мы сильно сократим путь, не будем круто подниматься в горку и обгоним «Нимф»! — Риточка засияла улыбкой юного, не разочаровавшегося в профессии лохотронщика.

— Я готова идти куда угодно, только не вверх, — белобрысый клон Риты — наверное, главная из копий, выразил общее мнение.

— Веди, — сказала другая блондинка и слабо махнула рукой, не то разрешая, не то отгоняя невидимую муху. Теперь Рита увидела, насколько пошатнулся её не успевший укрепиться авторитет. Ещё немного и все подпевалы, на которых держится власть, отвернутся и у почтальона с позором отберут навигатор с красным ремешком.

Риточка повернулась к своему добровольному штурману и тихо повторила сквозь нервный смехок: «Веди».

Навигатор указала на ближайший просвет в кипарисах и прошептала:

— Просто в ту сторону, иди впереди, а я буду, когда надо, подсказывать.

— Спасибо! — Тоже прошептала Поля и смело шагнула через побеленный бордюр, отделяющий асфальт дорожки от разнотравья парка.

За кипарисами трава быстро редела — зелёная полоса была лишь узкой опушкой перед тенистым сосновым лесом. Прямые, словно мачты, деревья росли густо, дальше двадцати метров вглубь из-за серо-рыжих стволов видно не было. Рита подождала, пока последняя из «ласточек» проскользнёт сквозь деревья. Весь отряд оглядывался, удивляясь, что почти сразу

за упорядоченными аллеями начинается лес — хоть и называют его в «кристалле» парком. А каков же тогда настоящий лес — тот, который виднеется на склонах горы выше лагеря?

«Шестнадцать», — сказала Рита про себя, отметив, что вожатые очень правильно поступили, когда заставили её и другого почтальона — Аню — считать подопечных. «Все!». Риточка демонстративно глянула на навигатор и решительно двинулась навстречу непроглядной сосновой чаще. Через дюжину шагов под ногами громко захрустела хвоя с бугорками сухих шишек.

Отряд стал большой гремучей змеей, ползущей за Ритой, все замолчали, шокированные резкой сменой света, цвета, запахов и звуков.

Вскоре вслед за девочками в чащу парка вошла вожатая Светлана. Её бархатно-мышинная форма, перечёркнутая по плечам чёрными лямками, сливалась с серыми стволами деревьев, а вот сзади ярко-красный рюкзачок выделялся большим сигнальным пятном. Вожатая смотрела на то, как сине-красная колонна — девочки могли бы выстроиться в большой британский флаг — со звуком разгорающегося лесного пожара углубляется в парк. Светлана скептически («ну-ну...») покачала головой с идеально сидящей на белых волосах пилоткой и пошла вслед за своими подопечными, совершенно не утруждаясь ступать беззвучно.

Когда Аня поняла, что уводит «Горных нимф» всё дальше от корпуса, возвращаться было поздно. Она как могла держалась маршрута, которым их вели вожатые, но уже на третьей развилке не смогла бы точно ответить — проходили ли здесь. Навигатор наверняка помогал только в одном: избавлял от иллюзий. После каждого поворота в сторону, указанную стрелочкой, счётчик лишь первые шагов сто неуверенно уменьшал расстояние. Потом дорожка умудрялась плавно изогнуться или резко повернуть так, что циферки замирали и снова начинали почти в прежнем темпе накидывать метры. Последний поворот был многообещающим — асфальтную дорожку за ним словно прочертила стрелка навигатора, но потом начались лестницы. Десять ступенек в нужную сторону, а потом дорожка — в ненужную, вот двадцать ступенек опять куда надо, но потом дорожка делает зигзаг, повинувшись складкам горной местности, и ведёт совсем не туда. И так долго.

По расчетам Ани, по виду на море, открывающемуся за спиной, а особенно по усталым вздохам, можно было предположить, что половина подъёма пройдена. При этом изначальное, от непонятно где затерянной спортплощадки расстояние почти не уменьшилось, а стрелка показывала на 90 градусов в сторону от вектора, по которому девочки двигались.

Аня остановилась: похоже, пришёл момент проводнику объявить о фиаско, чтобы вместе решить, идти ли дальше, или вернуться вниз до ближайшей развилки, которая тоже не факт, что ведёт в нужную сторону. Почтальон повернулась лицом к измученному отряду, набрала решительно воздуха и сказала:

— Нам сюда! — Она показывала на неприметный разрыв в зелени, тонкую боковую дорожку. Со стороны подъёма проход видно не было — разрослись кипарисы, но сверху Аня, за секунду до своего, казалось, неотвратимого падения, заметила прочерк в линии белого бордюра и асфальт, скрывающийся в густой тени.

Несмотря на то, что солнце давно ушло из зенита, отряд обливался потом — непрерывный подъем выжимал из девочек силы и влагу, страшно хотелось пить. Тенистая тропинка так и манила прохладой, казалось, что оттуда тянет сыростью. Первой пошла Аня, за ней последовали остальные «нимфы», почтальон стояла сразу за деревьями, чьи ветки аркой нависали над проходом, она считала красные рюкзачки: «...Шестнадцать. Все!».

Девочки удивлённо оглядывались. Впервые они попали в часть лагеря, которая не была похожа на ухоженный парк. Тропинка выглядела давно забытой. Из-за разросшихся по сторонам деревьев, а здесь были не только кипарисы, сквозь их мягко-зеленые ветки тут и там лез голубоватый сосновый подлесок: и без того узкий проход стал дремучим коридором. Тропинку растворял лес: и зрительно, и фактически. Узкая полоска асфальта, чуть шире стопы, осталась только посередине, да и та была сплошь покрыта мягкими зелёно-моховыми трещинами. У бордюров, почти скрытых напалзающей землёй, в полуперегнившем слое палой хвои росла редкая и невысокая трава — ей здесь до состояния буйных сорняков не хватало солнца, которое заглядывало на тропинку, наверное, лишь на десять минут, проходя по самому центру небосклона. Если бы не пирамидальная форма старых кипарисов, небо давно бы скрылось, лапы же сосен, хоть и тянулись во все стороны, были слишком прозрачными, чтобы полностью спрятать синь — ещё пройдёт несколько лет, прежде чем заброшенная дорожка окончательно и навсегда растворится.

Одновременно на почтальона просыпался град похожих по смыслу вопросов, громче всех была Таня Хизер:

— Аня, ты уверена, что нам *туда*?!

— Точно по стрелке! — Ответила почтальон и в качестве наглядного аргумента продемонстрировала запястье с навигатором. Все убедились, что направление жидкокристаллической чёрточки совпадает с тропинкой. — Если, эта дорожка не свернёт в противоположную сторону, у корпуса будем через полчаса максимум.

— Полчаса? — Раздался возмущенный возглас девушки с длинными прямыми чёрными волосами и вытянутым бледным лицом. Аня почти могла вспомнить имя, но теперь, когда все были переодеты в одинаковую форму, это стало труднее. — А сколько ж это в километрах?

— 2054 метра по прямой, Вита. — Аня вспомнила имя!

— Я — Вика!

— Два километра, Вика! — Как можно оптимистичней сказала почтальон.

— Но, когда мы выходили со спортивной площадки, было полтора километра!

— Навигатор показывает расстояние по прямой, — оправдывалась Аня, — а дорожки петляют туда-сюда, вот мы и поднимались серпантинном, чтобы теперь дойти, почти не сворачивая. — Она сама хотела бы себе верить, особенно учитывая нарастающий гул в ногах.

— Ты не знаешь, куда нас ведёшь! — Не отступала Вика. Похоже, у неё кончилось терпение, хотя за целый день она не высывалась, вела себя тихо и незаметно, общаясь только с медноволосой любительницей ужасов. «Может это её зовут Вита?», — подумала Аня, а вслух сказала:

— Засекайте полчаса, если я вас не выведу, выберете себе нового почтальона.

— Нет, нет, нет, — подала голос Ира, Таня на неё удивлённо посмотрела, — другой почтальон нам не нужен! Просто в следующий раз говори сразу, когда мы заблудимся.

Аня опустила глаза:

— Хорошо, обещаю.

— Эй! — Закричала Хиз, одновременно звонко хлопнув себя по лбу. Все теперь смотрели в её сторону. — Идея! Зачем нам драма с поисками дороги? Давайте спросим у того, кто знает!

Все начали смотреть друг на друга, пока взгляды не собрались на Ольге и трёх Ленах, притихших сзади.

— А мы не знаем. — Пожала плечами Ольга с искренним и невинным видом.

— Мы сами здесь в первый раз. — Сказала одна из Лен.

— Аня нас хорошенько завела! — Весело добавила другая Лена. («Ну как не пнуть лежачего?»), — подумала Аня)

Третья Лена не сказала ничего, она кивала, когда говорили её подруги.

— Не вышло, — хихикнула Хиз, — пойдёмте? — Она махнула рукой в сторону съедающих перспективу веток.

Аня пошла первая, «Нимфы» вытянулись гуськом — идти рядом не было возможности. Почтальон то и дело оглядывалась, чтобы убедиться, что никто не отстал: будучи выше всех, ей не составляло труда определить целостность отряда.

Ступали осторожно, то и дело нагибаясь в сторону от очередной колючей сосновой лапы. Иногда по змее отряда, от Ани и до трёх Лен, пробегал предупреждающий возглас: «Ветка!». Это значило, что впереди идущий отогнул ветку и передавал её в таком виде

дальше, чтобы та никого не шлёпнула. Но всё же, некоторые девочки проявляли нерасторопность и получали иголками по лицу — не сильно, но колко и жгуче, потом это место недолго чесалось.

Когда последняя из девушек стала лишь неясным сине-красным силуэтом за разросшимися деревьями, на тропинку ступила Маргарита. Она озадачено посмотрела по сторонам, поднесла к глазам навигатор и нажала комбинацию кнопок, сохранив координаты.

Отряд шёл молча, сосредоточившись на ветках, от касаний которых уже зудели неприкрытые короткими шортами и футболками руки и ноги. Стало зябко и, как отметила про себя Хиз, даже жутко. Когда совсем рядом с отрядом из тишины кустов справа резко раздался громкий деревянный звук «Тр-р-ррррр!», подпрыгнули даже те, кто сразу узнал дятла. Расширенные девичьи глаза уставились в темное переплетение хвои, что скрывало птицу.

— Это дятел! — Сказала обернувшись Аня. «Нимфы» остановились, вертя головами.

— Скажи этому дятлу, пусть в следующий раз предупреждает! — Пошутила Хиз, вызвав смех.

— Рррр-р-р-т-Т! — Разнеслось реверсом над головами у отряда — все снова ойкнули от неожиданности, но сразу заулыбались.

— Нет, он предупреждать не будет! — Задорно крикнула из хвоста медноволосая любительница ужасов (Вита?).

— Рррр-р-р-т-Т-Т-Т! — Деревянная трещотка стала еще громче и переместилась куда-то за кусты, слева от отряда. Дружный девичий смех в ответ!

Никто пока не замечал, что почтальон и еще две девушки не поддерживают веселья — они застыли, вытянув шеи. Взгляд Ани блеснул испугом, а со щёк ушёл румянец. Ей сильно хотелось крикнуть: «Это не дятел!», — и пуститься наутёк, но она полностью превратилась в слух: ей казалось, что слышно, как тихо шуршат веточки в том месте, откуда донеслась последняя очередь псевдодятла — тот лез теперь по веткам на уровне пояса Ани в хвост отряда, но его, кроме почтальона пока никто не слышал. Неискушенные городские жители приняли за чистую монету все звуки, произведённые «птицей». Если они когда и слышали настоящего дятла, то всё равно не смогли бы отличить его от того, что звучало сейчас. Первый звук, был похож даже для Ани, которая жила в пригороде, только может немного резче и громче. Но последовавшие потом раскаты треска, словно вывернутые, начинаясь быстро и негромко, переходили в размеренные щелчки.

— Я его кажется вижу! — Закричала Вита и стала показывать в заросли пальцем. — Вон он, пробирается!

Все старательно смотрели сквозь ветки на неясный движущийся силуэт.

— Дятлы и правда такие большие?

— Пойдёмте! — Аня не узнала свой голос. Она хотела, чтобы тот был спокоен, а получилась высокая до нелепости нота — её никто не услышал. Прокашлявшись, она сказала еще раз, теперь громче: — Пойдёмте, девочки!

Кто-то обернулся, но тут же махнул рукой, все были заняты вглядыванием в сумрак за кипарисами. Веселье быстро стихло, потому что то, что было за ветками, тоже смотрело: пристально и злобно.

— Это не дятел... — Наконец сказал кто-то, и напряжение, какое ощущаешь, выйдя на просеку высоковольтной линии, тяжелой вибрацией накрыло весь отряд, стусив и так

непроглядную тень за пределами тоненькой асфальтной тропинки. Секунды шли, а существо всё буравило черным масляным взглядом скованных жутью и любопытством девочек.

— Может, обезьянка? — Прошептала Хиз.

«Обезьянка» снова захрустела, устраиваясь поудобнее, в перпендикулярных черных линиях веток теперь стало возможно усмотреть лапки — длинные сосиски с локтями посередине и расширениями на концах. Оно задрало голову, это было видно по скользнувшему вверх блеску глаз, открыло рот, похожий на красную воронку:

— Тр-р-ррррр! — Дятлообразный звук, словно торжествуя, ударил по ушам.

В тот же миг все закричали, завизжали и бросились наутёк. Ане пришлось очень постараться, чтобы её не затоптали, кто был сзади, толкал руками бегущих впереди и подпрыгивал от нетерпения — спины им холодил испуг. По заросшей аллее, где свободно пройти мог только один, теперь громко мчалась толпа девчонок, закрыв лица руками от хлещущих веток. Через сто метров, когда отчаянные крики стихли, стали слышны только мольбы бегущих в хвосте: «Быстрее!».

Спустя минуту, за которую все успели выдохнуться, отряд вырвался из аллеи под открытое небо.

— Ступеньки! — Раздался предостерегающий крик Ани, она прыгнула, чтобы не упасть. С хлопком подошв о бетон почтальон приземлилась метром дальше и метром ниже от лестницы. Она обернулась как раз вовремя, чтобы успевать ловить тех, кто сыпался с лестницы — её окрик лишь слегка приостановил катастрофу. Сначала Аня под напором отряда пошатнулась и больно села, а через секунду её уже придавило падающими. Девочки, вылетая из темной аллеи, пытались затормозить, но места на площадке перед ступеньками на это не хватало: они валились на общую кучу, по возможности аккуратно, благо маленькие мягкие рюкзаки на спинах существенно смягчали падение, но одновременно эти предметы всех запутывали.

Хиз почти удалось остановиться, она, нагнувшись вперёд, застыла на самом краю, не упасть получалось только благодаря отчаянным взмахам руками, но сзади на неё налетела Ира и они вместе последние завалились на кучу «Горных нимф». Стоять остались только Вита и Вика, три Лены и Ольга.

— Нам тоже сверху прыгнуть? — Сказала Оля и её подруги прыснули. Вслед за ними засмеялись Вита и Вика. Из кучи раздалась отдельные смешки, кто-то попытался вылезти, но не смог и захохотал. В ответ прохрипел протестующий голос Ани из самого низа:

— Не тряситесь, вы меня и так раздавили!

Ответом ей был неуправляемый смех, который охватил «Нимф», словно огонь сухое сено. Почтальон, не переставая молить всех слезть с неё, засмеялась так, что из глаз потекли слёзы и было некогда вдохнуть очередную порцию воздуха (еще и отряд сверху этом способствовал). А когда устоявшие на ногах девушки стали помогать подниматься Ире и Тане, но, не удержав очередного приступа хохота, отпустили руки и уронили их обратно, заплакали от смеха и испытали нехватку воздуха все присутствующие.

Поначалу никто и не услышал раздавшегося чуть в стороне вопроса, который произнёс знакомый тоненький голос с противно-капризной интонацией:

— А чего это вы тут делаете?

Никакого ответа, только смех. Риточке пришлось повторить свой вопрос несколько в другой форме:

— Нимфы! Вы что, заблудившись и с ума посходили?

— Ой, посмотрите, здесь «Лапочки», — пропищал кто-то сквозь смех, — на нас смотрят! Давайте вставать!

— Помогите! Разгребите нас! — Крикнула Таня Хизер, чем вызвала новую волну хохота. Ира, пятясь, слезла с неё, а Хиз, получив свободу движений, предпочла скатиться с кучи на бок, а уж оттуда подняться в полный рост. — Привет, Рита, привет, «Солнечные ласточки»!

— Давно не виделись, Таня и Ира. Ну, расскажите, как вы здесь оказались и с чего решили поиграть в «кучу малу» прямо на... — Риточка посмотрела вниз, — ... на бетоне?! — последнее слово прозвучало удивлённо, поскольку с первого взгляда место, где встретились отряды, выглядело, как большая идеально круглая, заросшая высокой травой поляна. По центру, на трёхъярусном пьедестале, полускрытая плющом, громоздилась статуя, не меньше четырёх метров в высоту.

Круглая площадь была выложена бетонными квадратами — по таким удобно маршировать, попадая каждым шагом в свою плиту. Но сквозь щели между квадратами росла трава высотой по пояс, дёрн, наступая на дело рук человеческих, сделал из каждой плиты серое окошко со скруглёнными краями в широкой рамке из земли, мха и мелкой растительности. По краям над площадью-поляной нависали деревья, словно тени под их ветвями лежали толстые пятна гнилой листвы.

Объяснения ненадолго отложили, девочки оглядывались. Наконец на ноги встала Аня, она стряхивала с себя сухие травинки и клочья лишайника, внимательно скользя глазами по зарослям, окружающим площадь, потом её внимание привлёк памятник. Она пошла к нему, преодолев под общее молчание тридцать метров радиуса поляны. За пять шагов до постамента почтальон споткнулась о большой камень, невидимый в траве, и стала внимательней смотреть под ноги. От пьедестала, который лишь на четверть уступал изваянию в размерах, по углам откололись куски бетона, обнажая ржавую ребристую арматуру. Аня поднялась на ступеньки, раздвинула ветки плюща, открыв чёрную табличку, и стала читать, водя пальцами по рельефным буквам и беззвучно шевеля губами.

— Что там написано? — Спросила Хиз. Почему-то ей не хотелось одной пересекать круг, чтобы присоединиться к Ане, а больше никто не спешил отрываться от кучки, в которую сбились отряды. Заброшенная площадь стала неудобной, непонятных очертаний статуя на пьедестале своей скрытостью в плюще вызывала подозрения, словно была в чём-то виновата или имела неприличный вид, а почтальон «Горных нимф», запустившая руки в тёмную зелень, заставляла нервничать, как птичка, усевшаяся на изолятор. И, кстати о птичках, «дятел» же им не примерещился всего пятнадцать минут назад.

— Дребедень какая-то тут написана... — Ответила Аня себе под нос. Она схватилась за ветку самой толстой и длинной лианы и принялась тянуть, опираясь одной ногой в постамент. Растение поддалось чуть-чуть, открыв коричнево-чёрное плечо статуи с погоном. — Помогите мне!

Таня и Ира побежали к Ане, следом за ними последовали Ольга и три Лены, что было удивительно, учитывая их манеру держаться в стороне. Быстрым шагом подошли и остальные. Вскоре почти все из обеих половинок отряда рылись в плюще вокруг статуи, сдёргивая с неё зелень тоненькими веточками и большими охапками. Труднее всего было совладать с лианой, с которой сцепилась Аня — старое растение имело одревенелый негибкий ствол, толще садового шланга, его листья скрывали большую часть изваяния, в том числе и лицо. По открывшимся частям стало видно, что на постаменте находится человек в форме и с оружием в руках, он напряжен и немного сгорблен, упираясь от отдачи во время

стрельбы или от веса двух баллонов за плечами, с вентилями и манометром.

Наконец большая лиана с оглушительным шелестом стала медленно оседать, девчонки, а в последний момент Аня, отскочили.

Теперь все стояли, задрав головы, и озадаченно смотрели на статую.

«НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЖАРНОМУ»

«Пламя Твоего Огнемёта Будет Всегда Гореть в наших Сердцах»

«1984»

На постаменте в длинном плаще, чьи полы развевались у голенищ тяжелых сапог, стоял, а вернее бежал — застыл на бегу, человек в каске с гребнем наверху, как у старинных пожарных. Его лицо выражало ужас, отчаяние и непреклонную решимость — скульптор был гением, учитывая, что ему удалось передать силу эмоций чертами противогаза, скрывающего лицо. Распахнутые «глаза» защитной маски были выполнены из стекла или похожего на него материала (хрусталя?), который, несмотря на толстый слой тёмной пыли, почти грязи, отражал переливающееся сквозь листву оранжевое солнце. Когда лианы упали, открыв массивный силуэт, именно эти сполохи стали первым, что приковало внимание: от них секундной волной по коже прокатился мороз — некоторые девочки обернулись, ожидая увидеть сзади те пожары, отражение которых полыхало в глазах Неизвестного Пожарного. Образ пришёл как мгновенное головокружение, как падение в сон наяву, потемнение в глазах от теплового удара. Молчаливый крик героя бился в маске, а вся его поза говорила о смертельном страхе, сжатом волей, завёрнутом в шинель с погонями и придавленном двумя тяжелыми баллонами с напалмом. Этот человек жил последние секунды, но те, кто был по ту сторону огнемёта — уже горели.

Изумлённая тишина повисла над площадью не сразу — ещё секунд десять похрустывали и шелестели оседающая ветви лианы. А потом стало ненадолго тихо. Ближе всех к памятнику находилась Аня, она сделала шаг назад, задирая голову к давящему силуэту, её ноги запутались в траве, она споткнулась и снова чуть не упала.

— Чёрт! — Воскликнула она. — Да что в этом лагере происходит?! Ну сколько можно притворяться! — Она повернулась к отрядам. — Ведь все видят, что... — Она замаялась, оглядываясь и ища поддержки.

— Что вокруг творится чертовщина! — Почти радостно выкрикнула Таня Хизер. Ира удивлённо на неё посмотрела.

— Тебе всё шутить? — Аня пребывала в потрясении, она смотрела вокруг большими глазами, а Таня своей фразой вызвала огонь на себя.

— Нет, — пыталась оправдаться Хиз, — я с самого начала чувствовала неладное. Подтверди, Ир.

Ира что есть силы закивала, опасаясь при этом говорить.

— И что же ты чувствовала? — Спросила Аня — она быстро брала себя в руки. При такой психической устойчивости, удивительно, почему именно почтальон впала в панику? Наблюдательность взяла верх над рассудительностью? Аня бы и сама не ответила на этот вопрос. Если бы её спросили, она рассказала бы, как обнажившись, памятник словно вывернул небо и поляну и деревья. Резкий скачок к негативу реальности наполнил все тени и цвета, формы и смыслы угрозой — равно неотвратимой и всеобъемлющей. И это чувство преобладало над всем до сих пор! Оно каждую секунду притуплялось, но неохотно — изнанка не уходила, лишь медленно тускнела — взгляни на памятник, чтобы убедиться, что она здесь! Просто сознание, испытавшее шок, привыкало. Аня отдельно повторила:

— Что... ты... чувствовала?..

Хиз уже была не рада привычке вернуть словцо по любому поводу, ей очень не хотелось Аню расстраивать. Тем более, что она сама испытала некое потрясение, увидев статую Пожарного и прочитав посвящение. В холодный пот, как почтальона, её не бросило, но некий сдвиг был, словно мир вздрогнул. Как в тот миг, когда глаза нащупали в бинокле дредноут. Возможно, разница между ней и Аней была в том, что Хиз изначально всё воспринимала, как умозрительную игру, лишь восхищаясь, когда ей находились подтверждения, тем более, было с кем делиться — новая подруга Ира с готовностью всё слушала. Аня же молча и внимательно смотрела. Как сейчас на Таню, которая под тяжелым взглядом почтальона съёживалась и лихорадочно искала синонимы слову «чертовщина».

— Дредноут... — Жалко пролепетала Хиз.

— Да, — согласилась Аня, — корабль был на загляденье, но вожатые всё объяснили... — она на миг задумалась, а потом радостно воскликнула: — Киносъёмки! Конечно!

— В смысле киносъёмки? — Спросила озадаченная Таня.

— Эта статуя — старый реквизит! — Аня на глазах возвращалась в нормальное состояние. — В 1984-м фильм сняли, а статую подарили лагерю. Спросим у вожатых, я уверена, что они всё подтвердят.

— А как же дятел?! — Выкрикнула медноволосая Вита и нимфы тут же загалдели:

— Это была обезьянка! — Не согласилась бледная Вика.

— Нет, белка! — Заявила Алёна с часами.

— Я белок видела — они рыжие и пушистые, а не черные гладкие, — авторитетно возразила следующая девушка — она, кажется, впервые подала голос, никто не знал её имени.

— А это была горно-морская белка, — не сдавалась Алёна.

— Сама ты белка! — Подключилась к спору Хиз. — Такое чудище...

— Это я чудище!? Кто тут чудище, так это...

— Не ты, а белка... то есть дятел, то есть... тьфу ты!.. — Таня замялась.

— Обезьянка, — подсказала Вика.

— Стойте!!! — Пронзительно закричала Риточка и все замолчали, послушно уставившись на неё. — Какая ещё обезьянка?

— Дятел... Белка... — Одновременно сказали Вита и Вика, на что получили грозный взгляд Риты.

— Давайте расскажу я, — предложила Аня.

Нимфы и Ласточки согласились.

— Только не перебивать! Мы заблудились...

— Как?! — Выкрикнул кто-то.

— Я же просила не перебивать, — Аня даже сжала кулаки от возмущения. — Обыкновенно заблудились: навигатор показывал всё время в одну сторону, а тропинки вели немножко в другую. Да что вы столпились вокруг меня, я сейчас упаду! — Два отряда действительно окружили почтальона Нимф плотным полукольцом, уже наступая той на ноги. Почтальонам пришлось чуть ли не насильно расталкивать девушек, но вскоре все удобно расположились на ступеньках, тремя ярусами окружавших памятник — усталость и гудящие ноги сделали отряды сговорчивыми.

Аня рассказала, как она увидела узкий проход и повела Нимф по заросшей дорожке. Она призналась, что почти сразу была напугана «дятлом», похолодела, как только он перешел к реверсивным трелям. Потом, когда тот сполз с веток пониже, на уровень живота, почтальон его почти рассмотрела и очень хотела убежать, но не могла бросить отряд. А через несколько секунд отряд и сам побежал, пока все не вылетели, как из пушки картечь, из аллеи, скатившись по лестнице на поляну-площадь.

— Так вот почему вы были в куче, — задумчиво протянула Рита.

Все внимали Ане с открытыми ртами. Только «ласточки», похоже, отнеслись к истории с «дятлом», как к простой, хоть и свежей страшилке, которые часто рассказывают в лагере. «Нимфы» же от слов почтальона ёжились и, то и дело, осматривались по сторонам.

— А никто не обратил внимания на девушку с ножом в столовой, — спросила Хиз.

— Да, обратили, — все согласились. Только Ольга возразила, пожав плечами:

— Сбрендившая готесса — обычное дело.

— У вас в Румынии, — сказала Таня и при этих словах многие удивлённо посмотрели на четверых подруг, — может это и обычное дело, а насколько я знаю отечественных доморощенных готов, которые, кстати, почти у нас вымерли, — они серьёзные и важные, больше всего боятся своё бледное лицо уронить. А то пирожки с повидлом под рубашку ныкать!

— Но директор же сообщил, что это театральная постановка. — Сказала худенькая Оля.

— И ты хотела в ней поучаствовать. — Хиз сочувственно покачала головой. — Мне

кажется, что если в лагере и организуют какой театр, той девушки в труппе ты точно не увидишь.

— В каком труппе?! — хихикнула Вика.

— В таком! — Закричала Таня с поднятыми кверху руками со скрюченными пальцами. Все засмеялись, — удивительно, как быстро произошёл переход от общего замешательства, к веселью.

— Ну хватит, — сказала, улыбаясь, Аня, — будем байки травить и пугать друг друга вечером.

— Если немедленно не пойдём, — согласилась Марина из отряда «Ласточек», — точно без ужина останемся.

— В тебя кроме компаса, еще и часы встроены? — Недоверчиво спросила Рита.

— Нет, вот у неё на руке, — она показала на Алёну, — подсмотрела.

— Как в такой момент можно думать об ужине?! — Возмутилась Хиз.

— Обыкновенно, — ответила Марина, — думаю, не одной у меня в животе бурчит.

— А вдруг мы в опасности в этом лагере? Надо скорее решать: что делать дальше, в свете вот этого! — Все снова глянули на статую Пожарного — искры заката ушли из его глаз, солнце спускалось всё ниже в густую листву.

— Тем более надо выбираться поскорее. — Сказала Аня. — Не хотела бы я после заката оказаться на этой поляне. А обсудить всё предлагаю в корпусе, после отбоя.

— На мягких диванах в комнате для сборов! — Почти пропела Рита. — Пошлите! — Она вскочила на ноги.

— Куда? — Спросили у неё сразу несколько девушек.

В ответ Полина пожала плечами и повернулась к Марине. Та посмотрела по сторонам и стал рассуждать вслух:

— Мы вышли из леса, а «Нимфы» высыпались из дорожки с «дятлом», которая точно не ведет в нужную сторону. Нам туда, — навигатор показала вверх по склону, — имеет смысл поискать еще одну заросшую аллею.

Марина обошла памятник и направилась к зарослям деревьев и кустарника, окаймлявшим поляну. Девочки двух отрядов поднялись с насиженных на ступеньках мест: «Нимфы» сразу, стараясь держаться вместе, а «Ласточки» медленно, стеной от показной и настоящей усталости.

— Есть дорожка! — Закричала навигатор — она первая приблизилась к зарослям, сразу за ней шли почтальоны. Аня и Рита подозвали девушек — отряды стали собираться у входа в новую аллею. «Насколько быстрее я передвигалась бы сама», — подумала Риточка. Аня, словно прочитав её мысли, сказала негромко вслух: «Мы тащимся, как снежный ком — то рассыпаемся, то собираемся снова».

Новая дорожка начиналась тоже лестницей в три ступени, спрятанной за редкой травой в тёмной арке разросшихся деревьев. Сначала вошла Полина, за ней Аня — они пропускали всех вперёд и считали. Вскоре аллея стала похожа на вагон метро в час пик — оба отряда сгрудились вместе на узеньком пространстве, никому не хотелось далеко заходить в заросли. Благодаря преграждавшим путь лапам зелёно-голубых елей, уже в пяти шагах силуэты начинали теряться в переплетении веток.

— Кажется, я обсчиталась, — сказала Аня Рите.

— Я тоже. Сколько у тебя получилось?

— 33 вместе с нами — на одного больше.

— И у меня. Ну, главное, что не меньше! — Махнула рукой Риточка и стала пробираться в авангард отрядов. Почтальон «Нимф» последовала за ней, внимательно вглядываясь не только в окружающую чащу, но и, исподволь, в девчонок.

Маргарита и Светлана стояли возле памятника, задрав головы — несколько секунд они не шевелились, а просто смотрели. Наконец вожатая «Ласточек» дёрнулась к наручному навигатору и отметила место на карте, потом достала рацию и связалась с директором «Кристалла». В это же время вожатая «Нимф», глядя в один окуляр, стала снимать всё на стереокамеру, похожую на бинокль. Она обвела камерой площадь, обошла вокруг пожарного, запечатлела крупным планом табличку и лицо в противогазе.

Спустя полминуты, как отряды вошли в аллею, за ними поспешили вожатые.

— Кто такой «Неизвестный Пожарный»? — Спросил Спартак Петрович у Радости 144-99. Та сидела на полу в его кабинете и смотрела на большом экране детский канал. Директор еще не знал, что делать с гостьей, а потому пока держал её рядом. Впрочем, благодаря неограниченному запасу конфет, печенья и компота, та была не против.

Радость, нажав кнопку на пульте, выключила звук на телевизоре, поднялась, поправила юбку, смахнула тыльной стороной ладони крошки вокруг рта и стала рассказывать, словно отвечая на уроке. Смотрела она в окно, за которым пейзаж насыщался красками вечера, а оранжевый свет острыми языками рассекал глубокие и длинные тени оврагов, аллей, парков, отдельных деревьев и корпусов лагеря.

— В 1984 году нашей эры Государство потеряло одну из своих самых укрепленных крепостей на южной границе — город Плутоний. Здесь только зарождалось производство сверхмощного оружия на основе атомной энергии, служащей Человечеству уже более 50-и лет.

Директор слушал, ему сразу же хотелось перебить Радость, чтобы задать уточняющий вопрос, но он только качнул головой и стал изредка пометать в блокноте.

— Крепость находилась в стадии секретного проекта. О ней кроме обитателей, а это были и строители города, которые поселились здесь же, и избранные учёные, отправившиеся в бессрочные командировки, и гарнизон приставленный охранять Плутоний, знал только Совет Управителей. Связь с городом была потеряна вечером, 20 октября. Уже через час после тщетных попыток восстановить канал, был подготовлен и послан разведывательный самолёт, который достиг Плутония всего за 40 минут. На том месте, где среди пустыни с высоты 10 километров должен был сиять огнями улиц недавно построенный город, виднелся только тусклый уголёк.

На следующий вираж самолёт спустился до 1 километра. Его зоркие камеры, а через них и Совет, смотрели на горящие улицы, заполненные ордами Врагов. Члены совета поначалу отказались верить своим глазам — в одной толпе рушили и рвали остатки города люди-изгой и чудовища-нелюди. Тогда они впервые объединились.

Количеством своим враги превосходили всё население города в 10 раз, они заполнили Плутоний, словно чёрная смола, которая разливалась и разливалась по улицам. Гарнизон, расположенный перед городом, догорал, по-видимому, он был уничтожен первым. Но возле арсенала постоянно вспыхивали яркие зарева. Опустившись еще ниже, разведчику удалось заснять человека — пожарного, последнего защитника оружия, которым город не успел воспользоваться. Он медленно отступал среди бетонных переулков гарнизона, а на него

катилась подоженная им волна чудовищ и изгоев. Огнемёт — его единственное оружие — оказалось лучшим в этой неравной войне.

К городу вылетели бомбардировщики, но им нужно было ещё два часа. Пожарный, теснимый ордой, был спиной ко входу в арсенал — ему приходилось отступать непрерывно, а сзади осталось всего 100 шагов. Если бы чудовища овладели складом, в их руках оказалось бы лучшее вооружение, рассчитанное на мобилизацию всего 50-тысячного Плутония. Там же были и образцы новых несравненно более разрушительных механизмов. До экспериментальных зарядов в подземных хранилищах им бы не удалось добраться и за несколько дней, но обычных зенитных орудий, которые там тоже хранились, хватило бы, чтобы отбить не одну волну бомбардировщиков. В те минуты никто не знал, какие потребуются силы, чтобы уничтожить толпы вооруженных, полных ненависти мести изгоев и какие технологии попадут к отстающим от людей в техническом развитии чудовищам.

Последнюю минуту жизни Неизвестного Пожарного нам не раз показывали на уроках.

Он стоит, прижавшись спиной ко входу в арсенал, и поливает длинными струями огня наступающих, которые напирают уже по горящим трупам, но не могут остановиться — слишком сильна давящая масса — их гонят сзади. Отдельные враги горят уже в считанных шагах от пожарного, чьё лицо осталось навсегда скрыто маской противогаза — без него бы он задохнулся в той гари. Его одежда из огнеупорной ткани уже дымится. Тут он на секунду перекидывает огнемёт в одну руку, а другой набирает, не оборачиваясь, код на больших бронированных дверях — они медленно едут в сторону. Он шагает спиной в темноту арсенала и еще несколько секунд огонь, вырывается из всё увеличивающегося прохода, задерживая наступающих. А потом огнемёт смолк. Непрерывный поток чудовищ и изгоев устремляется в широкие ворота.

Эти секунды, наверное, самые длинные во всей записи. Если смотреть на счётчик — их прошло 20 — не верится, что всего треть минуты, а не три или тринадцать.

Потом толпа застывает. Вся. Даже те, кто далеко позади. Из ворот огромного цельнолитого здания бьёт полукругом желто-бело-алая волна. Она успевает сгрести только первые сотни наступающих, когда всё заливают белый свет.

Следующие кадры — большая раскалённая воронка — были сняты только с прибывших бомбардировщиков — вся аппаратура разведчика ослепла от взрыва арсенала. Похоже, что те 20 секунд потребовались Пожарному, чтобы добежать до хранилища с термитным оружием.

Голос Радости подрагивал.

Замолчав, она продолжала смотреть в окно, румянец пылал на бледном лице.

— Как ты ярко рассказываешь, — директор был поражён и этой странной девочкой, и её страшным рассказом.

Радость 144-99 отвела взгляд от окна.

— Это часть моего сочинения, я над ним три дня работала.

— Всё равно! Это замечательное сочинение, хотелось бы прочитать.

— Когда-нибудь прочитаете, я помню его целиком.

Вопреки ожиданиям, новая аллея не петляла, не раздваивалась и не обрывалась тупиками. Она уверенно вела вверх, почти точно по направлению к корпусам. Прямая асфальтированная дорожка чередовалась с лестничными маршами и небольшими площадками, на которых в далёкие времена были установлены удобные деревянные скамейки. Всё что от них осталось — оплетенные вьюнами бетонные основания и засыпанные прелыми листьями черно-коричневые полусгнившие брусья. Усталые девушки с сожалением проходили мимо. Одна из лавочек, выглядевшая немного лучше остальных, тихо провалилась под присевшей на неё худенькой Олей — та даже не успела вскочить — её сообща вытащили из кучи трухлявых щепок.

Наконец длинная заброшенная дорожка кончилась, и отряды вышли на вполне ухоженную широкую аллею. Почтальоны снова пересчитали своих подопечных.

— У тебя тоже 33? — Спросила мрачная Аня у Риты.

— Да, — Риточка выглядела озадаченной.

— Думаешь, мы опять ошиблись?

— А как по-другому?

— Учитывая сегодняшнюю чертовщину... — Аня замолчала, потому что к ним подошла девушка и стала с любопытством слушать. — Ты из какого отряда? — Спросила почтальон.

— Ласточки! — Девушка чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Твоя? — спросила Аня Риту. Та пожала плечами. — Иди, у нас тут свои почтальонские дела. — Девушка насупилась, но отошла.

— Так что ты хотела сказать про чертовщину? — Спросила Рита, когда почтальоны на секунду остались одни. Перекинуться большим количеством слов втайне от остальных членов отрядов не получалось. Почтальоны были фокусами внимания своих товарищей, вокруг них собирались отряды в ожидании продолжения путешествия. Вместо ответа Аня громко заговорила, так чтобы её услышали все:

— Мы с Ритой не можем досчитаться одну толи Ласточку, толи Нимфу...

— Досчитаться? Так она же ли... ай! — Риточка не договорила и даже подпрыгнула. Аня, наступив на ногу недогадливой Рите, зыркнула на неё так, что та, даже если и не поняла, что задумала коллега, решила помолчать.

Отряды стали озираться и громко негодовать по адресу отставшей, никому не хотелось задерживаться или, того хуже, отправляться на поиски.

— Сейчас быстро выясним, кого мы потеряли, — продолжила Аня, — постройтесь напротив меня Нимфы, а напротив Полины — Ласточки. По парам! — Уточнила почтальон. — Кто с кем живёт в номере.

Девочки стали суетиться, толкаться. Некоторые не могли сразу вспомнить своих соседей, одна недовольно фыркнула: «Раскомандовалась», но Аня показала ей кулак, сопроводив мрачной молнией из глаз. Почтальоны наблюдали за бестолковым движением и готовы была признать, что у них может и не получиться выяснить, кто 33-й.

К Ане подошла невзрачная девушка и встала рядом.

— Чего тебе?

— Мы вместе в номере живём, — робко ответила та.

— А... Ну да.

Медленно, но верно, отряды выстраивались перед своими почтальонами.

— Эй! Ты куда? — Крикнула Рита и только тут Аня заметила, что от общей массы отделилась девочка в такой же как у всех форме, с хвостом собранных в пучок русых волос. В такт её шагов хвост покачивался, девушка делала вид, что не слышит окрика и всё быстрее продвигалась к дорожке, из которой пять минут назад вышли отряды.

— Стой! — Крикнула Аня и кинулась за хвостатой беглянкой. Почтальон быстро нагнала девушку, которая не оглядывалась и не пыталась перейти на бег. — Стой! — Ещё раз повторила почтальон и положила неизвестному члену отряда руку на плечо...

Аня увидела, как крутнулись деревья впереди, а навстречу прыгнула земля. Всё очень неприятно загудело, до почтальона медленно доходило, что она лежит на траве. Подняв голову, Аня увидела, что беглянка уже скрылась. Тут сквозь гул в ушах донеслись испуганные голоса, почтальона окружили сначала ноги, а потом и бледные лица Ласточек и Нимф. Все спрашивали, цела ли Аня, и с опаской оглядывались в сторону старой аллеи.

— Я сама, — почтальон оттолкнула протянутые к ней руки и хотела встать, но всё закачалось так, что пришлось сесть назад. Аня ощутила, что правое плечо и половина лица онемели и начинают саднить. Почтальон прикоснулась к липкой щеке — кровь, немного. Всё-таки она позволила поставить себя на ноги. Ей дали платочек, приложили к лицу, кто-то стал отряхивать футболку.

— Не поняла... Что случилось? — Удивлённая тупость медленно покидала гудящую голову.

— Она тебя бросила, — сказала Риточка.

— Швырнула через плечо головой о землю! — Добавила восхищенно рыжая Вита.

— Не швырнула, а очень мягко положила, — это была Ольга из Венгрии, она встала перед Аней и стала деловито щелкать пальцами у той перед лицом. — Сотрясения нет, — констатировала Оля. — Мастерски она тебя крутнула! Да так мягко, словно китайскую вазу — берегла!

— Лучше расскажите, кто-нибудь рассмотрел её? — Ане уже надоели восхищения незнакомкой. Хотела бы почтальон догнать девушку и поговорить, вот только, какую дубину взять, чтобы беседа была конструктивной. Аня злилась! Ещё и как!

— Остановись! — Донесся из парка крик. — Да стой же ты!

— Это Маргарита! — Узнали девочки голос вожатой.

— Кому-то сейчас не поздоровится, — мрачно изрекла Ольга. Было непонятно, кого она имеет в виду. — Побежали! — Она обратилась к своим подругам и все четверо кинулись в аллею.

Аня попробовала рвануть за ними, но от резких движений у неё с новой силой закружилась голова и она была вынуждена перейти на шаг. Мимо пронеслись два отряда.

Ира с Таней почти не отставали от венгерских девушек, а потому успели на самое интересное. На небольшой площадке рядом с рассыпавшейся лавочкой шла удивительная борьба: двое вожатых пытались схватить девушку с хвостиком, но та выворачивалась, словно скользкий угорь и вожатые попеременно от неё отлетали. В ход с обеих сторон шли захваты, заломы, подсечки, это было похоже на быстрый неритмичный танец. Перевес в драке, несмотря на численное превосходство вожатых, был на стороне девчонки. Та рассыпала град шлепающих ударов, и обе вожатые отшатнулись, девчонка приготовилась бежать, но на пути у неё встали Оля и три Лены. Подруги широко расставили ноги и держали руки на уровне живота.

Девушка, теперь её лицо хорошо можно было рассмотреть — красивое, с тонкими чертами, улыбнулась, подсекла за ступню одну Лену и за колено другую и бросилась в образовавшуюся брешь, но тут её схватили оставшиеся на ногах подруги, сзади подоспела Маргарита, а Светлана, стоя немного дальше отрезала путь к бегству. Трое сцепились вокруг одной, но тут же опять рассыпались.

Девчонка рванула в обратную сторону, не обращая внимания на отряды, которые с визгом спешили освободить ей путь. Посреди аллеи осталась стоять только Таня Хиз. Когда до беглянки осталось три шага, Таня быстро ступила вперёд и с коротким громким выдохом влупила палкой по хвостатой голове. Ветка с треском разлетелась, а девушка отшатнулась назад, удивлённо ойкнула и села. Через секунду её уже связывали вожатые, используя в качестве пут лямки рюкзаков. Девушка уже не сопротивлялась, она внимательно вглядывалась в лица окружавших её людей и видимо, о чем-то мучительно думала.

— Вас всех используют вслепую, — заговорила девчонка негромко, но в образовавшейся тишине её было слышно отчётливо.

— О чём ты? — Спросила Маргарита.

— Да, о чем это она? — Почтальон Горных нимф подошла ближе к вожатым и смотрела на них в упор.

— Получила такой удар по голове, — сказала Светлана, — сама не понимает, что несёт.

Тут настала очередь возмутиться Хиз:

— Я взяла самую лёгкую палку, что здесь валялась, у неё может и шишки не будет, больше треском оглушило. — Все посмотрели на лоб девушки с грязным пятном в месте удара: шишки, действительно пока не было, но поцарапанная кожа покраснела.

— Когда я сказала, что вас используют вслепую, — продолжила пленница, — я имела в виду и вожатых. Вы врётё им, — она кивнула на отряды, — а *он* врёт вам.

Вожатые опешили, похоже, они не знали, что делать и что говорить.

— Ну не заткнёте же вы мне рот при всех! — Усмехнулась гостя. — А я сейчас расскажу вашим подопечным всю правду о лагере «Кристалл». — Вожатые переглянулись, они были близки к тому, чтобы всё-таки сделать кляп. — Да такую, что вы и сами удивитесь, «вожатые». — Последнее слово было произнесено не то, чтобы с презрением, но так, слегка в кавычках.

— Рассказывай! — Это сказала Аня. Со всех сторон раздались одобрительные возгласы. Вожатые находились в беспомощном состоянии, и всё же Маргарита пыталась «вырулить»:

— Вы, что не видите, с кем имеете дело?! — Обратилась она ко всем. — Это же малолетняя преступница, она едва не искалечила Аню, избивала нас, девочек, — кивок в сторону двух Лен. — Её надо немедленно изолировать, отправить из лагеря домой в сопровождении полиции! — Праведный гнев звучал в словах вожатой, но после всех событий сегодняшнего дня, одного актёрского мастерства Маргариты было мало.

— Хватит нам врать! — Закричала Хиз и сама испугалась резких слов. Дальше она уже продолжила тише, но голос её всё же подрагивал. — Целый день происходят странности. Ну раз вы нам лапшу на уши повесили, ну два!..

— Да, вы её лучше не обманывайте, — саркастически сообщила пленница, — иначе палкой так отходит и ваше самбо не поможет. Где так научилась бить? — Обратилась девушка к Хиз.

— Секция кендо, — ответила Таня.

— Да ты самурай! Не повезло же мне побежать в твою сторону.

В ответ Хиз скромно пожала плечами.

— Так что ты хотела нам всем рассказать? — Спросила Светлана. Вожатые не могли позволить ситуации уйти из-под контроля.

— История длинная. Вам её, — она обвела подбородком и вожатых, и отряды, — будет удобней слушать в комфортной обстановке. Иначе мы в парке застрянем до ночи.

— Ужин... — раздались грустные слова Риточки и её поддержала целая капелла вздохов.

— Ужин, нам не нужен, — вяло пошутила Хиз и все услышали, как у неё забурчало в животе.

— А вы меня развяжите, и мы на сегодняшний вечер прикинемся, что у вас в отряде всё-таки 33 человека. — Предложила пленница и в сердцах воскликнула: — В вашем опасном мире всё и всех постоянно пересчитывают! Сами себя потеряете, если считать не будете!

— Ты не убежишь? — Строго спросила Маргарита.

— Нет.

— Даёшь честное слово? — Светлана была ещё более сурова.

— Четное слово!

— Ну, тогда развязываем? — Спросила Маргарита у своей коллеги и принялась освобождать девушку из пут.

— Конечно, она ж слово дала! — Светлана уже помогала ослаблять узлы.

Отряды ошеломлённо смотрели на такой поворот событий. Наконец, девушка встала на ноги и потёрла запястья со следами от ремней:

— Немилосердно затянули, — пожаловалась бывшая пленница.

— Вы чего наделали?! — Первой опомнилась Аня. — Она же сейчас убежит!

И вожатые, и еще минуту назад связанная девушка, оскорблено ахнули.

— Как ты могла подумать? — С деланным возмущением спросила Светлана почтальона.

— Ты почему еще здесь? — Прощадила сквозь зубы Маргарита, обернувшись к освобождённой девчонке.

— Ха-ха! Почему у вас такие злобные лица? Думали, я умчусь и объяснения с отрядом можно будет снова заменить какой-нибудь сказкой?

— Пошли, — сказало устало Маргарита, — может, по дороге сама исчезнешь.

— И не надейтесь!

Отряд 1-А пошёл ужинать.

Путь к столовой не занял и пяти минут, вожатые вывели кратчайшей тропинкой. По дороге пленница смешалась с отрядом и успела со всеми познакомиться, она представилась, как Ангелла.

— Анжела? — переспросила Ира.

— Нет, Ангелла! «Ангел» — корень, «л» — суффикс, «а» — окончание. — Похоже, обладательница экзотического имени пребывала в прекрасном настроении. Вожатые держались сухо и отстранённо.

— Кто ты такая и почему на меня напала? — Спросила Аня, подойдя ближе. Она всё ещё злилась и ожидала подвоха.

— Я напала? Это ты пыталась меня задержать. Вот и пришлось аккуратно пресечь погоню. Ведь никто же не захотел меня потом преследовать? — Она обернулась к отряду.

Все замотали головами.

— Ну, так кто ты и откуда взялась, и зачем преследовала наш отряд? — Не отставала почтальон.

— Я — лазутчик, а на остальные вопросы отвечу позже — долго рассказывать, — сказала Ангелла и добавила улыбаясь, — но вы всё равно не поверите.

У столовой расспросы пришлось прервать. На ступеньках Маргарита сказала:

— Давайте просто поужинаем, как будто ничего не случилось. — Потом ядовито обратилась к Ангелле, — ...и у нас в отряде 33 человека.

Та в ответ показала пальцами «Окей» и застегнула рот на воображаемую молнию.

К моменту прихода отряда 1-А, столовая опустела. Повара на раздаче ничуть не удивились опозданию и принялись споро накладывать по тарелкам. Ангелла с любопытством таращилась по сторонам и особенно на еду. На ужин предлагали на выбор: рыбные котлеты, блины с творогом, салат, тушёные овощи и гречку.

— Всего понемножку, — попросила самопровозглашённая лазутчица тётю на раздаче. Та и бровью не повела, взяла две тарелки пошире и наляпала на одну салат, овощи и гречку, а на другую положила две котлеты и два блина. Один блин полила сметаной, а другой — сгущенкой. Из напитков были всё те же компот и травяной чай, а вместо какао — молоко. Ангелла поставила на поднос три стакана. Замешкалась она только когда пришлось выбирать к кому за столик подсаживаться, буквально на секунду.

— Ну почему я?! — Воскликнула Аня, но всё же сдвинула свой поднос к краю стола.

— Мы с тобой, просто, ближе знакомы, — ответила лазутчик.

— И ты думаешь, что я горю желанием познакомиться ещё ближе?

— Еще ближе будет просто неприлично, — пошутила Ангелла. За соседними столиками прыснули, а сама почтальон возмущенно фыркнула и уткнулась в тарелку с салатом.

— Аня, — девушка перешла на виноватые интонации, — я, кажется, еще перед тобой не извинилась?

— Нет. — Ответила почтальон с полным ртом, по-прежнему не поднимая глаз.

— Извини, за то, что не извинилась. И извини, что напала на тебя.

Аня на секунду перестала есть:

— Извинения приняты, — сказала она холодно.

— Ты обязательно перестанешь сердиться, когда узнаешь, что на самом деле вокруг происходит.

Аня тщательно, даже вдумчиво, прожевала салат.

— Хорошо, попробую. А пока что продолжу считать, что драка — не лучший метод уйти от преследования.

— Я была вынуждена так действовать, — продолжала оправдываться Ангелла, — мне не хотелось попадаться в руки к вашим вожатым. Если бы не вы все в качестве зрителей, мне бы шею свернули ваши мегеры... если бы смогли.

— Прямо партизаны и Гестапо, — всплеснула Аня руками. «Ха!», — скептически крикнул кто-то из-за соседнего столика, это была Таня Хиз, она, не стесняясь, следила за разговором, в то время, как её подруга Ира, лишь слушала, деликатно отвернувшись в сторону. Впрочем, все присутствующие, так или иначе, держали под прицелом почтальона и лазутчицу. Ещё бы! Настоящая тайна, сверхъестественное явление, не мимолётное и трудно доказуемое, а тут, рядом, сидит, ужинает, препирается с Аней! Разумеется, что после всех событий и недоговорок сегодняшнего дня, никто не хотел верить в попытку вожатых выдать

лазутчицу (откуда, зачем она — ещё только предстоит узнать!) за хулигана.

В пустой столовой отряду 1-А было хорошо, но затягивать ужин не стали. По одному из столовой в этот раз тоже не выходили, наверное, боялись упустить что-нибудь интересное. Те, кто доел, просто сидели и потягивали компоты, ждали остальных. Не спешили только вожатые, они ели за таким же столиком, рядом со всеми. Это подчёркивало сплоченность коллектива вокруг некоего события, выдающегося из ряда вон.

Наконец вожатые отнесли свои подносы с грязной посудой.

— Ну, что, отряды, готовы? — Спросила Маргарита. Что она имела ввиду: окончание ужина, или откровенный разговор, было непонятно, но готовы были все.

На улицу Ласточки и Нимфы вывалили большой гурьбой, Аня и Полина всех пересчитали:

— 33!

— 33!

— А в каком отряде будет Ангелла? — Спросила Рита. Наверняка она уже подумала о том, чтобы заполнить в ряды Ласточек таинственную лазутчицу.

Вожатые переглянулись, не зная, что сказать, но вместо них ответила сама Ангелла:

— Не думаю, что вся эта канитель, — она неопределённо махнула рукой, — продлится достаточно долго, чтобы мне пришлось до такой степени обживатьсь.

— Посмотрим, — сказала Светлана и снисходительно глянула на лазутчицу.

— Пойдёмте в зал для плохой погоды! — В голосе Маргариты вновь проступила деревянная флейта. — Я чувствую: скоро разразится гроза! — Вожатые засмеялись, а некоторые из девчонок посмотрели на ясное небо, прежде чем понять смысл шутки.

Когда отряд уже был перед входом в корпус, из репродукторов на фонарных столбах щелкнуло и раздалась приятная классическая музыка: виолончель и клавесин выводили легкую и замысловатую мелодию, как плющ, обвивающий старое дерево.

— Франческо Раньони, — сказала Ира.

— День Сюзанны, — добавила Маргарита, уважительно глянув на Иришку. Потом, продолжила говорить громче, обращаясь ко всем. — Эта мелодия вам, несомненно, запомнится!

— Она обозначает, — подхватила Светлана, — что обе половины лагеря соединились и начались «Карнавальные часы»!

— Вы всё ещё хотите слушать эту самозваную Ангеллу? — Маргарита смотрела на лазутчицу с открытым коварством. — Или, может быть, пойдём знакомиться с отрядом 1-Б?

— Старшие мальчики, — добавила Светлана.

Искушение было слишком велико, раздались сомневающиеся возгласы.

— К чёрту мальчиков! — Воскликнула Рита. Она повергла в шок своих клонов и даже Таню с Ирой. — Давайте разберёмся, наконец, что здесь происходит!

— Тем более что не все доживут до завтра! — Пропела Ангелла. — Ну, до послезавтра точно не все!

— Что-что?.. — Многие подумали, что не расслышали.

— Звучит, как в дешёвом фильме ужасов, — хмыкнула рыжая Вита.

Заявление лазутчика возымело прямо противоположный эффект. Вместо того, чтобы прислушаться к её словам, многие девушки стали смотреть на неё с недоверием.

— Ну вот, вы видите, что эта девушка не в своём уме? — Улыбка Маргариты была доброй-доброй. — Зачем нам тратить время на её бредни?

Даже Риточка, которая только что рвалась слушать историю лазутчицы, растерялась.

Прекрасная мелодия в динамиках, видимо, достигла своей кульминации. Низкий голос виолончели выводил сложный басовый рисунок, вокруг которого вились тонкие частые щипки клавирина. Никто не обращал внимания на звучащую музыку, кроме Иры. Её лицо стало внимательным, она настороженно смотрела на динамик. Хиз, заметив внимание подруги, тоже посмотрела на громкоговоритель, но с ним всё было нормально.

— Слушай, — сказала Ира.

Таня прислушалась и поняла, что имеет в виду подруга. На фоне записи появился незаметный вначале шум. Он нарастал! Лица вожатых скривились, они через плечо уставились на динамик, в котором шипение уже отчётливо проступило из-за музыки. Все замолчали и напряженно слушали, как нарастает шум. При этом взгляды оказались прикованы к раструбу на столбе, словно ожидая, что с ним что-нибудь случится: воспламенение, искры, взрыв, вылетит птичка. Но пока только нарастали помехи, уже полностью заглушая музыку. В лагере было, наверное, сто динамиков, из которых ещё минуту назад лилась музыка. Теперь «Кристалл» тонул, словно в плотной грязной воде, в шуме.

Конец I части. Продолжение завтра!

Часть II. Глава 1

Сергей и Паша уже минут пять топтались у калитки, за которой парк лагеря «Кристалл» резко становился лесом. «Тёмным горным лесом», — подумал про себя Паша, в третий раз обыскивая многочисленные карманы.

— Ну, сколько можно рыться? — Прошипел на друга Сергей. Он подпрыгивал от нетерпения и тревожно оглядывался по сторонам, ожидая что их вот-вот застукают там, где быть не положено.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал тоненьким голосом толстячок. Его светло-серые глаза испугано забегали, он стал суетливо хлопать себя по закатанным до колен брюкам-хаки. В ответ те загрели семью карманами, половина из которых годились в маленькие сумочки. О ботинок Паши что-то звякнуло, он наклонился и поднял из травы искомый предмет.

— Наконец-то! — Не удержался от восклицания Сергей и закрыл себе рот рукой.

— И всё-таки, почему мы так шифруемся? — Спросил толстяк, рассматривая ключ с биркой «№ 5» в оранжевом закатном солнце.

— Потому что мы спёрли чужой ключ и лезем, куда нас не просили, в то время, как все из нашего отряда сейчас умываются и причёсываются перед «карнавалом».

— Ну почему же спёрли? — Возмутился Паша в голос, но закончил уже тихо. — Он сам на нас упал!

— А кто тебе поверит, если ты его не вернул через минуту вожатым, а прячешь уже полдня? И теперь вот что удумал: тычешь им в замок запертой калитки лагеря — неужто побег?

— Я? Нет! — Возмущенно завопил толстяк и сразу выдернул ключ из скважины, спрятав его за спину.

— Тсс... — приложил палец к губам Сергей. — Потому мы и шифруемся. Больше не напоминать? Дай ключ сюда!

Паша послушно отдал ключ, его друг деловито крутанул им в руке, словно заправский медвежатник, и одним движением открыл калитку. «Храк», — отозвался смазанный замок и задребезжала стальная сетка.

— Прощу! — Сергей картинным жестом распахнул дверцу — та лишь свистнула новыми петлями, и пригласил кивком, который сбросил длинную чёлку на лицо, своего друга проходить.

— Только после вас, монсеньёр. — Паша наклонился, достал из-за ремня черную кепку и помахал ей перед собой.

— Ладно, — Сергей привычным жестом скинул с лица волосы и сделал два шага через калитку. Толстяк проследовал за ним.

— Ого! А здесь совсем по-другому. — Паша крутил головой во все стороны.

— Да мы же всего на метр от лагеря отошли.

— А что будет, когда на два отойдём?! Страшно представить! Давай, веди. — Паша неторопливо подталкивал друга в спину и тот зашагал по узкой тропинке. Дорожка, петляя между обнажённых корней и выступов белых скал, поросшим зелёными шапками мха, уходила круто вверх.

— Слушай, мы не продумали, что будем делать дальше, — снова остановился Сергей и

Паша чуть не ткнулся ему в спину. — Вот тропинка, она ведёт непонятно куда...

— А нам непонятно что от неё надо, — согласился друг. — Предлагаю разведать минут на десять в одну сторону и возвращаться в лагерь — на дискотеку! — Последнее слово толстяк профальцетил, смешно пританцовывая животом.

— Опять ты за своё! Сдалась тебе эта дискотека? Что ты там не видел?

— Девчонок! — Воскликнул Паша громко и тут же втянул голову.

— Бабник! — Констатировал Сергей.

— Красавчик! — Привычно огрызнулся толстяк. — Скоро темнеть начнёт, — примирительно продолжил он и, не удержавшись, просительно добавил, — ...а там дис-ко-те-ка.

— Темнеть? Можно подумать ты свой знаменитый фонарик не взял.

Паша поднял брови и вздохнул:

— Взял.

— Давай подумаем, — предложил Сергей. — У нас точно есть ещё два часа времени, но ты хочешь на дискотеку.

— Ну это же первая дискотека лагеря! Как ты не понимаешь: пропустим её и всё! Все со всеми знакомы! Кроме нас — добровольных изгоев.

Сергей в ответ хмыкнул.

— К тому же, как насчёт твоей подруги — Иры? Будет ждать, небось?

— Не будет, — Сергей нахмурился, — я ей так и не сказал, что в «Кристалл» еду, всё в последний момент решилось.

— Хорошо, — хитро продолжил толстяк, начиная мерить тропинку шагами от камня до камня, — не будет ждать... и познакомится с таким уродами — фу!

— А причём здесь «уроды»?

— Как причём? Ты к ней: «Привет, Иришечка!», а она нос молча вздёрнет и ответит тебе за неё двухметровый футболист (басом): «Тебе чего, парниша?». — Паша не удержался и прыснул подлым смешком.

— Вечно ты всякую чушь плетешь!

— Чушь — не чушь, но неужели тебе не хочется приобщить к тайне ключа дорогую одноклассницу? — Паша шёл на крайние меры. — Приключение в таинственном лесу — четверо друзей срывают покровы «Кристалла». Романтика!

— Почему четверо?

— А сколько? Или ты думаешь, я за вами двоими буду одиноким хвостиком бегать? Наверняка у Иры красивая подруга...

— Снова ты за своё! Повторяю сотый раз — мы с Ирой хорошие друзья, учимся в одном классе.

— И сидим за одной партой третий год. — Паша покачал головой, как будто устал иметь дело с непроходимым упрямством. — Готов поспорить, что ты не прожужжал ей все уши про своего лучшего толстого друга.

— Рассказывал кое-что, — не согласился Сергей.

— А мне про неё прожужжал! И если здесь нет никакой романтики, то она — твой лучший друг, а не я!..

Сергей на секунду задумался, а Паша после театральной паузы заявил:

— Сейчас разрыдаюсь, — и закрыл локтем глаза.

— Тебе не идёт.

— Да? — Толстяк опустил руку. — Пошли искать Иру.

— Можно подумать, она тебе сильно нужна.

— Нет, если честно, но, если ты не заметил, в сумерках в лесу довольно неуютно. Думаю, через полчаса здесь волки завоюют.

— Тебе, что страшно?

— Жутковато как-то становится... — Паша к чему-то прислушался. — С каждой секундой прямо. Ничего не замечаешь?

Сергей внимательно осмотрелся, взгляд его остановился на распахнутой в лагерь калитке всего в сотне метров сзади. Оттуда неявно что-то исходило. Мало заметный шум, словно привычный ветер, привольно гуляющий в кронах деревьев, стал целенаправленным и злым, причём именно над лагерем, который остался ниже по склону горы.

— Шум... — сказал Сергей и друзья стали слушать ещё напряжённее. Теперь это слышалась совершенно чётко: лагерь накрыло шипением, как будто в сотне мест одновременно прорвало водопроводные магистрали.

— Что там происходит? — Паша ни к кому не обращался, но тут раздался ответ:

— Сейчас я вам расскажу, мальчики! — Голос незнакомца дребезжал, как у старой алкоголички.

— А! — Одновременно вскрикнули друзья, мгновенно позабыв о лагере, и прыжком развернулись к незваному собеседнику.

Впереди по тропе, там, где она делала поворот за огромный мшистый валун, стоял человек в потрёпанной форме. Он делал по маленькому шажку, останавливался, виновато улыбался серым, неясным в сумерках лицом и делал следующий робкий шаг. Сказать, что в облике его было что-то не так — значило сильно польстить человеку. Он выглядел как последний оборванец, а из-за лохмотьев старомодного кителя был похож на дезертира и мародёра одновременно.

Пока ребята, раскрыв рты, смотрели на него, он успел сделать им навстречу пять маленьких шажков. И с каждым из них его виноватая улыбка тянулась всё шире и шире, становясь похожей на пластилиновую. Лицо тоже растягивалось в стороны, приобретая черты насмешки вылепленной маски.

— Вы кто? — Крикнул Сергей.

Вместо ответа незнакомец сделал ещё два шага, а его застенчивая улыбка наконец треснула... черным и жёлтым. Он что-то держит во рту? Большие гнилые жёлуди? Щепки? Недожёванные куриные кости?

— Не подходите! — Истошно закричал Пашка. — У меня есть оружие!

Сергей недоумённо уставился на друга. Тот выхватил из ременного чехла серебристый продолговатый предмет, дёрнул за его широкую верхнюю часть, направил её на незнакомца и нажал на кнопку.

— Бежи-им! — Из фонарика, а это был Знаменитый Пашкин Фонарик на тысячу свечей, вырвался узкий луч света, сразу же вырезавший в сумерках леса сияющий сноп света с миллионом танцующий пылинок. Его конец точно упал на лицо человека, превратив того в засвеченный негатив. Человек взревел и закрыл лицо руками, словно Пашка застрелил его из бластера.

Друзья побежали. Впереди Сергей, за ним Паша, всё ещё пытаюсь на ходу слепить незнакомца.

— Стойте! — Человек уворачивался от пляшущего света, а ребята всё разгонялись. — Я

вас поймаю и разорву! Пацаны, вы трупы! — Человек побежал. — Стойте, вы грёбаные трупы, вонючая еда!

Сергей, а за ним Паша, который уже не светил на незнакомца, а мчался что есть мочи, и луч фонарика мелькал у него под ногами, ворвались в спасительную калитку, захлопнув её за собой. Та послушно клацнула язычком замка, заперев путь в лес.

Друзья отбежали от забора еще шагов сорок и поняли, что ничего спасительного в калитке нет. Звякнула сетка и полсекунды спустя ноги незнакомца хлопнули о тропинку уже на территории лагеря. Он её перемахнул, не останавливаясь! Как олимпиец, или киношный коп в погоне за преступником!

Если бы не фора, которую беглецы получили благодаря Знаменитому Пашкиному Фонарю, человек с зубами, похожими на гнилые жёлуди и поломанные куриные кости, уже бы вгрызся в плечо Паши, а то и просто одним прыжком свалил обоих. Незнакомец был быстрее и крупнее подростков, но не это главное — он был безумен! И похоже действительно собирался сделать из взбесивших его детей трупы, а то и еду.

Впереди зажглись желтые и теплые фонари, обозначив одну из аллей парка и спускающийся на неё летний вечер. Как далеко! Между мальчиками и светом, который был таким уютным, исключаяющим всякое безумие и опасность, еще оставалась сотня метров — она очень неохотно сокращалась. А незнакомец уже часто топал, громко дышал и даже ревел, как бешенный медведь за самыми спинами друзей.

Но чем им поможет свет фонарей, пусть даже таких приветливых?

В свете появился силуэт.

— Эй, куда бегите? — Молодецкий голос мог принадлежать только вожатому. Это спасение! Сейчас безумный преследователь испугается бравого спортсмена и свернёт в темноту, а запыхавшимся и безумно перепуганным мальчишкам никто не поверит...

Звериный рык чуть не оглушил друзей, а вслед за ним по их спинам полоснули скрюченные пальцы безумца, который сделал прыжок, желая одним махом прихлопнуть обоих детей. Сергей отчаянным движением выкрутился, его рубашка треснула, он с трудом удержался на ногах, делая заплетающимися ногами восьмёрки.

Рядом покотился сбитый Паша, преследователь подмял его под себя.

— Помогите! — Сергей уже тормозил, растирая в кашу редкую траву тропинки, чтобы повернуться к другу. Он не знал, что будет делать, но бежать уже не мог — не мог бросить своего неповоротливого невезучего друга. Он увидел, как сумасшедший неправдоподобно широко разинул свой рот, набитый жёлтыми обломками больших зубов и собрался откусить от лица Паши большую половину.

В руке толстяка сверкнул фонарик и что есть силы вмазал по нависшему над ним рылу. Раздался громкий звяк и хруст — безумец взвыл, так и не захлопнув челюсти, из верхней, там где фонарик выломал кривой зуб, брызнула темно-грязная кровь. Казалось, эта же кровь наполнила глаза незнакомца, удалив из них остатки разума. «Паше — конец», — успел подумать Сергей и на ватных ногах попытался совершить рывок к другу.

Опередив его, в сцену ворвался вожатый. С разбегу, словно делая пушечное пенальти, парень врезал совсем не спортивным ботинком по голове безумца. Звук удара был громкий. Незнакомца сорвало с Паши и перевернуло в воздухе, тело, увлекаемое головой, которой сделали победный гол, с треском врезалось в кусты.

— Ого! — Только и сказали друзья.

Вожатый протянул руку Паше, тот схватился за неё и оказался на ногах. Парень

поставил его с такой лёгкостью, словно мальчик был из картона.

— С вами всё в порядке? — Спросил вожатый.

— Со мной — да. — Ответил Сергей.

— В-в п-полном! — Втянул живот и выпятил грудь Паша, спрятал за спину трясущиеся руки, но дрожь предательски пробивалась в коленях. Лицо его было в брызгах тёмной крови, которую он пустил нападавшему, но мальчик сейчас этого не замечал. Он с обожанием смотрел на спасителя.

— Спасибо большое, вы нас спасли от этого сумасшедшего, — сказал Сергей.

— Он на нас в лесу напал, — добавил Паша и получил локтем в бок.

— Возле леса, — заулыбался Сергей, не подавая вида, что разоблачён, — мы гуляли недалеко от забора.

— В лесу или возле леса, — ответил парень, — но впредь гуляйте осторожно. Обычно мародёры так близко к лагерю не подходят. Вам повезло, он мог вас обоих просто съесть.

— Мародёры?.. — Ребята удивились. Они-то думали, что нападение сумасшедшего бомжа станет для вожатого таким же сюрпризом, как и для них, но, похоже, парню это явление было более-менее обыденно.

— Стойте здесь, я вас проведу в отряд. Там, где один мародёр — их может быть целая стая. — Вожатый говорил фантастическую чушь с серьёзным и озабоченным лицом. Он рыскал взглядом по сторонам, как заправский ренджер. — Вот только ублюдку покой обеспечу. — С этими словами парень достал из огромной кобуры (у него всё время была кобура на боку!) большой угловатый пистолет.

Мальчики как загипнотизированные смотрели на чёрный механизм, чья широкая рукоятка тонула в еще более широкой ладони вожатого. На дуле было несколько продольных борозд, а на самом конце — ряд узких квадратных прорезей-рёбер. Свет ближайшего фонаря тусклым бликом пробежал по полированному металлу, помигав на рельефе выемок.

Парень, а это был настоящий гигант по сравнению с вожатыми мальчишек, все равно, что культурист рядом с легкоатлетами (они его приняли за вожатого!), подошел к недвижимому телу в кустах и стал что-то там щупать.

— Еще живой! — Восхищено сообщил здоровяк через плечо. Мальчики, цепenea, продолжали рассматривать своего спасителя. То, что они приняли за спортивный костюм, было ладно скроенной, технологичной формой, под стать ботинкам... и пистолету.

— Если его так оставить, он уже через двадцать минут очухается, — сказал парень и нажал на курок. Раздался глубокий и короткий, какой-то железный звук выстрела, словно гвоздь с одного маха загнали в дубовую доску. Вытянутая рука парня слегка дрогнула, а тело экс-преследователя совершило последнее сальто в кустах. Кажется, уже без головы.

— Вот так-то! — Сказал здоровяк с чувством исполненного долга и повернулся к ребятам. Увидел он как те что есть мочи улепётывают по залитой оранжевым светом аллее. — Больше нигде не останавливайтесь, мальчики, — крикнул парень вслед, сложив ладони рупором, — сразу в отряд! — В ответ силуэты еще поднажали и скрылись за поворотом.

Мальчики бежали самозабвенно, вдохновенно, как никогда до этого. Они летели по сумеречным аллеям, как два ястреба, прорезая воздух острыми локтями, синхронно входя в повороты и спрыгивая сразу с трёх-четырёх ступеней. Впереди слышалась музыка и друзья, не сговариваясь, стали замедляться, постепенно гася космическую скорость

громкими хлопками подошв по асфальту.

Они остановились недалеко от сияющего разноцветными огнями круга танцплощадки, согнувшись пополам, уперлись руками в колени и некоторое время просто дышали.

— А хорошо пробежались, — сказал, наконец, Паша глотая слюну.

— а-Да-а! — согласился через вдох Сергей. — Это было грандиозно!

Друзья выпрямились и еще по разу с шумом выдохнули. С их лиц, как по сигналу, заструился пот — он отстал от ребят на добрую минуту.

— Мы не спим? — Спросил Сергей.

— Нет. — Ответил Паша.

— Уверен?

— Абсолютно, — толстяк протянул другу руки окровавленными ладонями вверх, он их счесал при падении вместе с... мародёром (?!), — горят неимоверно, словно их черти жарят.

Паша засмеялся собственной неуклюжей шутке.

— Черти жарят? — Сергей захохотал, чем вызвал еще большее веселье друга.

— Да, жарят, черти! — Паша согнулся от неудержимого смеха и хлопнул себя по ногам. — Ай! — Он забыл о пораненных ладонях.

Друзьям пришлось по новой переводить дух. Они ещё не успокоились, когда на их пустынную дорожку вышли три важных, разодетых в яркие платья девчонки из младших отрядов. Они увидели Пашу и с визгом скрылись.

Сергей осмотрел своего толстого друга:

— Ты на индейца похож, который только что десяток скальпов ободрал.

— Да? — Серые наивные глаза Паши смешно глянули с грязного лица, по которому пот чертил кровавые полосы.

Сергей теперь уже в одиночку зашёлся смехом, тыкая пальцем в сторону друга. Паша терпеливо стоял и ждал, пока тот успокоится.

III. Глава 2

По дороге в корпус друзья обходили стороной компании, будь то девчачьи, мальчишечьи или смешанные, выбирая дорожки побезлюднее. А на совсем тёмных аллеях у них сжимались сердца от страха, но царящий всюду шум, смех и доносящаяся с танцплощадки музыка, рассеивали атмосферу жути и сюрреализма, в которую друзья окунулись во время визита к калитке № 5. Проходя стороной очередную компанию девчонок, Пашка приостановился и сказал: «Ничего, сейчас переоденемся быстро и вернёмся».

Всё-таки Сергей попробовал рассказать о случившемся взрослому человеку, естественно, утаив о визите в лес. По дороге они встретили собственного водителя Антона, здоровяка с армейской стрижкой. На середине истории тот начал морщиться и смотреть в сторону дискотеки, намекая, чтобы закруглялись с байку. А в конце так и вовсе сказал:

— Блин, пацаны, вы меня конкретно напрягли. Вы хоть, похоже, и побывали в переделке, но я нифига не верю, что в описанной. Но сейчас, вместо дискотеки, пойду искать труп вашего бомжа. Можете не провожать, отлично знаю, где это место.

Он демонстративно достал рацию и, зажав кнопку, сообщил помехам:

— Иван, это Антон Комков. Отправляюсь в район пятой калитки проверить информацию о трупе бомжа на территории.

Помехи засмеялись в ответ: «Я с тобой, встретимся на месте»!

— Всё, пацаны, валите, — обратился Антон к удивлённым друзьям. — Вы что думали, я из-за ваших шуток буду весь лагерь на уши ставить? Перед отбоем зайду, вы у меня по двести раз отождётесь, если мы с Иваном никакого трупа не найдём, а мы его не найдём стопудово.

Торец корпуса светился окнами коридоров, но был слеп фасадом с балконами номеров. Пустая площадка перед входом была залита оранжевым сиянием гудящего фонаря, миновав её, друзья вошли в холл, встреченные бормотанием телевизионной панели.

— Все ушли на танцы, — констатировал Паша и хлопнул по кнопке вызова лифта.

В номере Сергей сразу скинул промокшую от пота рубашку и принялся рыться в чемодане на колёсиках. Паша же открыл дверцу пустого шкафа и долго стоял перед зеркалом, рассматривая свою физиономию.

— Сходили, так сходили, — задумчиво сказал толстяк, зачем-то оттягивая нижние веки вниз и заглядывая в глаза. — Нормально, — он остался доволен осмотром.

— Нам же никто не поверит, — Сергей встал рядом, на его худом плече болталось полотенце, он тоже смотрел в зеркало.

— А мы кому-то будем ещё рассказывать? Думаешь, водятые не найдут труп?

— Думаю, нам сегодня придётся как следует поотжиматься, потому что во всех страшных историях тела куда-то неведомым образом исчезают.

— Ну да, например, тот культурист с пистолетом может перепрятать тело, — согласился Пашка.

— Но надо хотя бы найти Иру и предупредить её.

— О чудовищах в лесу или качках-водятых с пистолетами?

Ребятам не отказывало чувство юмора, но всё равно они себя чувствовали варёными дрожащими макаронами — это адреналин, подстегнув их на десяток минут, полностью

забрал энергию.

— О тех и других. Пусть не поверит, но я уговорю её ходить по лагерю только с подругами, а вечерами вообще не отходить от вожатых. Это минимум, что мы можем сделать.

— А как же остальные? Веселятся, ничего не подозревают, а лагерь уже может быть окружили клыкастые маньяки!

— А вот остальным прямо говорить ничего нельзя — в лучшем случае поднимут на смех.

— Да, будем говорить намёками! — Паша, наконец, оторвался от созерцания себя в зеркале и принялся мерить номер шагами, заглянув первым делом на балкон. — Скажем: «Ребята! Помните! Если увидите странных незнакомцев — бегите от них сломя голову. Нет, ребята, мы не странные, нас так в школе учили!»!

— Пошли в душ, а то так и будем стенать в номере. Ты, Пашка, между прочим, абсолютно прав, нам срочно нужно на дискотеку.

— Конечно, я прав! Но почему?

— Нам нужны товарищи: старые, новые, те, с кем можно будет делиться наблюдениями, держаться вместе, в конце концов! Ты же домой не собираешься?

— Нет, конечно, а зачем домой собираться? Ведь первый день только в лагере.

— Вот именно, только первый день, а уже чуть не съели. Когда фильмы ужасов смотришь, разве не хочется крикнуть главным героям в самом начале: «Уматывайте отсюда! Собирайте вещи и бегите сломя голову с этой хижины, леса, города, страны и желательно континента как можно дальше и быстрее!».

— Да! — Пашку восхитил кинематографический ракурс, аж в ладоши хлопнул. — А еще я один раз в кинотеатре крикнул: «Дура, куда ты полезла? Оттуда были крики ужаса и боли — тебе в другую сторону!».

— Значит, по логике целесообразности, мы с тобой Паша, должны сейчас названивать родителям и слёзно умолять их забрать нас отсюда на вертолёте. Но мы не будем.

— Нет, конечно! Лето только началось, впереди еще двадцать дней свободы от родаков, море, солнце, пляжи. Красиво здесь в конце концов! Не хочу я никуда уезжать!

— Тихо, тихо. Мы остаёмся. Прямо как все те дурачки из ужастиков.

— Точно, как они... А что же делать? Например, когда услышим крики ужаса и боли?

— Будем соблюдать правила безопасности фильмов ужасов.

— Вау! Се-рё-га, — протянул восхищенно Паша, — это ты сам только что придумал?

— Да, — Сергей склонил голову, принимая похвалу, и на лицо ему снова упала чёлка. Он досадно глянул на неё. — Но сейчас в душ. А потом подстрижешь мне чёлку.

— Шутишь?

— Нет.

— Это еще зачем, Красавчик? Ты ж с ней уже три года ходишь. Я к тебе привык такому!

— Мешает в экстремальных ситуациях — это раз! Носителей экзотических и щеголеватых причёсок в фильмах «выпиливают» первыми — это два!

— Да! — Довольно хрюкнул Паша. — А те кого криво подстриг друг — доживают до второй части!

— Точно!

И друзья пошли в душ.

— Блин! — Паша кричал, но из-за шума воды его всё равно было еле слышно в соседней душевой Сергею. — У меня такое чувство, что сейчас весь лагерь смотрит, как мы моемся!

— И музыку выключили, чтоб не отвлекала! Стоят, разинув рты... буль, кхе, — Сергей подавился горячей водой.

Уникальные душевые пятиэтажных корпусов «Кристалла» прекрасно смотрелись, как архитектурный элемент, уравновешивая противоположный стеклянный угол здания, где находилась лестница. К тому же большие прозрачные ромбо-узорчатые плитки стен полностью пропускали дневной свет, но к этому сомнительному удобству ещё надо было привыкнуть. В тёмное же время суток, посетитель душа чувствовал себя, как рыбка в светящемся аквариуме, испытывая другого рода психологический дискомфорт, видя свое мутное отражение и угадывая за стенами неясную, изломанную тысячами граней стекла темноту улицы.

Сергей и Паша не потратили и пяти минут, чтобы искупаться. Ещё пять минут у них ушло на посещение номера и одевание. Паша сбегал в «комнату для собраний во время дождя», как её называли вожатые, за ножницами и двумя длинными «чи-иками» оттяпал гордость Красавчика. «Ерунда», — констатировал Паша, бросив всего один взгляд на Сергея и принялся бешено и хаотически стричь беспомощного друга. «Теперь лучше», — сказал он три минуты спустя. Пока Сергей подставлял под струю воды в кране в углу лицо, шею и плечи, чтобы смыть прилипшие волосинки, Пашка быстро подмёл волосы. Наконец экс-Красавчик решился глянуть в зеркало. Сначала он ойкнул, увидев незнакомые очертания, но потом, покрутив головой, признал, что Пашка, пожалуй, молодец. Сделал из томного юноши симпатичного панка-бунтаря. «То, что надо», — констатировал Сергей, подняв большой палец гордому собой Пашке.

Пятнадцать минут спустя они стояли на крыльце перед корпусом, на улице стало заметно прохладнее — с гор тянул тот самый ветерок, о котором рассказывали вожатые. Можно было слышать, как вокруг ближайшей лампы, что над входом, хлопают крыльями ночные мотыльки. Совсем тихо, как будто с расстояния в километр, доносилась музыка с дискотеки. Горнолесной рельеф глушил любые звуки, кроме шума ветра в кронах деревьев и сливающегося с ним прибоем далеко внизу.

Друзья шли на звуки музыки контрастными черно-зелёно-оранжевыми аллеями, покрытых узорами теней переплетённых веток и трепещущих листьев.

— А может быть это шутка? — Сказал Сергей.

— Что?

— Калитка, монстр и вожатый с пистолетом — всё подстроено, чтобы испугать того, кто стащит ключ. — Сергей говорил и сам себе начинал верить, ведь в воздухе было разлито столько свежего счастья летнего вечера, что любое зло казалось несерьёзным, а опасность — безосновательно надуманной

— Вот тебе шутка! — Пашка помахал перед лицом друга руками, чистыми после душа, но избородженными частыми глубокими царапинами с глянцево отблескивающей запёкшейся кровью разбавленной сочащейся сукровицей. — Я не знаю, как завтра ложку буду держать на завтраке. Когда на них обращаешь внимание, они пульсируют. Мне это совсем не кажется шуткой.

— Отжиматься, наверное, будешь на кулаках... Кто пульсирует?

— Боль в ладонях!

— Ты прав, — согласился Сергей, — тот урод мог тебе руки не только поцарапать, но и сломать.

— А если бы вовремя не подоспел «супермен» с пистолетом, он бы мне нос отхватил зубами. Разорвал бы как бешенный пёс орущую курицу! Фу-у! — Пашу передёрнуло от отвращения.

— Что «фу»?

— Вспомнил его пасть и ту вонь, которую он на меня выдохнул. Нет, Красавчик, о юморе тут речи быть не может.

— Извини, может, потому что у меня обошлось без ранений, но с трудом могу себя заставить думать об этом лагере, этом великолепном вечере, как таящем серьёзную опасность.

— Серёга, да я тоже пьян от воздуха! — Почти закричал Пашка. — Если бы не царапины, сейчас бы, как тот чудила из старого фильма, закружился на фанаре!

По мере приближения к дискотеке, дорожки лагеря становились всё более людными. Парк кишел весёлыми подростками, тихими и громкими, большими и маленькими компаниями. И только кое-где, не выделяясь из толпы настроением, встречались вожатые, как парни, так и девушки. Первые в своих отличных кепках, а вторые... в пилотках. Вот это да! Какие красавицы! Одна из них сделала двумя пальцами «под козырёк», когда увидела, что мальчики смотрят на неё большими восхищенными глазами. Сергей и Пашка тут же отвернулись и ускорили шаг, чувствуя, как их уши предательски светятся в темноте цветом нагретого до красна чугуна.

Друзья вышли из вильнувшей аллеи, и музыка стала очень громкой — они были у самой танцплощадки.

Да это целая арена! Дискотеку устроили в большом летнем амфитеатре, размерами едва уступающем школьному стадиону. На сцене, похожей на волшебную раскрытую ракушку, стоял впечатляющий обилием светящихся в темноте рычажков пульт, за которым в такт головами кивали два ди-джея, их чёрные фигуры были вырезаны на переливающимся всеми цветом фоне. По периметру сцены висели десятки лазеров, густо исписывающих своими запутанными лучами не только площадь, но также деревья и скалы выше по склону.

— Высший класс! — Закричал Пашка. Он был ошарашен и восторжен.

— Это да! — Согласился Сергей и стал искать взглядом тихий угол. Он быстро убедился, что все тихие углы на площади и вокруг были заняты стайками мальчишек и девчонок. Пустовал только самый центр дискотеки, над которым кружился разноцветный шар цветомузыки.

— Как же мы здесь Иру найдём? Да их здесь сотни! — Сергей имел ввиду девчонок.

— Тысячи, друг! — Паша зашёлся весёлым смехом и стал пританцовывать в такт незнакомой мелодичной и ритмичной музыке с глубоким басом и фантастическим ландшафтным фоном, под которую воображение с готовностью рисовало сказочную планету с огромными лунами и развалинами древних городов, полускрытых ночными джунглями. — Будем ходить и спрашивать. Что мы знаем о ней? В какой отряд могла попасть Ира?

— В самый старший, — сказал Сергей, — как мы.

— Наш 1-Б, а как у них индексы идут?

— Не знаю. — Мимо как раз проходила стайка девушек, на вид старшекласниц. — Девушки, извините, — обратился Сергей, не отступая от своей обычной вежливости, которая, как давно заметил Пашка, у его друга при общении с противоположным полом

защкаливала. Стайка из четырёх важных девиц остановилась и принялась рассматривать друзей: судя по их лицам, Сергей получил четвёрку, а Паша — тройку по пятибалльной шкале. — Скажите пожалуйста, — Пашка поморщился — «ближе к делу!», — вы из самого старшего отряда?

— Ну конечно, — процедила в свой большой нос белокурая зараза, у которой в глазах читалось: «Ненавижу неформалов». «Ах, да, я же теперь панк», — вспомнил о своей причёске Сергей.

— А у вас в отряде есть Ира?

— Да есть, это я! — Сказала носатая Ира и телепатически передала усиленный сигнал презрения.

— Нет, другая: Ира Власова. Худенькая, длинные чёрные волосы, карие глаза?

— Нету. — Отрезала зараза и развернулась, чтобы уходить, её примеру последовали остальные.

— А из какого вы отряда? — нашёлся Пашка, в то время как Сергей был выведен из строя непривычным недружелюбием.

— 3-А! — Бросила через плечо одна из девиц.

— Ну вот, — сказал Пашка, — один отряд для начала можно вычеркнуть.

— Злые какие, — сказал Сергей.

— Привыкай, теперь ты в другой лиге, которая, кстати, намного интересней, — толстяк подмигнул. — Надо было тебя вообще ножом обрить — такие девчонки, — кивок в след вредной четвёрке, тогда бы от нас с криками разбегались. А теперь внимание! — Пашка заголосил писклявым конферансье. — Нормальные люди! — После этих слов он поискал взглядом и обратился к двум девчонкам в тёмных платьях с кружевами и обилием косметики. — Привет!

— Привет! — Протянули те вполне дружелюбно.

— Вы из старшего отряда?

— Да, — ответила та девушка, у которой косметики было чуть больше, — но какое это имеет значение?

— Да мы ищем кое-кого.

— И кого же?

Сергей описал Иру.

— Нет не видели, хотя здесь столько людей мелькает.

— А из какого вы отряда?

— 4-А! Приходите! Мы: Алекса и Сирена, как вас зовут?

Сергей не успел раскрыть рта, чтоб представиться, как Пашка выпалил:

— Я — Тор, а он — Красавчик. Еще встретимся!

Когда девчонки отошли, толстяк в сердцах воскликнул:

— Да сколько же этих старших отрядов?

— Тор? — Усмехнулся Сергей.

— Да! — С вызовом ответил Пашка. — Хорошая кличка — и половина успеха у тебя в кармане. Тем более ты же видел, как я своим Молотом с тем отморозком разобрался!

— У твоего молота стекло треснуло, а если бы не здоровяк, от нас бы одни тапки остались.

— Знаю, знаю, — Пашка достал из кармана свой замечательный фонарик (он его помыл с мылом) и с грустью посмотрел на стёклышко с неровной сетью трещин.

Дальше друзья, расспрашивая девчонок, первым делом интересовались номером отряда. Им неизменно попадались только 2-А, 3-А и 4-А, ни в одном из которых Иры Власовой не было. Оставался отряд 1-А, но и спустя полчаса расспросов никого из него встретить так и не удалось.

— Закон подлости! — Констатировал Пашка. — Когда ты что-то ищешь — оно от тебя дальше всего. Да куда же этот 1-А задевался?

И ребята пошли через всю шумную и яркую дискотеку, словно рыбаки через бурное море, на каждом шагу спрашивая о пропавшем отряде. Никто его не видел, никому он кроме Сергея и Пашки интересен не был. Когда друзья подошли к самому центру площади, на сцене неожиданно зажегся свет, а звук музыки стих до минимума. Все лица повернулись к «ракушке», над толпой разнёсся дружный «Ах!».

— Вот это да, — сказал обалдевший Пашка, — ди-джеи то с бородами!

За пультом, залитые белым светом, широко улыбались два русых молодых бородача в тёмных очках.

— Давайте поблагодарим наших музыкантов! — Над площадью разнёсся веселый голос девушки в пилотке, неизвестно как появившейся на сцене в компании спортсмена в стильной кепке на армейский манер. — Трансплантат, — руки поднял один бородач и лагерь восторженно завизжал на все лады, — и Изотоп! — руки поднял другой бородач и лагерь ответил не меньшим шумом.

— А теперь давайте знакомиться! — Слово взял спортсмен, который выкрикивал слова в микрофон, как заправский хардкорщик, всё его тело пружинило, словно он рвался подпрыгнуть и оглушить публику забористым речетативом. — Мы — вожатые отрядов 4-А и 4-Б: Марина и Николай!

Ди-джеи стали размеренно хлопать и вскоре аплодисменты заполнили всю площадь.

В противовес своему напористому и громкому напарнику по сцене, Марина была мила и элегантна. Она достала из форменной сумочки вожатых листик и, заглянув в него, продолжила:

— У меня здесь список отрядов и названия, которые вы сами себе придумали.

— 100 отрядов, УуАу! — Всё-таки подпрыгнул и взревел спортсмен. Публика ответила радостными криками.

— Это хорошо, что вы такие отзывчивые. — Сказала Марина. Теперь мы с вами сделаем так: я буду читать номер отряда и его название, а вы, когда услышите себя, кричите, свистите, если умеете, шумите, как можете.

— Не пройдет и трёх часов, как мы все познакомимся, — пошутил парень.

— Я думаю, что справимся быстрее, — возразила девушка. Итак, с кого начнём?

— Дамы вперёд! — Сказал спортсмен. (Пашка и Сергей воскликнули «Йесс!»).

— Нет, — лукавый голосок вожатой заставил друзей замереть, — дамы — это всегда интрига, я бы оставила её на потом.

— Да, ты права, — Сергей и Пашка поникли, — если сразу назвать всех девчонок, то кто же будет слушать о парнях? — Вожатому возразил нестройный хор девичьих голосов.

— Да хватит резину тянуть, — неожиданно подал голос один из ди-джеев, кажется Изотоп, на пульте тоже был микрофон. — Читайте вперемешку! — Его напарник привычным жестом вскинул руки, призывая публику к поддержке. Лагерь охотно завизжал и заголосил, громче чем раньше — то ли из согласия, то ли набравшись опыта. Трансплантат что-то крутнула маленьком пультике сбоку и над головами детей забегали желтые лучи

лазеров, окрашивая всё таинственно-золотым.

— Хорошо. — Сдались вожатые-ведущие. Девушка дала спортсмену один листик, оставив себе второй. — Вперемешку, но парни начинают первые!

— Приготовились! — крикнул спортсмен. — 1-Б! — Пашка взлетел ракетой и заголосил паровозным гудком, Сергей что есть силы хлопал в ладоши и вопил: «АААА!». В тот же миг но с другого конца площади, скрытой от светомузыки в тени развесистых кустов и больших деревьев, к ним присоединился хор восторженных мальчишечьих голосов, среди которых едва разборчиво слышалось: «Мы первые!». — Ребята себя назвали «Романтики» и «Головорезы»! — Сила торжественного улюлюканья удвоилась.

Сергей шлёпнул раскрытой ладонью себя по лицу:

— Говорил, что надо вместе со всеми идти придумывать названия! — Обратился он к Пашке, который ничуть не расстроился.

— Да ладно, пацаны отлично справились, надеюсь, что мы — это «Головорезы», а не «Романтики».

— Спокойно, ребята, — сказала вожатая в микрофон, — еще накричитесь, дайте другим себя показать. — Вопли стихли. — А теперь наши старшие девушки, начинаем: отряд 1-А! — Эхо весёлого выкрика растаяло в повисшей над площадью тишине.

— Эй, девчонки из 1-А, вы что голоса потеряли? — Спросил обескураженный спортсмен. Повисла неловкая пауза, все крутили головами, высматривая молчаливый отряд.

У вожатой пропищал коммутатор, она пробежала взглядом по его экрану:

— Давайте посочувствуем отряду 1-А, — сказала ведущая, подняв глаза, — у нескольких из них подозрение на грипп, и девчонки, чтобы никому не испортить праздник, решили дружно остаться на карантине. Думаю, мы встретимся с ними уже завтра. Поприветствуем 1-А — «Горные нимфы» и «Солнечные ласточки»! — Вожатые зааплодировали, к ним присоединился весь лагерь, искренне сочувствовавший тем, кто пропускает такой вечер.

— Пошли! — Сергей едва не за руку потянул Пашку из толпы. Тот оглядывался и недоумевал: «Куда?.. Зачем?..». — Проведать больных, — буркнул Сергей, он не останавливался, а толстяк телепался за ним бестолковым, растерянным, но всё равно преданным воздушным змеем. Когда друзья оказались на опустевшей аллее (все сейчас веселились у сцены), Пашка требовательно остановился и сложил руки на груди:

— Эй, объясни сначала, что ты задумал!

— Мы идём к отряду 1-А. — Сергей казался раздражённым такой непонятливостью и необходимостью рассказывать.

— Зачем? Ты что не слышал — они на карантине! Еще заболеем! — Пашка кашлянул в кулак. — Вот видишь! А что будет со мной дальше?

— Ничего, будем лечить мнительность. Ты же меня уговорил идти в лес, вместо того чтобы со всеми отряду имя придумывать. Теперь мы «Головорезы»... А могли бы быть «Самураями»!

— Да кому нужны ваши прошлогодние названия!

— Это я к примеру, — примирительно сказал Сергей. — Ты разве не чувствуешь, каким здесь враньём пахнет?

— Каким?

— Большим и наглым! Подумай: откуда здесь возьмётся грипп? Южное солнце, солёное море, душистые сосны. Лето в конце концов!

— Из дома привезли, например, из Лапландии, иностранные ученицы по обмену.

Олений грипп из Лапландии! — Пашка первый, как он это часто делал, засмеялся своей шутке. Сергей его поддержал, а когда веселье стихло, Пашка продолжил: — Грипп — не грипп, но девчонки бы в жизни добровольно не остались на карантин, тем более все. Это абсолютная фантастика!

— Да, точно. Из кожи бы вон лезли, чтобы попасть на дискотеку — по простыням бы спустились с пятого этажа.

— А заразных бы утопили в море, чтобы не допустить эпидемии! «Решили остаться на карантине», — Пашка передразнил ведущую-вожатую. Но где их искать?

— Как где? Ты разве еще не понял? Мы же с тобой изучали план лагеря, когда пошли к той злополучной калитке.

— А! Вот почему ты сказал «с пятого этажа», — Пашка просиял своей догадливости. Думаешь, что 1-А живёт, там же, где и мы, только в девчачьей половине?

— Да. Половинки «Кристалла» в общих чертах похожими. С манией директора разделять всё на равные части можно ожидать, что отряды А и Б расселены, словно в зеркальном отражении.

— Вперёд! В Зазеркалье! — Пашка выхватил воображаемую острую саблю и поскакал на воображаемом горячем скакуне, отбрасывая в жёлтом свете красивых четырёхугольных фонарей сразу несколько призрачных теней. Сергей пару секунд смотрел вслед, удивляясь фантазмагоричной картине и стараясь запомнить друга, фонари и аллею до мельчайших подробностей на всю прозрачную глубину летней ночи, а затем оседлал своего коня и помчался следом, громко клацаая языком, как настоящими копытами. Все призраки должны были немедленно броситься в стороны от шумного марша конницы.

Восторг и жуть, страх и радость пьянили мальчишек, летний воздух этого угрожающе особенного лагеря вливался в горло крепким вином из одуванчиков.

III. Глава 3

Лагерь предстал перед друзьями безлюдным, нереалистичным парком, в котором свидетелями их лихого кавалерийского галопа были только сверчки да летучие мыши, с ультразвуковым писком пронесившиеся над головами. Дискотека умолкла, заглушенная поворотами, а в кронах деревьев не спеша перебирал листьями ветер, спускающийся с гор. В отличие от дневного бриза, который нёс шум и запах моря, ночной ветер пах соснами и старым мхом, его прохлада говорила «ш-ш-ш... тихо, берите пример с высоких скал и дремучих лесов, которые меня породили».

Скакуны под мальчишками прислушались к этому голосу, их галоп стих, поредел: теперь это была не отважная кавалерия, наступающая под медь фанфар, а скрытные разведчики, пробирающиеся по Неведомым Землям. Пашка спешил, подвёл присмирившего скакуна к ближайшему дереву на газоне, привязал:

— Пусть попасётся, — сказал он шепотом.

Сергей привязал своего коня рядом и, присев несколько раз, размял затёкшие в седле ноги:

— Давно не скакали. Уж и забывать стал, как это здорово бывает! — Сергей тоже шептал.

— Да, дружище, отлично проехались!

Дальше они пошли пешком, крутя головами по сторонам, словно действительно попали в Зазеркалье.

— Чувствуешь? — Прервал недолгое молчание Пашка. — Здесь всё по-другому.

— Более таинственно, — согласился Сергей, — мы и свою половину лагеря толком не видели, а здесь — вообще терра инкогнито. Чего угодно можно ожидать!

— Не пугай меня! — Взмолился толстяк. — Мне на сегодня приключений хватило.

— Я и не пугаю! Только думаю, нам надо меньше болтать, а больше слушать и смотреть по сторонам.

— Хорошо. Если сейчас, кто-нибудь выглянет из-за кустов со словами: «Здравствуйте, мальчишки!», клянусь, я буду бежать без оглядки до самого дома.

— Да заткнись же ты! — После того, как вспомнили о недавнем происшествии, ему тоже стало не по себе, тем сильнее хотелось превратиться в слух и зрение.

— Когда я говорю, мне не так страшно, — жалобно проскулил Пашка.

— Лучше пусть нам будет страшно, чем больно! — Сказал Сергей и удивился своим словам, на Пашку же они произвели и вовсе угнетающее действие. Тот замолчал, втянул голову и стал каждую секунду оборачиваться.

Несмотря на то, что основные аллеи лагеря в Западной половине примерно повторяли таковые в Восточной, без помощи стендов с планами мальчишки бы заблудились. Они тихо шли от одного пятна света к другому, у некоторых корпусов останавливались перед большими схемами и пытались запомнить дорогу.

— Блин, и почему я оставил телефон в номере? — Возмутился Пашка. — Сейчас бы сфотографировали и пошли себе спокойно по этой карте.

— Тренируй мозги! — Усмехнулся Сергей. — Мы все оставили смарты — мёртвый груз они в этом прибабаханом лагере.

— Но фотик, можно было взять? Ладно мой, он полтора килограмма весит, но твой бы

мне в карман поместился.

— В твой карман много бы чего поместилось. Но вот выжил бы он после той схватки с зубастым маньяком?

— Да, — согласился Пашка, — наверняка бы разбили!

— По этой аллее до лестницы, вверх до столовой, а потом немного назад и чуть-чуть вверх. — Сергей говорил и одновременно водил пальцем по воздуху, записывая последнюю часть пути в воображении. — Пошли!

Всего две минуты спустя друзья стояли на крыльце корпуса ДПО-1 — западного близнеца их ДПО-21, и смотрели на тёмные окна, светился только холл на первом этаже и пролёты лестниц с торца — характерная картина для всех жилых корпусов лагеря в поздние часы «карнавала».

— Никого нет, — Пашка недоуменно почесал макушку. — Мы зря дискотеку пропустили?

— А куда же они тогда делись? — Сергей тоже выглядел растерянным. — Что будем делать?

Пашка пожал плечами, покрутился на одном месте, а потом просиял:

— Не вешать нос! Мы с тобой тупицы! Готов поспорить, что они все сидят в «зале для плохой погоды». Карантин-то — враньё, ты Серёга это сам сказал, а значит, у них что-то случилось. Может, как у нас, вот и держатся вместе. Зайдём с другой стороны и увидим на пятом этаже три окошка со светом! — Толстяк почти танцевал от нетерпения и собственной догадливости.

Мальчишки пошли за угол, не сговариваясь они крались, ступая с носка на пятку — по возможности очень тихо, хоть Пашка и сопел как паровоз. Подпорная стена из дикого камня, почти спрятанная зарослями винограда, стремительно набрала высоту и сзади она, достигая по уровню высоты балконов третьего этажа, образовывала тёмный вытянутый двор-колодец. Друзья оказались в темноте, слабо разгоняемой светом из трёх окон на пятом этаже.

— Видишь! — Воскликнул Пашка и друзья пошли обратно.

На крыльце Сергей остановился и, взявшись за ручку стеклянной входной двери, спросил:

— Что, так и ворвёмся?

— Да, на конях! — Съёрничал Пашка.

— Понятно, будем и дальше красться, как мыши.

Друзья прошли через молчаливый холл, отрицательно глянули на лифты, и направились в сторону лестниц. Быть бесшумными получилось только до третьего этажа, Пашка, а за ним и Сергей, стал тяжело топтать, не в силах сдерживать громкое дыхание. На пролёте перед пятым этажом они остановились.

— Минутку, чтобы перевести дух! — Прошептал толстяк, хватая ртом воздух.

— А то и две, — Сергей был полностью согласен, — не охота вваливаться стадом потных слонов.

Ребята повернулись к прозрачным стенам лестницы, на них посмотрели призрачные отражения, за которыми была темнота с россыпью огоньков. Пашка прижался к стеклу носом, руки поставил по сторонам лица, сделав защиту от света, как маска у подводника, и принялся наклонять голову вправо и влево. Сергей встал рядом, что-либо ясно рассмотреть за стеклом не получалось из-за отражений, а потому он тоже прилип к стеклу «водолазом».

Друзья висели в темноте на большой высоте, под ними вниз по склону сбегал фонарями

аллей и редкими освещенными окнами корпусов лагерь. Море было чёрным полотном с несколькими сигнальными огнями кораблей, выше которого небо угадывалось по звёздам.

Дыхания Пашки и Сергея успокоились, сердца перестали громко колотиться, но мальчишки были не в силах оторваться от созерцания, погружившись в приятное оцепенение. Они видели, как звёзды тускнеют, гаснут одна за одной и вскоре на небе осталась лишь жалкая горсть светлячков, странно жмущихся друг к другу в образовавшейся непроглядной черноте. И тут на горизонте стал разгораться бардовый уголёк, приковавший к себе внимание недобрым оттенком и зловещим мерцанием. Что это? Минута тянулась за минутой, и багрянец становился всё ярче, уже отбрасывая бледно красноватую дорожку по беспокойной поверхности моря. Стремительно вставала грозная в этом малозвёздном космическом небе красная луна — маленький, злой, но страстно яркий шарик.

Сергей чувствовал, что внутри у него всё холодеет, он хотел спросить своего друга, видит ли он то же самое, но услышал потрясённый шёпот Пашки: «*Что это?*». Он хотел выдавить из себя какой-нибудь ответ, но его охватило нарастающее чувство падения, словно они и в самом деле зависли в сотнях метров над бескрайним морем (а может быть океаном?) и мчатся стремительно к воде, только не вниз, а к вперёд, туда, где купается встающее багровое светило. Внутри мальчишек одновременно что-то закричало, то, что не имея, собственной личности, тем не менее, до смерти испугалось быть потерянным: какая-то часть души, наверное, именно та, что не даёт спокойно жить агарофобам. И крик этот, поднявшись изнутри, из глубины, был непрерывным и всё нарастал, грозя заполнить пространство и безвозвратно слиться с одноглазой ночью...

Сергея сильно трясло, послышались шлепки, а затем, сквозь призрачный ужас ночи с багровой луной, к сознанию, словно через густой кисель, пробралась горячая боль — его ещё и по щекам били. Глаза были открыты, чёрное небо в них рассеивалось, медленно уступая место светлому и прекрасному образу. Удивительно красивая женщина с бледным испуганным лицом склонилась над ним, пытаясь поймать мечущийся взгляд, а затем, вероятно неудовлетворённая увиденным, занесла розовую ладонь для очередного удара.

— Не надо! — Сергей инстинктивно закрылся руками.

Строгое лицо женщины в обрамлении черных и прямых волос, как у жрицы древнего культа, сразу просветлело, она сказала, мило улыбаясь, голосом с тембром деревянной флейты:

— Уверен? Может еще чуть-чуть?

— Нет-нет! — Сергей закрутил головой. — Где я? — Через секунду он всё вспомнил и выпалил: — Где Пашка?

В ответ рядом раздались знакомые шлепки. Пашка стоял, облокотившись спиной о стекло лестницы, с пустым пугающим взглядом, а другая женщина держала его за плечо и била по щекам.

— Пашка! — Закричал Сергей.

Как ни странно, но окрик товарища подействовал лучше пощёчин, и взгляд Пашки стал обретать фокус, он повернулся на окрик хоть еще и не мог видеть своего друга. Женщина потрясла мальчишку за плечи: «Ну же, очнись!» и тот, кажется, окончательно вынырнул из гипноза.

— Здравствуйте. — Он заметил склонившееся над ним лицо белокурой красавицы.

— Наконец-то! — Ответила та, вместо приветствия.

Тут кто-то выскользнул из-за спины элегантно вожатой с голосом-флейтой и обнял Сергея, полностью ошеломив его, хотя, после падения в гипнотическое видение и пощёчин, казалось бы, его уже ничем не удивишь.

— Сергей! С тобой всё в порядке! Что с вами случилось? — Девчонка едва не всхлипывала.

— Ира!?! — Сергей выбрался из объятий и смотрел в такое знакомое лицо. Ира смотрела в ответ глазами полными слёз.

— Вы нас очень испугали, — сказала она с упрёком.

— Испугали? Да мы чуть не поседели от их криков! — Это была русая девушка, чей писклявый капризный голос требовал и обвинял.

У Пашки и Сергея расширились глаза, только тут они увидели, что лестничная клетка и пролёт лестницы заполнены девчонками. Похоже, весь отряд 1-А, который они искали, и к которому потом подкрадывались, сбежался на крики. Друзья, осознав положение, стали неумолимо пунцовать, наливаясь краской, как градусники на солнце. Обращённые к ним лица заулыбались и, что хуже всего, две прекрасные вожатые тоже не могли скрыть лукавых ухмылок. Эта молчаливая пытка длилась всего семь секунд, но Пашка был готов обменять её на час у стоматолога, а Сергей вспомнил конкурс чтецов в младшей школе, когда он забыл первую строчку выученной басни и долго стоял молча, пока ему не подсказала мама, — то было одно из самых травмирующих воспоминаний его детства.

— Вижу, вы пришли в себя, — сказала строгая женщина.

— Пойдёмте, расскажите, почему вы здесь и что случилось, — сказала светлая и добрая женщина.

Прежде чем отвернуться, обе вожатых заглянули в глаза мальчишкам. Очень глубоко, зная, что искать.

Как и следовало ожидать, планировка этажа отряда 1-А не отличалась от таковой в корпусе мальчишек, но внешний вид был девчачьим. Парни продолжали путешествие по зазеркалью, в котором знакомые стены были покрашены в другие, более тёплые оттенки, растения в горшках зацвели, а висящие на тех же местах картины сменили сюжеты: с пушечного фрегата — на яхту с алыми парусами, акула стала морской черепахой, а вот и любимая картинка Сергея, за что с него смеялся Пашка — принцесса с длинными-длинными волосами тоскующая в мрачной башне. Ну конечно! Теперь по знакомой местности скачет принц на белом коне. «Наверное, скоро будет на месте», — подумал Сергей.

Свою комнату для общих собраний (дождливой погоды) мальчишки, поглощенные событиями дня, рассмотреть не успели, но даже так заметили, что она радикально непохожа на «девчачью». На месте остался только громадный телевизор. Первое, что бросалось, это десятки разноцветных подушек, раскиданных по полу, а также широкий подоконник, соединяющий оба окна, густо заставленный разнокалиберными чашками. Заметив взгляды друзей, высокая девушка с красными часами на запястье предложила:

— Чая? Сока?

— Нет, спасибо, — поспешно мотнул головой Сергей.

— Сока, — сказал Пашка.

Девушка дала им обоим по пластиковому стаканчику прохладного апельсинового сока, который она налила из графина, стоящего всё на том же подоконнике. В открытую створку окна врвался поток ночного воздуха, поэтому в комнате было свежо, а расположившиеся под окном четыре смуглые девушки накинули на плечи плюшевые пледы, по одному на двоих. Пока друзья осторожно (не хватало еще облиться!) пили, отряд 1-А устраивался на насиженных подушках. Ира помахала рукой, и ребята уселись рядом с ней на приготовленные места. Как ни странно, для такой большой компании, но всё происходило тихо, никто не разговаривал.

— Давайте знакомится, — сказала светленькая вожатая и первой представилась, — Светлана.

— Маргарита. — Сказала её напарница. — Мы вожатые отряда 1-А.

Светлана и Маргарита заняли подушки, расположенные напротив всех. Рядом стоял маленький столик, на котором лежали два рации и две серые пилотки. Вожатые, сразу произведшие на мальчиков неизгладимое впечатление (ребята пытались не любоваться, но у них плохо получалось) лишь вначале показались такими взрослыми. Это были девушки лишь лет на пять старше окружающих их школьниц, но у обеих на правильных лицах, под благожелательностью, были особые черты, в которых читалось знание и целеустремлённость, словно у профессиональных спортсменов, «или даже солдат», — подумал Сергей. Это выделяло их, делая на десяток лет старше и на голову выше, также, как военная форма и кортик превращает 20-летнего юношу в офицера и военного без возраста.

— Сергей.

— Пашка. Мы из отряда 1-Б.

— Вот и познакомились, — сказала Маргарита и несколько девчонок почему-то хихикнули. — Теперь рассказывайте, почему кричали?

— Что с вами случилось? — Голос и интонации Светланы определённо звучали

милосерднее.

— Э-э... — Мальчишки переглянулись. Они, оказывается, были совсем не готовы перед аудиторией рассказать о сразившем их переживании. Тем более, это прозвучало бы так глупо: «Нам показалось...».

— Рассказывайте с самого начала, не торопитесь, думаю, не ошибусь, если предположу, что ваши приключения начались не на лестнице нашего корпуса. — Светлана улыбнулась и по затылку Пашки пробежал мороз удовольствия. Он готов был вечно смотреть, как улыбается вожатая.

Маргарита глянула на коммуникатор и добавила:

— Через полчаса закончится дискотека, а значит, через час вам надо быть в своём корпусе. Но если не успеем всё выяснить, мы сообщим, что вы задерживаетесь. Эта вожатая не улыбалась, но теперь была очередь Сергея таять от прекрасных черт и голоса.

Но, вместо того чтобы идиотски влюбляться в вожатых девчачьего отряда, нужно было немедленно решать: что выдумывать или как говорить правду? Внезапность попадания «в гости» к 1-А сбила друзей с толку.

— Мы нашли ключ, — начал Сергей. Пашка глянул на него и понял, что его друг решил выложить всё, как есть. Он был с ним согласен. Что-то в атмосфере этой комнаты подсказывало, что откровенно рассказывать о событиях, случившихся сегодня днём и даже о мрачном злоключении вечера.

Лагерь «Кристалл» встретил друзей, как и остальных полторы тысячи школьников, ярким солнцем, ветерком и вкусным обедом. Сергей, уже в третий раз оказываясь в этом детско-подростковом раю у моря, чувствовал себя ожидаемо счастливым, как Одиссей, вернувшийся после долгих странствий на свой остров. А Пашка, вообще впервые отпущенный родителями куда-либо самостоятельно, дальше бабушкиного городка в соседнем крае, был на седьмом небе, испытывая постоянное головокружение от ожидания открытий и приключений.

Отряд 1-Б, которому вскоре предстояло стать Романтиками и Головорезами, сходил к морю по тысяче и одной ступеньке, после чего, у душевых выстроились очереди пропотевших насквозь мальчишек. Когда Сергей и Пашка вернулись в свой номер (с видом на горы) и переоделись, с балкона донесся отчётливый «звук»: ребята обнаружили ключ с медной биркой, где обозначалась калитка в лес.

(Пашка достал ключ и продемонстрировал всем присутствующим. Обычный предмет с новой блестящей кругленькой пластиной, на которой что-то выдавлено.)

Падать ему было неоткуда, ведь 1-Б занимает верхний этаж пятиэтажного корпуса, разве, что только с крыши. Ключ решили отдать вожатым при первой же возможности. Но потом, когда вожатые сообщили, что в лес ходить нельзя под угрозой кольцевания навигатором, Сергей с Пашкой решили не отдавать ключ. Почему? Авантюрист Пашка убедил, что из-за этого ключа их тут же заподозрят в хулиганских намерениях и, так или иначе, наденут «браслеты». А потом, после визита на спорт площадку и упражнению по ориентированию на местности... «Как нашли дорогу?..» Хорошо нашли, часик прогулялись и не спеша вышли все к корпусу. Южная сторона — на минуту быстрее Северной, им больше надо было, они в последний момент побежали.

Так вот, после ориентирования, появилась мысль (у Пашки, конечно) пойти и глянуть на калитку.

— Лес, как лес, еще не раз мы там побываем и походы на несколько дней будут, — попробовал отговорить своего друга Сергей.

— Ну то же вместе со всеми, а так — мы сами! Услышим, как птицы поют! Я никогда раньше в настоящем лесу не был! — Взмолился Пашка.

— А как же у бабушки в Лесках?

— В Лесках — одно название — рощицы там плаксивые, а здесь горы — всё диче, дремучее! Да мы просто проверим, подходит ли ключ, и сразу обратно!

И пока все придумывали эти дурацкие названия для отрядов, друзья искали злополучную калитку. Через полтора часа хождений отыскивали, уже вначале сумерек.

На этом месте ребята запнулись, они не знали, как подойти к самому невероятному, Сергей беспомощно оглядывался по сторонам, а Пашка выжидательно смотрел на него.

— Ну, хватит резину тянуть, что было дальше? — Это сказала та, самая вредная блондинка с лестницы, у неё на руке тоже был красный навигатор.

— Резину!?! — Пашка вскочил на ноги. — Вот вам резина! — Он вскинул ладони вверх и все смогли увидеть его багровые, стесанные в полосочку руки. — Нас там уже ждали! Мы и ста метров пройти за калиткой не успели! Говорит: «Ребята, идите сюда», а у самого зубы из пасти до подбородка свисают корявые!

Толстяк скорчил ужасную рожу. Он, пронзительно вопя, стал в ролях рассказывать и показывать. Лица девчонок и вожатых вытянулись, они следили за пантомимой не дыша, перед ними разыгрался ураган. Пашка бегал по комнате, у него из под ног разлетались подушки и шокированные слушатели.

— И он прыгнул на меня! — Толстяк совершил длинный прыжок и громко приземлился на пузо рядом с Сергеем, ловко перекатился на спину. — Я кричу: «Не-е-ет, не надо!», а он открыл огромную пасть и собрался откусить мне голову. Его зубы уже были в сантиметре от лица. — Тут Пашка выхватил из кармана свой потрёпанный фонарик. — Получай сволочь! — Толстяк ударил воображаемого соперника. — С него так и брызнуло! И всё на меня, а из пасти вонь такая... Это остановило его лишь на секунду, тут бы мне и конец. — Пашка поднялся с пола и сел на свою подушку, держа драматическую паузу. Сергей не дал довести её до предела, продолжив рассказ.

— Я понял, что это чудовище собралось убить Пашку, я остановился и побежал обратно, не зная, что делать, но тут этот парень, стоявший в аллее, ударом ноги, Ропальдо бы обзавидовался, съёс мародёра с него (толстяк восхищенно закатил глаза).

— Какого еще мародёра? — Спросила девушка, что сидела рядом с Ирой. На неё зашипели, а вожатые сделали знак молчать и слушать дальше.

— Так сказал здоровяк, когда пошёл добивать его в кусты.

— Добивать?! — Выдохнули, кажется, все сразу.

— Да, добивать. Он сказал, что мародёр еще жив и скоро может очухаться.

— После такого удара по голове ботинком! — Вскричал Пашка.

— И тут он достал пистолет, — продолжил рассказывать Сергей, — мы сначала оцепенели. Но когда он выстрелил тому чудовищу... или человеку прямо в голову, мы побежали.

— Он пытался вас догнать? — Спросила Маргарита ровным, как рельса голосом.

— Нет, просто кричал вслед, чтобы мы были осторожнее и, нигде не останавливаясь, бежали в отряд.

Вожатая не выказала эмоций.

— И вы никому ничего не рассказали?

— Своему водителю Антону, — ответил Сергей, — кажется он не сильно поверил, но проверить обещал, а нас нагнал, чтобы не мешали. И тут мы решили найти мою одноклассницу Иру, чтобы попробовать предупредить, попросить быть осторожной, а может и рассказать всё.

— У нас было мало времени подумать, — заговорил Пашка, — а носить в себе такой секрет трудно. Кому расскажешь — засмеют. А Сергей сказал, что Ира — друг, хоть кто-то, кто мог бы нам поверить.

— Ладно, давайте дальше, — продолжила допрос Маргарита, — вы пришли сюда к Ире, а на лестничной площадке что-то случилось?

— Мы решили отдышаться и набраться храбрости, — продолжил Сергей, — стали смотреть через стекло на огни лагеря.

— Всё быстро потемнело, — перебил друга Пашка, — и мы оказались под чёрным небом...

— Летящими над морем...

— К красной луне, — эту фразу мальчишки произнесли хором и удивлённо уставились друг на друга.

— Чувство было, как будто... вынимают душу, — с трудом нашёл нужные слова Сергей.

— Как будто гибнешь.

Повисло долгое молчание, взгляды девчонок и водителей перекрестились на ребятах. Во многих было сочувствие, но гораздо больше другой эмоции — что-то вроде неясной тревоги, но не за гостей, а за себя. В этой тишине Сергей сказал тихо:

— Вы считаете нас сумасшедшими.

— Вовсе нет, — ответила Маргарита.

— Почему же вы тогда молчите?! — Пашка не хотел, но выкрикнул затаённый вопрос, он понял, что ему кажется неестественным в этой комнате. Тридцать человек и так тихо: все сидят и слушают, смотрят. «Словно на больных», — подумалось с обидой.

— А мы уже наговорились. — Маргарита позволила чувству войти в шелестящий голос, и это была опустошённость.

Ребята осмотрелись, словно только что сюда попали, теперь они смогли взглянуть на отряд 1-А без собственных шор из бушующих впечатлений. Перед ними была сплочённая группа с огромной тайной, в которую вполне вписывался рассказ обезумевших гостей. Они выдохлись за день, все хотели бы махнуть рукой на любые тайны и отправиться спать, но визит Пашки и Сергея добавлял ещё один абзац в затянувшуюся главу.

— Вы не сумасшедшие. — Ира успокаивающе положила руки на плечи ребятам. — Просто кое-что здесь происходит... это долго рассказывать.

— Давайте я проведу ребятам краткий ликбез. — Руку подняла девушка с причёской «конский хвост». По-видимому, её активность была водителем поперёк горла, те демонстративно скривились, но промолчали. — Спасибо. — Она кивнула водителем. — Только не перебивать, все вопросы потом. — Сказала Сергею и Пашке и начала свою скомканную речь:

— В этом лагере на протяжении уже минимум трёх лет, каждое лето, наблюдается размытие границ, отделяющих слои... этого мира от соседних. Происходит примерно то же, что в замке с приведениями: век за веком особая атмосфера сильных эмоций (особенно, если в подземельях пытали и убивали), кристаллическая решётка древних камней,

накапливающая этот потенциал, другие факторы, о которых можно только гадать, уводят всё строение вниз, в соседний слой. Это самый лёгкий тип смещения, сродни тому, которое осуществляет тонущий корабль с пробоиной ниже ватерлинии. Появляются приведения, голоса что-то шепчут... не на корабле — в замке... атмосфера соответствующая сама собой фиксируется и еще боле ускоряет погружение. Если этот сдвиг достигает некой ступени, то могут появиться предметы и «гости» оттуда воплоти. Что и происходит в «Кристалле». Но здесь над процессом работают целенаправленно, предположительно, помогая технологически. Руководит всем директор лагеря, а многие из вожатых, но не все, его идейные помощники, как например, ваши новые знакомые Маргарита и Светлана.

— Чушь! — Одновременно фыркнули вожатые.

— Чего хочет добиться эта группа людей — неизвестно, — Маргарита и Светлана получили гневный взгляд рассказчика, — но получится у них катастрофа и локальный апокалипсис, который вполне может стать глобальным. Это буквально в двух словах, хотя объяснять надо два часа минимум, что я до вашего появления и сделала. Картина сложилась?

— Абсолютно нет! — Честно ответил Пашка.

— ...Ничего, — согласился Сергей, — набор слов.

— Как ничего? — На ноги вскочила худая девочка, похожая на ведьмочку тёмными отблескивающими медью волосами и бледным, даже голубоватым, лицом.

— Пусть лучше Вита всё расскажет, — сказала вожатая Маргарита.

— ...И расходимся спать, — устало добавила Светлана.

— Спасибо, — кивнула ведьмочка. — Представьте себе, что мы рассматриваем сюжет некоего фантастического фильма. — Вита обвела всё вокруг, наверное, помогая представить, на что похожи декорации киноленты. Она вообще много жестикулировала. — Всё упрощаем до банальности, и сюжет влезает в несколько предложений. Доктор Зло решил распахнуть двери в потусторонний мир, ему помогает банда прихвостней (вожатые поморщились)... извините... помогает ему группа единомышленников. В качестве прикрытия логова выбран детский лагерь на горе, в недрах которой кроется дьявольская машина. Её настраивают уже третий год, и она начинает работать, что вызывает массу необъяснимых явлений. Скоро ворота откроются и в наш мир хлынут полчища невообразимых чудовищ. Что же делать?! Как же быть?! Это вы узнаете в фильме «Лагерь Кристалл»! — Вита эффектно опустила голову, и её волосы упали на лицо театральным занавесом.

Кто-то захлопал в ладоши, к нему инерционно присоединились жиденькие аплодисменты, которые, правда, тут же сменились удивлёнными возгласами: «Вы?».

В углу стоял пенсионер. Он тоже перестал хлопать.

— Ну, здравствуйте снова, девочки.

— Здравствуйтесь, — сказали нестройным хором Нимфы и Ласточки.

Скромный пенсионер, он же директор лагеря Спартак Петрович, оказался под множеством взглядов и еще такой уверенный в себе секунду назад, теперь, кажется, почувствовал себя неловко.

— Знаете, — не понятно к кому он обращался, ко всему отряду или только к вожатым, — я последние два часа был незримо в этой комнате. — Директор даже начал мямлить. — Извините меня все, пожалуйста. — Эти его слова, произнесённые с искренностью доброго человека, потушили едва не вспыхнувший огонь негодования. Но все стали оглядываться.

— Нет! — Неловко взмахнул руками директор. — Никаких камер. Хотя я и Доктор Зло,

а подглядывать за девочками всегда считал постыдным. Просто, как самый главный здесь, могу включить коммуникатор любого водителя и слушать. Что я и делал после поступления «SOS» от ваших несравненных Маргариты и Светланы.

Лица последних остались невозмутимыми: сигнал о помощи мог отправить кто угодно, только не эти стильные нордические девушки с поджатыми губами.

— Да, Лазутчица (Ангелла?), это произошло после твоего громкого появления. Я как раз на откровения поспел и сразу понял: мы в шаге от цели или в шаге от пропасти. И надо немедленно решать: остановиться или смело доделать начатое. Так получилось, хотя и совсем нами не предполагалось, что выберем путь мы все здесь присутствующие вместе. Хоть большинству и кажется, что я несу напыщенную околесицу, или всё это отличный розыгрыш...

— Чтобы было интересней. — Мрачно сказали Маргарита и Светлана отработанным унисоном.

— Да, именно, — продолжил директор, — мы вас не будем переубеждать. Но сейчас я хочу вам сообщить точку зрения, отличающуюся от прозвучавшей, чтобы завтра на свежую голову, где за ночь всё должно будет более-менее уложиться, мы снова вместе собрались и решили, как будет развиваться эта история.

Итак, Лазутчица рассказала, что под прикрытием детского лагеря и под моим чутким руководством здесь готовится апокалипсис. Врата разверзнуться и орды неслыханных чудищ хлынут в наш мир. Трудно поверить, не правда ли? Но может быть вам будет легче поверить в другое.

Этот лагерь действительно стал местом, где готовится событие глобального масштаба. Да, мы здесь, кстати, всё население лагеря, способствуем размытию границ между нашим миром и... Раем. Вы все благополучные дети, из хороших, и как минимум, в меру обеспеченных семей, иначе родители вас не смогли бы сюда отправить, но тем не менее постоянно сталкиваетесь с несправедливостью и серостью мироздания. Вы вернётесь в свои города и наступят рутинные будни — лишь какие-то двадцать дней относительного беззаботного счастья за целый год. Пока вы будете взрослеть, поверьте, этот срок сожмётся до недели, затем двух-трёх дней, а потом просто исчезнет.

Тихий голос директора начинал звенеть силой своей правоты.

— Но ведь где где-то должно быть место, где не надо зарабатывать хлеб свой в поте лица своего? Ведь кажется каждому иногда, что есть некий дом, куда так неизъяснимо хочется вернуться? Мы нашли дверь в сказку! Там другие физические законы: меньше боли, намного меньше! Больше чуда, намного, вплоть до единорогов и трансмутации металлов магией! Открываем двери и позволяем тому миру вылечить наш.

— А кто сказал, что вас желают лечить?! — Лазутчица вскочила на ноги, с ней случилась разительная перемена, она впервые смотрела яростно, даже в драке с отрядом, которая закончилась её поражением, она была спокойна и благожелательна. — А вы не боитесь погубить и Рай в придачу? Проказа этого мира заразна, она не лечится, вы обречены!

Спартак Петровича эта тирада ударила наотмашь, он даже сделал маленький шаг назад.

— Вот как?.. — Трудно было что-то прочитать в потухшем взгляде пожилого директора. — Думаю, все согласятся в одном — давно пора спать, продолжим наши приключения завтра. — Потом в адрес водителей:

— Верю, вы позаботитесь, чтобы Ангелла, — он произнёс имя подчёркнуто нейтрально, раньше из его уст «Лазутчица» звучало на порядок теплее, — чувствовала себя максимально комфортно. («в нашем маленьком прокаженном мирке», — не сказал он). Мальчишки, — взмах в адрес Сергея и Паши, — пойдут со мной. Провожу до корпуса.

Друзья встали с подушек, где были приклеены густой смолой шока последние полчаса. Они дико озирались, вращая круглыми глазами, и не могли поверить, что видят, как все почти равнодушно готовятся расползтись ко сну.

— Но вы встретитесь не с Раем, — уже спокойно и тихо звучали в спину слова Лазутчицы, — судя по всему, открывают другие «двери» и оттуда выбегут совсем не единороги. — Она издала невесёлый смешок.

— Девочки просто устали, мальчишки, — прошептал директор Пашке и Сергею, когда выходили из комнаты.

А Сергей подумал: «Откуда же тогда взялась ты, такая красивая, *если двери не те открываются?*»

Выйдя на порог корпуса необычная компания — директор и двое мальчишек — попала в лёгкий, но непрозрачный туман. В свете лампочки над крыльцом проплывали растрёпанные клочья, состоящие из микроскопических блестящих уколов сырых иголочек. Пашка подался вперёд и взмахом руки рассёк маленькое облачко, оно закружилось двумя вихрями размером с кофейные блюдца.

Мужчины не решались сойти с крыльца.

— Холодный ветер с гор встретился с тёплой морской влагой, здесь такое часто бывает, — сказал директор и шагнул со ступеньки, став чуть размытым. Мальчишки поспешили за ним, не желая отставать. Троица пошла в насыщенном жёлтом тумане, который, казалось, редел в тенях между фонарями, чтобы потом максимально собраться в свете, пытаясь заглушить ватой и так едва слышное гудение маленьких трансформаторов.

— Что вы обо всём этом думаете? — Спросил Спартак Петрович тоном, которым в конце добавляют шутливо-серьёзное «коллеги».

Несколько секунд мальчишки ничего не отвечали.

— В таком тумане верится в странные вещи, что с нами произошли, и что нам сказали. — Сергей медленно подбирал слова. — Но ощущение, как во сне, когда не знаешь, что спишь, и воспринимаешь как нечто обыденное происходящие вокруг чудеса.

— Завтра проснёмся и будем уверены, что всё это представление, — сказал Пашка. — Но пока что знаю: вечером мы были на волосок от гибели в лапах жуткого монстра. — Он посмотрел на ладони, потом протянул их директору. — Болят! Завтра утром, если все ссадины окажутся на месте, скажу: «Ну и шуточки у вас в «Кристалле»!

— Извини, мы уволим того актёра, он переигрывает, — пробормотал Спартак Петрович. В ответ мальчишки на него непонимающе уставились. — Ох! Простите за глупую шутку. Если бы только знал, что безопасность детей может быть под угрозой, я бы ничего даже не начинал.

— Ну, так прекратите всё!

— А вы думаете, что я могу просто щёлкнуть выключателем? Ребята, нет никакого рубильника ни на каком Генераторе зла! Лазутчица рассказала о каком-то устройстве, но у нас ничего нет, кроме этого лагеря, этой горы и детей, разделённых ажурным забором с зеленью. Всё устройство по расщеплению миров — это массы скал и вы: по левую сторону почти тысяча девочек, по правую — почти тысяча мальчиков. Плюс какая-то аномалия. Это была безумная идея! Прошлый директор, ещё при Советском Союзе, заметил, что с местом что-то не так. И максимально не так, именно когда здесь лето и дети. Двадцать лет назад мне по наследству, вместе с кабинетом, перешли его записи, где он среди прочего описывает целый ряд происшествий, которые нельзя было объяснить ни хулиганством, ни деятельностью военных.

— Военных? — Охнул Пашка, в душе он был тот ещё милитарист.

— Да, — сказал директор, всем видом показывая: удивляться нечему, — частое явление: разворачивается ударная коммунистическая стройка детского лагеря, а невдалеке, под прикрытием мирной пыли, закапывается в землю какая-нибудь секретная часть.

— Чтобы спутники-шпионы потенциального противника ничего не заподозрили, — серьёзно кивнул толстяк. — Так может быть у военных и находится таинственное

устройство, о котором нам сказала Лазутчица?

— Кстати, а кто она такая вообще? — Вклинился Сергей.

— Эта девочка, вероятно, подслана какой-нибудь организацией, явной или тайной, скорее частной, чем государственной. Зачем? Об этом еще предстоит подумать. А вот насчёт военных практически исключено — уже 17 лет, как вывезено всё оборудование. Остался только бетон и по лесу много ржавой проволоки напутано. Я лично свежей видел ту траншею, из которой силовой кабель трактором выдрали. Если военную часть оставили без электричества — гарантированно она мертва.

— Тайной организацией? — Пашка был на грани экстаза. — У вас здесь заговор? Иллюминаты? Масоны? Тамплиеры?

Директор засмеялся. Громко и от души. Даже пришлось остановиться, чтобы переждать его неудержимое веселье. Спартак Петрович приседал и хлопал себя ладонями по ногам. Он почти успокоился, но затем, не удержавшись, хрюкнул: «Тамплиеры!» и снова разразился глуховатым пенсионерским хохотом, подхватываемый туманом и возвращаемый странным эхом, словно за дымкой прятались высокие стены. Ребята, втянув головы, оглядывались, ожидая, что из тумана раздастся ответный смех — не эхо, или просто директор перебудит всех в спящем лагере и вожатые с отрядами сбегутся посмотреть на возмутителя спокойствия. Хотя вожатые должны узнать голос своего начальника. (Тревожные они стоят у окон и говорят, не оборачиваясь, испуганным детям: «Не волнуйтесь, это директор, сейчас посмеётся немножко и перестанет»)

Спартак Петрович утёр большим платком слёзы, сложил аккуратно платок и спрятал во внутренний карман пиджака. Директор еще пару раз хихикнул и сказал, заметив растерянные лица ребят:

— Зря вы со мной не посмеялись, здесь вокруг жилых корпусов нет.

— Мы бы посмеялись, если бы знали, в чём юмор. — Обиженно сказал Пашка.

— Ах да! Вы же и близко не знакомы ни с кем из этих клоунов. К нам каждый год в старшие отряды заявляются «адепты» и «посвященные». В прошлом году были как раз пятеро неофитов-тамплиеров, прошедшие посвящение в Интернете по Телеграму. Серьёзные такие, важные. Видели бы вы их лица, когда на второй же день на общей линейке я объявил игру «Охота на тамплиеров». Они чуть не упали! На следующий день уже пол-лагеря знали, что в отряде «Рыцарь ордена» их «логово», потому что те всем рассказывали, что директор «Кристалла» — кровопийца и хочет их погубить.

— Помню, это было весело, а мы всё думали, почему ботанам из «Рыцаря с орденами» выпала честь попасть в центр внимания. Вот оно оказывается, как было... — Сергей на секунду задумался. — Зачем же вы так с ними жестоко?

— Это была терапия от глупости и предательства.

— Почему предательства? — Возмутился Пашка.

— Вот видишь, даже ты — эрудированный — не понимаешь, что все эти романтические вывески тайных обществ, лишь маскировочная сеть на хищниках: мелких, крупных и очень крупных, каждый из которых когтит ежедневно одних простаков, чтобы те вели ему в пасть других. Своих соотечественников, часто своих друзей и родственников. Вот вы бы вступили в Гитлерюгенд, чтобы составлять для СС списки евреев?

— Мы бы вступили в партизаны, — сказал Пашка серьёзно.

— А как бы ты отличил одних от других. По форме? Это 80 лет назад всё казалось простым, когда фюрер без особого вероломства сказал: «Мы — фашисты и будем тех, тех и

тех изничтожать». Но, поверьте, и тогда всё просто не было! Историю надо учить, мальчики.

— Мы учим!

— Это не история, — отмахнулся Спартак Петрович, — в школе вам излагают бесталанную пропаганду, причём так, чтобы неинтересно было, чтобы самим потом чего-нибудь узнать не захотелось. Вы уже успели задуматься, почему в этом мире множество хороших людей влачит жалкое существование, работая на нелюбимой работе?

— Успели, — тихо проговорил за двоих Сергей.

— И почему?

— Мир несправедливо устроен.

— Поправлю и, думаю, вы согласитесь: это общество несправедливо устроено. Ваши родители, скорее всего, по несколько месяцев откладывали, чтобы купить путёвки в «Кристалл». Но здесь хватает детей, чьи родители и часового дохода не потратили на это. И знаете что? В девяноста процентов случаев те, кто изо всех сил тянет жилы, чтобы не быть голодными и голыми, — производят, а те, кто в это время «кушает халву», — Спартак Петрович вкусные слова сказал с саркастическим акцентом, — мешает им в лучшем случае насильственным посредничеством, а то и открытым насилием. Помните определение государства из учебника права?

— Аппарат принуждения и насилия. — Нескладно процитировали ребята.

— Хорошо учитеесь! — Похвалили директор. — И тем чудовищней эта формулировка, что она верна только для одной стороны: государство — это аппарат принуждения и насилия в руках класса паразитов против населения. При этом элита, эти смертоносные вши цивилизации, в чьих руках находится «аппарат насилия», не относит себя к населению. Как если бы власть в нашем мире захватили вампиры, считающие остальных людей не более чем едой. И еда подражает своим паразитам! Проказа, как выразилась Лазутчица, охватила большинство и людишки, измельчавшие такие, льют кровушку друг друга добровольно, чтобы смазывать жернова даже не истории, как любят напыщенно поговаривать многие толпящиеся у этого корыта, а просто поя своими жизнями жрущих и жрущих зверей. Мифические жернова одно делают хорошо: мелят в муку любые мечты о добре, справедливости и прогрессе... И к чему я это всё веду?

— Не знаем, — ребята украдкой обменялись недоумевающими взглядами.

— Это был риторический вопрос, на него я сам отвечу. Вы сказали, что ушли бы к партизанам? Считайте, что в этом лагере вы в гостях у них. Директор и полсотни помощников — не ахти какая сила в обычных обстоятельствах. Я стал педагогом, чтобы получить доступ к юным, неиспорченным душам, чтобы сеять в них мысли, идеи. Хотел увидеть всходы благородных поступков. И все эти годы видел, как любое добро, имеющее шанс хоть что-то заметно поменять к лучшему, душится, топчется, стирается, а хуже всего — очерняется, выставляется фарсом, случайной глупостью. Но в дневниках своего предшественника в «Кристалле» я прочёл нечто, что подсказало: нам могут помочь! Сильные и справедливые братья нетерпеливо ждут за дверями, чтобы войти и железной рукой изгнать из общего дома нечисть, а обычных людей научить порядку и миру.

Поворот аллеи вывел к лестнице, над которой светился из ночного тумана крыльцом пятиэтажный корпус.

— Мы пришли, ваш корпус. Теперь вы можете немедленно всех будить и поднимать панику, дескать, директор — шизофреник, а треть воспитателей — опасные маньяки. Возможно, у вас получится, и завтра сюда примчится комиссия, которая всех заперёт на

целый день и будет опрашивать. «Странных» рассказов только одного отряда 1-А хватит на то, чтобы вынести решение о закрытии смены, затем всех отправят по домам. Но ложитесь лучше спать и еще раз подумаем обо всём завтра.

— Вы сказали отряду 1-А, что у нас будет выбор: прекратить всё, или попробовать сделать что-то чудесное. А потом сказали, что никакого рубильника нет. Так как же быть, если всё надо будет остановить?

— Вынуть из «Адской машины» главную запчасть — немедленно всех детей отправить по домам и для пущей верности снести лагерь.

Пашка и Сергей снова глянули друг на друга, и толстяк сказал твёрдо:

— Мы не будем поднимать сейчас панику. А завтра посмотрим.

— Большого я от вас пока не прошу. Кстати, можете оставить себе ключ от калитки в лес на память, — директор улыбнулся, — замок там уже поменяли, а то мало ли ключей по лагерю раскидано. Труп тоже нашли. Пока, мальчики, спокойной ночи.

— До свиданья, Spartak Петрович, — ответили ребята хрипло, переваривая последнюю новость.

Они пошли спать.

Корпус встретил ребят звенящими лампами в коридорах. Они думали, что будут долго говорить перед сном и не представляли, как заснут, но стоило головам прикоснуться к подушкам, как на уставшую психику снизошёл тёмный глубокий покой.

II. Глава 6

Радость 144-99 видит сон, в котором хорошо и спокойно, она снова в классах и не помнит о событиях дня, ночь качает её в милосердных объятиях. Но так продолжается недолго, сон меняется и вскоре его заполняет знакомый сигнал громогласного ревуна.

Сирена воеет плавающей нотой, перекатываясь над лагерем зазубренной волной, этот звук прошивает насквозь небо и землю, делая их близкими, тяжёлыми и зыбкими. Пространство между молекулами воздуха заполнилось только исторгаемой ревуном вибрацией, и молекулы замедлили хаотический бег, против воли выстраиваясь в кристаллическую решётку.

Девочка вскочила на кровати, вдыхая иглы кошмара исторгаемого в атмосферу немилосердно сиреной. «Как странно... Как страшно», — подумала Радость. Ведь в её жизни были сотни сирен, одна громче другой, и она давно привыкла при звуках ревуна просто просыпаться, быстро одеваться и следовать инструкциям громкоговорителей. Если таковые не поступали, то с сиреной следовало выходить из здания, строиться в колонны по четыре.

Привычная зелёная форма лежала на тумбочке и номер 144-09 за десять секунд натянула на себя рубашку, юбку и пиджак. Ботинок у кровати не было, куда они делись? Радость осмотрелась и поняла, что находится в большой комнате и одна: все кровати, кроме её, пусты, уже застелены, вернее даже не тронуты — холодны.

Ревун исторг в атмосферу последний ор и затих блуждающим эхом.

Радость оказалась в полной тишине, она замерла, боясь пропустить хотя бы шелест, звон, тук — что-нибудь, что подсказало бы о том, что происходит. Ничего, полное и оттого странное. Надо немедленно выйти из комнаты с мутными, наглухо закрытыми окнами, как будто в ней может закончиться воздух, неподвижный, мёртвый.

Путь по коридору, потом вниз по лестнице — тоже никого, тоже тихо. В вестибюле работает информационная панель, Радость смотрит в неё, но против ожидания видит не инструкции учебной или настоящей эвакуации, а вихрь из белого пуха. Он крутится, останавливается и идёт рябой стеной, рвётся ветром как знамя и тогда в просветах метели заметны силуэты, их много. Загипнотизированная зрелищем номер 144-09 не может оторваться, ей кажется, что вот-вот она увидит, что там происходит. И действительно, через минуту белый шторм иссякает: на асфальтной площадке, окружённой деревьями, стоят незнакомые дети: ряды мальчиков, ряды девочек. Камера визора делает широкий охват, потом приближается к лицам — они смотрят вперёд, одни улыбаются, другие хмуры, но все ждут. Чего?

Камера поворачивается на 180 градусов и Радость отшатывается, толчком выйдя из оцепенения; на экране стоят напротив детей ряды чудовищ: вперемешку мерзкие похожие на людей выродки и черные безглазые существа, покачивающиеся на четырёх членистых ногах.

— Бегите! — Кричит Радость и экран тухнет. Она закрывает рот руками, чтобы не издать больше ни звука, пятится, думая, что сейчас по ту сторону действительности начнётся...

Едва заметный короткий колкий звук в тишине. Что это? Ещё один острый хруст, ещё. Номер 144-09 оглядывается и видит, что по стеклу одной из половинок входной двери бежит трещина, на каждом повороте и разветвлении она звякает, становится яркой паутинкой,

растущей с усиливающимся многоногим треском. Линии скола доходят до края и, не замечая границы, продолжают на вторую стеклянную дверь, которая, быстро догоняя первую, покрывается густой кристаллической сетью. Вскоре блистающие метастазы появляются на всех окнах и с оглушительным треском превращают мир снаружи в яркую мозаику. Снова тихо, если не считать редких пощёлкиваний стекла.

На солнечной площадке движение, заметив его Радость подходит ближе к прозрачным дверям и узнаёт место, которое минуту назад видела на панели визора. Сквозь тысячи тонких призм трудно что-то рассмотреть, но, кажется, на площадке собираются дети, они строятся по отрядам.

Номер 144-99 дёргает двери, те заперты, не выйти, если только не разбить уже разбитое стекло. Как оно вообще держится в рамах? Толкнуть пальцем один кристаллик и всё высыплется.

Дети на улице еще не закончили строиться, когда некоторые из них стали что-то говорить остальным, показывая руками в сторону, не видимую Радости из-за выступа скалы. Очень важно услышать, что те говорят, но в холле по-прежнему тихо, сюда не проникает ни один звук извне. Но Радость догадывается, что сейчас происходит то, что было показано сквозь вьюгу на экране. Нужно предупредить всех! Кричать, чтобы бежали!

— Бегите! Они сожрут вас! — 144-99 кричит что есть силы и стучит ладонью по стеклянной двери, та, не гладкая, а сплошь в рельефе граней, и не думает рассыпаться, даже не пружинит, как стена.

Радость пытается бить кулаками в окна, те отлиты из того же равнодушного к её мольбам вещества. Она видит, что на площадку выходят болезненные фигуры вырожденцев, за ними семянт нерешительными шаткими шагами приземистые твари. Деталей не рассмотреть, но 144-99 и так знает, что они несут в чёрном тельце только большой голодный рот.

— Ну почему они не бегут?! — Ревёт Радость, не замечая ручьёв слёз, стекающих на подбородок. Она не хочет смотреть на то, что будет дальше!

Снова громкий острый тук, знакомый стремительный треск бегущего по кристаллу излома, звон разветвления, поворота, с которым рождаются новые острые углы. Номер 144-99 поворачивает голову в сторону и видит, как трещина со стекла двери покинула \ плоскость и заструилась, ненадолго замирая на разветвлениях, в воздухе. Параллельно полу, на высоте лица девочки, в комнату прорастал куст из сколотых граней. С каждой секундой он становился всё пышнее и больше, разбегаясь по свободному объёму холла.

Радость бросила взгляд за окно: там чудовища не спеша приближались к детям. А здесь внутри к ней приближалась блестящими лезвиями часто изломанная паутина.

Девочка отошла в комнату, уже не спуская глаз с невероятного дерева: то переливалось и мерцало вытянутыми, плавно изогнутыми узкими плоскостями, одни из них под определённым углом зрения исчезали, становясь полностью прозрачными, а другие, наоборот, проступали из воздуха кривыми кусочками зеркала. Боковая ветвь была уже в полушаге от 144-99, девочка заворожено смотрела на игру света, на бег сколов в воздухе. Приходилось непрерывно отступать, чтобы держаться на расстоянии от миллиона граней, уже заполнивших большой объём комнаты. Сквозь них было неясно видно окна и двери, а происходящее на улице выродилось в рассыпанную игру бликов. Кажется, появились красные тона.

На очередном шаге назад Радость споткнулась о ступеньки и, больно ударившись,

растянулась на полу. Над её ногами воздух прорезали новые ветви и вместо того, чтобы вскочить, девочка отползла на спине, до дрожи боясь зацепить мерцающие зеркальца. Она встала, сзади были лифты, справа — лестница, а слева — коридор. Бросив взгляд сначала в одну сторону, а затем во вторую, и увидев там яркие блики пронизывающих воздух граней, 144-99 нажала кнопку лифта. По шахте разнёсся звук пуска далёкого электродвигателя, зашуршали канаты. «Быстрее!», — молила лифт Радость, наблюдая, как с лестницы и коридора вырвались лезвийные ветви и сцепились с трескучим потоком из вестибюля. Воздух с нарастающей скоростью разрезался на мелкие красивые кусочки, грозя уже через несколько секунд съесть последние кубические метры, где дрожала от адреналина девочка.

Сзади ровные звуки работы лифта прервались, кабина остановилась и прижатой к дверям спиной Радость почувствовала, как те разъезжаются. Не глядя, ввалившись в кабину, она ударила до боли пальцем в первую попавшуюся кнопку. За съезжающимися дверями стекло полностью поглотило вестибюль и просунуло решительный росток в лифт. 144-99 отскочила к стенке, глядя на направленное ей в лицо лезвие. Лифт тронулся, грань ушла вверх, вывернув из потолка, как консервный нож, прорезь с загнутым лоскутом. Кабина почти сразу остановилась. Радость поняла, что она нажала на кнопку подвала. Вверх путь уже закрыт, можно не сомневаться, что если канаты протянут кабину сквозь резку первого этажа, то из неё и содержимого получится замысловатая лапша.

Радость вышла в тускло освещённый коридор, прислушиваясь, не раздастся ли откуда треск стекла. Босые ноги холодил пыльный бетон и, впервые заметив, что осталась без ботинок, девочка вздохнула.

— Ты мне так и не рассказала обещанную страшную историю на ночь, — Таня Хизер смотрела в тёмно-синий ночной створ окна, за которым ветер перебирал незнакомые тени. Усталость вдавила её в матрас, но мысли испуганной стаей птиц носились по голове, задевая сознание обрывками дневных образов и фраз.

После паузы, Таня успела подумать, что Ира заснула, её подруга сказала:

— Слушай. — В голосе не было и тени сна. «Наверное только тени испуганных птиц», — подумала Таня. — Как говорил Сергей, это случилось несколько лет назад, в этом лагере с одной девочкой из старшего отряда, такой же как мы.

— И звали её Ира! — Пошутила Хиз.

— Нет, — Таня!

— Не пугай меня.

— Ладно, её звали как-то по-другому, не как тебя или меня. Пусть будет... Анжела.

— Пусть.

Анжелу вместе привёз один из десятка автобусов, к окнам которых изнутри прилипли сотни радостных лиц. Но её лицо хмурой тучей было на солнечном карнавале. Она смотрела по сторонам и содрогалась, ей улыбались, а она в ответ кривилась, каждый взрыв хохота был ей как укол булавки — она так и подпрыгивала, а если кто-то отпускал шутку, её передёргивало от тошноты...

— Ох и бяка эта Анжела!

— У неё на то были уважительные причины: с первого класса её дразнили, она во всех играх оказывалась тем, против кого ведётся схватка, её последнюю выбирали, когда делили команды на волейболе. Что говорить, у неё был самый пошкарябанный и исписанный стул в классе!

— За что же её так не любили?

— Не то, чтобы не любили, а просто она была рыжая, полная и вся в веснушках и так повелось, что безобидные поначалу насмешки со временем переросли в бесконечную жестокость. Знаешь, в каждом классе не так и много настоящих скотов, но почему-то остальные им подпевают.

— Ты рассказываешь так, как будто знаешь её лично.

— Каждый из нас знаком хоть с одной «анжелой»: рыжей, низкой, высокой, худой или толстой...

— Ты рассказываешь мне страшную историю или грустную?

— Всё, перехожу к делу. Эта рыжая-рыжая девочка, понятное дело, всех сторонилась, а все сторонились её. И даже никто не отпустил ни одной шутки по поводу её веснушек, ведь у неё было злое лицо и яростный взгляд, которым она отбивала любой другой взгляд, брошенный в свою сторону.

А когда пришло время расселяться по номерам, каково же было её удивление, когда к ней подошла другая тихая девочка и спросила, не хочет ли она вместе с ней выбрать себе комнату с видом на горы.

— И они жили в том же самом номере, что и мы? В этой же комнате? — улыбаясь спросила Таня.

— Как ты догадалась?! Её соседка...

— Ира!

— Опять? Ну ладно. Её соседка Ира оказалась милой и вежливой девочкой и уже к обеду они подружились.

— Прямо, как мы.

— Да, только ты не рыжая и подружились мы задолго до обеда. Но продолжу и больше не перебивай, а то я так рассказывать до утра буду.

Ангела перестала затравленно озираться по сторонам, и они с Ирой весело хохотали, не отставая в веселье от остальных.

Ночью, когда Ангела почти заснула, Ира тихо встала, оделась и выскользнула из комнаты. Когда она вернулась, так же тихо разделась и юркнула под одеяло, за окнами серел рассвет. Но в это время так хочется спать, что Ангела не капельки не удивилась, а подумала, что ей это приснилось.

Подруги замечательно провели еще один день, а ночью Ира снова куда-то ушла, когда Ангела уже должна была заснуть. Но та вспомнила свой утренний сон и решила дожидаться возвращения соседки. Но заснула и только под утро сквозь сон услышала, как вернулась Ира.

Днём, как ни в чём не бывало, девочки веселились, но рыжая Ангела тайком поглядывала на подругу, пытаясь заметить следы недосыпания от ночных прогулок. Она решила, что та бежит на тайные свидания и поэтому деликатно молчала и ничего не спрашивала, хотя и очень хотела.

Ночью, когда Ира снова неслышно вышла за двери, Ангела тоже встала и, прислонившись ухом к двери, дождалась, когда стихнут шаги подруги. Потом выглянула в коридор и увидела, как закрываются двери лифта. Босиком, на цыпочках, она пробежала до лестничной площадки, через стеклянные стены которой внизу было видно крыльцо корпуса в пятне света. Там никого не было, и Ангела стала ждать, пока выйдет Ира. Так она простояла пока у неё не замёрзли ноги на каменном полу, пришлось возвращаться в номер.

— Глупая! — Воскликнула Таня. — Не могла обуться, перед тем, как отправляться

подсматривать?!

— Даже если бы обулась и простояла на лестнице до утра, всё равно бы ничего не увидела. Сейчас ты узнаешь почему.

Еще один день, который Анжела провела сонной мухой, ведь она не могла заснуть пока не пришла её подруга, да и после этого она беспокойно ворочалась. Стоило ей наконец крепко заснуть, как прозвучала мелодия подъёма...

— Тут будят какой-то мелодией?

— Не перебивай!

...Прозвучала мелодия подъёма и Ира вскочила с кровати, ей пришлось вытягивать из-под одеяла ошалелую от бессонницы Анжелу.

Не раз поблекшая рыжая девочка ловила на себе взгляд подруги. Та, не таясь, всматривалась и наконец спросила: «Ты сегодня не спала?». Анжела поняла, что попалась, ей осталось только кивнуть. Она ждала, что Ира и дальше будет задавать каверзные вопросы, а потом обвинит в подсматривании.

«Тебе наверняка любопытно, куда я хожу каждую ночь?», — спросила та прямо и дружелюбно. — «Я катаюсь на лифте! Если хочешь, сегодня мы пойдём кататься вместе! Но пока никаких вопросов, я тебе всё покажу ночью».

Анжела чуть не умерла от желания всё узнать немедленно, она понимала, что невозможно всю ночь напролёт просто «кататься на лифте»! Но ей пришлось терпеть целый день, то и дело подгоняя солнце вниз к горизонту.

— Также подождём и мы с тобой, — сказала неожиданно Ира, — продолжение я расскажу завтра.

— Нее-ее-ет! — Разочарованно протянула Таня. Получилось сильно громко для ночного разговора, поэтому она продолжила шёпотом. — Почему завтра?

— Потому что сегодня уже спать пора. Не хочу, чтобы мы завтра были вялыми и тупыми.

— Как Анжела?

— Именно, ты же не забыла — здесь что-то определённо происходит.

— Ох, почти забыла, ты так хорошо рассказываешь.

— Всё, спим!

— Спим!

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Они заснули быстро.

Директор «Кристалла» привык вставать с первыми лучами летнего солнца. То, что вчера пришлось поздно лечь, его не беспокоило, став пожилым он редко спал больше 5–6 часов в сутки. Выйдя на балкон и вдохнув полной грудью прохладный, почти ночной, воздух, Спартак Петрович нахмурился беспокойному остатку сна в голове. Под утро ему приснился лагерь, что само по себе часто случается, но в этот раз атмосфера сна была отравлена звуком сирены. Директор не мог сказать, что как-то особо не любил её, но включённый ревун всегда заставлял его нервничать, волноваться, будто проводимые раз в смену учения ГО были не простой формальностью и одним из запоминающихся детям событий, а настоящей тренировкой перед надвигающейся опасностью.

После балкона — душ, контрастный, как одно из средств от стариковской немощи и хороший способ прогнать остатки дурных снов.

В кабинет Спартак Петрович поднимался свежим и отдохнувшим. Секретарши, она же диспетчер лагеря — полезное совмещение обязанностей — еще не было на месте, а потому директор прошёл сразу к себе, чтобы самостоятельно принять поступившие за ночь сообщения.

На большом экране засветились сразу три новости, из которых по-настоящему новой была только последняя: найден труп неизвестного с разнесённой в клочья головой; неизвестный, сотворивший это, еще не обнаружен; полчаса назад пропал сигнал навигатора девочки Радость 144-99.

Директор быстрым шагом вышел из кабинета, спустился по лестнице и остановился у дверей гостевой комнаты. Постучал.

Тихо.

Дёрнул за ручку, дверь открылась — Радость отказалась её вчера запирасть изнутри, сказав, что у них личные жилые помещения не блокируют — внутри пусто, кровать смята, а рядом стоят ботинки. Она не ушла бы без ботинок. Осмотреть шкаф, душ, проверить окно — поставлено на проветривание, снаружи так не сделаешь. Выход на улицу — тоже заперт. Всё. Девочка пропала непонятно как, оставив только ботинки. Навигатор просто растаял.

Спартак Петрович снова поднялся в кабинет, прогнал запись браслета гостьи. Вот они в кабинете, устройство только включилось, блуждания по двум этажам здания дирекции — девочка ужинает, потом они ходят по кабинетам, смотрят со всех окон и разговаривают. Вечер: Радость в своей комнате, сигнал совместился с кроватью и под утро просто исчез.

Директор наложил на карту сигналы датчиков магнитной активности, которые были настроены так, чтобы выделять только гармонические модуляции с фрактальными составляющими более чем третьего порядка. Система использовала три антенны сотовой связи, расставленные в разных концах лагеря, анализ слабых электромагнитных возмущений проводился мощным сервером, экранированным в подвале дирекции.

Математическую модель для анализа написал пятнадцать лет назад тогда еще молодой, подающий надежды кандидат наук Пётр Эльвиров, чья карьера шла на взлёт. Но профессором он так и не стал: в академическом сообществе прознали, что тот строит прибор для поиска «щелей между мирами» и быстро навесили на талантливого учёного ярлык «чудак».

Спартак Петрович наткнулся на статьи Эльвирова на каком-то захолустном сайте в

сети, когда, читая дневники прежнего директора «Кристалла», стал всё больше думать о необъяснимых явлениях, происходивших время от времени в лагере. Тогда он ночами напролёт поглощал всякие «энциклопедии неведомого» пока не пришёл к выводу, что чтение это увлекательное, но ничего не несёт. Он стал отсеивать информацию, выбирая только ту «аномальщину», на которую обратили внимание учёные, и не какие-то там специалисты по «паранормальному» и «инопланетному», а вполне классические химики, физики, математики. Пресловутый Монтаук, казавшийся наглой мистификацией, комментировал в большой статье с формулами и графиками некто Пётр Эльвиров — учёный, чья кандидатская, при дальнейшем развитии, как он обещал, может привести к разработке аппаратов аналогичных описанным авторами «разоблачения» тайн базы Монтаук...

«База»! Всё у янки напыщенно и значительно звучит. Сержант с тремя рядовыми в двух палатках для них уже целая «база» да еще и с замысловатым названием. У нас всё просто — «военная часть номер такой-то»! — подумал тогда Спартак Петрович и тут же его осенило: а ведь военная часть была рядом с лагерем! Пусть сейчас она расформирована, но тридцать лет часть исправно несла службу, зарывшись в землю всего в километре от забора «Кристалла».

Через пару дней Эльвиров и Спартак Петрович имели длинный разговор по телефону, в котором директор «Кристалла» представился и прямо сказал, что, кажется, есть возможность поработать на останках советского Монтаука.

Учёный согласился приехать, но смущенно пожаловался на стеснённые обстоятельства. Решили, что Эльвиров будет работать в лагере кочегаром, а в свободное время, которого летом у истопника предостаточно, посвятит на своё усмотрение науке или отдыху на море.

Это было десять лет назад. Учёный на должность кочегара прибыл аккуратно на 23 февраля — ранняя весна в этих краях. Море ледяное, в обед можно загорать, если спрятаться от ветра, вечером холодно, а под утро кажется, что ледяная сырость повисает в воздухе низкими тучами, которые волокут свои растрёпанные шлейфы по самой земле. «Красота!», — сказал Эльвиров и принялся выпытывать у директора лагеря всё, что слышал по телефону, плюс подробности.

Всю весну директор детского лагеря и физик-электронщик пролазили по лесу: сначала в поисках входа в подземелья, а потом по самим подземельям. Впечатляющие бетонные тоннели в три уровня, рассчитанные на передвижение грузовиков, бронированные гермодвери, многие тонны порезанного, во вскипевших рубцах, железа с огрызками толстых кабелей и редкие остатки электронных схем в нескольких больших комнатах вперемешку с ключьями полиэтилена. И больше ничего! Местный «монтаук» выпотрошили, его железные кишки растянули шакалы с автогенами, но тем удивительнее, что аномальные явления не переставали копиться в дневнике директора. Каждая смена чем-нибудь да отметилась и с каждым разом становилось всё «чудесатее», взять хотя бы прошлогодний случай с отрядом «Ангелы Ада».

А к череде вчерашних происшествий, ознаменовавших открытие смены, добавилось исчезновение Радости. Директор горько усмехнулся каламбурю, он волновался за эту девочку, такую странную «здесь» и, наверняка, неординарную «там».

Сервер выводил расшифровку датчиков-антенн в реальном времени, накладывая на карту разноцветными пятнами. Спартак Петрович отмотал запись на ночь и на ускоренной перемотке наблюдал, как под утро, перед исчезновением сигнала навигатора, в комнате гости образовалось сиреневое пятнышко. Оно держалось, плавно насыщаясь, минут десять,

а потом бесследно растаяло, вместе с 144-99. И больше ничего. Маленький след, на порядок меньше, чем тот о котором система просигнализовала директору, когда Радость вчера появилась недалеко от столовой, меньше почти всех сигналов, на которые стоило обращать внимание. Так, сквознячок сквозь щель сопредельных пространств, такие «охотники за приведениями» во множестве регистрируют по старинным домам с приведениями и замкам с музеями.

«Тонущий корабль», — вспомнились слова Ангелы. Но он не может тонуть! Директор легко стукнул пальцами по крышке стола, что соответствовало в его мыслях удару кулаком, от которого подпрыгнули бы ручки и папки. Не может! Ведь на борту находятся полторы тысячи детей, у которых средняя радость зашкаливает круглосуточно!

Жаль, что сейчас рядом нет Эльвира, уж он-то всегда мог вернуть оптимизм и на ходу скорректировать планы так, что всё, казалось, поворачивается еще более удачно. Но сейчас он в Румынии под предлогом посещения псевдонаучной конференции о гостях из параллельных миров. Учёный был крайне удивлён, получив приглашение на свой электронный адрес, и одновременно обрадован — его работы помнят, причём за границей. Правда не в академических кругах, а среди чудаков, которые проводят выходные, гоняясь за НЛО, а отпуска, фотографируя йетти. Главному научному сотруднику лагеря (давно уже не кочегару) директор выписал командировку и дал задание: посетить приморский городок Иланльк да зайти по четырём адресам. Там живут, вернее должны жить (а на самом деле, кто его знает) семьи, у которых дочери — неразлучные подруги, каждый год пребывающие на смену морем на скромной, но ухоженной яхте.

Директора так и подмывало набрать номер Эльвира и попросить того, потребовать, как можно скорее вернуться в лагерь. Единственное, что удерживало, понимание, насколько учёный хочет выступить с лекцией, где популяризирует свою до чёртиков сложную модель взаимного расположения слоёв мира.

Как понял его объяснения Спартак Петрович, кроме того, что вся физическая-энергетическая вселенная существует одновременно в бесконечном числе вариантов, также варианты множатся на местах, т. е. с привязкой к массе. У звёзд и планет существуют свои поля вероятностей, которые непрерывно расслаиваются, как отражения отражений. Но при этом они не бесконечны, многие гаснут, сливаясь, когда разница событий укладывается в относительно взаимоисключающую мозаику, что делает обычной вещью многие парадоксы. Например, в одном случае динозавры вымерли по вине метеорита, а в другом метеорит прошёл мимо, но каюк ящерам настал чуть позже, через несколько тысяч лет — от вулкана. Через сто миллионов лет уже всем, и мирозданию, и большинству людей, так начхать на динозавров, что миры метеорита и вулкана гармонично сливаются и палеонтологи с одинаковым успехом могут доказать обе теории, потому что они обе верны сейчас и здесь, хоть и случились в разных вероятностях. Часто сталкиваются с проявлением этого эффекта историки и биографы, ведь на уровне мелочей миры дробятся и сливаются как брызги Ниагарского водопада. Потому одни исследователи никогда не перестанут доказывать другим, что Эдгар По умер от гриппа, доходя до хрипоты в спорах с теми, кто уверен в кончине писателя от алкогольного отравления, передозировки успокоительного или катастрофического недостатка сахара в крови. В одних биографиях мы находим свидетельства, что несчастный По выпивал лишь изредка, пьянея от одного бокала, а в других он достоверно рисуется хроническим пьяницей и наркоманом. По этому поводу Эльвир заметил: «Мой По — благопристойный романтик, скончавшийся от опухоли мозга,

а остальные вольны выбрать своего, я не буду спорить».

Чехарда мелочей и крупных событий неизбежно, потому что равновероятно, приводит к формированию в пределах одной планетарной системы настолько разных миров, что им уже никогда (на самом деле в перспективе миллиардов лет) не слиться и они бегут по вселенной вместе, будучи устойчивыми слоями одной системы, «брамфатуры», — назвал её странным словом учёный. Уже их можно рассматривать, как параллельные миры, совершающие собственные полноценные вероятностные флуктуации, которые лучше умозрительно отбросить, «чтобы не запутаться в этом головокружительном хороводе».

В упрощённом остатке теории и выходит доказательство существования в одном месте нескольких планет, столь отличных друг от друга, что можно говорить о совершенно разных мирах.

«И между ними возможны путешествия!», — восклицал учёный. А как насчёт путешествий между более близкими вероятностями, которые не так давно разошлись и не так долго просуществуют? Речь идёт о каких-то там годах, столетиях и тысячелетиях. «Ведь чем ближе, тем проще?», — спросил тогда Спартак Петрович, на что учёный порекомендовал поймать конкретную каплю воды, когда стоишь с головой в бушующем потоке. Неосуществимая сложность настройки! А вот перепрыгнуть с одного камня на другой, выбраться на противоположный берег, можно вполне естественно, ведь они твёрдые и устойчивые.

— Как, насчёт, перебросить мост между нашим и другим берегом? — Спросил как-то директор детского лагеря после бессонной ночи, не первой и не десятой. — Вы со мной? — Спартак Петрович в упор посмотрел в глаза учёного и тот, не отводя ясного взгляда, ответил: «Да».

Директор вынырнул из мыслей, настроил поиск карты аномалий по параметрам пятнышка, унёсшего Радость. Перед ним возникло наложение на карту семи похожих пятнышек, из которых внимание заслужило только одно — возникло оно в те же предутренние минуты... и не исчезло до сих пор!

— Ага. — Сказал сам себе директор и, набрав код отряда 1-А, произнёс в микрофон: — Маргарита, Светлана, примите видео на большой экран, я приеду через пять минут. Будем искать Радость — она пропала.

Директор вышел из корпуса, сел за руль гольф-кара, который стоял тут же под навесом, и повёл машинку через безмятежное оранжево-солнечное утро. Аккуратно двигая рулём, с гудением моторчика и шелестом шин закладывая виражи, Спартак Петрович старался хотя бы на эти прекрасные мгновения выкинуть из головы все мысли. Как правило это ему удавалось без труда, но теперь пришлось себе напомнить дважды: здесь и сейчас лучшее, что можно сделать, это смотреть во все глаза на прекрасную игру света, когда восходящая звезда очерчивает предметы длинной тенью, вплоть до камушков на асфальте, обрётших значимость, подчёркнутую чёрным вымпелом, бегущим в сторону от лучей. Директор любил смотреть на лагерь, особенно в ранний час, когда всё было похоже на совершенный памятник самому себе, а попадавшиеся по дороге рукотворные монументы, почти оживали. Вот и давешний «Пионер № 12», даром, что бронзовый, казалось, сейчас как дунет в свою трубу, проводив глазами руководство.

К корпусу ДПО-1 директор подъехал с безмятежным лицом и собранными мыслями, в холле его встретили вожатые отряда 1-А, у которых собранность внутренняя красноречиво

отражалась во всём внешнем облике — от скупых жестов и сжатых губ до затянутых узлами причёсок. В спортивных костюмах они сейчас были похожи на тренеров олимпийской сборной.

— Здравствуйте, — первым поздоровался Спартак Петрович, войдя в холл. — Как спят ваши подопечные?

— Как убитые, — сказала Маргарита мрачно, но сразу улыбнулась. В контексте происходящих событий, грубоватый, но вполне стандартный фразеологизм звучал висельным юмором. Не смогла сдержать сурового выражения на лице и Светлана. Директор удовлетворённо отметил, что к тем возвращается привычный оптимизм и решил, что можно переходить к делу.

— Вот этот сигнал, — он показал на большой экран, где выводилась карта, — предположительно, наша Радость и находится она сейчас где-то в этом корпусе. Не будем терять времени, ребёнка надо найти.

— Она в подвале, — сказала Светлана, щелкнув несколько раз пультом при переключении проекций карты. — Ожидаемо — если подросток прячется в здании, то искать его стоит в первую очередь в подвале, а во вторую — на чердаке.

— Только зачем ей прятаться? — Тихо (ведь в корпусе спят дети) воскликнул Спартак Петрович. — Берём фонари и пойдёмте, у неё, надеюсь, спросим!

Маргарита вызвала лифт, а Светлана тем временем открыла ближайшую к лифтам дверь — кладовую, где взяла с одной из полок три фонаря. Кабина загудела на секунду, открылись двери, лифт переместился всего на один этаж — из подвала. Директор и вожатые переглянулись, отмечая эту деталь, потом пощёлкали фонарями, проверяя их работоспособность и вошли в кабину.

Директор нажал кнопку, шахта отозвалась коротко взывшими с чердака двигателями, упруго зазвенели натянутые канаты. Обычные звуки, но звучали они не обычно, все трое глянули вверх на взрезанную в металле и пластике дыру, которая и изменила акустику. Двери в подвал уже открылись, но директор с вожатыми всё так и стояли, задрав головы.

— Ничего себе! — Выдохнули одновременно Светлана и Маргарита.

— Ага, — крикнул директор и помолчав еще секунду произнёс, — разберёмся с этим позже. Выходим. — Он выставил ботинок, по которому ударились съезжавшиеся уже было двери и, когда они снова разъехались, все вышли в подвал.

Директор достал из широкого кармана пиджака планшет всё с той же картой и передал его Светлане. Та, взглянув на экран, показала правой рукой, куда идти. — Сюда.

Поисковый отряд пошёл по длинному бесцветному бетонному коридору, освещённому люминесцентными лампами. По сторонам были запертые двери и проходы в тёмные перпендикулярные коридоры, куда поворачивали трубы и кабеля. Когда здание было пройдено в длину почти до конца, Светлана повернула снова вправо и остановилась перед чёрным проёмом. Лампы как раз располагались в пяти метрах сзади и примерно на таком же удалении впереди, поэтому белого ртутного света боковому коридору не досталось.

— Сюда, — сказала она и зажгла фонарь, направив луч в темноту, её примеру последовали Маргарита и Спартак Петрович. Три ярких круглых снопа залили проход немногим хуже ламп, светящих в центральном коридоре.

— В моё время фонарики светили потусклее, — сказал директор, водя плотным конусом света. По его тону было трудно определить, рад он прогрессу, или наоборот, досадует.

Коридор не особо отличался от предыдущего, только был коротким и под ногами чуть больше скрипело мелкого цементного сора. С каждой стороны в ряд располагались по четыре одинаковых плоских зеленоватых двери. Дойдя до конца прохода, трое остановились перед одной из дверей. Светлана подёргала ручку — заперто, тогда вперёд вышла Маргарита и открыла дверь одним из ключей, что были у неё с собой. Все замерли, направив фонари внутрь комнаты.

— Никого. — Директор вошёл внутрь и стал светить вокруг. За ним последовали и вожатые.

Пустая комната, не считая труб с вентилями в углу потолка, старого шкафа у дальней стены и фанерных стульев с тонкими железными ножками, забравшимися один на другого.

— Сигнал не в этой комнате, а дальше, — Светлана показала в сторону стены со шкафом. — Но по карте подвал здесь заканчивается — там скала.

Директор заглянул через плечо вожатой в карту — сиреневое пятно, действительно, было за линией, обозначавшей границы подвала, судя по масштабу, всего-то метрах в десяти.

— Скала, — задумчиво повторил он, шагнул к шкафу и распахнул дверцы. Что-то мелькнуло и Спартак Петрович успел отступить в сторону — на пол грохнулась швабра. Больше в шкафу ничего не обнаружилось.

Директор закрыл дверцы и заглянул за шкаф, потом навалился на пыльный торец и попробовал сдвинуть. Мебель скрежетнула и уступила сантиметр. Обе вожатые схватились за угол шкафа и вместе с директором снова попытались сдвинуть тяжёлую рухлядь, та, визжа-дребезжа, проехала сантиметров пять. Положив фонарики на пол, трое уже в полную силу надавили на шкаф, отодвигая его шаг за шагом. Наконец скрытый ранее участок стены полностью открылся.

«Не копать охранная зона кабеля», — проступала из-под развесистой паутины трафаретная красная надпись.

— Признаться, я думал увидеть здесь дверь. — Спартак Петрович постучал по стене костяшками пальцев в одном, в другом месте — одинаковый слабый звук — кирпичи, штукатурка.

— Она двигается, — Светлана замерла над картой.

— Куда? — Прошептал директор.

— К нам. Медленно идет: три метра осталось, два, метр, пол-метра... и остановилась.

— Наверное шум слышала, когда мы шкаф двигали, — сказала Маргарита. Она подняла швабру. — Разрешите? — Директор кивнул, и вожатая постучала ручкой по стене.

Без ответа.

Маргарита снова постучала и на этот раз с той стороны раздался слабый, почти не слышимый, шорох. Все затаили дыхание, прислушиваясь, к стене. Наконец раздался чёткий, хоть и заглушенный толстой стеной дробный стук. В то, что перед ними цельная скала уже не верилось. — Камушек подобрала.

— Будем ломать стену. — Сказал директор. — Маргарита, вы остаетесь и перестукиваетесь, возьмите планшет с картой и гремите отчаянно, если объект... — на этом бездушном слове директор замялся, боясь назвать девочку по имени, он не был до конца уверен, что им удастся найти именно Радость. — ...если она будет удаляться. А вы, Светлана, пойдёте со мной искать кувалду и вызывайте Бориса с отбойным молотком.

— До подъёма ещё час! — Крикнула, шептать всё равно было глупо, вслед Маргарита.

— Кто хочет спать и под молоток будет дрыхнуть, — донесся удаляющийся голос

директора.

Маргарита осталась одна в комнате, она включила экономный режим на фонаре и поставила его на торец так, чтобы круг света упёрся в побеленный потолок, равномерно рассеиваясь по комнате. Она взяла один из стульев, вытерла салфеткой с него пыль, села у стены и, взглянув на карту, выстукала шваброй ритм «Дингл дон». Раздавшаяся в ответ сбивчивая попытка повторить рождественскую мелодию заставила вожатую улыбнуться.

Тане Хизер снились незнакомые аллеи «Кристалла», которые почему-то были похожи на бульвар в её городе, который она каждый день видела из окна своей квартиры на третьем этаже. Она шла и смотрела на голубей, которые между собой переговаривались по-немецки. «Пижоны», — подумала Таня о птицах, — «они кроме «Хандыхох» ничего по-немецки не знают, а остальное придумывают для вида».

Прямую асфальтную дорожку окаймляли два ряда клёнов, а впереди из-за крон виднелся постамент, на котором должен был стоять Ленин, если Хиз снова дома. Но она помнила, как уезжала в лагерь и по этому поводу почувствовала разочарование: надо же протарахтеть ночь в поезде, потом всё утро автобусом, а вокруг толком ничего не изменилось. Так и в Париж приедешь, а там на улицах будут беленные в горчичный цвет дома и штемпели «ММК» на чугунных крышках люков.

— Хандыхох! — Крикнули сзади и Таня обернулась. Двое голубей, которые до этого не обращали на неё внимания, теперь смотрели с угрозой, словно офицеры СС на предположительного партизана. — Здастиш буден майф! — Одна птица пошла вперёд, за ней последовала вторая. Они чинно вышагивали, держа девочку на прицеле цепких взглядов: то одним глазом, то другим. Таня подумала, что если её арестуют, то начнут допрашивать, а она совсем ничего не знает, тогда могут пытаться... Хиз решила, что проще будет от голубей убежать, тем более у них такие маленькие лапки и короткие шажки. Она быстро зашагала в сторону памятника, решая не оглядываться. — Зудентрафштей тенгербирмар здетроль Тания! — Услышав своё имя Хизер оглянулась и увидела, что голуби в неё целятся из невидимых щмайсеров, она побежала: «Скорее, спрятаться за памятником!».

Раздались звуки выстрелов, негромкие, ведь у голубей были небольшие, под стать им, воображаемые автоматы. Под свист маленьких пуль Таня выскочила с аллеи на пяточок с монументом и спряталась за основание. Стрельба не прекращалась и пули забили по граниту то длинными, то короткими очередями. Птицы не делали попыток обойти памятник, а знай себе лупили с одной стороны, поэтому уже через минуту Хиз перестала испуганно сжиматься у постамента и решила сравнить здешний памятник с тем, который стоит на её улице.

Здрав голову кверху, она увидела большие баллоны, придавившие к спине развевающиеся полы плаща. Памятник смотрел вниз, прямо на Хизер, сквозь горящие отражёнными пожарами глазницы противогаза. Таня почувствовала странную смесь из облегчения — да, она в лагере, он ей не приснился, как она начала подозревать, гуляя по подозрительно знакомому месту, а с другой стороны, было страшно смотреть глаза в глаза Пожарному. Нет, она не его самого боялась, а тяжкого ожидания, которое языками пламени лизало закалённое стекло маски... изнутри? Как она сразу не увидела, что огонь не отражённый, а горит внутри? Это сам взгляд погибшего героя пламенел, ревел: «Ну что ты медлишь?! Давай, действуй!».

Таня почувствовала, что тонет в вулканических озёрах глазниц Пожарного, который от неё требует решимости на грани возможного. Если потребуется, такой же, как проявил сам когда-то, прежде чем стать памятником.

Слепящее оранжево-красное заполнило всё и Хизер проснулась.

Она открыла глаза с удивлением, оставленным сном о Пожарном. Немецко-говорящие голуби были забавными, но особо не поразили Таню, привыкшую к закрученным сюжетам сновидений. Вот памятник был настолько реален, что она до сих пор ощущала твёрдый нагретый солнцем гранит, к которому жалась, спасаясь от фашиствующих птиц. Кстати, о птичках! А стрельба-то из «шмайсеров» не стихла!

— Почему голуби еще стреляют? Я что, еще не проснулась? — Спросила сиплым спросонок голосом Хиз.

— Проснулась, — внятно прозвучал ответ Иры.

— Доброе утро, Ириш... О голубях я это вслух сказала?

— Да.

— И почему же? В смысле, почему еще их слышно? — Таня наконец открыла глаза и привстала на локте. Ира сидела на застеленной кровати, умытая и расчёсанная.

— Что-то где-то долбят в корпусе, наверное, ремонт.

— Хорошо, что не голуби, я от них во сне убегала, а они стреляли, так что пришлось спрятаться за памятником Пожарному...

— Тому самому, вчерашнему?

— Ему... Ой! Это всё на самом деле было?! — Таня так и вскочила, отбросив тонкое одеяло. — Теперь я точно проснулась. И знаешь, что я поняла из своего сна?

— Что? — Ира подалась вперед.

— Мне дико нравится в лагере! Был момент во сне, когда я подумала, что не уезжала из дома — на меня такая тоска чуть не напала. Будут звонить родители, я им большое-пребольшое спасибо скажу, жаль по телефону расцеловать не получится!

— Расцелуешь, когда день посещений будет. Расскажи лучше свой сон, после которого такая счастливая. Я-то встала полчаса назад и успела заскучать...

— А может ты вообще не ложила! — Перебила подругу Таня.

— Это почему?

— На лифте каталась! — Подруги рассмеялись.

— Да, каталась, а сегодня ночью и тебя с собой возьму! Даже сейчас уволоку, если не поделюсь сном, который тебя так вдохновил. Я уже почти забыла, что снилось — каламуть какая-то. А как вспомнила вчерашний день, места не нахожу себе. Знаешь, глаза открыла, первая мысль: «Как раньше уже никогда не будет». И так ясно и трагически это прозвучало в моей голове, словно не я подумала, а кто-то другой сказал. Всё внутри закружилось от этой мысли, если бы не на кровати лежала, упала бы. Так что рассказывай, делись оптимизмом! Надо было тебя сразу будить.

— Да ничего такого и не снилось, запомнила только обрывок. А оптимизм у меня при виде тебя появился. — Ира угрожающе нахмурилась. — Всё, всё, рассказываю! — И Таня поспешила пересказать свою сновиденную прогулку с голубями: девочки покатывались со смеху, пока черед не дошёл до встречи с горящим взглядом Пожарного. Когда Таня замолчала Ира снова посерьёзнела.

— И на что же тебя сподвигал Пожарный?

— Ты думаешь так же, как и я?

— Да. Вчерашние события поставили перед всеми нами совершенно дикий вопрос, над которым невозможно серьёзно задуматься, чтоб не скатиться к размышлениям, а не розыгрыш ли это был. Вот в твоём сне этот конфликт и выразился таким огненным образом, к тому же напрямую связанным с, якобы, «тем» миром.

— Нет ты думаешь не так, как я. Надо было ощущать своими руками камень памятника, ощущать жжение его вопроса, чтобы относиться, к этому, не как к простому сну.

— Сны бывают реалистичны. Вот мне как-то приснилось, что я проснулась не в своей комнате, не в своём теле и не в своём городе, даже имя другое. И не могу вернуться обратно до сих пор!

— Что?

— Да, кошмары случаются...

Иру прервала музыка из динамика. Она прислушалась к проникновенной мелодии, звучащей на ксилофоне, в густом, но нежном сопровождении оркестра. Звуки вселяли трепет, ощущение приближения к великому и прекрасному, светлому и чистому, как весенний рассвет.

Ира широко раскрыла глаза и слушала музыку с восхищением и недоумением. Было видно, что она в очередной раз собралась блеснуть музыкальным образованием, но в итоге растерялась и теперь беспомощно смотрела на улыбку до ушей на лице Тани. Та выдержала целых десять секунд и, наконец, важно молвила:

— Наутилус Помпилиус — «Прогулки по воде», симфоническая версия. Я тоже слушаю не то, что одноклассники.

— Мы бы ходили друг к другу в гости и слушали музыку... — мечтательно сказала Ира.

— ... если бы жили в одном городе, — грустно заключила Таня. — А ты любишь кататься на велосипеде?

— Обожаю! — У Иры увлажнились глаза.

— Я тоже! — Вскричала Хиз. — Но хватит распускать нюни. — Она сделала вид, что громко сморкается в пододеяльник. — Наутилус — это и был сигнал к подъёму?

— Да. Сергей рассказывал...

— Я поняла, поняла, кто рассказывал, — замахала руками Таня, — в следующий раз можешь сокращать, говорить, не «как Сергей рассказывал», а «как серрасс» или «как расссер», например. — Таня первая прыснула с собственной шутки.

— Так вот, — Ира сжала изо всех сил губы, чтобы те не расползлись в широкую улыбку, — как серрас, — она выбрала наименее смешное сокращение, но всё равно не удержалась и хохотнула, — каждый раз музыка по утрам разная. — Теперь, когда речь зашла о предмете святом для неё, Ириша быстро взяла себя в руки и закончила уже не смеясь. — И по композиции часто можно угадать, что нам приготовили на сегодняшний день. Так, «Полётом валькирий» Вивальди будили, когда предстояли военные игры.

— Как расссер, естественно, — с серьёзным видом кивнула Таня.

— Ах ты... Естественно! — Ира запустила худой и невесомой подушкой в Таню. Та взвизгнула, получив «снарядом» по лицу. — Ой извини... ты всё равно еще не умывалась, — попыталась оправдаться Ира.

— Ты умывалась, но это меня не остановит! — Таня вскочила вооружённая уже двумя подушками. Её мишени ничего не осталось, как быстро накинуть на себя одеяло с головой и умолять о пощаде. Одеяльную крепость сотрясли два удара, после чего Ира рискнула показаться.

— Вылазь, у меня кончились снаряды.

Радиоточка замолчала и снова ожила негромким, но настойчивым сигналом, родственником того, после которого по радио объявляют время.

— Доброе утро, девочки! — Раздался жизнерадостный голос Светланы.

— Доброе утро, отряд 1-А, Ласточки и Нимфы! — Вторила ей Маргарита. Звук был совсем не таким, как вчера — чистым и громким, на этот раз он доносился словно издалека, да еще и в сопровождении звонкого эха, какое бывает в пустой комнате.

— Вышли на связь из бомбоубежища, — прокомментировала Хиз, — скверная примета. — Ира, не совсем понимая, покосилась на неё. — Потом расскажу, старый анекдот.

— Сейчас половина восьмого, — продолжила Светлана, — самое время вставать. Ведь вы же не хотите пропустить ничего интересного?

— А что может быть интереснее с утра, чем вкусный завтрак?! — Голос Маргариты наполнился лукавством. — Тем более, что наш диетолог, он же шеф-повар, считает, что нет ничего полезнее в это время, чем сладкое.

Паршивый звук делал оптимистичное «радиошоу» вожатых похожим на выпуск старой агитационной программы, но на эти тонкости перестала обращать внимание даже Ира после того, как у неё громко забурчало в животе.

— Сбор через двадцать минут в «зале для хорошей погоды». Ведь погода у нас сегодня хорошая? — Спросила Маргарита.

— Замечательная! — ответила Светлана. — Лёгкие тучки сбегут с гор в море и не дадут нам обгореть на пляже.

— Поторопитесь, девочки, запасы вкусностей в столовой ограничены! — Звук оборвался щелчком.

Из коридора донеслись звуки открывающихся дверей и голоса «ласточек» с «нимфами», обменивающихся жизнерадостными приветствиями.

— Я пошла, — Хиз выскользнула за дверь, спеша занять очередь в туалет.

В дальней подвальной комнате было тихо и пыльно, стена там, где раньше находился шкаф и была надпись о кабеле, зияла тёмной неровной дырой с толстыми краями. Рядом лежали отбойный молоток и кувалда, на стульях тяжело дышали Спартак Петрович и Борис Николаевич. Рядом с только что выключенными рациями в руках стояли Маргарита и Светлана.

— Всё-таки успели до подъёма. — Сказала Маргарита.

— Перебудить мы всех успели до подъёма. — Проворчал директор. — А Радость так и не нашли. — Он посветил в проём, мощный луч, обрезанный по краям остатками кладки, прошёлся по светло-серой бетонной стене высокого сводчатого коридора, загибающегося метрах в тридцати впереди широкой дугой.

Можно было ожидать, что ребёнка, даже такого необычного, как Радость 144-09, испугают звуки раздалбываемой стены. Директор подумал об этом и поэтому, перед тем как пустить в ход кувалду и перфоратор, попытался наладить контакт с девочкой. Маргарита выстукивала разные ритмы, а Спартак Петрович, приложив руки рупором к стене, кричал, что сейчас Радость освободят, но для этого необходимо сделать проход. Он попросил её отойти на несколько шагов, но далеко не убежать, прежде чем махнул Борису Николаевичу: «Давай!». Видимо, Радость не слышала, обращенных к ней слов, или там была вовсе не Радость, но, когда стальной клин жала начал с оглушительным стреляюще-лязгающим звуком вгрызаться в стену, прямо под предупредительной надписью: «Не копать...», Светлана, наблюдающая за картой на планшете, замахала руками и крикнула остановиться. Все видели из-за плеча вожатой, как сиреневое пятнышко на экране стало быстро отдаляться

от стены, пока не исчезло метров через сорок. Маргарита кинулась к стене выбивать «дингл дон», но больше сигнал не появился. Оставалось надеяться, что сигнал экранируется скалой, а Радость притаилась где-нибудь неподалёку.

Директор с помощником с неистовством набросились на стену. Отбойник делал в кладке, сложенной всего в кирпич, сквозные дырки, а по ним кувалда выбивала из стены целые куски. Чего действительно строители не пожалели, так это рыхлой штукатурки, похоже, кладка в этом месте выполняла только функцию перемычки, отделявшей подвал от подземелья.

Из дыры еще сыпались камни, когда в нее пролезли Светлана и Маргарита. Осмотревшись несколько секунд в открывшемся туннеле, неожиданно огромном, по сравнению с маленькой подвальной комнатой, достаточном, чтобы по нему мог проехать грузовик, они быстро пошли вперёд, чтобы вернуться через десять минут.

Вожатые доложили: метров через сто туннель т-образно примыкает к другому, точно такому же. Тот, уходя в обе стороны прямо, тоже ветвится — направо он почти сразу даёт еще три «ветви» — прямо, налево и налево вверх. Левая часть туннеля, на сколько хватило света фонарей, идёт без поворотов. В обе стороны встречаются запертые железные двери, как обычные, так и большие двустворчатые, а в одном месте в полу замечен прямоугольный люк, метр на два, закрытый двумя толстенными по ввиду плитами, тоже железными. И всюду змеятся трубы и пучки кабелей.

— Это оно! — вскричал директор. — Все эти годы всего в нескольких ударах молотка! — Свои слова он подчеркнул, саданув ботинком по торчащему обломку кирпича, тот вылетел из кладки и стукнулся в кучу таких же обломков в проходе. — Через минуту ему стало стыдно, но в первый момент он напрочь забыл о Радости и о каких бы то ни было поисках, кроме одного — его с (ученым) поиска следов советского Монтаука. Они излазили километры не тех туннелей, ободранных и мёртвых, решили, что технологии к аномалии лагеря не имеют отношения, что всё дело в сложившихся случайно факторах и пытались ими управлять, причём успешно. А тут...

— Нетронутая часть базы. — Подытожила Маргарита и без перехода предупредила, — нам надо сейчас встречать отряды.

В комнате оседала пыль, тишину нарушил директор:

— Света и Марго, — он редко их так называл, — можете пока заниматься отрядами. Мы с Мишей — на него сегодня не рассчитывать — тоже мыться и сразу собирать поисковый отряд, человек восемь, не меньше, будем дальше искать Радость и заодно бегло нарисуем карту новых, — кивок в сторону дыры, — подземелий.

Вожатые кивнули и быстро вышли из комнаты, стало на два фонарика темнее.

— Надо немедленно вызывать Эльвинова, — сказал директор ни к кому не обращаясь конкретно. — Пусть у него хоть десять конференций, но здесь он нам нужен уже сейчас! Я ему сам позвоню, пусть только попробует отпираться!

— Узнает, что часть базы с целыми кабелями нашли, а неизвестно, что там еще за дверями запертыми, прилетит: если надо, самолёт захватит! — Усач Михаил хлопнул себя по колену, выбив новое облако пыли, он был похож на мельника.

— Я понимаю, ты несерьёзно, но даже в шутку внимание властей нам ни к чему. Пронюхают, чем мы тут занимаемся, прихлопнут, как комаров, а детей немедленно эвакуируют. Кого из персонала оставят жить, после допросов: те увидят по телевизору выпуск новостей о контр-террористической операции и террористах, заминировавших весь

лагерь.

— Не увидят, — усмехнулся Михаил, — в кутузках наших телевизоров нет.

— Уже есть, — возразил директор.

— Тьфу! Куда мир катится!

Директор покачал головой, достал из присыпанного побелкой и кирпичом пиджака рацию. — Свяжите меня с Эльвириным. — В устройстве щелкнуло, потом пошли обычные гудки. После третьего из телефона раздался бодрый, хоть и далёкий голос:

— Спартак Петрович, это вы? — На том конце «провода» плясали от нетерпения.

— Он самый.

— Я сейчас в гостях, по тому адресу, что вы мне дали, — мне здесь такое рассказали!

Оказывается, мы с вашими друзьями, — Эльвирин тараторил, но теперь замялся, подыскивая слова, — единомышленники и даже в некотором роде коллеги!

Директор нетерпеливо отмахнулся от важных новостей, хорошо, что учёный не видел этого жеста. Обиделся бы.

— Пётр, придержи коней, тебе они скоро свежими понадобятся. Ты нам срочно нужен в «Кристалле». Уже сегодня. Понимаю, что физически ты сегодня не успеешь, поэтому — самое позднее — завтра.

— Но... — попытался оторопело возразить Эльвирин.

— Мы только что нашли нетронутую часть базы, с дверями и кабелями! — Почти выкрикнул в рацию Спартак Петрович, желая сократить препирательства.

— А?..

— У нас тут пришельцы из двух миров разгуливают и по-русски говорят. Самая вредная из них грозит апокалипсисом! Вторая таинственно пропала. Третьего в кустах нашли, а четвертого, слава Богу, видели только мельком. Ищем теперь вторую. *Пётр, да здесь такое творится!*

— Э... кхе...

Директору пришлось немного подождать, пока Эльвирин справится с голосом.

— К чёрту конференцию! — Просипел учёный. — К чёрту благоговейных чудаков! Я отправляюсь немедленно! — Потом мимо трубки, кому-то в комнате: «Через сколько можно добраться до лагеря?» — и, выслушав ответ, снова в телефон: — Буду сегодня ночью.

— До встречи, Пётр. Не задерживайся.

— Не задержусь, только без меня не начинайте! — Прокричал учёный и положил трубку.

Спартак Петрович, спрятал рацию.

— А это уж как получится. Похоже, всё само начинается, не спрашивая у нас.

II. Глава 9

Пашка и Сергей этим утром были, мягко говоря, сами не свои. Они проспали сигнал к пробуждению (эх, не услышали, что за музыка сегодня, — досадовал Сергей), поэтому будить их пришёл лично вожатый Антон, твёрдо-мягкий в обращении со своими «сопляками», который при первом же знакомстве с отрядом так и сказал: «Вы теперь мои, сопляки, и я позабочусь, чтобы вы провели время весело и с пользой, как я когда-то в десанте». Все сразу прониклись уважением к Антону, как, впрочем, и к его напарнику — Ивану, высокому и плечистому морпеху. Тот ничего не обещал, а просто сообщил, что кто выбирает северные номера корпуса, будет под его началом.

Так и началось это утро для друзей с буханья увесистого кулака десантника в дверь и его зычного крика: «Подъём, салаги!».

Весь отряд, Головорезы и Романтики, наблюдали, как Сергей и Пашка выскочили из номера и понеслись, спотыкаясь в туалет. Через две минуты, успев плеснуть в лицо водой и мазнуть по зубам пастой прямо из тубика, они под разнобой гиканья и криков «девчонки!» пробежали обратно в номер, чтобы уже через двадцать секунд выскочить. В общей сложности из-за двух сонь отряд выдвинулся в столовую на пять минут позже, но смотрели все волками, словно друзья под ноль лишили их завтрака.

Вожатого-морзяка почему-то не было, а вожатый-десантник решил, что «пацанам» с утра полезно побегать. Косые взгляды стали прямыми и Пашка с Сергеем прочувствовали непереносный смысл фразы «раздевают глазами», правда, в их случае глазами не раздевали («Слава Богу!»), — подумал неунывающий Пашка), а избивали. Да, это было больно морально.

Десантник заломил синий берет покруче и с криком «Не отставать!» нырнул в аллею, которая вела прямо в противоположную сторону от столовой. Пожимать плечами было некогда, поэтому все кинулись следом.

— С дороги, девчонки! — Чернявый дылда с лицом злым, спесивым и тупым топнул Сергею прямо по ноге и заехал локтем по рёбрам. Стало внезапно обидно, Сергей сбился с шага и его ещё трижды толкнули с разных сторон, так что он сразу оказался в хвосте. Пашку пихнули всего один раз, он вильнул в сторону и присоединился к другу.

Сначала они бежали молча, потом толстяк, выбрав паузу между своими пыхтениями, выпалил, обращаясь к другу:

— Хорошо!

— Что хорошо? — Не понял Сергей, с трудом выныривая из обиженных мыслей, в которых искал те самые разительные слова, которые бы пристыдили, поставили на место и заставили раскаяться дылду-задиру и всех, кто был с ним заодно. Получалось плохо, морализаторские фантазии то и дело скатывались к банальному мордобою, где Сергей проявлял отсутствующие у него навыки боевых искусств.

— Всё. — Выдох, вдох. — Вокруг.

Сергей был вынужден оторвать глаза от стелющегося под ногами асфальта, где крутились мысленные сцены торжества справедливости.

Конечно, Пашка сто раз прав: вокруг не просто хорошо, а щемяще чудесно. Солнце слегка желтит там, куда дотягиваются его косые, разрезанные листьями и ветками лучи, бежишь словно сквозь калейдоскоп светотени, за один шаг перемахивая два десятка

иероглифов — светлых, повествующих о радостях жизни, прошлых и будущих, и тёмных, таящих шифр страшных предсказаний, причин хандры и меланхолии, даты дождливых и холодных дней. Неожиданно Сергей увидел, что «иероглифы» мелькают не только под ногами, как проекции, но они составляют самое тело воздуха, продолжаясь и в твёрдые предметы. Грудью он чувствовал их вибрацию, словно проводил пальцем по зубьям расчёски. Эта щекотка в груди наполнила его пузырями как шампанское, не просто тело или голову наполнила, придала иное качество объёмному восприятию себя, как той части пространства, отведённого мирозданием под личность, машущую сейчас руками, топающую ногами и так идиотски... лыбящуюся?!

Сергею захотелось закричать. Вернее, запеть на той счастливой ноте, которая струилась сквозь него. Он посмотрел на Пашку и вернул ему:

— Хорошо!

Пашка едва заметно кивнул, и одними глазами сказал: «Да!», по свойски так, словно признался в некой сияющей тайне, сияние которой, сколь ярким бы оно ни было, видели только они — два друга.

Есть моменты, которые будешь потом вспоминать целый год, а есть такие, которых будешь время от времени осторожно касаться памятью всю жизнь. Интересно каким станет этот?

Впереди трусит разнокалиберная толпа мальчишек (правда к ним сейчас Сергей тёплых чувств не испытывал). По макушкам и плечам прыгают солнечные зайчики, оскальзываясь на выгоревших волосах, с разгону брызгают по глазам. Буйная зелень впереди рябит, проплавляясь лучами, по которым на дорожку и врываются, подобные флибустьерам, идущим на абордаж, зайчики-иероглифы.

Слева тянулась невысокая, по грудь, подпорная стенка сложенная из больших, всех оттенков коричневого, камней на толстенных швах тёмного, синеватого раствора. Почему-то такие стенки, и чем старее, замшелее, тем сильнее, заставляли Сергея приятно волноваться, с томительным холодком в груди разыскивая внутри себя причину волнения. Может быть, потому что они ассоциировались с замками и рыцарями из времён, когда история была молодой, а сам Сергей жил прошлую жизнь и верил в благородство рыцарей, силу колдунов и мощь драконов.

Справа, над непроницаемыми кустами нестриженного лавра (вот бы бабушке на борщ!) и между вездесущих здесь кипарисов, мелькало синее-синее море. В него караванами уходили белые облака, чтобы повернуть вспять вечером.

С одной стороны сырые тени дышали мхом, хвоей, прелой корой и прошлогодними дубовыми листьями, а с другой — свободный ветерок доносил свежий запах моря и просоленных пляжей. В носсах мальчишек ароматы смешивались в пьянящие духи свободы и приключений.

Целая жизнь впереди, да ни абы какая! Мы ж бессмертны, как и этот бесконечный мир!

Сергей чуть не расхохотался от искренности пафоса мыслей и даже дружеский толчок не нарушил возвышенной настройки, просто Пашка со второго плана переместился в центр кадра эпического кино.

— Прикинь. — Толстяк наловчился дышать ровно и говорить при этом короткими фразами. — Нас высадили. На берегу. Морпехи — мы! Пробираемся. По джунглям. За диктатором!

Лицо Пашки договорило остальное: на нём смешался восторг зрителя боевиков,

который замлел от крутых парней, и доблесть бравого солдата, настоящего воина, который живёт войной и дышит смертью. И сейчас этот суперкрутяк, высеченный из кремня, поддался чувствам и протащился сам с себя, расчувствовался, аж глаза заблестели влагой. Но не просто так, а открывая своё суровое, но человеческое, сердце другу, может быть единственному существу на свете, настолько же крутому, а потому понимающему всю бездну чувств воплощенного Марса — бога войны!

Удивительно, но морда Пашки задела в душе Сергея толстенную струну, которая, резонируя, натянула и ему соответствующую физиономию. И вот уже рядом не бежали, а чеканили землю летящей поступью два ветерана, настолько ветеранистых, что в их движениях чувствовалась ещё спартанская выправка.

Даже жалко стало, когда через минуту отряд выбежал на террасу, «спартанцам» снова пришлось прикинуться обыкновенными мальчишками, что было проще простого, памятуя о недавней враждебности проявленной спесивым второгодником и его приспешниками. К счастью, все были слишком заняты неожиданными обстоятельствами: завтрак откладывался, вместо столовой их привели на открытую, с видом на море, но без всяких признаков съестного площадку.

— Рассредоточиться по плацу! — С удовольствием рявкнул морпех. — На расстояние не менее вытянутых рук.

Голос его, в обычных обстоятельствах — молодецкий бас, преобразился теперь в командирский рык, возражать которому немислимо, даже задавать вопросы не хочется. Поэтому все молча забегали с удивлёнными лицами, разве что, не сталкиваясь лбами. В общем хаосе и недоумении спокойно улыбались, помимо вожатого, всего-то трое-четверо человек, в их числе были и Сергей с Пашкой. «Пошли в тенёк», — сказал толстяк и потащил друга на самый край площадки, сбоку, но, тем не менее, близко к Антону.

Вскоре беготня улеглась, только один безымянный очкарик, тыкался в свободные места, но все вытягивали руки и оказывалось, что лишнему нигде не поместиться. Наконец очкарик решил встать позади, куда и бросился с запоздалым рвением. На свою беду он побежал мимо главного задиры в отряде. Тот сосредоточенно и азартно — блестящий кончик языка показался между губ — смотрел, как неудачник перебирает ногами. Точно выверенный удар носком кроссовки по стопе заставил очкарика жалко вскрикнуть, подскочив и пропустив шаг, а потом громко топнуть, чудом удерживая равновесие.

До своего места очкарик похромал с пунцовыми ушами под нестройный смех нескольких гиен.

— Эльдар! — Крикнул вожатый. Услышав своё имя, чернявый привычно сделал издевательски невиновный вид, ссутулившись и подняв брови в немом вопросе: «Начальник?». Похоже, он копировал некоего героя-проходимца из кино, недоставало папироски и вывернутых карманов. — На завтрак пойдёшь позже остальных, будешь слушать лекцию о технике безопасности в лагере. А для остальных говорю сразу, — ребята впервые увидели десантника настолько серьёзным, — два синяка или две царапины, ссадины, шишки по вашей вине на ком-либо кроме вас, и можете паковать вещи. Эльдар! У тебя осталась всего одна выходка.

— За что? — Выкрикнул дылда. — Он сам такой кривоногий!

— Надолго с нами не удержишься, — констатировал вожатый, глядя Эльдару в глаза. Тот кончил придуриваться и быком уставился в ответ. Десантник улыбнулся, из его голубых глаз полилась трансляция сообщения: «Сынок, ты — гамно». Держать этот взгляд было всё

равно что смотреться в зеркало и видеть там гамно, и знать, что отражение не врёт. Хуже было только то, что окружающие заглядывают тебе через плечо и видят тоже самое: кусок гамна на твоём месте.

Играя желваками, Эльдар потупился и пробормотал себе под нос: «Посмотрим». В его сторону старался никто не глазеть, особенно «друзья-гиены».

— Сейчас сделаем зарядку, салаги, — как ни в чём ни бывало сказал Антон, — и без промедлений помчимся завтракать, а то я уже начинаю слышать протесты в ваших животах — с ними спорить трудно, там мозги отсутствуют напрочь.

Смех прокатился по площадке, все с удовольствием забыли о конфликте, который чуть не лёг тенью на замечательное утро.

— Становимся: ноги немного шире плеч, вращаем в землю, чтоб вас и бэтэр не сдвинул. — Вожатый говорил и показывал, как надо делать. — Руки согнули в локтях, сжали кулаки — представьте, что вы монахи шаолинь! Я ваш сенсей, мы стоим на склоне горы Куим-Сё, внизу простирается Японское, а может, и Китайское море. — Вожатый медленно показал удар с поворотом кулака, все повторили. — Скоро приплывут корабли бледных варваров. — Теперь движения обозначались быстрее: левой, правой. — А мы им должны накостьлять! Давайте, двигайте своими маленькими желтыми ручками, а теперь и ножками. — Вожатый показал низкий удар правой ногой, левой. Старательно размахивая конечностями, «монахи» то и дело теряли равновесие, отчего покатывались со смеху, дивясь собственной и чужой неуклюжести. — Теперь связка, делаем вместе со мной! — Десантник сначала медленно провёл удары руками, сразу же ногами, слышно выдыхая ртом. Мальчишки, словно отражения в трёх десятках кривых зеркал, шатались и хакали.

— Быстро! — Антон принялся молотить воздух, выдавая короткие глухие звуки горлом. Замер с шумом втянув носом, и снова заработал конечностями, бесстрастно молотя невидимую грушу. Третий раз, четвёртый, пятый... «монахи» силились не отставать, но стали путаться, размахивая хатично левыми-правыми руками-ногами-макаронинами и даже закручиваясь вокруг оси.

— А-а-аа! — Вопили мальчишки взбивая воздух, пока он не задрожал и не поплыл. — А-а-ао-о?! Корабль? а-а-аа... Корабль плывёт!

— Это бледнолицыце!

— Они приплыли захватить наш монастырь!

Больше никто ничем не махал, а все только смотрели за спину вожатого, вытягивая шеи. Они бы сорвались и бросились к краю площадки, но покинуть места без команды Антона никто не решался.

Вожатый невозмутимо сложил ладони перед грудью, слегка наклонился и выкрикнул:

— Аригате!

Продолжая дурачиться, отряд ответил таким же поклоном с «аригате!». С тем же воодушевлением мальчишки бы сказали «сузуки», ведь главное не слова, а то, чьё конг-фу сильнее.

— Вольно. — Скомандовал Антон и обернулся. Сначала он застыл, а потом подошёл к перилам, обрамлявшим край террасы, за которым гора круто спускалась к следующей полосе сосен и кипарисов другого яруса, петляющего змеями серпантинных парка. По обе стороны от него в ограду влип отряд, чтобы молча наблюдать за приближением корабля.

К берегу на всех чёрных дымах из дюжины труб двигался бронированный монстр. До берега ему оставался какой-то километр и поэтому мальчишки могли различить не просто

силуэт корабля, но и крупные детали, вроде пучков стволов на множестве орудийных башен.

Странное чувство возникло у зрителей, словно созерцают они явление призрака, появившегося беззвучно из моря минуту назад, чтобы так же беззвучно кануть в безвестность. Но прошла следующая минута и еще одна, а корабль никуда не исчез, сократив расстояние вдвое. Из труб с удвоенной силой повалили сажевые облака и ощущение призрачности поблекло, отступив под вполне конкретным, хоть и отдалённым гулом машин, перешедших в форсированный режим.

Корабль тормозил свою тушу.

Разбивая последние сомнения в вещественности происходящего, залязгали толстенные цепи якорей, выбрасываемых, чтобы зацепиться за дно и за реальность. Тысячетонный дредноут пахал якорями и дымом море и небо, утверждая невозможное существование здесь и сейчас.

Гул замедлился, стих до утробных пульсаций, машины перешли на холостой ход, остановив чудовище в двух сотнях метров от берега.

Слишком близко и беспокояще. Угрожающе близко.

Вожатый с трудом расслабил челюстные мышцы:

— Кто думает, что это, — уточнять не требовалось, что именно, — повод пропустить кормёжку?

Все молчали, с трудом отрывая взгляды от железно-бурого левиафана, чтобы посмотреть на вожатого глазами-вопросительными знаками.

— Я без понятия! — Ответил Антон на все невысказанные вопросы. — Вы есть хотите? Или будем стоять и таращиться до обеда?

— Мы хотим есть. — Первым подал голос Пашка.

— Да, хотим. — Поддержал друга Сергей.

Друзья переглянулись. Может они и отошли первые от изумления, но были бледнее остальных, связав услышанное вчера в отряде 1-А, с тем, что сейчас стояло, как вкопанное, на всполохающей блеском голубой глади моря.

— Ну что, салаги, остальные дар речи потеряли? — Вожатый обвёл отряд взглядом, тщательно игнорируя «явление».

Мальчишки пошевелились, некоторые стали что-то невнятно мямлить.

— Рад, что вы в коллективный обморок не грохнулись, барышни. — Под насмешливым взглядом отряд оживал, хоть и непрерывно косился в сторону моря. — И запомните: корабли не плавают, а ходят по морю, плавают дерьмо.

Все глубоко задумались над открывшейся истиной.

— За мной бегом в столовую! — Рывкнул Антон и направился к выходу с площадки. — Часовые замыкают и следят, чтобы никто не отстал.

Сергей и Пашка снова обменялись взглядами, теперь недоуменными: «Часовые? Какие часовые?». Пока друзья отсутствовали, отряды, оказывается, выбрали себе не только дурацкие имена. Ребята, покрутив головами увидели тех, кто, судя по всему, выполнял задачу «часовых»: два атлета — как на подбор, с сосредоточенными лицами кандидатов в какую-нибудь сборную. Популярный типаж у одноклассниц, правда, для самого топа им не хватает симпатичной дурости и длинных ресниц.

Отряд затрусил теперь уж точно по направлению к столовой. По дороге им встретился отряд младших ребят, которые шли, а не бежали. Они во все глаза таращились в сторону моря и возбуждённо размахивали руками, но когда завидели приближающуюся колонну на

марше, замерли, вытянувшись и подобравшись. Сергею показалось, что те даже задержали дыхание. Он не ошибся. Когда между отрядами оставалась всего пара метров, малявки заорали хором:

— Корсары! И! Разрушители! Из! 3-Б! Привет! — Получилось слаженно и громко, хоть и по-детски тонковато.

Сергей и Пашка умиленно заулыбались, как вдруг грянуло над самым ухом, так что друзья отшатнулись:

— Головорезы! И! Романтики! Из! 1-Б! Привет!

Отряды рвали глотки от души, не сбавляя размеренного бега. Растерянные лица двух друзей затерялись среди удовлетворённых раскрасневшихся улыбок вокруг.

— Похоже они тренировались. — Сказал Пашка Сергею тихо.

— Причём, без вас, сачки. — Друзей, которые плелись почти в хвосте двумя скачками догнал часовой. Дышал он и говорил ровно, словно не бежал, а неспеша прогуливался, что, учитывая его слаженно переливающиеся мускулы, похоже так и было.

— Да мы вчера!.. — Начал было Пашка, но получил локтем от Сергея. — Мы вчера, да-а. — Закончил он невнятно.

— Точно. Вчера, да. — Добавил Сергей, чтоб не молчать под недоуменным взглядом атлета. — Просто эгегей!

Пашка многозначительно закивал, подтверждая, что эгегей имел место.

— Ну вы странные. — Протянул парень, рассматривая друзей, как диковинных жуков. Потом он неожиданно протянул Пашке, который был ближе, руку, — Виталик.

— Пашка. — С готовностью ответил Пашка на рукопожатие.

— Сергей. — Расстриженный красавчик чуть опять не запутался, только теперь в чужих ногах, но руку пожал крепко.

— Ты здесь не в первый раз. — Констатировал Виталик. — Я — тоже. Мы в прошлом году, наверное, в параллельных отрядах были.

— «Только вперёд»?

— Эти пижоны как раз были нашей половиной. «Б-52»! — заявил парень с гордостью.

— Круто. — Уважительно сказал Сергей. У него дыхание на бегу от разговора сбивалось, а потому он говорил короткими фразами. — Я в «Ангелах ада» был.

— Не круто. — Заметил часовой и они с Сергеем в унисон хмыкнули и хохотнули.

Пашка ревниво молчал рядом. Сергей повернулся к нему:

— Придётся рассказать тебе. Прошлогодний позор! — Последнюю фразу он выдал сквозь смех.

Толстяк округлил глаза и покачал головой: как его друг мог что-то не рассказать, наверняка позор был страшный.

— Будешь рассказывать, — теперь и Виталик начал задыхаться, смеяться на бегу на тренировках его не учили, — меня позови!

— Замётано!

Из-за поворота, наконец, показалась столовая и отряд ускорил темп, прогалопировав последние метры, с негодованием кавалерийского скакуна взирая, как последние ручейки других отрядов заканчивают всасываться в двери.

— Никто не отстал? — Громко спросил вожатый, перекрикивая нарастающий гомон.

— Все на месте! — Отрапортовали не жалея горла, слаженно, как на плацу, часовые.

— Тогда, на штурм столовой — за мно-о-ой! — Антон рванул на себя двери и махнул

рукой, как командир, ведущий бойцов в атаку. Отряд гурьбой ворвался в холл и поскакал через ступеньку на второй этаж, благоухающий теплым и вкусным запахом выпечки и сливочного масла.

В большом зале украшенной мозаиками столовой панорамные окна давали чудесный вид на море, где стоял как тёмная скала и низкочастотно гудел неведомый линкор. Сейчас на него никто не обращал внимания, мальчишки расхватывали подносы и спешили в очередь к раздаче, не отрывая взглядов от гарниров и салатов, подлив и тефтель, чая и компота, крендельков, щедро посыпанных сахаром, и обычного хлеба — чёрных и белых тонких треугольных ломтиков.

Сергей и Пашка с полными подносами — утренняя пробежка и зарядка в стиле шаолинь вызвали зверский аппетит — заняли столик у самого окна, сев так, что каждый, бросив взгляд вбок, мог видеть законный простор и, конечно, бревно в глазу горизонта — корабль, чьи трубы всё источали дым, хоть и в разы меньше, чем при полном ходе, а особенно торможении.

— К вам можно? — К столику подошёл со своим переполненным подносом Виталик и, вежливо постояв секунду, пока друзья кивнули, сел лицом к окнам. Атлет определённо нарушал стереотип о неотёсанных школьных спортсменах. — Красавец. — Виталик кивнул в сторону корабля и стал отправлять в рот по кругу гарниры, овощи, подливу и тефтели.

— Да уж, — ответил Пашка с набитыми, как у хомяка, щеками, а Сергей, тоже жуя, неопределённо помотал головой, то ли не соглашаясь, то ли, наоборот, горячо подтверждая: «Вах, какой красавец!».

В столовой постепенно нарастал живой гул, в котором даже с малознакомыми людьми можно молчать, не испытывая неловкости. Совсем обойтись без слов, правда, не получалось, то и дело кто-то из троих тряс в воздухе вилкой с наколотым кусочком и говорил, о том, какая это классная штука и что остальные её обязаны попробовать как можно скорее.

Когда подносы опустели более, чем на две трети, а это случилось всего минут за десять, уютный гул превратился в громкий гвалт.

— Так где вы вчера умудрились пропасть на целый вечер? — В лоб спросил Виталик, отхлебнув компота. — Если не секрет, конечно.

Друзья переглянулись и дружно вздохнули.

— Что, секрет?

— Нет, но ты не поверишь, — ответил серьёзно Сергей.

— Но рассказать-то надо! — Пашка грохнул компотом по столу.

— С чего тогда начать?

— Ребята, начинайте с начала.

— С начала получится слишком долго, — Пашка отмахнулся и плеснул компота на стол.

— Не маши компотом. Давай с конца расскажем. На прямые вопросы надо давать прямые ответы.

— Так он же не спрашивает у нас, что здесь происходит, а только — где мы вчера были. — Последовал многозначительный глоток.

— Блин, придётся рассказывать сначала.

— Да хоть с середины! — Вскричал Виталик, а потом, глянув на часы, добавил тише, — пять минут до конца завтрака остались, рожайте уже что-нибудь, кроме этой околесицы про конец и начало.

— Вчера, — взял быка за рога Пашка, — нам подкинули ключ от леса. Мы туда пошли и

встретили зомби, какого-то монстра! Настоящего, не в переносном смысле.

— Еле ноги унесли, — Сергей посмотрел Виталику в глаза, пытаясь передать ему всю серьёзность заявления, и найти там ожидаемый немой вопрос: «Что эти клоуны буровят?». Но часовой смотрел серьёзно из-под нахмуренного лба. «Надеюсь, он не решает, кого бить первого», — пронеслось в голове у Сергея. — Нам помог вожатый, то есть парень, на него похожий, но с таким странным и страшным пистолетом.

— Я думаю он ему голову отстрелил. — Вставил Пашка.

— Кто кому? — Не меня мимики спросил часовой.

— Вожатый чудищу.

— И какое оно было это ваше чудище? — Кажется, Виталик не издевался.

— Худой страшный бомж с огромной пастью — гандбольный мяч бы влез — с кучей кривых, больших и острых зубов. — Сергею удавались короткие характеристики.

— Так может это и был бомж?

— Если только бомж-мутант, — усмехнулся Пашка.

— Со страха могло показаться всякое.

— Да я его пасть по самые гланды разглядел! — Толстяк начал заводиться. — Он со своих зубищ мне на лицо капал слюной голодной, он мне лицо съесть хотел! Вот. — Пашка выложил на стол фонарик с потресканным стеклом. — Я ему вмазал этим.

— Зачем тебе днём фонарик? — Удивился Виталик.

— От бомжей-мутантов отбиваться. — Невозмутимо ответил толстяк.

— Нужная вещь. И, судя по всему, — атлет показал на корабль, — скоро нам всем потребуется что-то посерьёзней карманных фонарей.

На длинном балконе постепенно собиралась толпа. Мальчишки разных возрастов, расправившись с пищей, спешили поглазеть на линкор, громко обмениваясь мнениями, уже даже споря и размахивая руками. Немногие стояли и смотрели молча.

— Так ты нам веришь? — Удивлённо протянул Пашка.

— Верю. И не потому, что такой доверчивый, или вы такие убедительные. Кстати, ни хрена не убедительные. — Виталик говорил твёрдо — у него была такая манера, как у других привычка растягивать слова или глотать окончания, но теперь он утратил этот «акцент» и даже понизил голос почти до шёпота, почти, потому что совсем шептать, видимо, стеснялся. — Со мной в прошлом году здесь тоже кое-что случилось. — Сказав это, он даже оглянулся, что совсем не вписывалось в бравый образ, сложившийся при первом знакомстве.

— Что? — Выпалили Сергей и Пашка, оба подались вперёд.

— Я встречал вашего псевдовожатого с кобурой на бедре. Пистолетом он, правда, не размахивал...

— Из воды! — Разнёсся зычный глас вожатого и мальчишки из 1-Б невольно втянули головы в плечи, узнав десантника Антона. — Понежились и хватит, через три минуты жду свой шаолиньский монастырь внизу в полном составе.

Виталик вскочил, к нему вернулась твёрдость.

— Ну, поговорим еще, — сказал он и, взяв поднос, направился к выходу из столовой.

II. Глава 10

Таня и Ира с аппетитом доедали завтрак под нескончаемые препирательства Риты и Ангелы. Две блондинки, первая — энергичная и вызывающе наивная, и вторая — не менее энергичная и показательно мудрая, спорили, казалось, с самого рассвета. Камень преткновения был глобальный: причины и цели вчерашних событий, а также их связь с устройством вселенной.

Большая часть отряда 1-А уже всё для себя решила, по крайней мере, когда от горизонта к берегу пришёл под всеми парами уже знакомый монструозный корабль. Это явление застало Ласточек и Нимф спускающимися с крыльца корпуса, в то время как остальной лагерь уже утирал пот со лба во время зарядки. Сегодняшнее настроение 1-А обещало держаться на стабильно высоком уровне, воспарив на крыльях пережитых вчера приключений. Настоящих или нет, но Маргарита и Светлана разрешили отряду копошиться с подъёмом и сборами в столовую почти на полчаса дольше, чем другие вожатые своим подопечным.

Ещё б этот корабль не появлялся, чтобы можно было списать его вчерашнее видение на мираж. Отряд отреагировал неоднозначно, но поначалу надолго замолчал. Даже не слезающая с Ангелы Риточка, требовавшая, чтобы та отреклась от своего «неземного» происхождения, заткнулась и смотрела, сжав губы. Рядом «девочка-пришелец» улыбалась. Они стояли рядом, похожие до комичности, как противоположные по амплуа роли, сыгранные одной актрисой.

Корабль последний раз взревел машинами, гася скорость и снова стали слышны листья, шуршавшие отовсюду зелёным прибоем в брызгах яркой солнечной пены.

— Вот видишь! — Вскричала Ангела слишком громко, даже малость визгливо (как Рита часто), чем вывела отряд из ступора.

Риточка видела, появление дредноута приковало её внимание, насильно остановило все слова в мире. Она снова Видела. Не так, как обычно — фрагментами, замешиваемыми сознанием в бесконечный коктейль впечатлений и мыслей, а непрерывно и всеобъемлюще, вверх, вбок и вглубь. «Как вчера», — бессловесно блеснуло воспоминание, связав непрерывным осознанием два момента в единый струящийся сквозь Риту поток жизни-бытия, её и остального, пространства — такого изменчивого и податливого, и времени — твёрдого и несокрушимого.

— Да, я вижу, — произнесла Рита знакомые слова и ощутила, как те, родившись в груди, оттолкнулись гармоничной вибрацией от рёбер, поднялись, резонируя во внутренней полости, по горлу и соприкоснулись с окружающим воздухом, заразив его своим звонким зудением; оно разошлось сферически, подпрыгнув несколько раз, как тугий баскетбольный мяч, на асфальте, колыхнув твёрдые плёнки листьев на упругих ножках. Вибрации ушли в небо и землю, навсегда изменив это место и людей. И мир, поняла Рита, что её восхитило, но не испугало, ведь таково устройство сущего, его непрерывное свойство.

Она заговорила, не отрывала взгляда от корабля:

— Насчёт слоистой структуры нашей планеты... Брамфатура Шадоннакарр, ты её назвала? Ты права. Теперь, учитывая всю эту картину, — Риточка повела рукой, охватывая открывающуюся на море панораму и деревья, и кусты, обрамляющие живописный вид, — вижу, что структура ветвей с листьями и этих красноречивых перистых облаков просто

кричит о том, что мир многократно сам себя неповторимо стремится повторить и распространить во все просторы и щели.

Все уставились на Риту с изумлением и толикой испуга. Её заумствования и внезапно отрешённый вид поражали почище рокошущего в море корабля. Вожатые смотрели насторожено, а, несомненно, огорошенная таким поворотом Ангела, забыла подобрать отвисшую челюсть.

— Я такое видела в одном фильме, — с фатальными интонациями сказала худенькая любительница ужасов Вита (или Вика?), — в неё вселился пришелец! — Девочка определённо считала, что почтальону Солнечных Ласточек конец.

Рите эти слова, а особенно их похоронные интонации, показались невероятно смешными. Она мгновенно поняла всю глубину, вложенную Витой (она помнит её имя? Вау!) в это изречение, на поверхности лежало три основных смысла: Риточка — глупая; перед нами не Риточка; пришельцы существуют. Во второстепенных смыслах, которые пока никто не осознал, лежал призыв быть осторожнее с Ритой, как с пришельцем и, одновременно, как с пострадавшим человеком. Всё оттеняла нарастающая паника, которая скоро породит предложение избавиться от Риточки.

Рита обернулась и девчонки двух отрядов дрогнули, словно у той вдруг выросли клыки. Для Риты это стало кульминацией хорошего анекдота — она согнулась пополам, громко шлёпнув по голым коленкам, и залиvisto расхохоталась. Стоявшие ближе к ней девочки отпрыгнули назад, столкнувшись с другими, наступив им на ноги, в возникшей толчее вокруг так резко «сбрэндившего» почтальона Ласточек образовалась пустота диаметром в хороших четыре шага. Это только подлило масла в огонь странного веселья, и сквозь Ритин смех стали пробиваться всхлипы с бессвязными сдавленными заявлениями: «Я немогу!.. Пришелец... сейчас съем два отряда!»

Оставалось только ждать и таращиться. Наконец Рита с подвыванием пожаловалась, что у неё лопнет живот, разогнулась и стала глубоко дышать через затихающие всхрюкивания. Розовое лицо было мокрое от слёз, она убрала прилипшие к нему беглые пряди волос и попыталась утереться коротким рукавом футболки. Маргарита протянула Рите бумажный платочек, и та благодарно хрюкнула.

— Можно еще один? — Гнусаво спросила Риточка, метко закинув в ближайшую урну мокрый комок. В следующий платочек она высморкалась. — Со мной всё в порядке...ой! — Она икнула. — Всё. Я в норме. Кажется, пришелец ушёл. — Она опять икнула, набрала полную грудь воздуха и задержала дыхание.

— Что это с тобой было? — Спросила Таня Хизер.

— Спонтанный рост осознания. — Вместо Риты ответила Ангелла.

— Уж прямо-таки и спонтанный! — Всплеснула руками Рита и со светлой улыбкой заявила: — Такой же спонтанный, как и твоё появление в нашем отряде. Именно в нашем отряде! А ну колись, почему ты выбрала 1-А?!

Ангела на миг оторопела, но её лицо сразу приобрело невинно-оскорблённое выражение.

— Ты бредишь! — В тон обвинительно вскричала она. — Я на ваш отряд натолкнулась случайно, когда искала выход из диких зарослей, называемых здесь парком!

— А еще, — продолжила наступление Риточка, понижая голос, — тебе и остальным самодовольным жителям так называемого «рая», где парки не такие дикие! абсолютно плевать, что случится здесь у нас — только бы ваш самый правильный порядок оставался

вечно...порядочным!

— Ваше благо в наших интересах.

— Нет! У нас совершенно разные понятия о благе! Вас вполне устроит, если мы все выйдем — так даже спокойней будет, там у вас.

— Да за кого ты нас принимаешь?!

— А за кого вас принимать? Явилась неизвестно откуда и права тут на Историю качаешь. Почему вы её под замок не посадили? — Вожатые, внимательно следившие за перепалкой со стороны, переглянулись и пожали плечами.

— Мы же не дикари — запутавшуюся девочку неволить только за её бредни. — Ответила Маргарита. Насчёт Ангелы они не изменили своей позиции. — Может родители скоро объявятся — заберут блудное чадо.

— Блудное чадо! — Издевательски повторила Рита. — Вот ты кто. И нечего задирать нос, строить из себя тут суперагента.

— Очень скоро вам придётся решать, кого слушать. — Процедила Ангела.

— И почему же это должна быть именно ты? — Не унималась Рита.

Светлана захлопала в ладоши:

— Прекращайте ругаться! Девочки! Нам давно пора на завтрак, все отряды уже поели.

— Забодали они со своими апплодисментами, — прошептала Таня Хиз, которая увлечённо следила за неугомонными блондинками, на ухо Ире.

— Ладно тебе, а я готова слушать их музыкальные хлопки всё время. Особенно, когда они так нежно восклицают: «Девочки!» — Ира похоже изобразила Светлану и тут же заслужила озорной взгляд вожатой. Уши Иры покраснели.

— Я на самом деле тоже без ума от наших вожатых...

— Смотри не влюбись! — сказала Ира и тут же получила локтем в бок от подруги.

— ...так что эта лазутчик пергидрольная...

— Она натуральная, не то что ты... ай! — Ещё один тычок под рёбра.

— ... эта выпендряля натуральная может говорить, что угодно — мы не на её стороне.

Ира согласно кивнула.

Отряд продолжил движение в сторону столовой. Ангела и Рита не думали прекращать обмен любезностями, поэтому шли рядом.

Таня кивнула в их сторону:

— Подружились.

— Взаимное притяжение настоящих блондинок — сработало даже из другого мира. Не удивлюсь, если они будут писать друг другу письма после смены.

В столовой, как само собой разумеющееся, Риточка села за столик к Ире и Тане, а напротив неё устроилась с подносом Ангела.

К моменту визита отряда 1-А столовая опустела. Маленькое послабление с растянутыми сборами выбило Ласточек и Нимф из жизни лагеря. Карантин продолжался! Вполне возможно, что это и было настоящей причиной утренней доброты и понимания вожатых, а вовсе не стремление дать детям расслабиться. Но, огромная столовая таки оказалась в полном распоряжении 1-А, они могли наслаждаться компотами и какао хоть до самого обеда!

Сидящие за отдельным столиком вожатые что-то прочитали на своих коммутаторах.

— Девочки! — Маргарита встала, обращаясь сразу и к Ласточкам, и к своим Нимфам.

— М-м-м!.. — С улыбками протянули Таня с Ирой, прикрыв глаза, изображая

удовольствие человека, только что откусившего от вкуснейшего торта. Полина с Ангелой непонимающе на них покосились.

— Не спешим расходиться. — Продолжала вожатая, на что от раздачи донеслись уверения тех, кто отправился за добавкой десерта (слоёные конвертики, запечённые с ягодами в сахаре, полные тёмного сиропа, и корзинки с варёной сгущенкой и розовым кремом!), что никто абсолютно никуда не торопится. — Нас ждёт приятный сюрприз — буквально через десять минут.

— Ну тогда я за пирожными. Мало ли что они подразумевают под приятным. — Таня взялась за свой поднос. — Кому чего прихватить?

— Я с тобой! — Подскочила Ира и подруги пошли к раздаче.

— Мне, пожалуйста, стакан какао и корзинку возьмите. — Это Риточка соизволила отвлечься от захватывающего общения с Ангелой.

— И мне того же. Пожалуйста. — Лазутчик из иного мира без опаски и с большим удовольствием уплетала местный харч.

Таня с Ирой не одни поняли совет вожатых не спешить, как призыв съесть ещё вкусного. Возле раздачи заново выстраивалась очередь. Когда подруги подошли к лоткам с десертами, их обступили другие девчонки с подносами и громко зашипели на удивлённых подруг. На самом деле товарищи по отряду говорили шёпотом, но при этом старались перекричать друг друга, так что походили на стаю разгневанных змей. Из этого хорового шёпота с большим трудом стало понятно, что девчонки требуют от Иры и Тани отчёта о подслушанном за завтраком. Наиболее внятно прозвучало: «Она так и не сказала, что забыла у нас на самом деле?», «У неё еще были озарения?».

Подруги нервно обернулись на свой столик, но Рита с Ангелой даже и не думали обратить внимания на ажиотаж за спинами. Они, словно Шерлок Холмс и доктор Ватсон у камина, вернее, как два Холмса у окна, откинулись на стульях и с проницательным видом обменивались мнениями, очевидно, о загадочном корабле, бурой скалой маячившем среди голубой лазури далеко внизу.

— Нет, — выпалила Ира.

— Сами у них спросите, — посоветовала Таня.

Тут блондинки отвернулись от окна, коротко посоветовались и Риточка через всю столовую закричала, для ясности показывая пальцами:

— По две берите!

Шипящая толпа у раздачи мгновенно превратилась в тихую очередь, причём Ира с Таней оказались первыми. Они набрали сладостей и не спеша пошли обратно.

— Может быть сядем за другой столик? — В шутку предложила Хиз.

— И сами всё слопаем? Рита обидится.

— Да и мы потолстеем.

— За свой вес не переживай, если что и наберёшь, всё равно в мышцы превратится по дороге к морю.

— Думаете, вам еще светит сходить на море? — Ангела так и лучилась мрачным торжеством. — Когда вот это болтается на рейде, перед самым носом?

— Не так уж он и близко. — Возразила Таня. Тайны тайнами, но ей до чёртиков хотелось снова оказаться на пляже. И если какой-то мрачный дреднот может всё испортить, она готова лично отстаивать его полную безобидность по версии «здесь просто кино снимают».

— Для его пушек — это расстояние плевка, они может быть сейчас в прицелы смотрят, как мы здесь с компотами прохлаждаемся.

— Хорошо, что я в шортах, а то после твоих слов пришлось бы юбку всё время на колени натягивать. — С серьёзной миной сказала Таня.

— Почему? — Не поняла юмора Ангела, в то время как Рита хихикнула, а Ира заулыбалась.

— Оно и видно, что ты из другого мира. А вот о пушках и прицелах ты откуда знаешь? Не уж-то и в вашем глубоко, вернее высоко-просвещённом слое встречается всё это железо и порох?

— Я, кстати, не говорила, что прибыла именно из верхнего слоя. — Ангела коварно улыбнулась, но сразу продолжила: — Только в музеях. А лет пятьсот назад тоже так плавало и летало, и ездило.

— Но намекала, — вклинилась Ира, — как ты определила, что этот корабль не из нашего мира? Ведь по морям и океанам Земли еще и не такое «железо» ходит.

— В основном, по общей реакции. Все были весёлые и живые, а стоило появиться этому кораблю, как вы остолбенели — радость холодным ветром сдуло, который дохнул с моря. Да и не вписывается он обводами в ваш мир: вы были бы по-другому одеты, ели бы из другой посуды другие блюда, по-другому разговаривали с воспитателями. Сотни мелочей были бы другими, если бы *это* было ваше.

— И что ты думаешь по поводу предназначения этого корабля? — Спросила Хиз. — Появление одного-двух пришельцев в лагере...

— Четырём, если считать тех, о ком Сергей с Пашей рассказали. — Поправила Ира.

— ...появление даже целой толпы пришельцев меркнет перед этой ржавой посудинкой. Есть какие-нибудь соображения?

— Конечно. Корабль вполне может быть и устройством активации прохода между слоями, и предметом, который проходит. Где-нибудь в море находится большой геологический разлом, который при определённых условиях и может стать тем тонким местом между нами и вами.

— И где же в нашем лагере разломы, где генераторы дыр? Ведь ты пришла пешком, или свою межпространственную машину где-то в кустах спрятала? И ведёшь ты себя вовсе не как потерянная во времени и пространстве. Ты определённо в теме!

— Она не говорит. Делает вид, что что так получилось случайно, — заметила Рита тоном «как бы не так», — споткнулась и хлоп, уже здесь.

— Ты меня замучила подозрениями! — Ангела демонстративно отвернулась от Риточки, чтобы разговаривать только с Таней и Ирой. Но Рита сидела напротив, так что ничего из сердитого жеста не вышло. — На Земле сверху давно уже нет границ между странами. В этом месте находится такой же детский лагерь, куда приехали отдыхать и работать тысячи других девчонок и мальчишек — добровольцы со всего мира. Там информация о слоях измерений вовсе не секретная!

— Девочки! — Раздался унисонный призыв вожатых. — А вот и приятный сюрприз!

— Как не вовремя! — с досадой сказала Таня.

II. Глава 11

В столовую вошёл с двумя небольшими, но пухлыми бумажными свёртками в руках дядя Миша, весь лагерь его запомнил по вкуснейшему мороженому, которое тот развозил вчера целый день. Сегодня он выглядел немного усталым, но широкое лицо по-прежнему лучилось искренней усатой улыбкой. Он положил светло-коричневые пакеты, перетянутые волосатой «колбасной» верёвкой — пенькой, на стол, помахал скромно рукой в ответ на многочисленные приветствия и, пятясь, скрылся на лестнице.

— Кто отгадает, что внутри?! — Восторженно воскликнула Светлана.

— Я отгадаю, — сквозь гвалт оживления закричала из угла столовой хмурая почему-то почтальон Аня. — Это наши бескорзырки с вышивкой.

— Молодец. Но почему столько сарказма? — В интонациях Маргариты звучал лёгкий упрёк, от которого людям с совестью могло запросто стать стыдно, но Аня смотрела прямо и даже набычившись.

— А кому они нужны, если вы нас в «карантине» держите? Напаялим их и будем, как... дуры друг на друга смотреть.

— Не надо говорить грубо, Анна. Ты же знаешь, как это тебе не идёт. Тем более, что ты ошибаешься, как и многие, подозреваю. Это наша вина, надо было сразу пояснить. Вы не арестованы, даже наоборот, на вольготном положении, по сравнению с другими отрядами в Кристалле.

— Только не говорите никому, — Светлана доверительно понизила тон, так что в зале воцарилась полная тишина, — когда встретите другие отряды. Это единственная тайна, которую мы просим вас хранить от остального лагеря.

— Ласточки и Нимфы уже через час вольются в общую деятельность.

— Извините, — пробормотала из своего мрачного угла Аня, она светлела на глазах, — я думала...

— Ничего, ничего. Извинения приняты. — Заверила почтальона Маргарита. — Мы с утра непредвиденно оказались заняты, а вам необходимо было собраться с мыслями, но поверьте, мы не собираемся упекать вас на «карантин» до конца смены.

— Это был короткий, но очень вкусный карантин! — Крикнула Таня Хиз, поднимая стакан с какао, словно кубок с вином.

— Ешьте на здоровье! Можете не стесняться и не волноваться за фигуры, ведь сегодня вам предстоит немало побегать! — Энтузиазм Светланы мог быть заразителен, но сейчас он только вяло стукнулся в стену сладкой лени затянувшегося завтрака.

— А я тебе что говорила! — Не удержалась от мелкого торжества Ира.

— Ровно в одиннадцать... — Продолжила Светлана.

— Всего через сорок минут. — Маргарита сверилась с часами.

— ... Солнечные Ласточки и Горные Нимфы разделятся, чтобы отправиться на поиски младших отрядов. Запомните, вас интересуют только отряды от пятых и младше, то есть дети не старше тринадцати лет.

— Все остальные будут вашими конкурентами в большой игре «Беглецы и охотники».

— Ваша задача состоит в том, чтобы провести младший отряд в целостности и сохранности до автобусной площадки.

— Балл засчитывается только после того, как все подопечные войдут в автобус, где есть

свободные места. После этого они становятся вашими помощниками в поисках других отрядов, которые так же надо будет вести к автобусам.

— Это же самый верх лагеря! — Упавшим голосом сказал кто-то из Ласточек.

— Да, — на губах Маргариты заиграла озорная, но немного жестокая улыбка. — Младшие отряды будут прятаться где-угодно, даже на пляже. Там их легче всего найти, но это самая дальняя от автобусов точка.

— Конец игры наступит, когда все младшие отряды соберутся у автобусов.

— По времени игра не ограничена. Но, поверьте, она не затянется.

— А как же обед? — Интерес проявил кто-то из Нимф.

— Обед начнётся сразу после окончания игры. — Низкий шелестящий тембр маргаритинового голоса как нельзя лучше подходил для коварных заявлений. — Чем дальше вы будете бегать по лагерю, тем меньше вам останется порций!

— А куда они денутся?

— Вожатые съедят! — В чертах Маргариты на секунду проступил хорёк — хитрый, но в её исполнении обаятельный грызун.

Девчонки засмеялись.

— Нет, конечно, без вас мы ничего не съедим. — Успокоила подопечных Светлана. — Разве что чуть-чуть от волнения за вас.

— Ведь мы будем болеть за свои отряды. Помните, что соревноваться вам предстоит не только друг с другом, как в маленьком вчерашнем приключении, но и со всем остальным лагерем.

— Отряд-победитель получит специальные значки на пилотки и вымпел, которым, несомненно, с гордостью украсит свой угол в зале для плохой погоды.

— Нет у нас своих углов. — Сказала Аня, которая уже пребывала в прекрасном настроении гончей в предчувствии славной охоты.

— Сегодня вечером появятся.

— Если мы доживём до вечера с такой беготнёй по готовым распахнутым вратам ада. — Выдала очередное фатальное предсказание Ангела. — Эта игра похожа на подготовку эвакуации всей малышни из лагеря.

— Ты уже предрекала нам скорую гибель. — С сарказмом заметила Маргарита.

— Кстати, Ангела, раз тебе всё равно некуда пока деваться, выбирай: присоединиться к отрядам и полностью погрузится в беззаботный отдых, или помочь нам в кое-каких изысканиях, которые могут касаться интересующих тебя вещей. — Вожатые бессовестно предлагали лазутчику сотрудничать.

— А я так хотела, чтобы ты была в моём отряде! — Разочарованно вскричала Риточка. У неё не было иллюзий по поводу того, что выберет лазутчик.

— Спасибо за приглашение. — Ангела говорила медленно, взвешивая варианты дальнейших действий. — Согласна. Только вы должны понимать, что, всё, что я увижу и услышу, конечно не останется в тайне от моих новых друзей — обоих ваших отрядов.

Рита от этих слов растаяла и её и без того тонкие губы, уже стремившиеся огорченно исчезнуть с лица, растянулись в польщённой улыбке.

— По рукам. — Согласилась Маргарита. — Какие ещё вопросы будут? — Увидев, как подпрыгнули сразу несколько человек, она уточнила: — Вопросы об игре.

Подскочившие было девчонки сели, руку подняла не расположенная к сентиментальным мыслям о дружбе Аня.

— Малышню нам в автобусы силком тащить придётся?

— Нет, конечно. Для младших отрядов установлены свои правила игры, довольно увлекательные. Так, весь отряд будет слушаться вас, идти куда скажите, стоит вам поймать хотя бы одну из них.

— Мы их будем ловить? — Полная рыжая девочка пришла в замешательство. Видимо, она не была поклонником догонялок и в более раннем возрасте.

— Не беспокойтесь. — Ласковый голос Светланы действительно успокаивал. — Достаточно, как уже сказала Маргарита, поймать хотя бы одного — остальные сами придут.

— Но, младшие могут прятаться и гарантированно бросятся врассыпную, как только поймут, что вы их заметили и намерены «попленить». Поэтому в ваших интересах передвигаться по лагерю тихо.

— Также существуют правила для малышей, которые вам неизвестны.

— А они непременно воспользуются этими правилами, хотя бы чтобы досадить старшим отрядам.

— И вы нам, конечно, не скажите, что за правила? — Спросила Аня.

— Нет.

— Неа. — Вожатые отрицательно помотали головами.

— Игра с сюрпризами... — Начала Маргарита.

— Будет интересно! — Подключилась Светлана и последние слова прозвучали фирменным унисоном вожатых.

— А если все отряды так и не будут найдены до вечера? — Снова вопрос задала почтальон Горных Нимф — похоже, она настраивалась на борьбу и собиралась закончить её победой.

— Возможен и такой вариант. Но поскольку за всеми передвижениями отрядов будет вестись непрерывное наблюдение с помощью навигаторов, задолго до наступления темноты по громкоговорителям будут объявляться подсказки...

— А то и прямые указания.

— ...где искать слишком упрямые отряды.

— И, можете поверить, что прятаться малыши будут изо всех сил. У них своё соревнование, в котором победит тот, кого приведут в автобус последними.

— С ума сойти, денёк нам предстоит! — Восхищенно воскликнула Рита.

Таня и Ира повернулись к ней и с удивлением увидели, что та охвачена не меньшим азартом, чем её главный соперник — Аня. Только почтальон Солнечных Ласточек не была столь серьёзна, её возбуждение носило лёгкий, даже весёлый характер предвкушения человека, который побеждал часто и без драматических усилий.

— Ну что ж, времени у нас перед расставанием мало, — объявила Светлана, — скорее переходим к раздаче пилоток с эмблемами отрядов.

Никто не обратил внимания, что вожатая сказала об эмблемах, поэтому все ахнули, когда с упаковок была сорвана обёрточная бумага, а из маленьких, тоже бумажных, пакетов достали головные уборы. На бархатистых боках сине-серых пилоток, проклепанных рядом небольших дырочек с каждой стороны, кроме обещанных вышитых названий отрядов, также были нанесены изображения из тонких линий, словно выжженные на ткани тавром.

С одной стороны головного убора в руках Светланы красовалась вышитая белым летящим шрифтом по кайме надпись: «Солнечные ласточки», а с другой — гладкие линии

складывались в ласточку, пикирующую по лучам восходящего солнца.

Маргарита держала такую же, на первый взгляд пилотку, здесь аверсом были каллиграфические буквы, а реверсом — контуры гор, над вершинами которых сияла загадочная улыбка на немного лукавом девичьем лице в обрамлении развевающихся над горизонтом волнистых прядей волос.

Всего через минуту перед большим зеркалом, занимавшим целиком одну из стен столовой, выстроились в полном составе оба отряда, примеряя подарки — свои отличительные символы в лагере. К ним подошла и лазутчик, которой Светлана сунула в руки пилотку Солнечных ласточек.

— Спасибо! — Сказала та с растерянной улыбкой.

— Кто еще не одет в спортивные костюмы, может сбегать переодеться, поверьте, в них будет удобнее. — Маргарита перекрикивала гвалт. — Что касается головных уборов — носить или не носить их и когда — полностью на ваше усмотрение.

— Ласточки и Нимфы, — Светлана сияла, глядя на своих подопечных, — вам всем ну очень идёт!

Вожатые захлопали в ладоши и отряды, привыкшие к такому способу привлечения внимания, прекратили гомонить. Кое-кто еще поправлял пилотки, но уже лицом не к зеркалу, а к Светлане и Маргарите.

— Встречаемся на площадке перед корпусом через десять минут. Старт будет дан, только когда соберутся все члены отрядов. — Сообщила Светлана.

— Кто пойдёт переодеваться, — подхватила Маргарита, — поторопитесь. Будете возиться, отправитесь на поиски последними, и всех самых лёгких пленников расхватывают до вас.

— Уже можно идти? — спросила Аня.

— Можно, — ответила Маргарита, — но ты же и так в спортивном костюме.

Вместо ответа Аня кивнула, словно говоря сама себе: «Понятно», поправила одетый слегка набок головной убор и повернулась к отряду.

— Марина! Света! Алла! Оля! Давайте, бегите переодеваться!

Окликнутые по именам девочки застыли, недоуменно глядя на почтальона. Рыженькая полная Алла надела сегодня изумрудно-зелёный сарафан, который превращал её в настоящую златокудрую фею. Похоже ей не очень хотелось менять свою одежду на спортивную. Худенькая бледная Вика была в чёрном готском платье с длинным рукавом, она вцепилась в него руками, сжав ткань в кулаках, как будто боялась, что одежду с неё начнут снимать прямо сейчас. Света и Оля — близняшки с хитрыми лисьими мордочками были в одинаковых синих плиссированных юбках по колена и футболках с надписями «Принцесса Челси», они переглянулись, пожали плечами и быстрым шагом направились к выходу. Марина и Алла, секунду помедлив, бросились следом.

— А вы чего ждёте?! — Прикрикнула на клонов Полина. Все пятеро, включая предводительницу, красовались в белых шортиках и коротких белых же футболках примерно одного фасона. — Побежали переодеваться! — Она схватила за руки ближайших к ней клонов и потянула тех на выход, двое других блондинок без раздумий засеменили следом.

Оставшиеся члены отрядов, так удачно решившие с утра пощеголять в новеньких костюмах, возблагодарили себя за догадливость и прошлись торопливым удавом возле раздачи, прихватывая пирожных про запас.

III. Глава 12

Солнечные Ласточки и Горные Нимфы стояли на площадке в тени кипарисов и смотрели, как волнами вокруг них нарастает и спадает суэта. Из холла выскакивал очередной отряд, который строили почтальоны, и нырял в одну из трёх подходящих к корпусу аллей или сбегал по лестнице.

Вальяжничающий 1-А торопливо поздравляли с выздоровлением и с завистью косились на булочки и пирожные, которые многие аккуратно сжимали липкими пальцами.

— И что нам с ними делать? — Ира подняла на уровень глаз великолепную кремовую корзинку. Она смотрела на неё так, словно та могла подсказать ответ на вопрос.

Таня аналогично осмотрела свои корзинку и, вдобавок, конверт с ягодами.

— Не знаю... — Неизвестно, что Хиз сказала бы ещё, но из корпуса выбежала Рита — она как обычно светилась самодовольным восторгом, а на спине у неё было ладно пристроено маленький красный рюкзачок, что вчера выдали вместе со спортивными костюмами. Таня посмотрела на Риточку с выражением человека прозревшего и крикнула, показывая кремом на корзинке:

— Вот что нам надо! Ира, погнали за рюкзаками!

— Вот вы обжоры. — Глумливым голосом заметила почтальон Ласточек и повернулась пересчитать свой отряд. Подсчёты её не обрадовали, она скрестила руки на груди и приготовилась встретить клонов строгим осуждающим взглядом.

— Я одна, держи. — Ира сунула в руки Тане пирожное и кинулась ко входу в корпус. По дороге ей пришлось оббежать, подобно игроку в рэгби, изумлённую и возмущённую Аню.

— Куда!? — Почтальон даже попыталась поймать Иру, но та ловко скакнула вбок и, крикнув: «Я быстро!», скрылась за дверями, откуда донеслись звуки столкновения — из корпуса выходил очередной отряд.

— Куда это она понеслась? — повернулась раздосадованная почтальон к Тане.

— За рюкзаками, — невинным тоном ответила та.

Не успела Ольга спросить, зачем они понадобились, как не менее половины 1-А сорвались вслед за Ирой. Оба почтальона бессильно застонали.

Как и предрекала Маргарита, когда Ласточки и Нимфы наконец собрались, остальные отряды разошлись на поиски малышни. Бодрая мелодия на горне и последовавшие за ней оптимистичные композиции в духе «А Ленин еще такой молодой», означавшие начало игры, смолкли. 1-А снова оказались в одиночестве среди шуршащего в кронах ветерка. Из корпуса вышли, о чем-то беседуя, с рюкзачками за спиной, последние копуши. Почтальоны встретили их рычанием.

Вожатые наблюдали за растянувшимися сборами с иронией.

— Теперь все? — спросили они унисоном.

— Все! — крикнули почтальоны не так складно, но тоже вместе и покосились друг на друга.

— В добрый путь, Ласточки! — сказала Светлана.

— Удачи, Нимфы! — сказала Маргарита.

— Мы в вас верим.

— Верим, что вы не заблудитесь.

Вожатые рассмеялись, а девочки насупились.

— Ну, всё, всё! Можете бежать.

— Поторапливайтесь, кыш! Музыка заново не включат, можете не ждать.

Первой отреагировала Рита. Она хихикнула и, махнув рукой, скомандовала:

— За мной!

Ласточки побежали вниз по лестнице.

— А без музыки даже лучше! — Аня посмотрела вслед Ласточкам и мотнула головой с русым хвостом, показывая на аллею, которая вела в сторону столовой. — Нам, значит, сюда!

Она быстрым шагом повела свой подотряд.

— Бегать будем только с горки и за малышнёй. — Раздавала на ходу инструкции Аня. — Но! Чтобы не растягивались и не терялись! Замыкающими будут Таня Хиз и Ира...

— Почему мы? — донесся возмущенный голос Тани из хвоста отряда.

— Мне кажется, вам можно это доверить. — Прокричала Ольга. — Вы должны следить чтобы никто не отставал, и не отставать самим. — Потом она добавила вполголоса: — К тому же вы и так всегда сзади.

Спустя еще минуту почтальон позвала Доминику, которая вчера, услышав историю о Штурмане Ласточек, заявила, что ориентируется на местности не хуже. Причём, не благодаря каким-то там мифическим дедушкам-гонщикам, а в силу того, что уже несколько лет состоит в городской команде по спортивному ориентированию. Доминика сразу получила у Нимф кличку Компас. Звучало грубо, но девушке кличка нравилась.

— Доминика, выходи вперёд! — скомандовала Ольга. Вперёд выбежала низенькая девочка, которая рослой Ане едва была по плечо. — Спасибо. — Сказала почтальон и добавила шутливым тоном, сквозь который не получалось скрыть смущение: — Теперь я чувствую себя уверенней, мы хотя бы не заблудимся вожатым на зло.

Отряд прошёл столовую и углубился в нехоженую ранее аллею. Вокруг по-прежнему никого не было, за те полчаса, которые 1-А возился, расслабленный своими хитрыми вожатыми, остальные отряды успели далеко уйти в поиске.

Аня с досадой обдумывала это и пыталась сообразить, в каких оригинальных местах может находиться малышня, где никто не догадается искать. Никто кроме догадливых Горных Нимф.

— Если бы вы были малыши, где бы спрятались? — крикнула она ни к кому особо не обращаясь, а просто для поддержания спортивного настроения. Иначе их дебют в лагерной жизни грозил стать похож на прогулку неудачников. Она и Тане Хиз с её Ирой назначила место в самом хвосте скорее из досады за лишнюю беготню с рюкзаками, которую те спровоцировали.

Никто не спешил делать догадки, разболтанный отряд так и не напрягся и сейчас наслаждался прогулкой после затянувшегося завтрака.

— На море? — предположила Доминика. Она шла рядом с Олей и ей не ловко было молчать.

— Кто же их на море отпустит без вожатых?

— А кто говорил, что они без вожатых?

— Резонно. Отпускать малышню носиться по лагерю без присмотра — преступление.

Все слушали разговор почтальона со Штурманом, всё равно больше заняться было нечем.

— Как будто не преступление то, чем они тут занимаются на самом деле! — подала голос Вика. Она непривычно смотрелась без чёрного платья, с бледными тонкими ногами и

такими же бледными тонкими руками. В качестве компенсации отсутствующего готичного наряда на правой руке у неё позвякивало замысловатое украшение — сочленённый из двух частей серебряный перстень, закрывавший весь средний палец с тыльной стороны кисти, похожий на вычурную запчасть от рыцарской перчатки. Штука, которую сверху венчал заостренный коготь, снизу, там, где костяшка, соединялась двумя тоненькими цепочками с таким же вычурным браслетом. Эффект был достигнут: бледная Вика с нелогичной теперь чёрной подводкой, которая будь еще немного жирнее, сделала бы её похожей на енота, выглядела плохо замаскированным беглецом из страшной сказки.

— Ты веришь в рассказы о «вратах» в другой мир? — Спросила Ольга почти будничным тоном, каким интересуются, например, о музыкальных предпочтениях.

— Эти «рассказы» на наших глазах превращаются в правду.

— Даже если так, мне показалось, ты будешь только рада появлению... — Ольга подыскивала слова поделикатней. — ... мрачных существ и необычно одетых людей.

— А! Понятно. Все думают, что если я одеваюсь, как гот, то должна быть без ума от чудовищ и мечтать умереть побыстрее?

— Что за «гот»? — Спросила Доминика, посторонившись, чтобы пропустить Вику вперед и теперь та шла между почтальоном и штурманом.

— Готы — это олдскульный винтаж, мрачные придурковатые выпендрялы.

— Угу. — Про себя Доминика подумала, что, пожалуй, у готов есть вкус, а вот насчёт придурковатости мнение так просто не составишь. — Так, значит, не рада?

— Нет, конечно! Вы что не помните, на какую замухрыжку была похожа та девчонка с ножиком со столовой?

— Вовсе она не замухрыжка! — Крикнула Хиз сзади. Сейчас ей хотелось оказаться поближе к разговору, поэтому она чуть ли не на пятки наступала, тем, кто шёл впереди. — Не растягиваемся!

— Замухрыжка, замухрыжка, — зловредно повторила Вика. — В такой одежде, если и отправляться в лагерь, то только в трудовой!

— Функциональная и прочная форма. — Таня категорически была не согласна с Викой. Успев хорошо рассмотреть гостью, ещё до того, как та подняла шум, Хиз увидела, что её униформа, а это была именно она, а не обычная одежда, производит впечатление удивительно добротной сделанной.

— Вот именно, что форма. Представляете, там все в форме ходят!

— А ты сейчас в чём? — Аня обратила внимание увлечённой спором Вики на то, во что она сейчас облачена.

— Это совсем другое. — Гот посмотрела на свою одежду, на голые руки, взгляд её на секунду потеплел, зацепившись за серебряный коготь на пальце. — Это спортивный костюм, и он очень неплох. А пилотки, — она прикоснулась к своей, — вообще сокровище. Но та девочка была именно в форме типа военной, даже хуже, чем наши бабушки в школу одевали!

— Но тебе то что? Ходи в своих нарядах, причём здесь одежда? Или ты думаешь, из соседнего мира если пришельцы вылезут, сразу всех переодевать начнут? — Сарказм Ани вызвал в отряде всплеск таких же саркастических смешков и громче всех смеялась Вика, как ни странно.

— Да! — закричала она. — Да! Да! Поверьте, начнут, быть может и не сразу, но и откладывать надолго не станут. — Все недоверчиво уставились на Вику, которая развернулась и говорила, уже шагая задом наперёд. Делая один шаг обычный, другой боком,

а третий и вовсе спиной, она спотыкалась, но не замечала неудобств. — У меня папа — капитан второго ранга на ракетном фрегате, а мама — капитан морской пехоты...

— Заливаешь! — Восхищенно выдохнула Хиз.

— Не заливаю, у нас в городе — база флота и такое встречается сплошь и рядом.

— И где же твоя тельняшка в таком случае? Не скажешь, что родители тебе навязывают одежду на свой вкус.

— Вы не представляете, с какими боями мне пришлось отстаивать каждое платье, каждые кожаные штаны и косуху с заклёпками! А о когте, — она показала на свой громоздкий перстень, — они до сих пор не знают! Если бы мои родители решали, во что мне одеваться, я бы сейчас была похожа на ту... девочку с ножом, — Вика не сказала «замухрыжка», но небольшую паузу вместо этого слова сделала, — потому что у меня лежат в чемодане похожая юбка, курточка и колготы, которые мне положила мама со словами: «Если вечером будет холодно».

— Покажешь? — с любопытством спросила Хиз.

— Покажу, только одевать не буду.

— Так ты против того, чтобы открывались двери к нашим соседям только из-за одежды? — Вернула Аня разговор в злободневное русло.

— Нет, конечно. Одежда — это всегда только часть целого, то, что на виду. Вот, угадайте, где я учусь?

— В лицее?

— В гимназии?

— В одиннадцатом классе?

На этом предположения закончились и Вика, выдержав паузу сказала тоном, каким делают самые скандальные заявления:

— В морском кадетском корпусе!

Все ахнули, а почтальон с непонятной ревностью посмотрела на готессу. — А я сама хотела пойти к вам, но родители против. — Сказала она негромко. — Они сказали, что не готовы отпустить меня учиться в другой город, и сначала надо закончить школу. Они надеются, что я передумаю. — Последнюю фразу почтальон произнесла совсем тихо, для себя.

Вика быстро глянула на Аню, с некоторой брезгливой жалостью и в ответ получила такой же взгляд. Обе резко отвернулись и гордо вздёрнули подбородки.

— И что с того, что ты из военного училища? — спросила Марина.

— А то, что люди в форме сначала оденут всех в форму, потом заставят ходить строем...

— И петь хором! — выкрикнула Ира и засмеялась вместе с Таней. Их этот разговор веселил.

— И поселят в казарму, как меня, и, в конце концов, отправят на войну! — Закончила Вика речь, не обращая внимания на инсинуации арьергарда.

— Ты живёшь в казарме? — Доминика открыла рот от изумления.

— Когда идёт учебный год — живу.

Ольга протянула длинную руку и согнутым указательным пальцем, подняв подбородок Доминики, закрыла той рот, даже захлопнула, потому что раздался отчётливый «кляц» зубами. — Извини, не удержалась. — Оправдалась почтальон в ответ на обиженный взгляд Доминики. — Она обняла Штурмана за плечи. — Извини, пожалуйста, больше не буду!

— Я буду! — пошутила Вика.

— Только попробуй. — Тут же вступилась Ольга. — Затрещину от меня такую получишь — в ушах до вечера звенеть будет.

— Успокойся, я же прикалываюсь! — Вика с опаской смотрела на почтальона.

— Я тоже прикалываюсь. — Ответила та и её желваки дёрнулись под порозовевшей на скулах кожей.

Все замолчали, отряд переваривал факт, что с их почтальоном шутить надо осторожно.

Плавно изгибающаяся среди кипарисов асфальтная дорожка кончилась, и теперь Нимфы выстукивали частый ритм кроссовками по длинной белого бетона лестнице с поворотами через каждые два десятка ступенек. Аня, выполняя обещание бегом передвигаться только вниз, задала такой ритм, что девчонки полностью сосредоточились на спуске.

Наконец ступеньки закончились, выведя отряд на огромную открытую площадку, вмещающую два корта и невысокие трибуны. Отряд отправился по проходу между кортами. Девчонки оглядывались по сторонам, но их взгляды постоянно возвращались к распахнувшейся панораме моря... и грязно-бурому в потёках ржавчины кораблю, который с этой, расположенной ниже точки, казался крупнее, но странным образом дальше.

Нимфы в молчании перешли открытое пространство, самое большое, не считая автобусной стоянки, которое пока встретилось им в лагере. Выходом с кортов была такая же белая лестница, спускающаяся по более крутому, чем выше, склону, поросшему зелёно-жёлтой травой и рядами низких кустов с мелкими листьями. Верхушки сосен и кипарисов раскачивались ниже.

Аня, первой взглянув вниз по лестнице, отошла в сторону и облокотилась на перила.

— Пропускаем более шустрых соперников.

Девочки не возражали постоять немного, глаза на море, корабль и другой отряд, который поднимался сейчас вверх всего полусотней ступеней ниже. Шли те с «уловом» — впереди весело подпрыгивали малявки, которым на вид было лет по девять-десять.

По мере приближения другого отряда всё слышнее становился бодрый гвалт. Пленные, похоже, ни капельки не тяготились своим подневольным положением, а охотники совсем расслабились и уже предвкушали лёгкую победу, планируя, как быстренько сплавят эту малышню и отправятся за партией следующей.

Когда идущий вверх караван, заметил, что впереди ждёт другой отряд, разговоры стихли и, что удивительно, малыши уgomонились и теперь пристально рассматривали Нимф. Когда они подошли к площадке вплотную, стало заметно, что они нагло пялятся. Молчание стало неловким, прежде чем малышня разразилась приветствиями, вежливыми и не очень. Из какофонии стало понятно, что в плену находится отряд Эдельвейс, а ведут их Ночные Фиалки.

— Привет, цветочки! — здоровались Нимфы. Еще секунду назад им хотелось казаться серьёзными и хмурыми, как положено гордым аутсайдерам, но при виде взорвавшейся сотней писклявых нот детской банды, не улыбаться стало невозможно. И самым забавным казалось то, что младший отряд вел себя так, словно был хозяином положения и вёл за собой более старших девчонок. Те, действительно, уступали в бодрости, но при виде Нимф постарались распрямиться и шагать увереннее.

— Привет! — Замахала рукой Аня. Она в качестве почтальона чувствовала себя еще и лицом отряда, поэтому постаралась излучать доброжелательство. — Мы — Горные Нимфы!

— Привет! А мы — Ночные Фиалки. — Ответила за свой отряд смуглая костистая девчонка. Весь её отряд замахал и начал здороваться. Нимфы делали тоже самое, и некоторое время стоял радостный шум, словно встретились не два отряда в парке, а затерянные в диких землях пилигримы, не видевшие долгими месяцами себе подобных.

Тем временем, примолкшие Эдельвейсы в полном составе вышли на площадку.

— Бежим! — неожиданно закричала девочка, которая шла впереди и все, явно ожидавшие этого сигнала, кинулись врассыпную с оглушительными визгами.

Два старших отряда на несколько долгих секунд остолбенели, прежде чем смуглая почтальон с воплем: «Держи их» бросилась следом. К этому времени малышня успела получить приличную фору, рассеиваясь по трём направлениям: одни бежали по центральной дорожке, их было меньшинство, другие устремились вправо и влево, где в зелени темнели провалы неизведанных аллей.

— Они же разбегутся по всему лагерю! — Аня посмотрела на свой отряд, который был поглощен чарующим зрелищем весёлой беготни. — Надо им помочь! — Ответом на предложение стали недоуменные взгляды. — Ну, давайте же! Вы направо, вы налево — закрывайте выходы. — Она умоляюще посмотрела на Нимф и отряд дрогнул, девчонки переглянулись и почти все сорвались с мест. Двум-трём последним лентяйкам не оставалось другого, как затрусить вслед остальным.

— Хватай!

— Стойте! — Хиз с Ирой неслись бок о бок по направлению к левой аллее и вопили, по мере сил внося вклад в брызжущую летом и удалым счастьем какофонию.

Бегущие впереди Фиалки никак не могли схватить петляющих беглянок, и те, в кураже, кричали остальным, бежать что есть духу. Из пятерых девочек, помчавшихся в эту сторону, трое почти попались, у них не было шансов против длинноногих охотниц, а вот ещё двое, торжествующе оглянувшись через плечо и обнаружив, что ближайšie преследователи заняты менее удачливыми и быстрыми беглецами, припустили с неослабевающим воодушевлением.

Хиз с Ирой настигали беглянок, но слишком медленно, те успели ворваться в аллею. Преследователи нырнули за ними следом, звуки, доносящиеся сзади, ослабли, приглушенные листвой, теперь отчётливо слышался топот четырёх пар ног.

— Стоять. — Как будто осаживая лошадей, сказала Таня, когда руки подруг одновременно схватили за плечи беглянок. Те остановились, громко протопав еще несколько шагов, и вся компания наконец смогла перевести дух.

— Вы нас поймали. — Пропищала очевидное одна из девочек. Её напарница по побегу закивала.

— Какого фига вы вообще сбежали от своих Фиалок? По правилам же вы должны были следовать с ними без всяких выкрутасов.

— Это секретные правила. — Ответила та же девочка. Она сняла с головы сбитую на бок пилотку, на руке мелькнул розовым ремешком знакомый навигатор. У её подруги, если они, конечно, были подругами, был такой же. — Когда встречаются два старших отряда младшие имеют право на побег.

— Вот и обещанный сюрприз. — Сказала Ира. — Есть еще какие-то секретные правила?

— Есть. — Обе девочки закивали, при этом их взгляды сосредоточились на чём-то за спинами Тани и Иры, похоже их это очень удивило. Та которая молчала испуганно

крикнула:

— Кто это?! — Её глаза округлились.

Хиз с Ирой одновременно оглянулись, увидели только колышущуюся зелень, да бегающие между листьев зайчики. Сзади раздался знакомый топот.

III. Глава 13

— Блин! — Выкрикнула Хиз и они с Ирой снова бросились в погоню. Далеко удрать хитрые малявки, несмотря на трюк, не успели, поэтому скоро оказались схвачены.

— Вы что, всё время будите сбегать? — Ира запыхалась и от этого её музыкальный высокий голос делал громкие и гневные ударения через слово.

— Нет, нам можно убежать только когда рядом другой старший отряд...

— Это мы уже слышали!

— ...и нас всех заново не поймали.

— Ах вот оно что. Таня, держим этих хулиганок за руки, пока не передадим Фиалкам.

— Можете не передавать... ай! — Молчаливая девочка топнула свою более разговорчивую подругу по ноге, и та согнула её, запрыгав на другой.

— Что значит, не передавать? — Ира продолжила допрос, поддерживая сердитый вид, хотя злиться она перестала.

— Нам ещё нельзя об этом говорить. — Молчаливая девочка сильнее поджала губы, но её подруга так и прыгала от желания всё выложить немедленно. На обеих строгость Иры особого впечатления не производила.

— А вот и можно! Спорим, уже всех заловили?

— Не успели. Спорим на шалбан!

Малявки схватились за руки и подставили их Ире, чтобы та перебила. Та легко ударила по сцепленным пальцам, закрепляя уговор.

— Успели! Слушайте, уже никто не кричит и не визжит, значит всех заловили!

И девочки решительно потащили улыбающихся Таню и Иру обратно к выходу из аллеи. С каждым шагом улыбки подруг таяли, уступая место растерянности. Свет и тишина впереди были неестественно чистыми: за тридцать секунд, что они стремительно шли вперёд ни одна посторонняя тень не пересекла яркий проём в просвечивающей листве, ни один задорный или возмущенный вскрик не донёс сквознячок, гуляющий вдоль аллеи.

В полном молчании четвёрка вышла на пустую площадку и замерла, поражённо щурясь от невозмутимо слепящего солнца.

— Ой, а куда все делись?

Таня глянула на удивлённых девочек и подавила желание накинуться на них с криками: «Это вы во всём виноваты!» или хотя бы дать по подзатыльнику. Вместо этого она изрекла, как ей самой показалось, глубокомысленно:

— Это мы куда-то делись, а не все. — Ира диковато и испуганно заозиралась. — Скоро нас искать начнут, — добавила Таня тоскливо.

— Таня! Хватит пугать! — Глаза Иры в панике ощупывали окружающее пространство. — Мы, наверное, не там свернули, когда возвращались.

— По дороге не было поворотов! И это та же самая площадка, по крайней мере очень похожа.

— Очень похожа, но не значит, что та же самая. Мы прошли поворот и не заметили, а теперь попали на соседние корты.

Таня поняла, что на самом деле Ира не верит в то, что говорит. А вот сама она, если серьёзно, то верит как раз во что-то подобное: заблудились они, или, может, их бросили, что совсем не укладывалось в голове, но было лучше того, о чём с такой лёгкостью шутила Хиз.

И тут Таню начало накрывать, что чуть раньше испугало Иру. В животе неприятно похолодело и чувство это стало шириться.

— Хорошо, пошли поищем другой проход, другую аллею и другие корты. — Хиз немедленно захотела остановить леденящую тревогу, для чего были хороши все средства, и для начала не помешает пройтись по злополучной дорожке в зелёном туннеле из злополучных деревьев, чтобы окончательно убедиться в серьёзности положения.

— Всё! Игры окончены! — Обратилась Ира к притихшим девочкам, которые почувствовали страх старших и, будучи вполне смышлёными для своих десяти лет, внимательно всматривались в пугающе пустующую картину вокруг. — Не вздумайте убежать!

— Мы не будем убежать! — Замотали те энергично головами, выглядя вполне искренне. Хиз и Ира отпустили запястья девочек, готовые схватить их при малейшем подозрении. Но те и на пару шагов не отходили в сторону, а наоборот, собирались жаться к ногам.

— Птички не поют. — Сообщила молчунья, когда четвёрка — Хиз и Ира по бокам, а малявки в середине — вошла обратно в аллею. Тане захотелось поёжиться от этой классической реплики, произнесённой тоненьким голоском. Девочки ещё не были напуганы, но пребывали в том состоянии настороженности, которое легко могло усугубиться, если птички собирались и дальше молчать. А пернатые, как в клюв воды набрали, не смели нарушать странную тишину, полноправным хозяином которой стал старый приятель — ветер: то прибойной волной на густую листву накатит, то скрипнет веткой, то сухим листиком по асфальту шкрябнет. Шаги на этом фоне звучали приглушённым контрапунктом, который был настолько к месту, что и прерывать его не хотелось, и сбивать было боязно — а вдруг сломанный ритм сломает что-то и в царящей вокруг тихой гармонии и она уступит место чему-то противоположному, хаотичному, страшному.

Судя по всему, маленький отряд уже миновал место, где Таня с Ирой во второй раз поймали беглянок — ответвления или развилки не было, аллея всё так же изгибалась по склону горы, растворяясь в мозаике листьев впереди и сзади.

— Идём дальше? — спросила Ира.

— Да, дойдём до конца дорожки, а потом обратно, может быть мы действительно проход пропустили. Помнишь, как вчера, шли в одну сторону — ничего не видели, а стоило обернуться — сразу нашли вход на ту площадку с памятником. — Таня говорила для успокоения двух девочек, которые затихнув, всё больше оглядывались по сторонам.

— Да, вчера было весело заблудиться! — Неправдоподобно бодро ответила Ира, фальшиво визгнув своим голосом честного человека. Ей пришлось покашлять, чтобы скрыть неловкость.

Снова стало тихо. «Эх, ну хоть какой-нибудь бы соловей запел!», — с досадой подумала Таня. И кто бы мог предположить, что птицы так много значат! Стоит им резко заткнуться среди солнечного летнего дня, как обстановка становится жуткой. Если бы не это, прогулка отбившихся от своих Нимф и Эдельвейсов стала бы весёлым приключением. По крайней мере для младших девочек, по крайней мере по началу.

Впереди показался светлый выход из аллеи, четвёрка ускорила шаг и стремительно вышла на ещё одну спортивную площадку, на этот раз разделённую между волейболом и баскетболом. Конечно, здесь тоже было пусто.

Девчонки постояли немного, посмотрели на море (корабль никуда не делся) и повернули обратно.

— Кузнечики не стрекочут! — жалобно протянула молчунья.

Ах, чтоб тебе! Надо же быть такой наблюдательной! Как будто птичек мало.

— Пошлите обратно. Может быть там нас уже ждут. — Сказала вслух Хиз и про себя подумала: «Ждут вместе с птичками и кузнечиками — встречаются целой делегацией».

Сзади раздался дробный стук и сразу наоборот. Малявки обернулись, но Таня с Ирой запихали их обратно в аллею и постарались придать ускорение, чуть ли не толкая в спину. У Тани волосы встали дыбом, напоследок она увидела, как по баскетбольному кольцу ползёт маленькая чёрная обезьянка.

— Что это? — Воскликнула не к месту разговорившаяся молчунья растерянно, как будто у неё задвоилось в глазах.

— Дятел! — Одновременно выпалили Таня и Хиз.

— А почему мы от него убегаем? — Спросила другая девочка. Хиз подумала, что если их совместные блуждания продлятся еще какое-то время, надо будет спросить, как тех зовут.

— Мы не убегаем, мы спешим найти свои отряды, — нашлась Хиз.

— Только давайте внимательно смотреть по сторонам, — Добавила Ира, — не хватало кругами ходить.

И все стали изо всех сил таращиться в заросли деревьев и кустов по сторонам дорожки. Хиз не могла выгнать из головы страхолудный образ «дятла» и всё вслушивалась в поскрипывание деревьев, пытаясь сквозь шум собственных шагов уловить пугающую трещотку. Один раз ей даже показалось, что она услышала «трель» далеко в стороне. Она внушала себе не дёргаться из-за каждого неясного звука, но получалось слабо. Тогда Хиз сказала про себя: еще неизвестно, кто кого должен бояться — маленький зверёк или четверо девчонок общим весом в сто пятьдесят килограмм! Старый приём, которым Таню успокаивали в детстве, когда та цепенела при виде жужжащего вокруг шмеля или грозного жука-оленья, перегородившего тропинку, сработал. Она представила, как пинает с размаха обезьянку, и та улетает за самые высокие деревья.

— Чего ухмыляешься? — Ира заметила недобрую улыбку на лице подруги.

— Представила, как пинаю обезьянку и она улетает далеко-далеко!

Ира тоже заулыбалась, фантазия Тани, словно игла мыльный пузырь, пробила гнетущую атмосферу.

— Мы говорим об очень страшной обезьянке, — объяснила Хиз недоумевающим девочкам.

— Она злая? — Спросила более разговорчивая из двух подружек.

— Не знаем, — ответила Таня.

— Но она любит пугать маленьких девочек! — Ира изобразила руками хищные когти и попыталась сцапать молчунью, та увернулась хохоча.

— Но всё равно нельзя пинать обезьянку.

— Нельзя, значит нельзя, — согласилась Хиз, думая: «Пусть только она сама к нам не лезет».

Девочки вышли из аллеи, на теннисных кортах ничего не изменилось. Летняя сюрреалистическая пустота пейзажа и пугала, и завораживала ноткой щемящей романтики. Какой-нибудь японец в традиционном летнем юката, пожалуй бы замер на минутку и выдал три пронзительные строки хокку.

Чёлка Тани колыхнулась, и она зашевелила губами:

Солнечный ветерок

На горные травы дует.

Не жарко здесь

— Красиво. — Ира услышала бормотание подружки и всё поняла.

— Пошлите на лавочки, я лично уже находилась. — Сказала Таня и девчонки охотно направились к рядам деревянных синих скамеек, окружавших каждый из кортов по периметру. Когда уселись, Хиз продолжила: — Мы потерялись, или нас потеряли — не так важно, что будем делать?

— Они не могли без нас уйти! — Невпопад заявила одна из девочек.

— Как тебя зовут? — Спросила у разговорчивой малявки Ира. — Давайте сначала познакомимся.

— Я — Таня! — воскликнула та, оживляясь. — А она — Ира! Мы подружки! — С гордостью добавила девочка.

— Мы тоже! — удивилась совпадению Ира.

— Тоже подружки и тоже Таня и Ира. — Добавила Хиз и уточнила: — У нас Таня — я, а Ира — она.

— Ух ты! — Девочек тоже впечатлило и развеселило совпадение, они хлопая от восторга в ладоши пропели: «Тани и Иры — подружки навек!».

— Про век — еще рано говорить, — смущенно сказала Ира.

— Да, мы только второй день знакомы, — Таня тоже застеснялась.

— И мы вчера встретились! И сразу стали подружками!

— Ладно подружки, — Хиз не хотелось прерывать веселье, но птички и кузнечики по-прежнему не подавали признаков присутствия. Она поёжилась, как от холода, вспомнив баскетбольное кольцо с «дятлом». — Что будем делать? Вас, младшие отряды, как-то проинструктировали на подобный случай? В вашем возрасте всё-таки не принято без присмотра разгуливать.

— Да, — с неохотой сказала маленькая Таня, — мы в любой момент можем вызвать вожатых.

— Так что же вы молчали!?! — Возмутилась Ира.

— С вами так интересно потеряться было! Давайте еще поищем свои отряды! — Девочки смотрели просительно. — Когда еще нам доведётся погулять отдельно? А то всё время гурьбой...

Ира вопросительно посмотрела на Таню, младшие Таня и Ира сначала глянули на Иру, а потом тоже стали смотреть на Таню, только не вопросительно, а просительно. Тане на мгновение захотелось кинуть шапкой о землю и отправиться навстречу приключениям, но потом она вспомнила о девочке с ножиком, какой у той был потерянный вид и сказала:

— Нифига. Давайте запускайте красную ракету, или как там у вас вызывают вожатых.

Девочки надулись.

— Надо набрать на часах сигнал «sos». — Сказала маленькая Таня, демонстративно протягивая руку с розовым браслетом.

— А мы то забыли! — Ира потрясла своим запястьем с кремовым ремешком, а потом взяла для наглядности еще и руку Хиз, поболтав в воздухе и её запястьем с точно таким же устройством. — Таня и Ира, давайте, нажимайте!

Те с неохотой принялись клацать кнопочками на торцах навигаторов.

— У меня ничего не выходит, — сказала Таня.

— У меня тоже, — согласилась Ира и под строгими взглядами старших добавила: — Попробуем еще. — Они снова принялись нажимать кнопки, но, по-прежнему, без какого-

либо успеха.

— Давайте мы на своих попробуем, — сказала Хиз и приготовилась отбивать сигнал на навигаторе.

— Ты хочешь вызвать наших вожатых? — спросила Ира.

— Любых, лишь бы отозвались, а то у меня чувство, что мы одни в лагере — волосы дыбом встают. Помнишь, что нажимать?

— Четыре длинных.

— ...Нажала. И что дальше?

Время на экране — часы показывали 12.07 — мигнуло, появилась стрелка направления, а под ней счётчик расстояния, ноль метров, стрелка описала полный круг, нолик мигнул и снова появились часы — 12.08.

Хиз опять нажала четыре раза на кнопку, повторилось тоже самое.

— Не фурычит наш «sos», — заметила Таня. Она, хоть и подозревала, что никакие вожатые не откликнутся, но лишнее подтверждение серьёзности ситуации не радовало. — Торжествуйте, малявки, мы идём искать кого-нибудь сами. — В устах Хиз это прозвучало мрачно и малявки не сильно обрадовались.

Хиз встала, опять стала нажимать кнопки на устройстве.

— Навигатор тоже не работает, — сообщила она, — так что запоминаем дорогу. Лагерь, конечно, не дремучий лес, но лишний час кружить тоже не хочется. Ира, — обратилась Хиз к подруге, — мы в полной жопе...

— Мы всё слышим! — пропела маленькая Таня.

— Это очень хорошо, что вы всё слышите. Итак, девочки, мы в полной... — Ира выразительно посмотрела и Хиз подобрала другие слова. — Мы находимся в крайне затруднительном положении, может быть даже в опасном.

— Она не шутит. — Сказала Ира. — Помните того дятла? Так это был не дятел! Это маленькое неопознанное чудовище из другого мира.

Малявки смотрели на своих старших тёсок широко открытыми глазами, полными недоверия.

— Также здесь могут водиться и более крупные чудовища, мы сами не видели, нам рассказали вчера друзья, мальчишки, которые еле спаслись от какого-то людоеда, похожего на бомжа с акульими зубами.

— Вы нас хотите напугать! Думаете, если мы младше, то сейчас развесим уши, а вы потом смеяться будете!

— Мы сами напуганы! Вот смотрите! — Таня протянула руку, и все увидели тонкие белые волоски на загорелой коже, которые поднялись дыбом.

— Ой, я и вправду боюсь! — жалостливым тоном сказала младшая из Ир.

— Ты чего!? Они нас разыгрывают!

— Хотите — верьте, хотите — нет, но сейчас мы пойдём для начала вверх к нашему корпусу и...

— А почему именно к вашему? — Возмутилась, видимо, из вредности, Таня.

— Мы с ними в одном корпусе, ты что забыла отряд, который вчера на дискотеку не пошёл?

— Так это вы? Вы что, правда все гриппом заболели?

— Нет, конечно, разве похоже, чтобы мы кашляли или сопли утирали?

— Не-ет. — Протянула недоверчиво Таня. — А где вы тогда вчера вечером были?

— Сидели в общем зале у себя на этаже и допрашивали девчонку, которая пришла из другого мира. — Хиз увидела, как от неверия маленькие мордашки сморщились, особенно презрительно смотрелись складки с веснушками на носу у Тани. — Разумеется, вожатые всё отрицали, но потом пришёл директор лагеря...

— Спартак Петрович?

— Он. И всё нам рассказал.

— Что он вам рассказал?!

— Вот если бы не перебивали меня, уже бы узнали! Он рассказал, что в «Кристале» с давних пор происходят странные вещи и об этом знали все предыдущие директора. Но только Спартаку Петровичу пришло в голову попробовать усилить местную аномалию, поэтому у нас лагерь и разделён на две части — девичью и мальчишескую.

— А зачем ему это? — Малявок увлекла история и они жадно ловили каждое слово.

— Думает, наш мир изменится к лучшему, если откроются ворота в другой мир и оттуда к нам полезут тамошние жители.

— Но могут полезть и чудовища, — вставила Ира, — об этом нас предупредила девочка, что пришла оттуда.

— Она пришла оттуда, где живут чудовища?

— Нет. Или да. Она так и не сказала

— Долго объяснять, — вздохнула Хиз, она так и стояла напротив лавочки. — Расселись тут, пошлите, по дороге будем болтать. — Она протянула руку Ире, та взялась за неё и легко встала, малявки вскочили, словно на пружинах.

Маленький отряд из двух горных фантастических персонажей и двух горных же цветков отправился в обратный путь вверх по горе.

— А почему мы идём именно к корпусу? — спросила Танюша.

— А ты знаешь еще какое-нибудь место, куда можно пойти?

— В столовую!

— Будет по дороге, заглянем.

Четвёрка маршировала по лестнице и Хиз с Ирой не спешили продолжать раскрывать тайны, вместо этого они ровно и глубоко дышали. Таня подумала о том, что взбегая дома на третий этаж, она и не думала о сбережении ритма вдохов и выдохов, а теперь вместе с Ирой они, как заправские йоги, вдыхают воздух, раздувая крылья носа, отправляя живящий поток в самую глубину нетренированных разгорающихся ненасытным огнём лёгких. Ну да, сравнила пятьдесят четыре ступеньки сырого и пыльного подъезда с бесчисленными лестницами парка лагеря — настоящего леса рядом с теми парками, которые Хиз доводилось видеть раньше.

— А о каких чудовищах рассказывала та девочка? — Ворвался в размеренные думы Хиз голосок Тани, неровный, запыхавшийся и любопытный.

— Ни о каких. — Ответила Ира. Они с Хиз по последнему разу глубоко вдохнули носами и принялись пересказывать теорию множественных миров. На подходе к столовой справились, несмотря на множество попыток увести повествование в сторону: «Вот бы покататься на единороге!», «Ерунда, лучше покататься на драконе!». Девочки пришли в восторг от идеи, что рядом может существовать проход в какое-то, вернее из какого-то необычного, совершенно нездешнего и, предположительно, фантастического и сказочного места. Никакие слова о том, что эксперимент в «Кристале» может стать опасным не то, что для всего мира — Бог с ним, с тем миром, абстрактным и далёким, — а для них самих,

вполне конкретных и животрепещуще близких к полной неизвестности девочек и мальчиков, не пугали по-настоящему детей, они пребывали в совершенном восторге приключения, только умножавшем их энергию.

II. Глава 14

— А всё-таки, куда делись все? — Спросила младшая из Ир, когда из-за изгиба дорожки показалась широкая лестница и кубическое здание столовой.

По ступенькам девчонки поднимались медленно, настороженно присматриваясь к слепо отблёскивающим окнам.

— Думаю пора признаться, — начала Хиз драматическим тоном, — это не все куда-то делись, а мы исчезли. «Провалились» в соседнее пространство.

— В три-десятое царство попали, если вам так понятнее. — Сказала Ира и добавила тише: — Нас, наверное, ищут. Только не здесь, а там, где птички чирикают и кузнечики их поддерживают.

Маленькие девочки заглядывались, пытаясь увидеть соседний призрачный, полупрозрачный мир, где остались все. Ничего такого, конечно, не было, просто здешнее лето не голосило на все лады восторгом жизни, а ветрено молчало. Похоже, ветерок разгуливал среди пространств также свободно, как среди скал и деревьев.

— И что нам делать? — Изумлённо спросила Танюша.

— Пердеть и бегать! — весело ответила Хиз. — Так говорила моя бабушка.

— Таня!.. — Ира с укоризной посмотрела на подругу, а Хиз показала ей язык. Все четверо негромко прыснули, сдерживаясь, словно боялись, что их может кто-нибудь услышать.

К дверям столовой подошли с улыбками, которые таяли с каждым шагом. Хиз потянула за ручку больших дверей и те беззвучно открылись.

Внутри было непривычно. Столовая стала для девчонок, особенно из отряда 1-А, своим местом, ещё быстрее, чем номера. Поэтому произошедшая за время их отсутствия перемена ощутилась резко и остро.

Запахи, которые еще утром пьянили и заставляли любой желудок сладострастно урчать, исчезли. Пахло как в старом коридоре — пылью, немного побелкой и чем-то еще неуловимым. Плесенью?

Привычные звуки отсутствовали и здесь. Девочки вошли в холл, за ними закрылась дверь и отсекала последние шумы, подступила гулкая тишина, заставлявшая каждый шаг слепо метаться беспорядочным эхом. Маленький отряд остановился и прислушался, замер, страстно желая разобрать звяканье чистых ложек и вилок, которые раскладывают по лоточкам, грохот стопок подносов, весёлые реплики поваров. Ничего из этого, но кое-что другое, доносящееся сверху, такое же неуловимое, как и раздражающий запах плесени. Может быть голуби возьтятся на чердаке? Молча.

— Раз уж пришли, давайте посмотримся? — Неуверенно предложила Хиз. Ира кивнула, а младшие тёски пребывали в прострации, оглядываясь по сторонам так, словно в любой момент на них мог кто-нибудь выпрыгнуть.

— Можете подождать нас на улице, — сказала Ира, — не думаю, чтобы мы здесь задержались.

— Нет!

— Нет! А вдруг и вы куда-то денетесь?

— Ну, тогда все вместе, — Хиз почему-то улыбалась. — Не разбредаться!

— Что смешного?

— Вспомнила дурацкую комедию, где герои в логове маньяка, неся полную ахинею, обосновывали необходимость разделиться.

— И что с ними случилось? — спросила с замиранием маленькая Таня.

— А что с ними ещё могло случиться с такими глупыми? — ответила Хиз с интонацией старого профессора, на чьей памяти не одна сотня студентов плохо кончила.

Девочки рассмеялись, им множеством призраков завторило эхо, заставив умолкнуть.

Отряд отправился вверх по лестнице, желая побыстрее осмотреть и покинуть неприятное место, в которое превратилась столовая.

С первого взгляда второй этаж не производил настолько гнетущего впечатления, здесь было гораздо светлее и просторнее, но и сильнее бросились в глаза различия. Детали прежней столовой, такие яркие и приятные, впечатались в память и теперь чуть ли не призраками накладывались на новый опустевший интерьер. Слишком голые без занавесок окна к тому же оказались покрыты слоем пыли, через который всё на улице виделось помутневшим и выцветшим, как на старой фотографии. Кадки и многочисленные горшки с цветами стояли на своих местах, но пустыми, без растений и даже без земли, как убедилась Хиз, заглянув в ближайший вазон, где раньше красовалась небольшая ухоженная пальма. На дне виднелись камушки и засохшие комки, словно пальму выдернули вместе с корнями, прихватив ком почвы. Земля из горшков была раскидана по полу, под ногами неприятно шуршало и хрустело.

Смотреть здесь особо было не на что, взгляд от лестницы прошибал столовую навывлет — до мутного окна у следующей лестницы, ведущей к выходу на задний двор, цепляясь только за пустые полки раздачи с блеклой нержавеющей, по которой так удобно двигать подносы, уставленные всеми видами съестного.

У кого-то из младших девочек громко заурчало в животе.

— Шшш! — Ира приложила палец к губам, как будто все и так не молчали, избегая нарушать неприятную тишину. — Потом покормим. Слышите? — Настороженным шёпотом спросила она.

— Это я кушать хочу. — Виновато призналась маленькая Ира.

— Нет! Не это. Слушайте!

Когда под ногами перестало похрустывать, проступил звук, привлёкший внимание Иры. Со стороны кухни доносился равномерный шум по монотонности схожий с механическим, но замедленный, словно тот, кто работал, старался делать это по возможности бесшумно, лишь шурша одеждой да изредка поклацывая и позвякивая — тихо-тихо — инструментом.

Ира посмотрела на своих спутниц, убедилась, что те тоже слышат. Хиз округлила глаза и произнесла одними губами: «Ты собираешься лезть туда?». Ира пожала плечами, а потом нерешительно кивнула. Таня покачала головой: «Ну куда тебя денешь, пошли». Малявки пришли в ужас от итогов немого совещания, но выбора у них не было, так что четвёрка в полном составе, едва не наступая друг другу на ноги, отправилась в сторону прохода перед раздачей, который вдоль стены вёл к широкому и высокому проходу на кухню. Как девчонки ни старались, а их шаги зазвучали сухим наждаком, заглушив тот тихий звук, от чего становилось ещё более не по себе.

Четвёрка замерла перед кухней, рассматривая засохшие растения, раскиданные по-над стенами. Похоже, тот, кто варварски расправился со столовскими пальмами, фикусами и гибискусами, стащил их бездыханные трупы сюда и, ещё пошматовав, расшвырял по кухне, целясь в стены, на которых остались грязные следы.

Тишина. Кто бы тут ни возился ещё полминуты назад, похоже, затаился.

Девочки, осторожно переступая обрывки пальм и большие комья, вошли внутрь. Ира тронула Таню и показала той на подоконники двух больших окон, на которых были тщательно выстроены безвольные останки погибших цветов, на каждом по десятку растрёпанных сломанных бледно-зелёных клубков. От этой инсталляции у Хиз похолодело внутри, она крепко схватила Иру одной рукой, другой отодвигая младших Таню и Иру назад. Ей хотелось как можно скорее покинуть помещение, но она не могла заставить себя оторвать взгляда от зловещих подоконников.

Сзади раздался дужераздирающий визг одной из малявок, который стал двойным — к ней присоединилась подруга.

Таня с Ирой похолодели и обернулись. Они закричали тоже.

Нависая над проходом, с потолка сползало жёлто-бардовое нечто, отдалённо напоминающее свои полузасохшие творения на подоконнике. Шуршащая тварь была огромной, составленной из множества гибких членистых конечностей, на вид иссохших по всей длине за исключением многочисленных локтей и коленок, влажно поблескивающих тянущейся слизью, заполняющей пустоту между костью, мышцами и сухожилиями, которые в этих местах прятала только прозрачная, болезненно тонкая плёнка.

Взгляд чудовища плавал по кричащим девочкам. Круглые, большие, как яблоки, в густых красных прожилках, глаза в беспорядке закрывались и открывались под морщинистыми веками, спрятанные в сочащихся сочленениях — не менее четырёх-пяти глаз одновременно пожирали парализованную ужасом четвёрку, чей крик без притока воздуха становился всё тише.

Отвратительное существо, двигаясь неспеша, удивительно плавно, уже полностью перекрыло выход, ставя на пол конечности, оканчивающиеся подобием больших зазубренных когтей.

Что-то грохнулось.

Хиз, несмотря на сгущающуюся темноту перед глазами, которая поглощала всё большую площадь периферийного зрения, оставляя в центре только подмигивающие взгляды на бардовой плоти, нашла силы посмотреть под ноги. Там лежала маленькая Таня.

«Почему?..» — зашевелились с трудом, словно вязкая смола, мысли. «Почему она там лежит?», — гулко, как в тяжком сне прозвучало в голове у Хиз и сгущающаяся темнота остановилась. «Я сейчас тоже потеряю сознание», — этот факт антидотом подействовал на помутнение, и Хиз, собрав остатки воли, которые по консистенции были переваренными макаронами, смогла выдавить вязкую, пульсирующую тьму, застилавшую всё вокруг.

Замедлившееся время нехотя ускорялось. Хиз увидела, что передние когте-щупальца твари уже встали рядом с плечом неподвижной девочки, а следующие за ними поднялись, чтобы закогтить детскую плоть. Старшая Таня схватила младшую за ноги и что есть силы потянула прочь от чудовища. Когти громко клацнули по плитке пола, туда, где еще полсекунды назад была голова и шея девочки. Существо никак не выразило разочарования и продолжило кошмарное продвижение к парализованным ужасом Ирам, которые вцепились друг в друга и, наверное, поэтому не падали без сознания. Они с широко открытыми глазами и ртами смотрели, как на них напозает кошмар. Теперь монстр поднимал передние конечности повыше, рассчитывая воткнуть костяные гарпуны в вертикальные мишени.

Хиз судорожно, вслепую шарила по полу рядом с телом Тани, она боялась отвести взгляд от происходящего, неосознанно даже не мигая. Наконец рука наткнулась на что-то

весомое и Хиз швырнула это. Сухой ком земли, скреплённый корнями, взвился ненадолго в воздух, разбрасывая крупинки, и стукнул Иру в спину. Та подскочила на полметра, как будто подброшенная пружиной, и завопила на невозможно высокой ноте, криком белки, простившейся с жизнью. С запозданием на мгновение то же самое сделала и малявка. Чудовище слегка качнулось вверх-вниз, корректируя прицел двух занесённых когте-щупалец и стрельнуло ими по дуге вперёд, намереваясь пригвоздить девочек через ключицы или грудь к полу. Жертвы, с которых так бесцеремонно было сбито остолбенение, прыгнули еще раз, но теперь в стороны, когти снова ударили по полу, в этот раз с большей силой, отбив маленькие осколки от плитки. Ком земли, сухо свиснув в воздухе, попал чудищу прямо в один из открытых глаз. Существо даже не дрогнуло, только медленно заморгало, стирая с глазного яблока слизь с налипшим сором.

— Сюда! — Закричала что есть мочи Хиз, словно хотела позвать своих подруг с другого конца света. Она держала открытой массивную дверь оббитую жестью. Рядом на полу сидела маленькая Таня и недоуменно смотрела на происходящее. Две Иры со скоростью ветра заскочили за Хиз, которая за руки втянула запоздало заверещающую Таню. Старшая Ира захлопнула дверь.

Девчонки оказались в маленькой комнате, обшитой от пола до потолка листовой жестью. В нормальном мире здесь вдоль стен должны были тесниться ящики с продуктами, но сейчас кладовая больше была похожа на камеру-одиночку, мрак в которой едва разгонял свет, падающий на пол через единственное маленькое окошко под потолком.

Через дверь донеслись громкие шкарябающие звуки. Хиз подскочила к ней, схватилась одной рукой за ручку, а другой стала шарить по сквозной скважине замка.

— Чёрт! — сказала она высоким дрожащим голосом. — Закрывается только ключом!

Клак!

Чудовище ударило по двери, не сильно, только пробуя.

Таня с криком отскочила, врезавшись спиной в тоже завизжавших девочек. В этот раз все замолчали сразу, сбившись в кучу у стены, всего в двух метрах от незапертой двери, к которой примерялось, словно к консервной банке голодный турист, мерзкое существо.

Бум!

На жестяной поверхности вспух острым рубцом след от когтя, который пробил дверь почти насквозь.

БУМ!

Коготь пробил дверь, явив загнанным в кладовую жертвам пять сантиметров желто-серой зазубренной кости. Девочки опять взгвизнули и крепче прижались другу к другу, стуча зубами и трясясь, будто попали в футболках и шортах на тридцатиградусный мороз.

БАМ!

Еще один коготь проткнул дверь, показавшись уже сантиметров на десять.

Дверь стала приоткрываться — чудовище пыталось вытащить застрявшие в дереве и жести конечности. Те сидели крепко, как вбитые в шпалу костыли.

БАМ-БАМ!

В ходящую ходуном дверь воткнулись еще два костяных гарпуна. Чудище остервенело задергалось и ему быстро удалось высвободить первый, не так глубоко сидящий коготь — расшатавая его, оно продрало жестяную обивку, где теперь светилась неровное отверстие. С грохотом и скрежетом тварь извлекла второй коготь, оставив в этом месте раскуроченную дыру, куда пролезла бы ладонь любой из девчонок.

Дверь перестала трястись и медленно раскрылась до середины. В проём заглянули несколько глаз и потянулись сразу два твёрдых щупальца. Девочки попятились к дальнему концу кладовой, всё так же прижавшись друг к другу. Когти дотянулись до противоположной от двери стены, откуда только что ускользнула добыча, и, словно не веря, обшарили пустое место, с сухим звуком шкребя по гладкой жести. Вслед за ними в проём стало протискиваться мерзкое тело, найдя блуждающими взглядами полумёртвых от ужаса жертв. Чудовище до половины протиснулось в комнатку, но дальше его не пускали две собственные лапы, до предела вывернутые и по-прежнему вбитые в толстые доски с той стороны. Тварь молча задёргалась, хватаясь когтями за пол и обе стены кладовки, в попытках продвинуться ближе к плачущим жертвам, которые жались к стене под маленьким окошком в каком-то полуметре от чиркающих по плитке зазубренных костей.

Тварь не была настолько безумна, чтобы попытаться в порыве преследования оторвать себе щупальца. У неё даже хватило сообразительности на то, чтобы поменять тактику. Не желая ни на сантиметр отступить от почти пойманных девочек, чудовище, тем не менее, занялось освобождением себя от двери. Оно распёрло неровное членисто-бугристое тело о все четыре доступные плоскости, растянув его меж двух стен, пола и потолка и стало сосредоточенно раскачиваться, расшатывая вбитые в двери гарпуны. Наружу проступили, выпятились, спрятанные до селе в складках и угловатых загибах рта. В таком же количестве, что и глаза, и примерно такого же размера, так же хаотично разбросанные, разевались слюнявые неровные, неправильно овальные дыры, усеянные по кругу загнутыми внутрь острыми клыками — жадно пульсирующие диафрагмы.

Девчонки сломленными ужасом куклами не могли отвести взглядов от приближающегося сантиметр за сантиметром буйного безумия, которое вот-вот сорвётся с цепи, чтобы навалиться всей своей безобразной массой.

Это было невозможно, но Хиз окатила новая холодная волна, когда она услышала шкрябанье сзади, почти у самого уха. Она судорожно обернулась и сквозь сумрак адреналиновой передозировки увидела движение за маленьким окошком. Зелёно-корявая лапа, в раздумии, постукивала по стеклу. Она взяла размах побольше и хлопнула по мутному окну пучком листьев, превратившись в ветку, раскачиваемую ветром.

— В окно! Быстрее! — словно в страшном сне прохрипела Хиз. Ей показалось что её голос пробивается сквозь водную толщу и, когда к ней повернулись лица девонок, она удивилась, не ожидая быть услышанной.

Таня подтянулась за край узкого оконного проёма. Ира с одной стороны и младшие девочки с другой схватили её за ноги и приподнимая прижали к стене так что Хиз, освободив руки, по плечи оказалась в пыльном проёме, собрав паутину на лицо. Она толкнула окно, которое поддалось всего на миллиметр зафиксированное оплывшей от краски защелкой.

От дверей раздался скрежет, с которым чудовище вытащило коготь. Удерживаемое теперь всего одной застрявшей конечностью оно подвинулось вперёд на четверть метра. Теперь оно могло не раскачиваться всем телом, а только расшатывать один коготь. Если бы оно отступило к двери, то освобождение заняло бы секунды, но тупое стремление быть как можно ближе к жертвам принудило существо только неловко дергаться. Но даже так спасительной двери осталось держаться недолго.

Хиз поборола тугую защелку и откинула открывающееся вверх окошко, качающаяся на ветру ветка легонько ударила её по руке, и девушка едва не поддалась мощному желанию

выпорхнуть наружу, прямо так — головой вниз на утопанную клумбу со второго этажа. Она закрутилась, чтобы её отпустили и спрыгнула назад. После глотка воздуха снаружи Таня даже не стала смотреть в сторону чудища, а вместо этого схватила ближайшую к себе девочку, поднимая ту к окошку.

— Цепляйся за ветки!

Маленькая Таня зашкреблась по стене как обезумевший хомяк, её ноги втянулись в проём, за ней, как привязанная, в окно влетела младшая Ира. Снаружи громко зашелестели листья и тихо затрещали ветки. Без промедления Хиз подсадила Иришку и, не оглядываясь, схватилась за откос окна.

В комнате сзади оглушительно хлопнула дверь.

На миллисекунду Хиз подумала, что не сможет без помощи вылезти в окно, но она вскарабкалась, как игуана с присосками на лапах, и распахнула окно, едва не разбив его. Ветка с ободранными листьями сама прыгнула в руки и Хиз потащила себя с рвением, которому бы позавидовала команда перетягивателей каната.

Бедро с внутренней стороны обожгло словно плёткой. Таня с содрагающим омерзением прочувствовала кожей ноги прохладу гранёной кости. Будь она в юбке, гарпун чудовища намертво бы пригвоздил её к проёму. Раздвинув ноги, насколько это позволял узкий лаз, обдирая колени и голени об углы форточки, но только чтобы еще раз не коснуться чужой страшной плоти, Хиз выскочила из окна, ухнув вниз на ломающуюся ветке. Одновременно оглушительно захрустело и зазвенело. Таня не собиралась отпускать ветку, цепляясь за неё мертвой хваткой, даже после того как та с размаха шваркнула вместе с девушкой по стволу.

— Не бросай её! — закричала сверху Ира.

Хиз глянула вверх и увидела в двух метрах над собой среди листвы подругу, живот которой как раз оказался на сломе. Футболка задралась, и щетка острых щёпок угрожала впиться в Иру в районе пупка. Она обняла ногами нижнюю часть ветки, а руками схватилась за толстую верхнюю. Если бы Таня упала или спрыгнула, спружинивший слом бы прикусил живот Ире не хуже усеянной зубами пасти.

Настоящее же чудовище в этот момент просунуло сразу три длинных лапы в окошко и рассекало ими воздух в целом полуметре от пятой точки Иры. У Хиз при виде этого чудесного расстояния и так беспомощно телепающихся на фоне неба когтей забились даже не в голове, а в груди ликующая мысль: «Сбежали! Сбежали! Сбежали!».

— Держу! Залазь на дерево! — крикнула Таня. Она заметила в ветвях двух младших девчонок, которые ошалело смотрели на махающие щупальца. Судя по их лицам, они, в отличие от Тани, ещё не чувствовали себя спасёнными.

Ира перебралась ближе к стволу. Хиз сползла по ветке ниже и спрыгнула, когда ноги коснулись травы. Со скрипом ветка поднялась выше.

Вскоре вся компания оказалась на земле переводя дух и рассматривая мельтешащие сверху когти-гарпуны. Маленькая Ира заплакала, к ней присоединилась и маленькая Таня. Старших девушек трясло.

— Пошлите отсюда, — сказала Хиз, хотя у неё подгибались ноги и хотелось сесть прямо на траву, в этой замечательной тени под деревом со сломанной веткой. Но ни она, ни её товарищи по несчастью, не смогли бы оставаться здесь дольше, рядом с этим ожившим кошмаром.

Девчонки торопливо зашкандыбали по дорожке, ведущей вокруг столовой. Маленькие Ира и Таня держались друг за друга и пытались остановить всхлипывания, что у них пока не получалось.

— Наконец-то мы вас нашли! — раздался счастливейший крик. Из-за угла вышли Сергей с Пашкой. Эйфорический возглас принадлежал толстяку, его друг более скромно добавил:

— Наконец мы нашли хоть кого-нибудь, — и, смутившись, добавил, — хотя искали, конечно, вас... Что с вами случилось? — Друзья теперь заметили, что девчонок покрывают царапины с росой свежих капелек крови — последствия спешного побега по ветке. Коленки счёсаны, руки, ноги и рюкзаки в побелке, а в растрёпанных волосах обрывки листьев, у Хиз ещё и с паутиной. Кроме того, у Иришки оказалась порвана на животе футболка, а у Хиз на ноге алела жирная ссадина. Малявки были зарёваны и до сих пор подбирали сопли.

— А, — Хиз махнула рукой назад и принялась снимать паутину, которую заметила только сейчас, при виде мальчишек, — чудовище, вон оно.

Мальчишки проследили взглядами за напускным беззаботным жестом и на миг застыли с прищуренными глазами, как будто их органы зрения сразу не смогли сфокусироваться на картинке, но, когда фокус был пойман, на лицах у них округлились не только глаза, но ещё брови и рты.

— А-аа! — Заорал Пашка дурным голосом. — Это! Что! Такое!? — Он полуприсел готовый то ли обделаться, то ли, кругнув коленями вбок, удирать с низкого старта, но, скорее, то и другое одновременно. Сергей отшатнулся, схватившись за плечо друга. Оба они потрясённо не понимали, почему девчонки смотрят на них с растущими улыбками, вместо того чтобы улепётывать без оглядки.

— Оно никуда не денется, — с видом заправского истребителя монстров сказала Хиз и закинула очищенные от паутины волосы вбок — получилось круто, — мы его заманили в ловушку.

— Усратья можно! — сказал Пашка, держась рукой за сердце. — Хорошо хоть оно спрятало щупальца, а то их вид меня с ума сводил... Эй, вы чего?

Таня и Иришка резко перестали улыбаться и медленно, до хруста в шее, обернулись. Их младшие тёски, наоборот, повтягивали головы в плечи и боялись шелохнуться.

Сзади была идиллическая картинка, которую нарушало разве что маленькое разбитое окошко на втором этаже.

— Бежим! — крикнула Ира, пока Хиз растеряно разевала рот. И, толкнув в спины малявок для придания им ускорения в нужном направлении, бросилась по дорожке между мальчишек. Малявки от неё отстали только на шаг, еще на шаг — Хиз, которая, в свою очередь, наподдала Сергею и Пашке.

— Шевелитесь! Оно вас порвёт!

Мальчишки припустили в хвосте взбалмошной эстафеты, изо всех сил стараясь не

отставать, ведь Тани с Ирами мчались так, словно за ними гнался дьявол. Хотя, вспоминая кошмарные щупальца, можно предположить, что так оно и было.

Эстафета оказалась спринтом, который через пару поворотов и лестниц вверх финишировал у крыльца корпуса 1-А. Компания успела выдохнуться за короткий рывок, и теперь подростки хватали ртами воздух.

— Думаешь оно за нами сюда не придёт? — спросила Ира у Хиз.

— Сейчас посмотрим... Тихо! — Таня зашептала. — Слышите?

Все прислушались и без труда различили приближающийся дробный перестук.

— Когти... — Упавшим голосом сказала маленькая Таня.

— Чёрт! — Громким шёпотом выругалась большая Таня. — Надо прятаться.

— Что за когти? — спросил Пашка.

— Те, из окна. — Пояснил Сергей.

Таня по двум ступенькам взбежала на крыльцо и потянула за ручку большой стеклянной двери, та, как всегда, была не заперта.

— Ну же! м поторопила она колеблющихся друзей.

Когтянные копыта монстра уже громко стучали из-за ближайшего поворота.

— Мы опять окажемся в ловушке... — Попробовала возразить Ира и остальные, направившиеся было за Хиз, замерли.

— Из нас никакие бегуны по этим горам!

Довод оказался веским. За стеклянные двери заскочили как раз вовремя, чтобы обернувшись, увидеть верхнюю часть чудовища, бодрым пауком стелющегося по аллее ниже.

Монстр проскакал мимо.

В холле раздался дружный выдох облегчения.

Спустя пару секунд над ступеньками снова замелькали уродливые колена и глаза.

— Нет, нет! — Жалобно взмолилась Ира. — Уходи обратно в столовую — там твой дом.

— Он возвращается? — Спросила меньшая из Тань. Младшим девчонкам не было видно.

— Да! Сядьте! — Скомандовала Хиз, нырнув на корточки и потянув за собой двух Ир. Остальные тоже сели. С такого положения чудовище не было видно, а значит, и оно не могло случайно заметить за бликующими стёклами беглецов.

Секунды тянулись в напряжении и неведении, толстые стёкла отлично приглушали звуки снаружи.

Над верхней ступенькой медленно показались передние лапы, потом и бессмысленно вращающиеся глаза. Монстр поднимался на асфальтную площадку перед корпусом.

— Черт, черт, черт! — выругалась Таня. — Кажется, оно идёт за нами.

— Как оно нас выследило? — спросила Ира.

— Может по запаху, а может по слуху — шепчем мы тут громко. Да какая разница! Уходим!

Хиз пригнувшись отбежала вглубь холла и её примеру последовали все, кроме Пашки. Тот медленно и вприсядку пятился, оглядываясь по сторонам.

Чудовище полностью поднялось на площадку и теперь замерло, скорее всего вглядываясь в мельтешения Пашки за стёклами. Хотя точно определить, на что тварь нацелила внимание своих разбегающихся взглядов было невозможно.

— Пашка! Пашка! — Громко зашипели Таня с Ирой, призывно махая руками.

— Надо чем-то заблокировать двери. — Отозвался толстяк. — Блин! Где же швабра?

Чудовище зашевелилось, сразу и уверенно набирая скорость в направлении крыльца.

— Пашка! — закричал Сергей.

— Уходи! — закричали девчонки. — Сюда!

Но толстяк замер как олень в свете прожектора приближающегося локомотива. Сергей бросился к другу и одновременно монстр врезался в прозрачные двери. Толстенное стекло было пробито, не менее чем тресоткилограммовой тушей, как форточка пенсионера мячом дворового футболиста. Монстр, осыпав вестибюль мелкой стеклянной крошкой, даже не потерял равновесия и приземлился на все свои лапы в каком-то шаге от закрывшихся от дождя осколков мальчишек. По инерции чудовище заскользило вперёд, скрежеща костяными гарпунами по шершавым плитам голого пола, и как кегли расшвыряло вопящих Пашку с Сергеем в разные стороны.

Чудовище решало, кого из мальчишек, барахтающихся на полу, ему сцапать, когда на него с оглушительным шипением обрушилась широкая белая струя. Хиз с огнетушителем наперевес наступала на монстра, быстро покрывая того хлопьями пены, тот пятился и дёргался из стороны в сторону, пытаясь выйти из ревущего конуса. Тане удалось оттеснить монстра почти до самого выхода, когда огнетушитель закашлял, захрипел и иссяк горстью жалких плевков. Тогда она швырнула пустой баллон, который со звоном отлетел от монстра, не причинив тому вреда, и бросилась назад, где вся компания сгрудилась у лифта. Не успела Хиз подумать: «Лучше на лестницу», как алюминиево-пластиковые двери с резиновыми нагубниками разъехались, приглашающе явив тускло освещенную кабину.

Чудовище растерянно крутилось на месте, ослеплённое налипшей пеной, когда девчонки, мальчишки и последней Хиз заскочили в лифт. Таня панически ткнула в первую попавшуюся кнопку — ничего не произошло — она судорожно нажала её еще раз пять, прежде чем двери начали медленно съезжаться. В сужающую щель было видно, как существо, окончательно проморгавшись, бросилось к лифту.

Двери величественно, презрев все мольбы, не спеша сомкнулись, и раздался сокрушительный удар с хрустом, сотрясший заболтавшуюся на тросах кабину.

Двери начали разъезжаться, видимо монстр нажал кнопку вызова и лифт решил подобрать запоздавшего пассажира.

— Нет, нет, нет, нет! — Хиз попыталась руками удержать створки, на помощь ей бросились с двух сторон Сергей и Пашка, но двери не обратили внимания на их усилия, неумолимо сбрасывая цепляющиеся пальцы и выскальзывая из-под потных ладоней.

Вопреки ожиданиям, за растущим проёмом была не адская морда с дюжиной глаз, а только тусклый мятый дюралюминий, разделённый посередине кривой резиновой линией. Чудовище регбийским броском помяло внешние двери, намертво их заклинив.

— Поехали! — Завопил Пашка и что есть силы ткнул в первую попавшуюся кнопку.

Двери стали не спеша закрываться, но тут с глубоким «дзон!» дюраль вспух до боли знакомым девчонкам зазубренным когтем.

— Опять! — Застонала Ира. Двое малявок взгвизгнули за её спиной, а мальчишки потрясённо отшатнулись.

Створка лифта упёрлась в коготь и двери дали обратный ход. С объёмистым скрипом, пробирающим до хребта, монстр извлёк конечность, тут же дыру заслонил чёрный прямоугольный зрачок, дергаясь он демонстрировал оранжево-жёлтую пламенеющую радужку и безумным взглядом пожирал содержимое лифта.

— Ну же! — Пашка чуть не плакал, выбивая на кнопке дрожащую морзянку.

Снова начали съезжаться створки и чудовище, почувствовав вибрацию перед мордой, не отрывая алчущего глаза, вонзило еще один коготь в дюраль застрявших дверей — оно не собиралось так просто дать уехать сытному обеду. Левая створка приближалась к когтю, чтобы снова застопориться о него и дать обратный ход, когда к дверям подскочил Сергей и изо всех сил врезал пяткой кроссовка по заостренной кости. Он выбил коготь и двери наконец беспрепятственно закрылись.

Лифт дернулся и на мгновение желудки приподнялись в животах, что безошибочно говорило о движении вниз. Кабина сразу затормозила, закачавшись на пружинах на дне шахты, створки раскрылись, выпустив ошарашенных детей в пыльную темноту, которая только на время расступилась в тусклом пятне перед лифтом.

Створки торжественно и зловеще съехали за спинами ребят, вырезав последние фотоны из подступившей со всех сторон бархатной тьмы.

Вслед за абсолютной темнотой воцарилась абсолютная тишина, наполняемая только частыми дыханиями, в которых крылись едва сдерживаемые крики.

С щелчком Пашка зажгёт свой знаменитый фонарик, его руки тряслись, а белый с едва заметной желтизной луч прыгал неровным пятном, поломанным битым о зубы бомжалоюедоеда стеклом.

— Н-нну как вы? — Обратился ко всем толстяк, стараясь не светить в глаза. Его челюсть прыгала, а потому слова дались с трудом.

— Если бы ты дольше включал фонарь, сошли бы с ума, — за всех ответила Хиз, похоже у неё тремора не было, — а так обошлось.

— Нн-не мог залезть в карман, не попадал. — Оправдался Пашка.

Из шахты лифта донеслись громкие удары и скрежет — чудище принялось курочить застрявшие двери. Лязгало так, будто вскрытие происходило прямо над головами у ребят, что практически так и было.

— Пора уходить, не будем ждать, пока оно к нам спустится. — Сказала Хиз под скрежещущий аккомпанемент, но сама зачем-то скинула рюкзак и принялась в нём рыться.

— Ты проголодалась? — поражённо спросила Ира, приходилось повышать голос, чтобы перекричать шум, производимый монстром.

— Нет, то есть да, но не сейчас... у нас есть фонарики, мы забыли!

Ира не стала хлопать себя по лбу, хотя ей хотелось, вместо этого она тоже скинула рюкзачок и стала лихорадочно обшаривать его маленькие карманы на молниях.

— В боковом. — Подказала Хиз, клацнув резиновой кнопкой на маленьком черном цилиндрике. Фонарик, который шел в комплекте с рюкзаком, светил заметно слабее пашкиного и давал холодный белый свет. Ира зажгла еще один фонарь и три луча наполнили пустой пыльный коридор неким подобием освещения.

— Куда? — Спросил Пашка, поводя мощным лучом из стороны в сторону — коридор с редкими запертыми дверями был одинаково пуст в обоих направлениях.

— Туда. — Хиз показала направо и все без колебаний пошли за ней. Оставить за спиной визг и грохот рвущейся дюрали было облегчением и тревогой одновременно. Что предпримет монстр, когда попадёт в пустую шахту лифта? Остановится, или пойдёт дальше ведомый своим чутьём, разрывая потолок кабины, а потом двойные двери. В любом случае, путь через лифт отрезан, и по нервам не перестает бить разносящийся подвальным эхом звук работы по металлу отвратительных костяных когтей.

— Почему именно сюда? — Спросил Сергей, когда дойдя до конца коридора, и, выйдя в

перпендикулярный проход, Хиз снова уверенно показала дорогу. Она шла первой, сразу за ней мелкие, держась за руки, старались быть в середине группы и в окружении света от фонарей Пашки и Иры, шедших сзади. Сергей был между своих друзей.

— В «Думе» я всегда обходила лабиринт вдоль правой стенки, поворачивая направо. Там это работает, а здесь и подавно, мы так обойдём весь подвал за пять минут и найдём выход или на улицу, или на лестницу.

— «Дум» ты к месту вспомнила. — Сказал Пашка, а про себя подумал: «Блин, какая классная девчонка!». — Спасибо за огнетушитель, ты нас реально спасла.

Хиз смущенно отмахнулась и направилась к открытой настежь двери, которая маячила облезлой краской в самом конце коридора.

— Кстати о монстрах, — снова заговорил Сергей, — ты же говорила, что вы его поймали в ловушку.

— Ну, почти так и было, мы думали, что он тупой и не выберется из кладовки, будет вечно из окошка махать щупальцами.

— Мы так не думали. — Хмуро заметила младшая Таня.

— Когда он на нас только напал, то выглядел полным тормозом, — сказала Ира, — если бы он с самого начала так резво бегал, вы бы нас не встретили.

Возня чудовища сзади стихла и раздался громкий глухой «бууммм» — оно спрыгнуло в шахту на крышу кабины. Компания беглецов замерла, прислушиваясь, почти дойдя до распахнутой двери — единственной открытой из уже десятка ими встреченных. Казалось, что долго ничего не происходило, но потом чудовище продолжило кромсать и рвать — уже ближе, ещё громче и так же неутомимо.

— У нас пара минут от силы. — Сказал Сергей, с таким же напряжением, как и остальные внимающий звукам, с которыми консервные ножи голодного существа вскрывали их тёмную жестяную банку.

— Тогда двигаемся. — Тон у Хиз стал мрачен, в уме она сделала такие же прикидки. — Загляну быстро сюда. — И она шагнула в проём. Вслед направилось два луча, целиком заливая небольшую пустую комнату с неаккуратной дырой в боковой стене. Больше здесь смотреть было не на что, поэтому Таня подошла к проёму, переступая выбитые из стены кирпичи на полу, и осветила внутрь.

— Вот это да! — Восхищенно ахнула она. — В нашем «Думе» обнаружен секрет, надеюсь не тупик. Идите сюда. Я вперёд. — И, не дожидаясь, пока остальные войдут в комнату она юркнула в проём.

— Таня! — Позвала Ира и, осветив ей в след, увидела, как та бегом скрылась за поворотом изгибающегося туннеля, мелькнув в пыльной темноте тусклым силуэтом. Ире стало жутко от тьмы, которая за проёмом была другой, отличной от той, из которой сейчас выглядывали испуганные лица. Чувствовалась граница, которая отделяла почти уютный, по сравнению с этим большим туннелем, подвал корпуса от чего-то другого. К тому же из дыры сквозило холодом, который странно пах чем-то неуловимо знакомым, толи резиновым, толи просто химическим.

Звуки борьбы монстра с лифтом доносились в комнату приглушенными и неясными, но вдруг они, словно запнувшись, продолжились громче и как бы ближе. Чудовище, расправившись с потолком кабины, без перехода принялось за двойные створчатые двери.

III. Глава 16

Пашка рванул к выходу из комнаты. Не успел Сергей изумлённо окрикнуть удирающего друга, как тот с треском захлопнул дверь, пару раз опустил ручку защелки, та работала, но без ключа не запиралась.

— Пусти. — Сергей схватил с пола обломок кирпича и снизу вверх несколько раз ударил по ручке, которая повернулась, еще двумя ударами он её согнул, так, что та уткнулась в деревянную дверь. Сергей попробовал пошевелить ручку — та слабо качалась, но защелку не открывала — что-то сломалось в механизме замка.

— Вы что делаете!?! — раздался возглас запыхавшейся Хиз.

— Оно уже ломает последние двери. — С обреченным видом выдохнул Пашка. — Нам не успеть обойти подвал...

— Что там? — перебил Сергей, кивнув на пролом. Он заметил, что Хиз выключила фонарик, но ничего на этот счёт не сказал.

— Похоже в этом «Думе» мы нашли целый секретный уровень. Какие-то туннели, и там есть свет.

— Таня! — Вдруг вскричала Ира, заставив всех вздрогнуть. — Хватит говорить о дурацкой игре! Я в неё никогда не играла, и мы здесь не играем, и вообще, название у неё плохое!

— А название-то при чём? — Спросил Пашка, который был почитателем того компьютерного кошмара, о котором шла речь.

— Есть в нём какая-то обречённость. — С кривой улыбкой ответила Ира, так что стало непонятно, она пыталась пошутить, или говорит серьёзно.

— Хорошо. — Поспешила согласиться Хиз. — Больше никакого «Дума». И тихие холмы мы тоже пока забудем. Только пошлите скорее.

— Тут горы, а не холмы. — Возразила Ира.

В дыру лезли по одному, и Сергей с Пашкой настояли, что они идут первыми, поэтому Таня с Ирой замыкали. Малявок без обсуждений держали в середине отряда, те вели себя тихо, отошли от шока и стали оглядываться по сторонам расширенными не от ужаса, а от любопытства глазами.

— Хорошо, что двери деревянные! — Заметила маленькая Таня, оглянувшись, когда переступала условный порог дыры в стене.

— Это ещё почему? — Спросила маленькая Ира, толкая подругу в спину и тоже оглядываясь.

— Ну ты помнишь, что для чудища деревянная дверь, как для мухи липучка? Пока будет тут застревать, мы выберемся и найдём вожатых.

— А вожатые вызовут военных и те её расстреляют и сожгут!

— Или увезут в лабораторию и будут исследовать! — Малявки болтали в полный голос, очарованные перспективой близкого и захватывающего избавления.

— И нас увезут на следующей машине, — добавила Хиз, которая вообще-то хотела на малявок шикнуть, но не удержалась, чтобы не подправить их радужные фантазии. — Посадят в соседнюю лабораторию и будут тыкать длинными иглками, пока не убедятся, что мы не заражены.

— Ну тогда тебе хана. — Тонем полным безнадёги изрекла младшая Таня, бессовестно

потыкав пальцем в сторону ноги Хиз, на внутренней стороне которой вспух и немного кровил алый росчерк.

Хиз глянула вниз и даже посветила фонариком — со ссадиной вроде ничего плохого не происходило, поверхностная ссадина только слегка жгла, и, насколько помнила Таня, это вполне обычные ощущения.

Шедшие впереди мальчишки, обернулись, Пашка дернул фонариком в сторону Хиз, но с запоздалой поспешностью отвёл луч в сторону от её ног. Пашка возблагодарил темноту, за то, что никто не видит его зарумянившихся щек и вспыхнувших ушей.

— И куда теперь? — Сказал он неожиданно осипшим голосом и прокашлялся.

Сикстет топтался на перекрёстке, растерянно глядя то в одну, то в противоположную сторону масштабного, замусоренного туннеля, освещенного редкими тусклыми красными лампочками, забранными в полукруглые решётчатые стаканы под самым потолком. Они выскочили из короткого и, как оказалось, не такого уж и широкого прохода. Если предыдущие двести метров тёмного туннеля свободно вмещали четверых идущих рядом, то теперь полукруглый туннель позволял свободно разъехаться двум грузовикам.

— Направо. — Не думая ответила Хиз и быстро зашагала в выбранном направлении.

— Опять твой метод прохождения лабиринтов? — Спросил Сергей.

— Да. Давайте быстрее. — Таня чуть не бежала, остальные за ней еле успевали, а малявкам и вовсе пришлось перейти на трусцу. Но никто и не жаловался, потому что сзади уже наверняка впилось в твердое, если повезёт, дерево подвальной двери чудище, взявшее след.

Выключенные было фонари пришлось снова зажечь, поскольку бетонный пол туннеля изобиловал открытыми люками, проёмами и просто дырами, в некоторые из которых свободно бы провалился автомобиль. В одном месте даже пришлось выстроиться гуськом, чтобы пройти по узенькой дорожке между двумя зияющими прямоугольниками неровной темноты. Внизу в свете лучей фонариков, на глубине не менее четырёх метров, громоздился непонятный железный хлам в переплетении хаотически торчащей кверху арматуры и сломанных труб. Судя по всему, туннель состоял из двух параллельных уровней, устроенных в нижней и верхней половинах огромной, круглой в сечении, проходки.

— Нам не убежать, если оно следует за нами. — Хиз остановилась и на неё налетел Пашка. Таня удивлённо глянула на него, словно не ожидала здесь увидеть.

— Если бы ты не предложила, это бы предложил я! — Неестественно торжественно сказал Пашка и многозначительно посветил в обратную сторону, где растворялись в темноте два огромных неравных прямоугольных проёма.

— Я еще ничего не предлагала.

— Но ведь собралась!

— О-о-о! — вскричала Ира, воздев руки к потолку. — То «быстрее-быстрее», то остановились и расшаркиваются друг перед другом. Быстро излагайте, как нам спастись! Хотя стойте! Я сама угадаю! Мы сбросим его в одну из этих дыр, куда, ты Пашка, светишь?

— Ну... — Затянул толстяк.

— Где-то так. — Закивала Хиз.

— Как мы его туда заманим? Если только сами прыгнем, а оно за нами?

— Да, придётся кем-то пожертвовать.

Все с ужасом уставились на Таню.

— Шучу! — Хохотнула Хиз. — Ох у вас и лица.

— Нашла время, Таня! — Ира злилась, а испуганная малышня, которая постоянно старалась держаться поближе к двум подругам, теперь растерянно смотрели то на одну, то на вторую. — Извини, это от нервов. — Спихнулась она. — Я когда нервничаю, вечно что-то неудачное ляпаю.

— Ничего, я тоже. На самом деле, думаю, надо искать длинные палки, арматуру, что-то чем мы сможем столкнуть тварь вниз.

— Я тоже. — Вставил Пашка запоздало, но его реплику не заметили, тогда он подошел к ближайшей куче хлама, которая в основном состояла из огромного, как шатёр, смятого куска целлофана и принялся деловито рыться, переведя фонарик в экономный режим, чтобы не слепил отсвечивая.

— Оно уже ломится в дверь. — Сергей смотрел в багровый сумрак, который остался позади, и где-то там, за полкилометра тоннеля, отсюда едва слышно, неистово грохали кости по дереву.

Хиз и остальные тоже замерли, тщетно впереv взгляды в теряющийся в тусклости заворот коридора.

— Давайте искать хоть что-нибудь! А вы, — Таня обратилась к малявкам, — стойте здесь и слушайте...

— Нет! — Девчонки в панике замотали головами. — Мы с вами!

— Да мы будем здесь близко! Вот вам фонарик. Вы будете нас видеть постоянно. Нам важно знать, когда оно окажется в туннеле! Прислушивайтесь и как только звуки твари стихнут, зовите нас. Мы далеко не отойдём, просто, вдруг, не услышим. — Хиз говорила быстро, упрашивала тихим голосом, даже наклонилась, хотя девчонки были всего-то на голову ниже. Её слова подействовали и вместо того, чтобы отчаянно мотать головами, те закивали.

— Хорошо. — Маленькая Ира чуть не плакала.

— Обещайте далеко не отходить! — Потребовала, сжав кулаки маленькая Таня и отдала фонарик, который буквально выхватила у Хиз, Ире.

— Обещаем! — откликнулись Иришка и Сергей, которые совместно исследовали мусор у левой стены.

— Торжественно клянусь. — Пашка обернулся и поднял руку с раскрытой ладонью в пионерском или бойскаутском жесте.

— Держитесь ближе к нам, — сказал Сергей, сейчас он разогнулся, вертя в руках короткий штырь из нержавеющей стали, — мы не так уж и шумим. Так что можно обойтись без мелодрамы про разведчиков, просто будьте внимательны. — Сергей с сожалением собрался выкинуть штырь, но в последний момент передумал и стал использовать его в качестве щупа в помощь носку кроссовка. Мелкие, облегченно выдохнув, что не придётся оставаться одним во мраке, вплотную подошли к Сергею и Ире и стали им деловито подсвечивать

— Подожди! — Хиз без фонарика ничего толком не могла рассмотреть на полу в этом умирающем красном свете. — Пашка, я с тобой!

Галантный Пашка хотел отдать свой фонарь Тане, но та отказалась и со словами «Свети лучше» вцепилась в толстую арматуру, торчащую краем из стены. На пол упало несколько килограммов штукатурки и Хиз с трудом отогнула ребристый «ломик» чуть больше метра длиной.

— Блин, короткий, — сказала она, рассматривая место, где арматура толщиной с хорошую сосиску истончалась до карандаша, обёрнутого в слои ржавчины. В этом месте

металл съела влага, по капле просачивающаяся сквозь скалы.

Хиз с Пашкой пошли дальше, удаляясь от друзей. Чем дальше они рылись в мусоре, представляющем собой обрывки проводов, оплётки свинцовой изоляции, обломки каких-то электронных схем и раздавленные кожухи приборов, тем яснее становилось, что за оставшиеся минуты до явления монстра план по нейтрализации может провалиться на подготовительной стадии.

Отчаянно хотелось бежать по коридору как можно дальше. Хиз себя успокоила мыслью, что будь их «команда» поглупее, например, как те куклы из молодёжных триллеров, они бы так и поступили, закончив эстафету где-нибудь в тупике в лапах чудовища, или, что вероятнее, ещё по дороге, в провале технического уровня.

— Оно бежит к нам! — По туннелю прокатился крик старшей Иры, от которого Хиз с Пашкой вздрогнули.

«И что теперь?», — спросил толстяк взглядом. Таня пожала плечами.

— Эй, скорее к нам! — В звонком голосе Иришки не слышалось отчаяния, что, учитывая факт, что сейчас по коридору во весь опор скачет тварь, было странным.

Пашка и Хиз что есть духу рванули к друзьям, но на полпути Таня махнула рукой толстяку: — Я сейчас! — И вцепилась в отогнутую ранее арматуру. Толстяк только удивлённо оглянулся.

Издали было видно, что друзья что-то задумали, а малявки им в этом помогают.

— Вы тоже никаких длинных палок не нашли?

— А где Таня? — Спросили хором Сергей и Ира, разматывая большой комок целлофана, который лежал у стены.

— Не нашли. Она там трубу отламывает. Что вы делаете?

— План "Б", Пашка. — Ответил Сергей, не отвлекаясь от распутывания грязного полотна. — Делаем ловчую яму на нашего зверя. Сейчас застелем этой клеёнкой дыру, а сами встанем с её противоположного конца и будем призывно махать руками. Давай помогай!

Пашка поспешно схватился за край целлофана и впятером полотно удалось полностью расправить. Шириной оно оказалось больше половины прохода, а в длину было метров пять — с лихвой, чтобы закрыть самый большой из двух ближайших проёмов.

— А если оно не упадёт в яму? — Пашка был в ужасе от плана «Б».

— Значит сожрёт к чертям приманку! — Сергей был охвачен лихорадочным возбуждением. — То есть нас!

— Ёлки, ты не мог ничего лучше придумать?

— А это и не я придумал.

— Это я, — голос у Иры дрожал. — Убегать всё равно поздно.

— Эй, ты чего? Не раскисай! Беги лучше с девочками, помогите Тане, чем она там занимается, не знаю.

Подростки придавили полотно с одного края дыры тремя камнями и теперь Пашка потащил второй конец целлофана по тонкому мостику.

— Никуда я не пойду! Ведь это моя идея, а значит и приманкой быть мне.

Толстяк нашел на своей стороне еще несколько бетонных обломков и теперь над дырой навис тонкий мостик, который при всём желании нельзя было принять за твёрдую поверхность, на которую хотелось бы ступить. Пашка покачал головой, окинув взглядом сие сооружение и немного подтянул кирпичи, мотнув на них край полотна, чтобы не

выскальзывал.

— Ира, — сквозь зубы, настолько твёрдо, насколько мог, чтобы не напугать младших девочек, процедил Сергей. Хотя они и так были на грани того, чтобы уписаться со страха и не убежали в неизвестность туннеля только потому, что ещё больше боялись оставаться сами. — Ты должна увести их и помочь, черт возьми, Хиз!

Ира округлившимися глазами смотрела на Сергея, наконец она кивнула и, обернувшись к малявкам, сказала упавшим голосом:

— Идём к Тане.

— Поздно! — прокричал Пашка со своего конца дыры. Он стоял вполоборота, уже собираясь ступить на узкий мостик, но не мог заставить себя отвести взгляда от чёрно-багрового искривлённого зёва туннеля, из которого, подобно отрыжке, приближалась царапающая неравномерная дробь костяных когтей.

От окрика Пашки Ира вздрогнула всем телом. Ударом ледяной волны пришло осознание скорой смерти, которая сейчас экспрессом неслась к ним, такая уродливая и реальная в отличие от смехотворной оборванной ловушки, что ребята попытались соорудить, бездарно тратя последние минуты жизни.

Ира невольно залюбовалась толстяком, который застыл в эпической позе: современный хардкорный герой приготовился встретить фатум ударом кирпича в харю с правой, отведённой, подобно дискоболу, до предела назад. Фонарик в вытянутой вперёд левой руке не дрожит, слепящим белым лучом, в котором играют блёстки пыли, рассекает подземную черноту, превращая самого монстроборца в силуэт бронзового памятника.

А вот и второй персонаж скульптурной группы показался вдаль — хтоническая тварь несётся скачками восторженного сенбернара, если бы у того было восемь или десять лап.

— Пашка! — Сергей точно сорвал горло этим криком. Памятник толстяку ожил и обернул к другу растерянное лицо, на котором читалось совсем не героическое: «Твою мать, что же делать?». — Сюда! — захрипел уже Сергей так страшно, что у него должна была горлом хлынуть кровь.

Пашка с отчаянным воплем метнул каменюку навстречу многоглазому локомотиву и резво кинулся к друзьям. Кирпич не долетел полпути к монстру и закрутился у него на пути. Одной ногой тварь даже споткнулась об это жалкое препятствие, но это её не сбilo с курса, который лежал напрямиком к мостику и улепётывающему толстяку.

План «Б» на глазах рушился.

Пашка подскочил к Ире и Сергею, которые прыгали и махали руками, кричали изо всех сил: «Сюда!». Малявок в этом бедламе замечено не было.

— Я здесь, урод! — Толстяк присоединился к общему неистовству, надеясь, что ещё не всё потерянно и удастся заманить чудовище на предательски провисающий целлофан.

На полном ходу монстр влетел на мостик, слишком большой, чтобы поместиться на него всеми ногами, тем более что он в последний момент всё-таки стал забираться влево — к ребятам, толи привлекаемый криками, толи просто отшатываясь от неприкрытой меньшей дыры справа. По инерции он пролетел метр, прежде чем начал заваливаться на бок, прорывая целлофан и путаясь в нём, пока не упал на брюхо, хватаясь лапами за мостик. Чудовище, наполовину свисая, заскребло когтями по бетону, оставляя борозды, но продвигаясь по направлению к добыче, до которой оставался какой-то метр. С лихорадочностью таракана оно быстро-быстро преодолело перемышку между ямами и стало, всё также неистово загребая, выбираться из провала по направлению к окаменевшим

друзьям.

Сергей шагнул к почти вылезшему монстру и, избегая его плоско тарабанивших по полу лап, что есть силы воткнул в один из яростно рыщущих глаз штырь. Нержавейка скользнула по главному яблоку вбок и вниз, уйдя совсем неглубоко под веко.

Сергей упал подсеченный под лодыжки когтём, в то время как другие два гарпуна поднялись повыше, чтобы пронзить обидчика.

Сергей заголосил так же, как и Пашка с Ирой, в беспомощности наблюдающие за гибелью друга, их вопли ужаса слились со странным криком Хиз, вынырнувшей из темноты и высоко взлетевшей над распротёртым мальчишкой. Над головой она, как настоящий самурайский меч, держала здоровенную арматуру, которую, еще до приземления на ноги, опустила выбившим искры ударом на торчащий из-под глаза твари штырь. Раздался металлический, как в кузне, звон и в стороны что-то брызнуло. Прежде чем полностью приземлиться, Хиз невероятно быстро успела ещё раз высечь ударом сноп искр, вбив штырь в лопнувший мерзкий глаз под самый корень. Левая нога Тани коснулась пола, а другая пяткой топнула по зубам в одном из раззявившихся в немом крике ртов.

Чудовище рухнуло вниз и тяжело загрохотало по кучам обломков, сваленным на техническом уровне.

Хиз, влекомая вперёд тяжёлой арматурой, чуть не последовала за поверженной тварью, девушка застыла на самом краю, удерживаемая Пашкой, который, неведомо как, успел схватить её за футболку. Ткань отчётливо хрустнула, но с двух сторон подскочили Ира с Сергеем и за плечи дёрнули Таню назад. Тут она всё-таки не удержала равновесия и села на зад. Если бы не дружеские руки, заботливо поддерживавшие, она бы конкретно отбила себе пятую точку. Арматуру она аккуратно положила рядом.

— Вот это да! — Только и смогла выдохнуть Хиз.

— Ты нормально? — спросил Пашка.

— Полностью. — Хиз попыталась встать, друзья кинулись ей помогать. — Пашка, подай, пожалуйста, катану. — У Тани здорово тряслись коленки, поэтому она как на трость опёрлась на железный прут. — Спасибо.

— Не за что! — Пашка с щенячьим восторгом смотрел на Хиз. — Я теперь навеки твой верный оруженосец!

— Навеки — это долго, — улыбнулась Таня и стукнула готового пустить слезу восхищения толстяка по плечу.

— Кончайте любезности! — Сергей вместе с Ирой и двумя малявками — откуда только взялись? — стоял на краю проёма, глядя вниз. — Пашка, посвети.

Ребята сгрудились у провала, направив вниз лучи трёх фонариков. Снизу на них не мигая смотрело поверженное чудовище. Да, у него стало на один глаз из пятнадцати меньше, по морде, которой у него не было, текла грязная гнойная жижа, но подними его сейчас наверх — нашинкует всех с тем же проворством.

Чудовище, бросив последний, как показалось грустный, взгляд на так и не доставшийся ему обед, зашевелилось в хламе, разгребая обломки досок, сбитых в опалубки, подползло к одной из стен и изрыгнуло на неё прозрачную липкую струю. Та повисла метровой текучей соплей, переливаясь в свете фонарей.

— Фу! — ребята отпрянули в отвращении.

— Что это оно делает? — Спросил Пашка с брезгливым любопытством переводя фонарик со слизи на монстра, совершенно утратившего интерес к детям и внимательно

созерцающего художество на стене.

— Когда мы его встретили, — заговорила Ира, предпочитая не смотреть вниз, — оно спустилось со стены. Я вот сейчас поняла, когти — это же не присоски, наверное, оно в столовой тоже насморкалось на стены и сидело наверху в своей паутине, поджидало гостей.

— Так оно скоро вылезет и опять погонится за нами, — сказал Сергей.

— Вряд ли скоро, оно же весит, как бегемот, ему тут круглыми сутками сморчки сушить. — Таня критически осматривала себя — забрызганную мелкими каплями буромолочной жижи.

— Толку за нами тогда гнаться. — Подала голос младшая Ира, обычно молчаливая. — Будет сидеть в новом гнезде и ждать других простофиль.

— Долго же ему придётся ждать. — Возразила маленькая Таня.

— Нас-то оно долго ждало. — Вставила Ира старшая.

— Почему? — Спросила Хиз.

— На нас оно набросилось довольно вяло, словно заржавело, а потом размялось и понеслось как арабский скакун.

— Как бегемот, они тоже быстро бегают, — Хиз отстаивала свою аналогию, — только разгон нужен.

— Мы собрались здесь дожидаться, пока оно выберется? — Спросил Сергей, которого очередной раз поразила способность девчонок болтать о пустяках в таких обстоятельствах.

— Поможем гнездо строить. — Хохотнул Пашка и сделал вид, что сморкается вниз.

— А казался таким джентльменом. — Хиз укоризненно покачала головой.

— Я это... извини. — Пашка тут же запунцовел и зачем-то пригладил волосы.

Ира с Сергеем хитро посмотрели на Хиз. Та сделала вид, что ничего не заметила.

— Мы должны оставить предупреждение, что здесь притаилось чудовище. — Снова напомнила о себе маленькая Ира.

— Точно! Мы оставим здесь везде надписи. — Маленькая Таня поддержала подругу.

— Похоже, мы отсюда не собираемся уходить. — Проворчал Сергей и стал оглядываться в поисках пищущих предметов. — Но на самом деле предложение верное. Только давайте всё делать быстро и валим, наконец-то. Меня от этого соседства в дрожь бросает.

— Здесь просто холодно. — Хиз говорила громко, потому что уже начала скрежетать своим самурайским ломом по полу буквы. — Заодно и наточу. — Усмехнулась она себе, счищая о бетон слои ржавчины вокруг тонкого кончика, который с трудом был отломан от стены.

Пашка отправился на другую сторону дыры с чудовищем выводить надписи куском камня. Оставшиеся членов отряда занялись стенами.

У Хиз получалось рыжеватыми бороздами: «Осторожно! Внизу монстр!». Пашке выкарябал гигантскими буквами: «Стой! Опасность! Ловушка монстра!». «Внизу прячется чудовище! Это не шутка!», — написали на одной стене малявки и для наглядности указали стрелкой. На другой стене у Иры и Сергея получилось: «И правда, там сидит монстр, будьте осторожны, он большой, быстрый и с огромными когтями», — стрелку они тоже пририсовали. Малявки рядом со своим указателем попытались изобразить и само чудовище, вышло что-то похожее на страхолюдную амёбу с длинными паучьими ногами, глазами и зубами.

— В принципе, похоже, — одобрил Сергей художество.

— Пробирает лучше всех надписей, — подтвердила Хиз и девочки скромно заулыбались.

— Ну что, давайте прощаться, — сказал Пашка, окидывая лучом фонаря поочерёдно надписи. Композиция выглядела внушающе, но, несмотря на всё, походила на детскую шутку.

— Как прощаться? — Изумилась Хиз. Остальные тоже оторопели, кроме Сергея, который засмеялся:

— Присядем на дорожку!

Эта реплика взорвала мальчишек гомерическим хохотом, который, подхваченный эхом, зловеще покатился по туннелю.

— Не люблю себя чувствовать дурочкой. — Хиз угрожающе приподняла стальной прут. Мальчишки подавились смехом.

— Пашка имел ввиду: давайте прощаться с чудовищем...

— ... и пошлите отсюда, наконец-то. — Закончил толстяк.

Чудовище громко блевануло в своей яме.

— Точно! — Расшифровал послание Пашка и на этот раз засмеялись все.

— А куда пойдём? — Спросила Таня, когда приступ веселья поутих. — Назад или дальше по туннелю?

— Идёмте со мной. — Тихо прозвучал незнакомый девчачий голос из-за спин ребят.

Все одновременно заорали.

Голос директора из громкоговорителей разносился по лагерю со странным, хлопающим как отражения закрывающихся дверей, эхом, когда ближайший динамик замолкал, из дальних еще продолжали долетать целые слова и даже обрывки фраз, наглядно демонстрируя ограниченность скорости звука.

— Совсем немного осталось до окончания захватывающей командной игры в Беглецов и Охотников! Уверен, всем интересно будет узнать, что на свободе остаются всего три пока что неуловимых группы беглецов...

— Они с ума посходили! — В сердцах выкрикнула Рита за что получила несильный тычок в бок стволом какого-то оружия, похожего одновременно на маленький автомат и жука. Человек в черном облегающем костюме с анатомическими вставками в уязвимых местах, наверное, броня, приложил палец к уродливой маске в том месте, где положено быть губам. Еще двое его близнецов держали на прицеле остальную часть отряда в то время, как один тащил из волн прибоя большой черный мешок.

— ... Улыбка Енота А-7, Отчаянные Мстители А-5 и Цветочная Поляна А-8. Вы девчонки, молодцы! — продолжал вещать директор. — Но опасайтесь лучших охотников нашего лагеря — отрядов Ассоль А-3, Солнечных Ласточек А-1 и Горных Нимф А-1.

При упоминании её отряда, Рита чуть опять не вскричала, но бок ещё саднил от прошлого «дисциплинарного взыскания» и новое получать не хотелось. Она в очередной раз глянула на свой навигатор с красным ремешком и отметила, что он всё так же сбоят. Экран устройства помигивал с самого момента нападения: то полностью лишаясь любых признаков жизни, то ненадолго и неуверенно набирая краску. Нет, конечно, никто не смотрел на часы во время появления этих страшных людей, но спустя минуту, когда растущее оцепенение страха подсказало, что это всё не шутки, не безумная инсценировка, не учения, не что-либо еще безобидное, нефатальное, что может произойти с нормальными подростками, а это — самое настоящее нападение странных и страшных людей, лишь с первого взгляда похожих на морских диверсантов. А было бы лучше, если бы это были «обыкновенные» диверсанты, морские пираты, безумные террористы? Намного. По крайней мере не так страшно.

«Ну да, — неожиданно для себя подумала Рита, — они с корабля. С бредноута, или как там его». В голове догадка знакомо щелкнула, картинка обрела контрастность, при этом как-то неуловимо вывернувшись. словно выпуклые тени поверхностей вдруг стали вогнутыми, а там, где свет очерчивал возвышения, оказались впадины. Как будто Риточка переместилась в иную реальность, идеально совпадающую с предыдущей только контурами.

Мамочка! (как ты сейчас далеко!) Ведь это чудовища, только похожие на людей! Они готовятся утянуть девчонок с собой, чтобы сделать с ними нечто невообразимое, непременно ужасное.

Это не маски у них на лицах!

Это лица с выпуклыми глазами, словно залитыми черными чернилами, аппараты для дыхания под водой не закрывают рты, это и есть рты — большие, угловатые, забранные вертикальной щеткой щелей, напрягающихся в такт натужному дыханию. Маленькие уши приросли к черепу, их прикрывает перепонка.

Неужели и всё остальное — тоже не костюм, не броня, а мерзкая черная плоть? Полина

помимо воли вглядывалась в перехрюкивающиеся между собой уродов, содрогаясь и одновременно оставаясь спокойной. Часть души девушки корчилась в агонии ужаса, в то время как лицо её оставалось бесстрастным, оно даже разгладилось, как у фарфоровой куклы.

«У меня шок», — подумала Рита, — «хоть бы он не проходил подольше, иначе я буду орать и брыкаться — меня будут бить прикладами, а я буду всё равно брыкаться и орать». Риточке секундно взгрустнулось от душераздирающей сцены, которую она тут же прогнала из воображения. «Интересно, кто-нибудь понял тоже, что и я?», — командир отряда осторожно осмотрелась. «Кажется, никто», — только успела она подумать, как на гальку с шумом свалилась Алина — одна из белобрысых приятельниц Риты. Стоящие рядом девчонки, вскрикнув, отскочили, но сразу бросились обратно к безмятежной, словно уснувшей девушке. «А вот: она поняла», — со странным юмором подумала Рита и вслух сказала ровным голосом:

— Врача. Кто-то должен вызвать врача. — Она сама удивилась тому, как неестественно прозвучало это, ей даже пришлось прокашляться, чтобы повторить то же самое, но уже с правдоподобными интонациями. — Врача! Нам нужен врач! — Её голос взволнованно дрожал, через слово срываясь на задушенный писк.

— Отпустите нас! — проплакала Марина. Её черные волосы обвисли, всегда бледное лицо приобрело голубоватый оттенок, а веснушки просто исчезли.

— Отпустите! Отпустите! — Завторили нестройно остальные девчонки, шокированное молчание которых прорвалось всхлипами и мольбами.

Трое чёрных уродов в ответ только покрепче взяли за оружие и щелкнули какими-то переключателями в глубине инсектоидных механизмов, которые наполнились негромким, но ясным звуком заряда конденсаторов — как будто набирает энергию вспышка профессионального фотоаппарата; звук дошёл до высокой ноты и остался смертоносно звенеть на ней. Простые угрозы кончились.

Четвёртый из отряда захватчиков подтащил мешок к Алине, не обращая внимания на сгрудившихся рядом девчонок, которые расступились, безотчётно избегая прикосновения мокрой резины гидрокостюма. (А Рита-то понимает, что это не резина, или не везде резина.) Он разорвал толстый материал, покрытый слоем клеёнки, похожей на рыбью кожу, которая громко трещала и шуршала при каждой деформации и запустил внутрь руку.

— Там у вас аптечка? — С надеждой спросила Марина, она совсем позабыла урок молчания, преподанный Риточке. Но Чёрным сейчас было не до борьбы с болтовнёй, а может быть конкретно почтальон особо не пришлась им по вкусу.

Рита не сдержалась и хмыкнула от такой наивности. Никто не заметил столь неуместного проявления эмоций. Не удивительно! Если никто не заметил, насколько порванный мешок походил на пакостный кокон, а только все таращились на манипуляции водолаза, ожидая, что он начнёт врачевать Алину.

Рука быстро нащупала что-то и вытащила наружу белесую дыхательную маску с обвислыми тонкими завязками, неприятно подрагивающими, словно силиконовые. За устройством тянулись тонкие прозрачные сопля, как будто его достали из свежего клея. Все окаменели, в упор разглядывая жидко-вязкую слизь, натягивающуюся сотней паутинок, рвущихся и повисающих, падающих маленькими капельками.

Рита подавила тошноту.

Псевдочеловек встал на колени рядом с Алиной и осторожно поднёс «дыхательную

маску» к лицу девочки. Он был похож на заботливого спасателя, так же, как пакостный организм в его руках — на медицинское устройство.

Рита ногой выбила «маску» из рук «спасателя» и с оглушительным вибрирующим гулом горизонт перевернулся и перед её глазами оказались камешки гальки — почему-то в фокусе, словно она разглядывала их через увеличительное стекло, а вот всё остальное вышло за пределы резкости и дрожало мутным маревом в унисон болезненной пилоподобной вибрации, сотрясающей тело. Прежде чем, картинка начала стремительно тухнуть, усилием воли она смогла сконцентрировать взгляд на лице Алины, на которое сбоку прыгнула белая маленькая тварь, залепив ей рот и нос своим мягким скользким телом. Алина открыла глаза поверх «маски» и встретила, недоумевавшая захлопав глазами, с затухающим взглядом Риты, которая сдалась и отключилась.

Солнечный пляж затопило воплями и хрустом гальки под ногами. Но всё быстро стихло после того, как Черные точными и экономными движениями полоснули молниями из жуков-автоматов по сорвавшимся в панику пленницам.

У девчонок еще подёргивались конечности, когда к их лицам присосались живые маски, жадно обвив затылки щупальцами.

Одна Алина, которой не повезло прийти в себя, видела всё до конца. Парализованная ужасом до окаменения мышц она наблюдала, как падали одна за другой Солнечные ласточки в конвульсиях, захлёбываясь криками с икотой, а потом к ним подходили страшные люди с чем-то подрагивающим в руках, что возле лиц девчонок оживало и, словно соскучившийся по любимому пациенту дыхательный аппарат, хватало их жгутами, плотно прижимаясь ко ртам. Когда она наконец смогла вдохнуть достаточно вязкого воздуха, который сопротивляясь проникал в лёгкие, чтобы закричать, она не смогла, — вибрация на выходе изо рта потонула в мягком и холодном. Алина не хотела этого делать, но глаза сами скосились к переносице, на которой увидели нечто симметрично-морщинистое, просасывающее газ для неё через открывающиеся и закрывающиеся трещины в плоти.

Девушка вскочила на ноги, пытаясь оторвать от лица липковато-скользкую распластавшуюся мерзость и, получив сбоку удар в голову прикладом, снова потеряла сознание.

Почтальон «Улыбки енота» Милена — маленькая сорвиголова, это она придумала название отряду и настояла на нём, — выглядывала из-за высокой травы на склоне, спускавшемся к набережной. Кроме неё и её верной подруги и помощницы Софьи все остались за высокими кустами лавра вверху, ожидая возвращения разведчиков. Еноты избегали хоженных дорожек (тоже идея Милены) и, вероятно, поэтому числились сейчас в числе наиболее успешных беглецов. А кроме того, еще их можно было смело отнести к самым загнанным своими почтальонами отрядам, поэтому никто не стал возражать, когда дуэт Милена-Софья распорядились: «Всем ждать здесь, мы в разведку!».

— Часы не работают! — досадным шепотом заявила Софья, протягивая запястье с навигатором для наглядности.

— Знаю! — Милена уже успела заметить, что циферблат устройства лишь слабо мерцает, когда пыталась набрать сигнал «SOS». — У меня тоже.

— И что будем делать?

— Ничего. Пока... Смотрим.

И две подруги смотрели, как четверо аквалангистов с автоматами держат на прицеле

группу старших девушек. Разыгрывавшаяся внизу сцена, сверху была видна, как на ладони, казалось, что если как следует размахнуться, то можно попасть камнем в какую-нибудь из фигурок на шершавой доске пляжа. Когда аквалангисты стали расстреливать пленниц трескучими молниями и цеплять им на лица живую гадость, Милена подскочила и действительно попыталась швырнуть в сцену камнем. Зачем? Чтобы отвлечь, а желательно прибить кого-либо из монстров. Девочка почему-то, без перехода и незаметно для себя, вычеркнула тех из числа человеческих существ. Отсюда, сверху, было хорошо заметно, как неправдоподобно слаженно двигаются чёрные фигуры, словно воспроизводят танец отработанный на сотнях репетиций, переступают и поворачиваются в групповых па, где ритм пауз и ускорений пробегает рябью по всем четверым.

Камень, хороший, увесистый, на треть детской ладони, не пролетел и четверти расстояния. Он бессильно стукнулся в жёлто-зелёную, примятую солнцем и солёным ветром траву, и даже прокатился вниз каких-то пару метров. Милена издала вопль бессильной досады и увидела, как изменился «танец» водолазов, верёвочки, которые синхронно дёрпали четвёрку, теперь вытянулись в их сторону — её, воинственно застывшей, и Сони, уткнувшейся в землю и дёргающей свою подругу за ногу в безуспешной попытке унять самоубийственный порыв.

Чёрные продолжали собирать обездвиженных девчонок из старшего отряда, подтаскивать их ближе к мешку и прибою, насаживать на лица молочно-кремовую гадость, но вместе с тем перераспределив внимание в сторону двух маленьких шпионов. Как будто несколько верёвочек теперь протянулись к ним, вибрируя от напряженного наблюдения, гудя от плотности несущейся информации.

Милена запоздало рухнула в траву рядом с ни живой, ни мёртвой от страха подругой, покрываясь гусиной кожей в ожидании разряда, или, ещё хуже, если кто-нибудь из монстров направится в их сторону. Но чёрные не реагировали на свидетелей иначе, чем повышенным вниманием, как собака, которая не перестаёт глотать кость, готовая оторвать кусок-два от любого, кто переступит невидимую, но ощущаемую, если ты не дурак, черту.

Почтальоны Улыбки Енота ждали, не смея пошевелиться и не в состоянии отвести глаз от мерзкой деятельности. Минуты шли, всего каких-то пять, если бы кто-то их подсчитал, но каждая казалась длиною в час. Наконец, существа на пляже подтащили всех старшеклассниц к мешку, покачиваемому прибоем, вытащили оттуда толстый, на вид мягкий, бледный под стать маскам, резиновый жгут. Из травы было неважно видно, но Милене показалось, что медузы-маски не просто крепились к нему, а сами хватались хвостиками, создавая отвратительную гроздь.

Двое чёрных вошли в прибой и потащили за собой мешок, еще двое тянули за пуповину, зарываясь ногами во влажную гальку. Прикреплённые за лица старшеклассницы заскользили следом, оставляя широкий многохвостый след на пляже.

Милене хотелось кричать от ужаса и рычать от бессилия, но она только всхлипывала, когда в волнах скрылись кроссовки последних двух старшеклассниц. Не меньше пяти десятков метров под водой скользили тени, сливаясь в огромную медузу, неясное морское чудовище, тёмную тень, неотвратимо удаляющуюся от берега в сторону бурого корабля.

III. Глава 2

Рита первой из Ласточек пришла в себя. С волос стекала вода, холодная одежда прилипла к телу и жутко ныла шея, вестибулярный аппарат выдавал странные данные. Почтальон раскрыла глаза и проморгалась от солёной воды. Сквозь капли на светлых ресницах мелькнуло солнце, горизонт и внизу море, которые закрыла чёрно-бурая стена, с потёками ржавчины из-под шляпок клёпок размером с хороший мандарин. Стена быстро проплыла слева направо и сверху вниз, вновь открыв горизонт, только теперь с полоской берега, в которой успела мелькнуть белая набережная с полосками бун.

Чёртов лагерь Кристалл, вид с моря.

Однако утомить вид зелёной горы с парками Риту не успел, снова ослепляющей радугой на ресницах брызнуло солнце и поплыла вбок и вниз вертикальная железная стена.

Пошевелить головой возможности у почтальона не было, казалось, что шея сейчас лопнет, а голова треснет в районе лица, раскрытых челюстей и ноющих скул. Полина скосила глаза — так и есть — на месте носа и щёк она увидела живую маску с раздувающимися влажными щелями. Пошевелив кистями, прижатыми телами своих подруг по отряду, она высвободила руки и тут же схватилась за ненавистное животное. Каждую из рук захлестнуло по жгутику, но Рита, не обращая внимания, отчаянно задёргалась, пытаясь сорвать приросшую к голове маску. Схватиться было не за что, настолько плотно к лицу приник симбионт и девушка стала его царапать короткими ногтями, задевая и собственную кожу, в тщетной попытке подсунуть пальцы под край чужой плоти, оказавшейся на ощупь хоть и мягкой, но крайне упругой и прочной.

Животное поддалось, Рита почувствовала, как оно ослабило хватку и зашевелило чем-то у неё во рту. Тут до девушки дошло, что её рот заполнен широким отростком симбионта, плотно прижимающего язык по всей длине до самого корня. Чёрная волна мутного омерзения вздыбилась одновременно с заглушенным криком, который лишь немного надул маску, выйдя тихим мычанием через расширенные щели. Девушка сжала челюсти, рефлекторно надеясь откусить пакость, проникшую в самое горло, но только закричала еще раз, теперь уже от боли в челюстях, которые, словно на удила, наткнулись голой частью дёсен на твёрдые отростки. Строение симбионта предусматривало даже это.

Но тут эта гадость как будто стала уступать, всё больше и больше ослабляя отростки, которыми держалось за голову и, как поняла Рита, было прицеплено к общему канату, так что девчонки, словно связка перезрелых бананов, безвольно висели на своих шеях. Безвольно висели все, кроме Полины, которая, раскачав дёрганиями всю гроздь, так что та ходила из стороны в сторону и стала крутиться быстрее, уже запускала указательные и большие пальцы под существо. То слабело и постепенно отлипало от лица девушки.

Вот уже Рита схватилась за маску всеми пальцами, животное с хлюпающим звуком оторвалось от лица, одновременно извлекая толстый отросток изо рта девушки. Риточка чувствовала, как что-то широкое, покрытое рельефом прожилок, вытягивается у неё из верхнего горла, но при этом не ощутила рвотных позывов, похоже эта штука ввела ей что-то, похожее на лекарство от морской болезни, а может быть как-то местно купировало рвотный рефлекс.

Когда с громким чавком маска оторвалась, Рита ощутила мгновение свободного падения и такое же короткое мгновение торжества освобождения. Затем её сильно дёрнуло

за запястья и повисла теперь уже на вытянутых над головой руках. Она оказалась лицом впритык к еще двум таким же существам, которые по бокам держали за головы её «клонов». «Надо же и здесь рядом», — подумала она, с горьким разочарованием поняв, что вовсе не освободилась от маски, а просто та теперь стала её кандалами, перебравшись на тонкие запястья и свив там нежный и тугой узел.

Правда, теперь появилась возможность крутить головой. Не слишком удобно, конечно, ею крутить, когда висишь на вытянутых руках, а шея болит как у Саддама Хусейна, но всё же. Рита осмотрелась. Весь её отряд был тут, рядом, в самом настоящем сюрреалистическом кошмаре. Все шестнадцать девчонок висели на высоте этажа так восьмого-девятого над гладью моря, рядом с бортом огромного корабля, поднимаясь всё выше и выше.

Рита посмотрела вверх и увидела, что тянет их в люк в высоте — к прямоугольнику света на фоне загибающегося над головами борта — обыкновенная цепь, влажно поблескивающая смазкой. А вот цепь уже выходит из знакомого мешка, из которого вниз торчит недлинная пуповина с прицепленными к ней щупальцами масками. Подниматься осталось еще столько же.

По грозди пошла вибрация, Рита обнаружила источник: Алина, немного ниже и сбоку. Бедная, вон на голове какая шишка. Девушка, которая вместо удара разрядом получила удар прикладом, в точности повторила все движения Риточки, истерически пытаюсь соскрести ногтями с лица симбионта. Почтальон молча наблюдала за ней, пока, та тоже не повисла на руках.

— Алина! — Позвала почтальон.

В ответ раздалась нечленораздельные вопли и гроздь уже серьёзно затряслась. Вторая ожившая что есть сил извивалась на привязи, толкая других пленниц, которые тоже стали открывать глаза.

«Ох, нет», — Рита порадовалась, что пришла в себя первой, в тишине, покачиваясь на ветру, а не в этом дантовом хоре, который вбирал всё новые голоса.

Под мольбы и проклятья, слёзы и слюни отряд накрыла тень борта, вопли стихли. Все задирали головы вверх к приближающемуся квадрату люка, через который виднелся кусочек неба, густо перечёркнутый контрастными линиями конструкций.

С лязганьем втягивалась цепь.

— Давайте сделаем хоть что-нибудь! — Раздался отчаянный крик. Рита напряглась, но не смогла узнать владелицу по сорванному охрипшему голосу; наверняка, когда она разговаривала с этой девушкой в последний раз, голос той звучал чистым колокольчиком. — Давайте все раскачиваться, чтобы перетереть о край верёвку! — Девушка в поддержку своих слов начала поднимать ноги и дёргаться на руках, пытаюсь придать шестнадцати связанным телам импульс.

Почтальон таки узнала Марину по чёрным волосам и плечам с веснушками. Навигатор Ласточек дрыгала обгоревшими ногами и у неё стала получаться раскачка.

— Стой! — Что есть сил заорала Рита. — Что ты делаешь?!

— Помогайте мне! Ну же, давайте! — Марина не унималась и Рита с ужасом увидела что еще несколько девушек начинают взбрыкивать ногами, пока невпопад.

— Стой! Ты же нас всех убьёшь!

— Почему это? — Марина, наконец обратила внимание на почтальона.

— Потому что мы привязаны! И если сейчас свалимся в море, то утонем!

После секундной паузы Марина расплакалась в голос.

— Успокойся, нас спасут. — Попыталась ободрить Рита девушку. — Наверняка весь лагерь уже на ушах стоит, нас ищут, скоро здесь будет спецназ, водолазы... настоящие. И они на присосках залезут на корабль и нас вытащат. — Почтальон говорила не просто так, она и сама верила, что по-другому быть не может. — Так что, девчонки, давайте просто останемся живыми!

— Да. — Марина больше ничего не сказала. В тишине, под скрип лебёдки, они поднялись над палубой. Люк под ними с царапающим скрежетом закрылся. На этой посудине, наверняка, всё работает с неприятными звуками, — подумала Рита.

Стрела лебёдки перенесла живой груз подальше от высокого борта, естественно, со страшным скрипом, и все рухнули друг на друга с метровой высоты, когда мешок отпустил цепь, или наоборот — цепь отсоединилась от него, кто их поймёт, но мешок шлёпнулся прямо на школьниц. Он оказался удивительно мерзким на ощупь, словно наполненный холодными кишками, а может быть и не словно, а действительно был неким бескостным организмом. Девчонки лишь вскрикнули, когда упали, но, когда на них приземлился скользкий ком весом под пятьдесят килограммов, завизжали и разбежались, расползлись на четвереньках или раскатились червяками, кто как сумел, лишь бы подальше.

Первой поняла, что больше отряд Ласточек не похож на большую связку мокрых побитых фруктов, Рита. Да, у всех на запястьях сидят эти жуткие существа, но по крайней мере они могут свободно передвигаться по палубе.

Палуба...

Вокруг не было ни одного живого существа, не считая, вероятно недвижимого мешка. Такая же бурая, как и весь корабль палуба воняла металлом, каким-то редким сортом железа, который даже в тех местах, где был надраен до блеска многочисленными касаниями, имел красно-коричневый цвет, который так походил на ржавчину. Но это не была коррозия, которая за годы в море выжрала бы в дредноуте дыры, скорее — патина, как на бронзовых памятниках или медных статуэтках.

Рита оценила высоту борта — метра два, не меньше, к тому же загнут толстым швеллером внутрь — нечего и думать, чтобы залезть на него со связанными руками. Видимо на это и был расчет похитителей, которые так беспечно оставили без присмотра ценный, а может и не очень, груз. К тому же, кто захочет сигать с высоты пятнадцатого этажа, опять-таки с руками скованными уродливыми кандалами. Сумасшедший только?

Риточка хотела. Она рыскала взглядом по корме, а это была именно задняя часть корабля, в поисках выхода из этой клетки. Но грёбаные чудовища не оставили ни одной стремянки, прислонённой к борту, ни даже старых ящиков, которые бы выстроились в подобие лесенки.

Подобие лесенки... Точно! Может быть удастся пододвинуть что-нибудь. Вот только что? Корма огромного корабля тоже была огромной, и на первый взгляд не пустой: тут и там виднелись железные коробки, контейнеры. Это, не считая стрелы крана с лебёдкой, на которой сюда подняли отряд и... Ох! Вот это штуковина!

На возвышении, как бы на втором ярусе, такого же бурого цвета, как и всё остальное, топорщилась шестью стволами, по три в два ряда, приплюснутая башня пушки — размерами под стать дредноуту. Шириной с автобус, высотой с него же, башня имела скошенные назад, зализанные очертания. В стволы, наверняка, можно было залезть, таких калибров они были.

Рита, вместе с остальными разбежавшимися из-под мешка, подошла к кучке девушек, которые раззявив рты смотрели на артиллерийское чудо. Если честно, то на корме больше

особенно смотреть было не на что, но шесть орудий, направленных параллельно горизонту, с лихвой компенсировали недостаток.

— Звездец. — Сказала Алина, она то и дело подносила пальцы к рассечённому краю лба, заново убеждаясь, что шишка никуда не делась. — Куда же мы попали?

— И главное, к кому? — добавила почтальон, становясь рядом.

— Об этом мне и думать тошно. Вон как по голове засадили, — Алина снова потрогала лоб, — значит, церемониться не будут.

— Уже не церемонятся.

— Они же тебя так убить могли! — Выкрикнула Марина. — Они нас всех могли убить этими своими автоматами и... и... масками. — Девочка скривилась в отвращении, подбирая слово. Она подняла руки, снова содрогнулась, и принялась крутить запястьями, пытаясь их высвободить от хватки симбионта. Её примеру последовали многие с одинаковым результатом: кандалы сидели, как приклеенные, хотя и не слишком сдавливали руки, давая тем минимальную свободу резинового экспандера.

— Может, кто-нибудь зубами попробует? — Раздался рядом знакомый девичий голос.

Все закрутили головами.

— Но не советую, на вкус просто отвратительно! — Говорившая рассмеялась. — Как водоросли, приправленные аммиаком, да и укусить в ответ может.

— Ук... укусить?! — Марина круглыми глазами уставилась на запястья, и не только она.

— Ангелла? — Возопила Рита. — Где ты? Покажись!

— О! Так мы с тобой знакомы? Да, Ангелла — одно из моих любимых имён на этом языке. — Продолжал тот бестелесный голос с саркастическими интонациями. — Ну и как я тебе? Небось, симпатяга? Вы все меня, наверное, знаете?

— Да, Ангелла! — Почему-то почтальон ласточек почувствовала обидный ком в горле. Она изо всех сил пыталась понять, откуда идёт голос, но он звучал так, будто лазутчик была в нескольких шагах впереди, на пустом месте между девчонками и уступом с пушкой. — Где же ты? Выйди, с тобой невозможно разговаривать! — А потом вдруг невпопад Риточка добавила: — Я тебе верила! Ты мне нравилась!

— Нравилась? Ну тогда точно покажусь, хотя не собиралась. Минутку девчонки, я уже иду, а то белобрысая сейчас расплачется!

— Ууу! Гадина! — Выдавила в гнев Рита, сжав кулаки добела.

— Я всё слышала! И вовсе я не гадина. А хочешь я скажу, как меня зовут на самом деле? Пока ещё вы меня не видите? — И не дожидаясь ответа: — Меня зовут... — раздался полумеханический скрежето-визг промодулированный замысловатым звериным рыком в звуковую роспись красивую и жутко-грозную одновременно. Словно огромный лев с торжествующим рыком сожрал болгарку, которая на прощанье отправила в эфир цифровое послание разнотональным визгом.

— Ой, мамочки! — Простонали девчонки разноголосом, проталкивая через пережатые внезапным страхом голосовые связки воззвания к родителям.

Загрохотало со стороны орудийной башни и по палубе пошла дрожь. Отряд попятился, девушки втягивали головы, но отворачиваться и бежать никто не решался, тем более, что бежать было некуда.

Над кормой разнёсся глубокий металлический стон, с которым верхний полукруглый сектор орудия приподнялся и съехал назад, на манер забрала мотоциклетного шлема. Дрожь прекратилась. В раскрытый проём вылезла членистая балка некого, скрытого еще,

механизма, ухватившегося зазубренным концом за край. С другой стороны, симметрично произошло тоже самое, как будто из башни собрался вылезать семиметровый паук, выставивший для начала вверх две передние лапы.

Посередине из проёма до пояса поднялась Ангелла, и она была почему-то голая, если не считать лежащих впереди прядей длинных белых волос и прикрывавшую грудь руку. Свободной рукой она приветственно помахала:

— Привет! Подойти поближе?

Прибывавший в состоянии растерянности отряд прекратил пятиться, но сказать что-либо пока никто не смог.

— Да! — Это Рита набралась духу. — Подойди и объясни, чёрт возьми, что здесь происходит, а то кричать через полкорабля неудобно.

— Иду, иду! — Ангела наклонилась что-то нажать в башне, громко щёлкнуло, и она выскочила на необъятные брёвна стволов. Во всей своей членистой четырёхногой красе.

По башне, ловко царапая бурюю обшивку чёрным толи металлом, толи хитином, спускалось существо с торсом девушки, в бёдрах переходящим в четыре радиально-симметричных огромных лапы, принадлежащих насекомому или поразительному в своём совершенстве механизму. Тело Ангелы плыло на высоте человеческого роста, в то время, как паучьи ноги уверенно несли её в сторону парализованных адским видением девушек.

Рита почувствовала, что за неё схватились с нескольких сторон. Солнечные ласточки жались друг к другу, как слепые щенки, но это не помогало: почтальон чувствовала, что пальцы, схватившие её больно за плечо, быстро слабеют и вот уже скользят по предплечью, касаясь только кончиками. Она подхватила Марину под руку и усадила на палубу, сразу же пришлось и положить обмякшее в обмороке тело. Это всё, что для неё можно было сделать — не дать грохнуться об пол со всего маху. Вниз одна за другой сползли ещё две девушки, краем глаза Риточка отметила, что они упали относительно мягко и одна из них — её белобрысый «клон». Остальные не могли оторвать глаз от плавно надвигающейся Ангеллы, но держались на ногах. С трудом, как могла понять по себе Рита, а у неё в глазах мелькали яркие точки, и картинка набрала неестественную цветность.

Как-то, еще в детстве, Риточка отключилась прямо на улице, когда шла с родителями, была страшная жара. Тогда спецэффекты были такими же. А это значит, что сейчас главное не подпустить пульсирующую тьму, которая уже показалась на периферии, иначе ляжешь тут же, рядом. Она не хотела терять сознание, когда надвигается огромный паук с телом девушки, а потом прийти в себя, например, от боли в откушенной ноге.

Почтальон ласточек сжала челюсти, так что скрипнули зубы. Ей стало легче, она усилием воли возвращала ускользящее сознание в фокус. Рядом ещё кто-то упал. «Ну и хрен с ней», — подумала Рита.

— Ты что такое? — Вслух произнесла она негромко, думала, что её никто не слышит.

— Я не «что». — Ангелла подошла вплотную, так что её передние ноги оказались справа и слева от сбившегося в кучу отряда. От неё пахло фиалками. — Я очень даже «кто», и даже более, чем вы «кто». Лучше спросите, зачем вы здесь.

Рита не смогла сдержаться и полной грудью вдохнула удивительно приятный аромат цветов, он был единственной не кошмарной деталью, хотелось даже закрыть глаза и ощущать только его, чтобы потом открыть их и увидеть цветущую поляну, а не сюрреалистический бред.

— Ты что, меня понюхала? — Игриво спросила Ангелла.

— Нет. — Почтальон вздрогнула, как будто её застучали за чем-то неприличным.

— Нюхала, нюхала! — Вредным голосом протянула полудевушка-полутварь. — А хочешь ещё и пощупать?

— Да нет, же! — Рита перешла на крик, её забила дрожь. — Нет, уберись от меня!

— Пощупай. — Ангела протянула к Полине обе руки.

— Нет! Не буду! — Почтальон попятилась, наткнувшись на других девчонок.

Огромные ноги громко щелкнули по палубе сзади отряда. Ангелла практически обняла их своим передними конечностями. Отступить было некуда и девушки еще сильнее прижались друг к другу.

— Пощупай, а то укушу. — Чудовище пребывало в прекрасном настроении. Оно очаровательно улыбнулось во все тридцать два жемчужных зуба. — И, причём не этими зубами. У меня есть другие, которыми я ем, и лучше вам их не видеть. Давай, возьми меня за руки.

Рита подняла скованные запястья, чтобы коснуться монстра.

— А почему ты голая? — Рита остановила руки на полдороге. Она сама удивилась вопросу. Она мечтала как можно дольше тянуть время и не касаться паука, но... Кажется, у неё вспыхнули уши.

— Вот ты вредина. — Ангела приблизилась еще немного, заглядывая в лицо Риточке. — Так вот что тебя смущает. А я-то думаю, чего это они в обморок падают. Ладно, отвечу. Мне одежда не нужна для терморегуляции, а соблюдать приличия я отвыкла много-много лет назад, поскольку давно не встречалась лицом к лицу с разумными существами. Так соскучилась по общению, что к вам выскочила, забыв обо всём. — Монстр элегантно жестом откинула волосы с лица. — Вы первые люди, кто видит меня за последние лет эдак... тридцать. Этот корабль и есть моя одежда.

— А как же эти... чёрные?

— Ваши похитители? — Бросила небрежно Ангела. — Ты определённо решила заговорить мне зубы и у тебя получается. — Она всплеснула руками. — Ах, если бы не мой так внезапно открывшийся голод общения, уже пять минут назад поотрывала бы всем головы!

Вскрикнули несколько девушек и еще одна из них осела без чувств на пол.

— Шучу! Устраивала бы я ваше похищение, если бы просто хотела убить? Нет, конечно! Вас бы уже приволокли мёртвыми мои... чёрные, как вы их называете. Хотя может я захотела свежатинки, съесть вас еще тёплыми. — Чудовище сделало вид, что задумалось. — Ладно, не буду я вас есть, хотя физически могу и меня не стошнит.

— Хватит нас пугать! — Рита почувствовала, что злится на *эту* Ангеллу, совершенно по-человечески. Не как на паукононого монстра, а как на *ту* Ангеллу, которая её раздражала и одновременно притягивала, с которой хотелось спорить и спорить, говорить все слова поперёк, но говорить с таким удовольствием. — Тебя скоро некому слушать будет! — Ангелла удивлённо распахнула глаза с белесыми ресницами. — Думаешь, они отключились от страха? Как бы не так! Они просто уснули от скуки!

Хозяйка дредноута так и прыснула. Она согнулась от хохота и хлопнула Риту по плечу, та не отдёргнулась, а сама фыркнула сдерживаемым смехом. В полный голос смеяться не решалась, поскольку опасалась, что веселье в этих обстоятельствах станет спусковым крючком для истерики, которая может закончиться безрассудно и даже самоубийственно, например, попыткой задушить обнаженную фигуру.

— Ты уже начинаешь храпеть! — Ангелла передразнила, как фыркает, сдерживаясь, Риточка. И тут почтальон не удержалась и начала хохотать в голос.

Чересчур громком, слишком визгливо.

III. Глава 3

Да она сейчас набросится на Ангелу, будет тянуться к её горлу с безумным смехом. Учитывая длину конечностей монстра и наполненную силой плавность движений, смерть Риточки не будет мучительной: хрясь! и всё. Только брызги полетят на оставшихся в строю ласточек. Глупое избавление.

Она хочет, чтобы я её пощупала?! Пожалуй, самое время, вроде как уже и не противно, а храбрости больше, чем сейчас, не будет. Рита, продолжая смеяться, схватила связанными руками за плечо человеческой части чудовища. Ангелла, запнувшись в хохоте, удивлённо глянула в глаза Рите и Рита тут же пропала.

Мгновение падения-вращения и почтальон снова смотрит в те же глаза самозваного лазутчика, только уже в отряде и у девушки нет чудовищных механо-инсектоидных ног, а есть вполне соразмерные, кстати очень красивые, обычные ноги, спрятаны под столом в столовой.

А должны быть другие ноги? Риточка слушает, что говорит Ангелла и отвечает ей, пытаясь на фоне вспомнить странный сон о большом и ржавом корабле, где её собеседница была хозяйкой команды черных водолазов, монстром, властным и насмешливым. Какая глупость! Рита хочет перебить Ангеллу, чтобы рассказать ей о странном сне, но ничего не получается, вместо этого она говорит, словно заученные, другие реплики: спорит о возможности существования параллельного мира.

Повернуть беседу в другое русло невозможно, она словно уже процарапана на пластинке пространства, по которому скользит игла времени. Рита мучительно чувствует предопределённость, но ничего поделать с ней не может.

— Всю человеческую историю вы сидели тихо у себя там в верхнем слое, — слышит свой голос почтальон, — а теперь, здравствуйте! Ты решила свалиться на голову именно нашему отряду. Ну это же неправдоподобно!

— Ну почему же тихо сидели? — Ангелла самодовольно откидывается на спинке стула и кладёт вилку подчёркнуто аккуратно на край тарелки зубьями. — Жанна д'Арк, например...

— Что? Это ты была?! — Рита заливается с собственной шутки, а Ангелла недовольно закатывает глаза.

— Нет, моя землячка. — В тон отвечает лазутчик.

— Уж скорее, «слоячка»! — Это откуда-то сбоку добавляет Таня Хизер, но обе блондинки не устаивают её и одним взглядом на двоих, настолько они заняты друг другом.

Шутливая пикировка на минутку отвлекла Риту, но когда разговор вернулся в прежнее русло, она снова вспомнила о диком сне на корабле. *На корабле?* Ты хотела подумать: «О корабле»? Пожалуйста! То, что сейчас происходит — настоящее! Нет, это не сон, сон — там, где Ангелла — монстр!

Рита продолжает говорить свои реплики, игла скользит, но сердце девушки заколотилось сильно-сильно, снова выросла ясность, уже не первый раз в этом лагере. Она залила всё осознание прохладной свежестью вогнутой линзы и мысли почтальона Ласточек наконец освободились от патоки повторяющегося «настоящего», не в силах на волос изменить даже движения глаз, она переместилась вниманием, в центр сферической сцены, который был аккуратно у неё между бровей. Вернее, не у неё, а у её записи, разворачиваемой

временем. Сама же Рита отчётливо понимала, что она сейчас на корабле, стоит, хотя может и лежит уже, на тёплой бардовой палубе, пахнущей морем и железом, а рядом находится *существо* — которое называет себя лазутчиком Ангеллой, как-будто из верхнего мира, на самом же деле оно — порождение мрачных пространств, чьё настоящее имя звучит, как крещендо, взятое блек-метал группой в кульминации живого выступления на Хэллфесте.

«А вы думаете блондинки не послушивают блек-метал?» — мысль рассмешила Мар-га-Риту, не запись, а настоящую, присутствовавшую в столовой только в качестве точки восприятия. Маргарита (почему её никто так не называет?) начала хохотать, но поскольку не имела собственного рта и даже собственного воздуха, то смех её стал пульсирующей вибрацией. Ха, ха, Ха! Напористой жужжащей синусоидой хохот раскатывался концентрическими кругами...

...ха-хах-ха, ха, Ха, хах! ха-хах-ха, ха, Ха, хах!ха-хах-ха, ха, Ха, ха-хах!..

— разрывая сцену на детали, пространство между которыми заполняла пустота. Стол был на месте, столовая — на месте, голограммы Риты и Ангелы по-прежнему друг напротив друга, но пустота, не имеющая измерения, раздвигает всё, как океан трещины во льдах...

— А ты интересная, Маргарита — произносит уже в затопившей всё тьме голос монстра.

Рита поняла, что это уже не иллюзия, а вполне натуральное чудовище говорит ей прямо в ухо. Но темнота настолько уютна, наполненная эхом вибраций её смеха (ха-хах-ха, ха, Ха, хах), что девушка отказывается совершать хоть какое-то волевое действие, чтобы отогнать её. Она даже не знает, открыты ли у неё глаза и в каком положении находится тело. Собственные мысли и, как ни прискорбно, голос Ангелы, всё что здесь есть.

Нет, она совершенно не хочет выплывать на поверхность из внутренней глубины. Пусть монстр говорит, что хочет, Риточке совершенно фиолетово!

— Я когда просила меня трогать, совершенно не грудь свою имела ввиду. — Говорит ей Ангелла тем игривым тоном, который всегда обозначает обратное.

— Что!?! — Вскричала Рита в голос, который слышала ушами, к которым, как и ко всем остальным частям тела, экстренно прошло подключение. В глазах, да они открыты, посветлело, рывком вернулась чувствительность в руках и ногах, которые незамедлительно выполнили прыжок назад, а руки бросили то, что они держали, чтобы это ни было.

Рита отдала кому-то ноги и, чуть не завалив, приземлилась на пятую точку. Над ней склонились бледные лица девчонок. Как будто они были тяжело больны. «Да, у нас у всех опасный бред и от него не сбежать», — подумала почтальон. У неё колотилось сердце, а гусиную кожу со стоящими дыбом волосками покрыли большие капли пота

— Что случилось? За что я её держала? — Последний вопрос был не понят подругами по несчастью.

— Ты взяла её за руку, она тебе что-то прошептала на ухо, и ты тут же закричала и рванулась назад. — Пояснила Марина и бросила мрачный взгляд вперёд, на паукообразную хозяйку дредноута.

— За руку. — Рита села и зло посмотрела на тело Ангеллы, зависшее перед ней.

— Да, не волнуйся, ты по-прежнему непорочна. — Ангелла улыбалась так, что ей хотелось дать по морде. — Извини, лучше ничего не придумала, чтобы быстро достать тебя оттуда. Кстати, если сможешь впредь входить в то внутреннее пространство, а ты сможешь, если хорошенько вспомнишь ключ-вибрацию, лучше места для отдыха и медитации не найти. Ещё там можешь пережить пытки. Вставай, — Ангела протянула Рите руку, —

больше не будет фокусов с тобой.

Почтальон отпрянула, поползла назад и ей помогли подняться девчонки.

— Что ж, обидно. Как ты понимаешь, это был и символический жест тоже. Надеюсь, если я созрею для серьёзного предложения руки, а может быть и сердца, ты подумаешь еще раз.

— Да ты больная! — Выкрикнула Рита в лицо монстру. — Что ты тут за фокусы вытворяешь и главное зачем?

Ангелла серьёзно посмотрела на Риточку, затем обвела холоднеющим взглядом весь отряд и вздохнула.

— У нас ещё полно времени на болтовню, я надеялась провести его приятно, но придётся переходить к делу, раз вы так настаиваете.

— Я не настаиваю! — Марина попыталась улыбнуться. Чудовище вернуло ей улыбку, но без былого энтузиазма.

— Отвечаю на вопросы в порядке поступления. — Ангелла убрала щупальца, которые держали отряд в полукольце. Девчонки облегчённо вздохнули. Те чёрные существа, похожие на людей — мне не слуги, а скорее пальцы, которыми я шевелю по желанию. У них мозгов, как у тараканов: без меня с голоду не умрут, но... потом умрут, когда доступная еда кончится. Идеальные солдаты для того, кто умеет ими управлять.

— Мерзость какая, — процедила Рита.

— Да. То есть почему?

— Не люблю тараканов!

— И чёрт с ними. Далее: кто я такая? Это трудный вопрос. В двух словах всего не рассказать, могу показать, если вы дотронетесь до меня, например, — в Риточку стрельнул озорной взгляд, который сразу пропал, — возьмёте за руку. Есть желающие?

Молчание, чуть ли не сопение.

— Тогда поверхностно, говорю специально шаблонами. Я тёмный властелин, прибывший в ваш мир в поисках новых перспектив. Я — основной конкурент тех, кто сейчас будет прорываться из моего мира в ваш там, на берегу. Я предлагаю сотрудничество, хоть и не с кем не сотрудничала вот уже 30 лет... — через небольшую паузу она добавила с горькой неохотой, — ...и 5 месяцев, и 12 дней.

— Ты хорошо сохранилась, если тебе уже за тридцать, — сказала Рита, чтобы заполнить повисшую грустную паузу.

— Да, неплохо, — Ангелла снова убрала волосы с лица, только теперь не кокетливым, а каким-то замедленным движением, стирая нахлынувшие воспоминания. — Мне на самом деле под восемьдесят.

Теперь охнул весь находящийся в сознании отряд. Те, кто отключился, так и оставались недвижимыми, в их сторону начали обеспокоено поглядывать. Монстр своей напористой болтовнёй вселила уверенность, что убивать сейчас не будут, поэтому появилось возможность подумать не только о себе.

— С ними всё в порядке, — поймала взгляды Ангелла, — они даже нас слышат. И, поверьте, чувствуют они себя куда лучше вас. Для меня сознания живых существ осязаемы, я могу дотягиваться до них энергетическими органами, которые вы не видите. Кстати, эти великолепные ноги, — девушка подняла одну паучью лапу, демонстрируя чёрный коготь, похожий на широкую лакированную косу, которой она смело смогла бы косить подсолнухи, — являются важной частью этой системы, а не только помогают мне ловко бегать и пугать вас.

— Тебе восемьдесят! — Произнесла поражённая девушка, одна из подруг-блондинок Риты. Главное в этом спиче она для себя выделила.

— Где-то так.

— «Где-то так» и даже без дней и месяцев? — Скептически спросила почтальон.

— Это не важно. Совсем не важно, сколько тебе лет и зим, если ты вполне обосновано собираешься жить вечно. — Ангелла нервно постукивала передними ногами. — А вот предательство, — она сжала кулак так, словно что-то раздавила в нём. Будь у неё в ладони камень, он бы сейчас превратился в крошку, — предательство требует щепетильного подхода, если тебе дорога твоя счастливая вечная жизнь! Короче, кто хочет навсегда остаться юным и в восемьдесят, и в восемьсот выглядеть, как я?

— Я, пожалуй, не откажусь. — Робко подняла вверх руку блондинка, к ней присоединилась Марина и, после кратких колебаний, еще несколько девушек.

Ангелла с горящими глазами и раздувающимися ноздрями держала паузу, глядя на группку напуганных, но уже не до смерти, девушек, как Цезарь на свои легионы. Спустя долгую минуту руки не подняли только Рита и лежащие в странной отключке девчонки.

— Кстати, они тоже за. — Хозяйка корабля дёрнула подбородком в сторону распластавшихся на палубе тел. — Они всё слышат и уже передали себя в моё чуткое руководство. Им нравится.

— В восемьдесят выглядеть как ты? — Протянула задумчиво Рита. Она отметила, что совсем не боится чудовища, по крайней мере тем безотчётным животным ужасом, которого заслуживает уродливое существо из другого мира. Она видит в ней человека и только сознанием понимает, что это опасный псих, а душой чувствует странную симпатию: «Мы могли бы стать хорошими подругами». — Стильные лапы тоже прилагаются?

Ангелла захохотала:

— Это на твоё усмотрение! Но, думаю, о доработках организма пока говорить рано. А вот немного усовершенствовать ваш ум — прямо сейчас могу.

— Не смей больше соваться в мои мозги!

— У-тю-тю! — Ангелла сделала шутливый жест указательным и средним пальцем, словно показывая «козу» ребёнку. — Я всего-то хотела посмотреть на себя, ту которая на берегу. — И дальше она уже обращалась ко всем поверх головы Риточки, как на трибуне, приподнявшись на паучьих лапах.

— Я похитила вас, чего тут скрывать, как заложников. Скоро, уже сегодня днём, тут начнётся неслабая заварушка, в которой куролесить первыми будут ваши военные. И можете не сомневаться, что как только они поймут, с чем столкнулись, я говорю обо мне, они ненадолго задумаются, перед тем как уничтожить нас всех вместе, превратив в дым корабль, а воду под ним в перегретый пар. Для уверенности. — Чудовище жестом показала вспыхнувшее облачко. — Но это будут только цветочки. Когда они узнают, кто наступает на берегу, это будет чуть позже, но тоже сегодня, они остеклят весь берег, все эти горы раздробят.

— Остеклят, это как? — Спросила Марина. — Оградят всё стеклом? — Рита даже поморщилась от такой глупости.

— Нет, взорвут тут к чёртовой матери мегатонную бомбу, а потом еще одну. Для уверенности. Скалы станут оплывшим гладким шлаком-стеклом.

— Никто ничего не будет взрывать! — Выпалила Рита. — Ты пересмотрела дешёвой фантастики. У нас даже испытания давно не проводят.

— Наивная. — Ангелла наклонила голову, смотря на почтальона снисходительно, как учитель на тупого, но любимого ученика. — Проводят. Просто зачем говорить громко о том, что неприятно слышать. Ваше общество так устроено — сплошная ложь. И о вашем лагере скажут, что его накрыло извержением вулкана, снесло цунами или раструсило землетрясением — что-нибудь придумают.

— Какая-то бессмыслица — всё — от начала до конца. — Рита схватилась руками за голову. — Стой, стой. Ты нас взяла в заложники, потому что военные уничтожат твой корабль, потому что ты взяла нас в заложники? Да ты шизофреник!

— Нет, я не больна на голову. Корабль уничтожат просто, потому что он есть тут, когда обнаружат его, в страхе перед неизвестным, а сделают это на несколько часов позже, чем должны были бы, ведь у меня есть вы — заложники, дети, невинные девушки! Такая драма по всем новостям!

— А как же вулкан?

— Из-за меня вулкан не прокатит, придётся вписывать террористов с ядерным фугасом. Ваши правители будут только в ладоши хлопать, получив такой повод для усиления контроля и снижения уровня жизни рабов. Но вам-то какая разница? Я предлагаю однозначный выбор: оставаться в роли заложников, которым гарантирован неизбежный и скорый конец, либо стать моей командой, а там, кто его знает, может быть так сдружимся, что проведём вместе пару-тройку столетий.

— Стать твоей командой тараканов? — Рита не хотела поддаваться инферальному очарованию Ангеллы, её невообразимых предложений, но уже поняла, что эти попытки — не более, чем судороги рыбы, бьющейся о доски причала, под неожиданно застывшим взглядом рыбака, занёсшим дубинку, чтобы оглушить, убить, съесть — сделать всё, что он собирается и помешать ему может только чудо... Например то, что он стал разговаривать с рыбой...

— Нет, ещё тараканы мне не нужны. На этом корабле я могу их штамповать сама. Мне нужны настоящие люди, те, кто добровольно, понимая собственное благо, испытывая ко мне хоть немного симпатии, будет сотрудничать. Для начала кое-кто из вас вернётся на берег... Стоп, стоп!.. шшш! — Ангелла приложила палец к губам и резко поднявшийся гвалт девчонок, почуявших освобождение, так же резко стих. — Это будут они. — Разочарованные взгляды, в которых не осталось и тени сочувствия, устремились на трёх девушек, всё ещё пребывающих без сознания. Правда, и завидовать им никто не завидовал, слишком странное сложилось у них положение. — ...и расскажет о вас — несчастных заложниках. У нас появится пара лишних часов и этого времени хватит...

Неожиданно Ангела замерла, её щека дёрнулась, словно от прикосновения невидимого комара. Она вытянулась на членистых ногах, вознёсшись над палубой на четыре метра и тревожно уставилась в сторону берега.

Девушки попяtilись, тоже начали оглядываться, но кроме тёмного высокого борта ничего не увидели. Рите показалось, что она услышала рокот отдалённого грома.

Небо ясное, так что это не гром.

Порыв ветра сбил с плеч прямые волосы Ангеллы. Её лицо снизу казалось сверхъестественно красивым, принадлежащим ангелу, который слышал трубный глас. Она посмотрела сверху на девчонок, в её взоре горел безумный азарт и плескалась ледяная решимость. Риту мороз пробрал между лопаток под этим взглядом, как будто она увидела нечто величественное. Пожалуй, так оно и было: прямо сейчас, перед отрядом глупеньких

Солнечных Ласточек начиналось нечто, по сравнению с чем вся их предыдущая жизнь станет лишь бледным сном.

Ещё один отдалённый раскат грома, теперь яснее. Спустя секунду волосы монстра, жгущего сверчеловеческим взглядом палубу, подпрыгнули под новым порывом.

— А оно началось! — С удивлением архангела произнесла обнажённая дева на паучьих лапах. — Началось, пока мы тут болтали. — Восхищение её нарастало с каждым словом. — Врата открыты, девчонки! Я ошиблась на полдня, как дура. Думала, самая умная. А проход распечатывают сейчас с двух сторон! Никого подозрительного на берегу не замечали? Кроме меня, естественно. — Спросила она, театрально перейдя с небесного набата на громкий шёпот.

Раздался страшный срезет — это закрывалось «забрало» орудийной башни. С лязгом плита встала на место, и выпрямившаяся Ангела медленно повела головой в сторону. Её движение продублировалось воем привода и башня неестественно быстро и чётко повернулась, следуя за застывшим взглядом девушки.

— Будем импровизировать! — крикнула Ангела и всю палубу сотрясла крупная дрожь, от которой подогнулись коленки. Под слоями железа ожили огромные двигатели. Крупная вибрация тут же сменилась лёгким гулом, а к небу потянулись первые чёрные дымы.

— Что случилось? — Рита похолодела. Она только-только высохла от солёной воды, согрелась, как снова вся кожа пошла мурашками. — Какие врата? Кто через них идёт? Такие, как ты?

— Такие как я? Ах-ха-ха-ха-ха! — Ангелла закинула голову, словно собралась завывать на луну, и визгливо хохотала. «Она точно сумасшедшая», — подумала почтальон. Монстр резко оборвала самодовольный шизофренический визг и, буравя взглядом отряд Ласточек, ответила инфернальным контральто: — Таких, как я больше нет! Сюда идут такие как вы. Утопия. Так они себя называют. И я единственная защита этого мира от Утопии!

Отдаленные раскаты теперь стали похожи не на гром, а на грандиозный камнепад. Корабль слегка приподнялся на волне и так же медленно опустился. Горячий ветер над палубой хлопнул еще каскадом порывов и задул с ровной силой.

— А как же мы? — На почтальона ласточек накатило ощущение, что она песчинка, беспомощно скользящая внутрь вселенских жерновов.

— Вы? — Рита пожалела, что снова обратила на себя жгущий взгляд, она хотела закрыть голову руками, спрятаться от него, как от солнца. — Вы со мной!

В небе появилась комета с дымным хвостом, она беззвучно увеличивалась в размерах, сияя росчерком сварки, ей потребовалось всего несколько мгновений, чтобы покрыть расстояние от горизонта. Корабль лязгнул свистящим взрывом и навстречу комете выстрелила молния, над морем возник огненный шар и воздух разорвался всё заполняющим месивом из громов. Сквозь вату и звон в ушах Рита снова услышала дикий смех Ангелы и её торжествующий крик:

— А вот и ваши пожаловали!

III. Глава 4

Таню Хиз мутило. После кошмарно-бредовой стычки с многоногим-многоглазым чудищем, на минутку показалось, что всё позади. Показалось совершенно нелогично, чувство родилось в обход сознания и вылилось в бурное веселье. Надписи на стенах над ловушкой, воплощённая ужасная смерть пленена и бродит безобидная под ногами — самое время выдохнуть... Но! Когда эта девочка возникла, словно призрак за спиной и заговорила замогильным голосом, Хиз чуть не...

— Радость, говоришь, тебя зовут?

— Радость-144-99, — поправила та невозмутимо Таню.

— Я от такой радости чуть не обделалась. — Хиз оперлась на свою арматуру, но всё равно потеряла равновесие — как же ей от всего этого стало тошно — железная дубина загремела по полу, а Таня, тяжело взмахнув ватными руками, села на ватные ноги. «Прямо голыми коленками на острую крошку», — подумала она с гротескной жалостью к себе. Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть через нос и медленно выдохнуть через узкую щель в губах, чтобы не блевануть.

Друзья подскочили к Тане, не зная, чем помочь, хотя каждый из них чувствовал, как ноги трясутся и был готов стукнуть за это беззащитную Радость, чтобы знала, как подкрадываться. Почему-то именно её тихое появление выбило из ребят воздух, в то время как ещё полчаса назад они сражались с монстром.

— У тебя адреналиновое отравление. — С сочувствием пояснила девочка в сером платье и тяжелых ботинках. — Тяжёлое у тебя и немного легче у остальных. Извините, что перегрузила ваши нервы, честно, не представляю, как мне надо было появляться из темноты, чтобы никого не испугать...

— Извинения приняты. — Ответила за всех Таня. Она смотрела на свои руки, которые крупно тряслись.

— Вам всем надо бы отдохнуть. — Продолжила Радость, и друзья подняли на неё удивлённые взгляды. — Но, не сейчас.

— А сейчас мы должны пойти с тобой? — С сарказмом спросила Таня. — Да, помню, с этого начали.

— Вашим вожатым угрожает смерть. — Странная девочка, из чьих губ только что прозвучало страшное заявление, осталась спокойной, только, пожалуй, в ней прибавилось сочувствия. Не к вожатым, к ребятам, которые выжаты досуха, но снова должны подорваться и куда-то бежать.

— Что с ними?! — Вскричала Ира. Маленькие Ира и Таня прятались за её спиной, им совсем не нравилась эта Радость, от последней её фразы им захотелось плакать.

— Что с ними? — Повторила Хиз. Она нащупала ладонью арматуру и встала, зазвенев металлом о бетон.

— Ангелла.

— Сучка! — Выругалась Таня. — Веди, Радость номер 144-99, будем спасать дорогих вожатых от этой инопланетной твари.

— Можно просто: Радость, без номера...

— Да поспать! — Хиз сорвалась на крик. — Никто не возражает, — она повернулась к друзьям. — чтобы отправиться вслед за этой, — неловкий взмах ломом в сторону

девчонки, — которую можно без номера?

Друзья закачали перепачканными растерянными лицами, глядя на Таню со страхом и растерянностью. Хиз стало стыдно, она увидела, что ребята устали и потрясены не меньше неё, а малявки так и вовсе раздавлены — они вцепились в Иру, буквально повисли на ней. Заметила это её подруга или нет, но она терпеливо их держит, упёрлась в пол расставленными ногами. В то время, как Хиз тут устраивает истерику, машет палкой и строит из себя героя из кинокартины.

— Извините... — тихо шепчет Таня, но её все слышат, и большего никому не надо, это понятно по оживающим физиономиям, по проблескам улыбок. В конце концов Пашка, тоже тихо, мямлит: «Да ладно». Таню отпускает.

Она поворачивается к Радости и говорит уже увереннее:

— Извини, Радость.

— Ничего. — Отвечает та и её лицо остаётся ровно таким же, как было. Она и не терялась под напором Тани, переждав грубость, как порыв ветра.

«Кто ты?» — Очередной раз думает Таня, но некогда додумать, даже спрашивать сейчас надо о другом. — Что она с ними делает, сделала или только собирается?

— Пленила, обездвижила. — Говорит радость через плечо уже, она поняла, что за ней пойдут. — Может убить или уже убила, может сожрать частично или целиком.

— Фу ты, гадство! — Воскликнула Таня, закидывая пыльный после пережитого рюкзак на плечи. — А далеко? — С третьей попытки ей не удалось запихнуть прут в открытый зёв рюкзака, на манер катаны самурая. Подошла Ира, аккуратно вставила ломик в заплечную сумку по диагонали и застегнула молнию. Железяка торчала выше головы Хиз, которая затянула лямки на спине потуже, чтобы заплечная сумка не перекашивалась.

— Спасибо, — сказала Таня и помогла Ире надеть собственный рюкзак. — Пирожные помялись. — В ответ Ира только грустно покачала головой. Обратилась она к малявкам:

— Есть хотите?

— Хотим!

— А есть что?

— Есть, выгребайте, там на дне. — Ира присела и подставила сумку для разграбления.

— Только аккуратно, пирожные помялись стопроцентно, а воды — мыть руки у нас нет. — Присоединилась к ней Таня.

— Там в боковом кармане лежат салфетки. — Пискнула одна из малявок, дёргая замки.

— Нам такие же выдали. — Добавила другая, запуская руки под ломик и шелестя пакетиком.

— Чтобы салфеток нам оставили и застегнули всё как следует. — Попросила Ира.

— Не дергай так, я сейчас на задницу упаду. — Потребовала Таня.

Когда с извлечением НЗ ребята справились, то поспешили вслед за Радостью, которая ждала и ускорила, когда увидела, что друзья наконец собрались.

«Малявок жалко», — подумала Ира. Она взяла девочек за руки. Те вцепились в неё свободными от лакомства ладошками, и она почувствовала, как отвердели их походки. Она не смогла не улыбнуться и тихонько пожалала обе ладошки. Те вернули ей ободряющий жест.

Отряд, забыв о многолапом-многоглазом монстре устремился вдоль по туннелю.

— Почему я? — Услышала Таня в шаге сзади растерянный тихий голос Пашки.

Таня обернулась и с широкой пиратской улыбкой несильно врезала ему по плечу кулаком. — Потому что ты классный, что за вопрос! Она приобняла его и так они шли

раскачиваясь, как пьяные матросы, несколько шагов, пока на них не начали наступать сзади Ира и её младшие классы. Сергей поддержал сбоку чуть не завалившуюся пару пиратов.

На миг все взгляды встретились. Ребята не кивнули друг другу выдвинутыми в решительности подбородками, но это было в их глазах, они не положили рука на руку, как мушкетёры у Дюма, но это было в их глазах, они только улыбнулись краешками ртов, а в их глазах сверкнули молнии.

Радость улыбнулась, сама не зная почему — редкий случай. Просто на мгновение её окатило ощущением, что всё будет хорошо. Она попыталась задержать улыбку на губах, когда обернулась к ребятам, сзади она увидела маленький отряд друзей и ей захотелось идти не впереди, а вместе с ними. Она вспомнила своих друзей с Родины, ровесниц-девчонок в таких же как у неё коричневых платьях. Как учили их Наставники, друзей надо поддерживать действиями и только в последнюю очередь болтовнёй. Поэтому разговоры в Городе Учеников и Наставников не приветствовались, но Радость с подругами могли одним взглядом передать больше тысячи слов, со временем понимая, что болтовня и вправду пуста, Учителя и здесь оказались правы. Самая лучшая наука от них постигается со временем, самое глубокое, что они вложили в каждого гражданина, должно вызреть, прорасти сквозь личность, удобряемое впечатлениями нужными и нет, чтобы потом распусться красивым цветком мудрости — собственной.

— Около двадцати минут, если поспешим, — сообщила она. И добавила, предвосхищая вопрос. — Бежать не надо — шумно, мы будем громко дышать и всё равно придётся ждать, пока лёгкие успокоятся. Просто быстро идём, а когда будет близко, я скажу, и мы будем дальше идти очень тихо.

Компания в полном молчании устремилась за Радостью, малявки еле поспевали, но даже не думали жаловаться. Три фонарика: у Радости, Тани и, конечно, Пашки, прыгали по серому полу, тут и там чернеющему пятнами влаги, кое-где блестящему лужами, вскользь ощупывали пыльно серые стены, штукатуренные десятки лет назад, еще в прошлой эпохе. Когда попадались боковые проёмы, Таня и Пашка не могли устоять и светили в темноту за ними, выхватывая куски стульев и столов, разодранные панели с редкими грязно-разноцветными проводами. Двери по дороге больше походили на люки на подводных лодках, со скруглёнными углами, множеством гранёных шляпок болтов. Некоторые двери были приоткрыты, но чаще они выглядели запертыми, ребята даже несколько раз высвечивали на толстом ржавом металле с облетающей краской потёки сварки, грубо и спешно соединяющей плиту двери с проёмом. У одной такой двери сбоку виднелась большая проплавленная дыра, видимо, в спешке её заварили, а потом вспомнили, что забыли в комнате что-то важное и пришлось вскрывать автогеном. Проходя открытые двери, ребята то и дело спотыкались, пиная куски камней, части мебели или тряпьё, как будто хлам не мог спокойно лежать на своих местах, а его вымывало в коридоры бесконечно струящимся потоком времени.

Несколько раз от широкого туннеля вбок отходили узкие коридоры, два раза он раздвоился, уходя в сторону собственным непротёртым отражением.

Один раз пришлось остановиться на пять минут, чтобы ребята смогли вооружиться.

— Я обгажусь в конце концов, если не возьму в руки что-нибудь увесистое, — заявил Пашка в ответ на вопросительные взоры. Он остановился у распахнутой двери в боковую комнату, высвечивая в круге света разваленный стул.

— Я тоже, — сказал Сергей. — Мы быстро.

Друзья кинулись в комнату и схватились за стул, пытаясь его разодрать. Как бы не так! Это был крепчайший советский стул (они что из дуба их делали?) у которого задние ножки, плавно изгибаясь, переходят в высокую спинку. Таким образом, из одного предмета мебели выходят ровно две симметричных убийственных дубины, длиной по метру, с гранёными расширяющимися к одному концу краями. С горем пополам они расшатали диагональные болты и выдрали их из сиденья. Штыри с резьбой и гайками так и остались в дубинах, но не тарахтели, беззвученные и обездвиженные толстым слоем ржавчины. А вот дереву — хоть бы хны, толстый лак блестел, как новый, в тех местах, где пальцы стёрли с него сухую грязь.

К тому времени, как Радость начала сбавлять темп, всем стало жарко от натужно-быстрого шага. Хиз чувствовала себя, как в бреду, тёмные картины которого, бесконечные коридоры и разруха, перемежаются слепящими прыгающими пятнами фонарей, выхватывающих всё то же запустение, только крупными планами.

Радость шла всё медленнее, её походка стала крадущейся и все безотчётно переняли эту манеру. Наконец, по сигналу, все остановились.

— Что?.. — Начала было Таня шёпотом, но тут же заткнулась. И так понятно, что уже близко. Это не её с Ирой игра в шпионов возле корпусов, чтобы хихикать и задавать глупые вопросы.

Радость обернулась к Хиз, но ничего не сказала, она внимала, тому, что впереди.

Таня попыталась успокоить мысли, мечущиеся, как лучи фонариков во время их броска. Она осмотрела коридор — ничего нового, темнота впереди, еще гуще темнота сзади, они на островке полного колышущихся и резких теней света, прохладно, пахнет сырой побелкой.

А когда же они с Ирой изображали шпионов? Так смеялись... Неужели только вчера? Быть не может. Наверняка был ещё день, о котором она забыла. Таня напрягла память и мысленно прошла от приезда в лагерь до настоящего момента: мысленный взгляд скользнул по веренице сцен и упёрся в угол ближайшего поворота. Серый, в трещинах, за ним чернота. Страшно. Да, это было только вчера. Хиз захотелось завывать. Но нельзя, только не сейчас, сейчас должно быть тихо. Таня почувствовала, что ей не хватает воздуха, она старалась сдерживать дыхание, чтобы воздух входя и выходя из неё не так шумел.

Радость медленно пошла по-над стенкой вперёд, светя себе только под ноги. Ребята последовали за ней. Когда до поворота оставалось шагов двадцать, девочка знаками показала, что надо выключить фонарики и выключила свой.

«Начинается», — подумала Хиз и щелкнула резиновой кнопкой. К горлу подкатил горячий ком.

Через секунду фонарь погасил и Пашка. Стало темно. Темнее, чем с зажмуренными накрепко глазами под одеялом.

Все боялись пошевелиться и каждый на свой лад боролся со страхом темноты. Ира почувствовала, что малявки облепили её и руками, и ногами. К счастью, уже через минуту оказалось, что темнота не абсолютная, зрение медленно адаптировалось и стал заметен неясный силуэт стены возле поворота, боковой туннель сочился серым-серым, тусклым, тусклее, чем плавающие в темноте пятна — разряды в нервах сетчатки.

— Возьмитесь за руки, — прошептала странная серая девочка из параллельного мира прямо на ухо Тане. От Радости пахло детским мылом. Она нащупала руку Хиз и крепко её сжала. Таня повернулась, точно так же на ощупь нашла Иру и прошептала ей:

— Берёмся за руки.

Хиз крепко стиснула руку подруги, услышав, как та прошипела малявкам: «Держите

меня за футболку». Спустя секунд десять шевеления в темноте прекратились, и Ира шепнула Тане: «Всё». От Иры пахло шампунем. Таня передала Радости: «Мы готовы», и задумалась, с чем пахнет от неё.

Радость медленно пошла и все устремились за ней, осторожно переступая, чтобы если и наступить друг на друга.

Недомрак проёма приближался медленно, Тане так и хотелось кинуться к этому призрачному подобию настоящих фотонов, отличающемуся от разноцветных вихрей перед глазами только незыблемостью, и то относительной, он то и дело оплывал, уплывал и вздрагивал, возвращаясь рывком на место. Бедный Пашка, он идёт последним.

По одному они заворачивали за угол, прижимаясь к стенке, и каждый сдерживал вздох облегчения от того, что призрачный свет оказывался настоящим. Здесь, в боковом коридоре, было отчётливо видно, что проникал он из проёма, расположенного впереди еще шагах в ста. Проём, размером со складские ворота, светился бледно-белесым, возможно за ним было большое помещение.

Ребята, всё так же держась за руки, продолжили путь к свету. Несмотря на все мысленные усилия Тани, происходящее больше и больше походило на бредовый сон, она проваливалась в фантасмагорию темноты туннеля, совершая отчаянные попытки выбраться, которые внешне проявились, как старания проморгаться или вернуться к реальности, помотав головой. Проём в слабо освещённое помещение приблизился уже наполовину, когда Таня поняла тщетность борьбы с бредом и бросила сопротивляться.

На удивление, это имело обратный ожидаемому эффект. Хиз думала, что сейчас, стоит ей прекратить стискивать зубы, щурится и трясти головой в надежде вернуть фокус нормальности, всё уплывёт и она окончательно погрузится в сноподобное состояние, когда происходящее не подчиняется, отправляя зрителя в путешествие зыбкой неизбежности. Но нет, в бред её погружала борьба с реальностью, стоило её прекратить, как восприятие стабилизировалось и обострилось. Да, вокруг темно, а единственный свет неверен, но она воспринимает силуэт Радости впереди не просто, как эфемерную тень, призрак, а как объём, как девочку в грубой одежде, той, кто она есть на самом деле. Руки Тани не вцепились в чьи-то ладони, которые не дают ей улететь, как ниточки воздушному шарiku, а это маленькая и холодная ладошка Радости в левой руке и горячая ладонь Иры — её лучшей подруги в этой жизни, хоть они и знакомы всего два дня, неполных.

Проём неумолимо приближался, но благодаря наступившей ясности, Хиз спокойно продвигалась вперёд, не задумываясь зная: чтобы ни оказалось сейчас за ним, она встретит это максимально осознанно и эффективно. А ещё она почувствовала, что их цепочка сжатых ладоней, шагов в темноте, словно превратилась в змею, слаженно перекатывающую свои кольца. Возможно, это уверенность Тани передалась по рукам, как по проводу, и все друзья вошли в состояния собранности и принятия. А, может быть, каждый из них пережил собственное сражение с мраком. И вышел победителем. А вышел бы, если бы рядом не было друзей?

Вышел бы, даже выбежал — кричащим сумасшедшим.

Радость замерла у кромки проёма, прижавшись к стальной стене. Мрак здесь отступил, гонимый зыбко-серым светом, колбочками и палочками, активировавшими нейрхимические превращения глубоко в расширенных от темноты и глянцево-чёрных от усмирённого ужаса зрачках.

Радость оглянулась, без слов и без жестов все поняли, что они пришли, что пора

заходить. Медленно разжались руки. Радость первая нырнула за поворот стены, не разрывая слаженности цепи, за ней последовала Таня с арматурой наперевес, за ней Ира с малявками, Сергей и Пашка с длинными дубинами, выдранными из одного дубового стула.

Подростки бесшумно вошли в широкий проём, который претворял гигантское помещение-пещеру с необработанным высоким потолком и высокими бетонными стенами. Ангеллу они увидели сразу, так же как и вожатых. Вся картина встала перед ними без перехода, в неумолимой чёткости своей невероятности.

Голубой свет исходил от неоновой трубки, прикреплённой над разорёнными пультами, шеренгой побитых пианино протянувшихся вдоль дальней стены. Лампа мигнула, без использования газ не мог уйти из запаянной колбы, значит не хватало питающего напряжения. В мертвящем свете друзьям открылась неподвижная картина из трёх фигур: по центру стоит Ангелла, спиной ко входу, справа и слева от неё на коленях стоят вожатые Марина и Маргарита, почему-то они в своей винтажной одежде, а не спортивных костюмах. Руки Ангеллы, такие тонкие и чёрные в неверном свете, протянуты к затылкам женщин. Они словно молятся перед алтарём.

Таня взвесила в руке арматуру и прикинула, что ей надо пробежать по огромному залу шестидесятиметровку, прежде чем она сможет размозжить череп под длинными гладкими белыми волосами. Если метнуть прут, не добегая до Ангеллы, можно сэкономить ещё метров пять-десять. Но это, если она начнёт оборачиваться. Но если они так и не пошевелиются? Крушить голову беззащитной захватчице только на том основании, что Радость рассказала о канныбалических наклонностях блондинки-пришельца? Правда, пугающая неподвижность вожатых, да ещё стоящих голыми коленями на полу, как бы говорила, что не всё в порядке.

Радость достала из кармана платья ножик, разложила его и, крепко зажав в правой руке, беззвучно двинулась к неверному свету и странной сцене. За ней ступила Таня, по бокам которой места заняли Пашка и Сергей. Хиз обернулась к Ире, тоже сделавшей первый шаг, и покачала головой — приказывая и уговаривая остаться, она показала глазами на сдвинувшихся в общем направлении малявок. Ира остановила тех и остановилась сама, пожелав в прощальной миллисекунде взгляда Тане удачи.

Слаженная группа подростков прошла половину пути к неподвижной троице. С каждым шагом Таня чувствовала, как ей всё больше и больше не нравится, то, что она видит, но она ещё не понимала от чего её воротит. Может быть от влажного блеска на черных руках Ангеллы, от того, что не могла против света разглядеть затылков вожатых, на которых так примирительно должны лежать ладони девушки.

Голова с длинными белыми прядями, спадающими на спину, чуть наклонилась, словно у механической куклы провернулся шарнир. Ребята замерли.

«Сейчас», — подумала Таня, перекинула прут в руке, как копьё, и побежала вперёд не скрываясь. Ангелла начала поворачивать голову. Хиз осталось всего с десятков метров до уверенного броска, который не убьёт, конечно, но точно на несколько секунд ошеломит, этого хватит, чтобы добежать, сбить с ног и вцепиться в тонкую шею обеими руками.

Отставая на несколько шагов, сзади отчаянно топали Пашка и Сергей, поднимая вверх дубины.

Таня увидела лицо Ангеллы, её глаза смотрели через плечо со спокойным интересом недостижимого превосходства. От такого взгляда не стыдно споткнуться. Но Хиз не сбилась с бега, а что есть силы метнула тяжёлую арматуру. Бросок получился идеальным, она ощутила, как металл короткой лаской шершавой ржавчины попрощался с рукой, она даже

чувствовала, как что-то незримое вытягивается из ладони вслед за прутом — холодящий вектор безупречной орбиты, заканчивающейся у виска Ангеллы.

Дальше всё происходило быстрее.

Ангелла влоборота схватила штырь рукой, вспыхнувшей бледным пятном, Таня услышала глухой звон, когда сталь остановилась, крепко зажатая ладонью. Ладонь! Руки, нормальные белые руки девушки были впереди, а что же тогда подсоединено к затылкам вожатых?

С двух сторон к девушке неслись пацаны, готовые что есть мочи опустить рифлёные биты на её голову. Ангелла прутом Тани отмахнулась — раз-два — от ножек стульев и те полетели в стороны, а Пашка и Сергей, с отсушенными кистями рук, с размаха воткнулись в девушку и та, слегка наклонившись, перекинула их вперёд, на пультах с отсутствующими кнопками. Оба врезались спинами в спружинившую зелёную жесть и скатились на пол, почти к ногам Ангеллы, чтобы корчиться там и ловить широко открытыми ртами выбитый из тел воздух.

Таня застыла носом в сантиметре от вытянутой в её сторону арматуры. Ангела ей людоедски улыбнулась. Сзади раздался короткий щелчок складываемого ножа, который Радость запрятала обратно в карман.

— Да, ты права, — заговорила Ангелла, — это бесполезно. Может, в другой раз пригодится.

«А ты всё такая же болтунья», — подумала Таня, но вслух ничего не сказала. Она тяжело сипела раздутыми ноздрями, восстанавливая дыхание, сдавленное попытками не выдать себя, сбитое бесполезным рывком.

— Сдавайся, ты окружена. — Просипел стоящий на четвереньках Пашка. Он похлопал по спине друга и, убедившись, что тому не хуже, чем ему самому, помог принять полувертикальное положение.

— Ха-ха. — Сказала Ангелла и не отворачиваясь от Тани, толкнула севшего уже на колени мальчика пальцами свободной руки в лоб. Тот замахал руками, удерживая равновесие, и плюхнулся на задницу.

— Блин! — Выдохнул Пашка. — Блии-и-ин... — Протянул он и Таня увидела, как его глаза округлились, уставившись на... Да, блин, что же это соединяет спину Ангеллы и головы вожатых. Хиз почувствовала, как внутри у неё кишки сворачиваются в холодный узел. Тем туже, чем ближе Пашка тянет руку к одной из этих чёрных штук, лоснящихся как лапа гигантского таракана. Зачем он это делает!?

— Нет! — Таня не выдержала замедленной экзекуции её нервов. Подпрыгнувший от окрика Павел отдернул руку. Он прижал её к себе, как непослушного питомца, не веря, что тот мог поступить так глупо.

— А зря не притронулся. — Сказала Ангелла. — На ощупь, как сталь, только очень гладкая, новые подшипники когда-нибудь в руках держал? — Пашка закивал. — Такое же. — Девушка говорила об отростках, торчащих у неё из спины, как рассказывал бы о дорогом и новом приборе гордый его обладатель.

«Проклятый ноутбук», — вспомнила невпопад Хиз, — «почему родители его мне не купили?».

— Ладно, хватит, на меня тарашиться. — Приказала Ангелла. — Всем собраться рядом с Таней. — Никто не пошевелился. — Немедленно. — Спокойно добавила она и оба отростка слегка пошевелились. Раздался стон боли, как будто вожатым снился один и тот же

плохой сон.

— Хватит! — Хиз выбросила вперёд руку с раскрытой ладонью в примеряющем и умоляющем жесте. А ещё она сама себя остановила, чтобы не бросится на такую близкую и такую мерзкую Ангеллу — рвать и топтать это существо в иступлённом сумасшествии, пока оно не будет стёрто, утратит любую форму. Но она видела, как перехватила летящий и гудящий от кинетической энергии прут эта тварь. Словно взяла фломастер со стола.

Пашка и Сергей обошли по широкой дуге Ангеллу и вожатых, смотрящих прямо перед собой пустыми взглядами, не моргая. Из глаз женщин вниз по нежным щекам слёзы проложили влажные дорожки, хочется думать, что это просто железы увлажняют роговицу, страдание тут не при чём.

Блондинка-монстр поворачивала голову вслед за ребятами и, когда они встали по бокам от Тани, её лицо смотрело прямо на них. Голова легко повернулась на 180 градусов, без какого-либо inferнального хруста, закручивания шеи винтом, вообще без любых спецэффектов.

— Давайте и вы сюда подходите. — Ангелла помахала в сторону Радости, которая пыталась незаметно пятиться к выходу, и Иры с малявками, стоящими далеко в проёме.

— С чего бы это? — Сказала Радость, её голос был дерзким и равнодушным. — Мне безразлична судьба вожатых.

— А как насчёт твоих новых друзей?

— Мы не успели подружиться, — Радость не переставала пятиться, — но я буду скорбеть по ним.

— Ну ладно. — Ангелла пожала плечами под вывернутой головой. В этот момент Радость развернулась и бросилась прочь. Кратким волнообразным движением руки блондинка запустила прут вслед беглянке и тот, засвистев, как лютая вьюга, расплылся в воздухе. Радость бросилась на пол, арматура прошла чуть выше головы, врезавшись в дальнюю стену и выбив из неё фонтан крошки и облако пыли.

Из середины спины Ангеллы, там, где футболку прорвали черные конечности, вылетел длинный хлыст гибкого лоснящегося отростка. В секунду он покрыл двадцать метров до только что приземлившейся на пол девочки и обмотался вокруг её ноги, чуть выше крепкого ботинка, на голую кожу.

— Ты мне всё-таки нужна здесь. — Теперь девушка, втягивая в себя тонкий блестящий канат с извивающейся на конце Радостью, плохо походила на человека, скорее на злую его пародию. Девочка перевернулась на спину и успела выхватить из кармана ножик. Разложила она его молниеносно и ударила наискосок по чёрному хлысту. Тому ничего не случилось. — Вот я тебе сейчас тоже что-нибудь поцарапаю! — Раздражённо сказала Ангелла и резко дёрнула живым канатом. Девочка вскрикнула и выронила ножик. Монстр перестала на секунду подтягивать ребёнка к себе. — Поднимай и прячь, я не зверь — лишать последней игрушки, — сказала она, и когда Радость обречённо послушалась, быстро подтащила её к себе. — Вставай. Не стесняйтесь, — опять в адрес Иры с девочками, — или я сама за вами приду.

Вожатые поднялись с колен ловкими экономными движениями, они оказались выше Ангеллы. Обойдя её так, чтобы она повернула тело в нормальное положение под свёрнутой головой, они застыли по бокам от мучителя всё так же скованные с ним — ребята смогли рассмотреть в помигивающем свете — членистыми, на вид сложно-механическими манипуляторами, торчавшими у монстра между лопаток подобием ободранных крыльев

кибернетического ангела.

Ира подошла, девочки прятались за ней.

— Ну, здравствуй и ты, моире де те. — Ангелла буравила выжидающим взглядом Иру.

Девушка первые мгновения была непроницаема, потом быстро глянула на Сергея и Таню немного виновато и ответила, вздёрнув подбородок:

— Как ты узнала?

— В моей армии за сотню лет, кого только не было, встречались бойцы из твоего мира тоже — всего двое, кстати, одни из лучших. Они иногда восклицали «Мой Бог!» на своём эльфийском диалекте.

Друзья непонимающе уставились на Иру, но та была полностью занята Ангеллой.

— Откуда ты знаешь перевод, мне не интересно, — девушка быстро теряла самообладание, её заполняла праведная злоба, — ты выпотрошила их мозги? — Ира показала на вожатых.

— Выпотрошила... Никогда я не была потрошителем, если, конечно, обстоятельства не подталкивали. А с ними пришлось так: воткнуться буквально в головы. Они сильно сопротивлялись, простое наложение рук бы не помогло. — Ангелла виновато пожала плечами.

— Им конец? — Спросила Ира.

— Нет. — Сказала монстр голосом Маргариты. — Если вы меня не выведете из себя, конечно. — Всех пробрал мороз по коже от холодных и полных презрения интонаций, но больше от того, что чудовище говорило с ними, используя такой знакомый тембр, словно похитило душу вожатой.

— Что с ними? — Похоронным тоном спросила Таня.

— Через неделю смогут сами держать ложку. Через месяц скажут спасибо за отпуск.

— Ты можешь говорить своим голосом? — Ира едва не закричала, друзья увидели, что она сдерживается. А ещё друзья были слегка оглушены, как пыльным мешком, фактом общения сейчас Иры с Ангеллой как один инопланетянин с другим. Но ведь это же их Иришка? Та самая? Которую Сергей знает три года, привык к ней как к портрету Гоголя на стене в классе, но любит гораздо больше. Которую Таня знает всего два дня, но тоже уже любит, как не любила ни одну подругу, наверное, с младших классов, а то и с садика.

— Своим не могу, — Тем не менее Ангелла заговорила привычным блондинистым тенором, — иначе у вас из ушей кровь пойдёт. Этот тоже не мой, так, взяла попользоваться когда-то давно.

Ангелла присела на корточки, а вожатые легли рядом прямо на цементный пол, прижавшись к нему щеками, как к подушке. Медленно из их затылков вылезли острые влажно блестящие концы отростков, напоминающие тонкие и длинные шипы растений. Блондинка встала и сладко потянулась, отростки зависли над ней двумя угрожающими скорпионьими жалами, целясь в сторону ребят, которые как раз находились на расстоянии броска. От их хищного покачивания, компенсирующего движения девушки-монстра, пробирал мороз по коже.

Вожатые больше не шевелились, надо было некоторое время смотреть на них не отрываясь, чтобы заметить медленное дыхание.

Повисло молчание. Таня, обычно бравшая роль двигателя ситуации, была слишком растеряна из-за Иры и не знала что думать: одно дело, когда «мы все против монстра», а другое — «пришельцы среди нас». Ангелла обводила плотоядным взглядом выстроенных

перед ней пленников, а Ира, в свою очередь, изображала статую «покорены, но не сломлены».

— Так чего же ты от нас хочешь? — Тане надоело стоять, как на линейке перед директором, обмирать и потеть в ознобе. — Давай, выкладывай, или жри уже. Только чур, меня первую, а то смотреть на твоё красивое лицо опротивело.

Монстр нервно хохотнула и приблизила своё красивое лицо чуть ли не нос к носу к Хиз. Шипы на отростках уставились Тане в виски, но та, не шелохнувшись, продолжала смотреть. Кажется, монстр не могла найти слов, она только сжимала и разжимала кулаки, а шипы подрагивали в сантиметрах от нежной кожи Хиз.

— Чёрт! — Сказала Ангелла в конце концов. — Начинаем!

Она отвернулась от ребят и подошла к разбитому пульту у стены, при этом отростки остались направлены на пленников, сверкающие шипы на концах покачивались, словно наблюдая — «глаза на спине». Монстр поискала что-то руками среди облупленной жести и запустила пальцы обеих ладоней через пустые дыры кнопок вовнутрь.

Радость полезла в карман за ножиком.

— Да успокойся ты уже! — Прикрикнула на неё Ангелла не оборачиваясь, а отростки вытянулись в сторону девочки. — Не то буду пожирать Таню, как она и хотела.

Радость достала из кармана пустую руку.

Монстр упёрлась ногами в пол и раздвинула панели в стороны, те поддались со страшным скрипом и скрежетом сминаемого железа. Она стала двумя руками хватать куски жести по обе стороны от разорванной в пультах дыры и отводить их в стороны. Кое-что отваливалось и тогда блондинка откидывала это. Быстро она очистила кусок стены по центру, под флуоресцентной лампой — широкое пятно светлого бетона с дырами от варварски вырванных только что дюбелей. Подхватив с пола дубину из ножки стула, она стала наносить в это место сильные удары — штукатурка сыпалась и отлетала облачками белой пыли. Под ней была блестящая нержавеющейкой поверхность.

Штукатурка падала уже ломтями, похожими на австралии и африки с глобуса, насыпав на пол хрустящую горку, которую расталкивала кроссовками Ангелла. Ободранный овал дошёл почти до высоты помигивающей синеватой лампы, а шириной он был с узкую дверь. Ребята вытягивали шеи, чтобы рассмотреть, что открывается, но мельтешащая фигура Ангеллы в облаке крошки мешала, видна была только сталь цвета свежего рельса.

Наконец Ангелла перестала долбить, дубинка в её руках в целом выдержала, но угловатый широкий конец скруглился и немного укоротился. Лицо покрыла пыль, особенно много её было в волосах, на бровях, носу и под глазами. Со своими шипастыми отростками, вздыбленными над спиной и тоже посветлевшими от пыли, она была похожа на ожившую статую ангела, красивого, но злого.

— Вас надо было заставить это сделать, но вы бы возились до вечера. — Она попыталась смахнуть с лица пыль, слетели только горки, остальное осталось. — А у нас нет времени. — Она показала на овальный железный люк за своей спиной. — Сейчас мы это вместе быстро откроем.

— Ты сама неплохо справляешься. — Возразила Таня.

— Поговори мне.

— А то что? Съешь?

— Нет. Воткну в лоб своё щупальце и... даже фантазии не хватает, что я могу с тобой сделать. — Ангелла обвела всех потёртой дубинкой. — Я для вас, как костёр для человечков

из папиросной бумаги, малейшее дуновение и вам конец — быстрый или страшный, зависит только от моей прихоти. Демонстрацию с показательной жестокостью устраивать не надо?

Ребята дружно замотали головами, кроме Радости, которая не выглядела испуганной, просто мрачной.

— Вот и хорошо. Сзади меня дверь, как вы видите. Я «выпотрошила», как выразилась она, — тычок в сторону Радости, — мозги вашим вожатым и многое узнала о том, что здесь происходит и почему дыра, соединяющая наш мир, настолько расширилась, что я смогла сюда пройти вместе с кораблём.

— Так это твой... дредноут?

— Да. Там в море, в нескольких километрах от берега, то появляются, то исчезают настоящие врата. Я уже несколько лет за ними охочусь и вот, в конце концов — перед вами. Пришлось погрузиться на сотню метров. Под этим голубым небом выскочила, как огромная пробка из огромной бутылки. Мне сразу тут понравилось. — Ангела мечтательно глянула вверх, словно сквозь десятки метров скалы увидела красоту неба

— И линкор и подлодка! — Восхитился Пашка.

— Из голов ваших вожатых я узнала, почему дыра активируется именно летом. Дети. Мальчики на западе, девочки на востоке, все эти игры с разделением на два. Как ладони, просунутые в щель, чтобы раздвинуть. Только они не знали, что дыра бродит по морю и что она вообще уже есть, так же как не знали, почему именно тут, в этом лагере всё так хорошо работает. А я узнала благодаря своим поискам и погружению. Подземная река. Из горы она выходит, как раз там в море.

— Но причём тут подземная река? — Спросила Таня. Сейчас она начинала сомневаться в адекватности Ангеллы. Нет, она монстр и всё такое, но, вроде бы, чушь раньше не несла...

— Движение проводника в магнитном поле! — Вскричал Пашка радостно. — Только поле не магнитное!..

— Молодец. — Оборвала его Ангелла. — Всё, всё, хватит. — Павел порывался еще что-то сказать. — Ведите себя прилично, вы мои пленники! — Ребята опять присмирели.

— Да, река — это проводник, который двигается с напором несколько тонн в секунду через поле тысячи взволнованных мозгов, да еще и располосованных: плюсы на запад, минусы — на восток. Масштабно. Не удивительно, что получилось. Но вернёмся в наше подземелье. Всё здесь говорит о том, что обстоятельства сложились в гигантскую установку по формированию врат в иные миры не случайно.

Ребята обвели взглядами частично отделанную бетоном пещеру, её дальние стены и высокий каменный потолок, лампу, мигавшую и вообще держащуюся на своём месте на честном слове.

— В общем, пройти дальше мы сможем лишь вместе, здесь дверь, которая не откроется и под напором экскаватора. Даже мне без ацетиленовой горелки не справиться. Сезам откроется по просьбе представителей сразу трёх слоёв: вашего, нашего и эльфов. — Ангелла так произнесла «эльфы», что стало понятно, это просто пренебрежительная кличка, настоящие сказочные персонажи не при чём.

— Мы думали, ты эльф. — Заметила Таня.

— А эльф, оказывается, я. — С виноватым лицом сказала Ира.

III. Глава 6

Все застыли в шоке и с отвисшими челюстями. Особенно больно было смотреть на Сергея, да и Таня недалеко от него ушла в пучину удивления.

— Вы ещё не догадались? Извините. — Ира запнулась и растерялась. Она показала пальцем на Ангеллу. — Она же сказала. То есть... Что, непонятно было?

— Извини, подружка эльф, некогда было соображать, что среди нас еще один агент-предатель. — До Тани медленно доходило. И чем яснее она понимала, что Ира — такой же визитёр из другого мира, как Ангелла, тем сильнее её охватывало возмущение.

— Я не предатель.

— Ты — лгунья!

— Я просто заблудилась, поэтому я даже никакой не агент. Так бывает, существа всех миров иногда выходят из дома, чтобы никогда больше не вернуться. Я вышла несколько лет назад и всё... — У Иры перехватило горло от непонимания и внезапно нахлынувшей тоски.

— Правильно, коллега, дави на жалость. — Ангелла облокотилась на дубину, как на трость, она решила взять минутный перерыв и послушать оправдания Иры.

— Я тебе не коллега! — Огрызнулась Ира. — И вы, — она угрожающе повела пальцем в сторону ребят, — не вздумайте меня с ней сравнивать! — Голос у Иры стал грудным, а глаза засияли наполняющими их слезами.

Таня подошла к Ире и обняла её, при этом через плечо подружки смотрела она на Ангеллу, смотрела как на сволочь.

— Ира, я без тебя в наш класс не войду. Пришелец ты или кто, а нам ещё целый год за одной партой сидеть. — Сергей уверенно сделал два шага и обнял Иру с другой стороны. — Мне из-за тебя в школу ходить хочется. — Сказал он ей на ухо.

— Я обниматься не полезу... — Начал было Пашка, но двое малявок, чуть не сбивая с ног, затолкали его вплотную к ребятам и молча обняли Иру спереди. — Привет, земляне! Сказал он невпопад голосом робота, обнимая Иру. Все заулыбались. Улыбалась и Ира, при этом по щекам её катились слёзы.

Ангелла с интересом смотрела на них. В её взгляде читалось терпение и уважение, как у проводника скорого поезда, который до последнего не поднимает ступеньку, глядя, как прощаются на перроне.

Поезду пора было отправляться и ребята это почувствовали. Улыбки сошли с лиц, объятия распались, но друзья не стали отходить друг от друга, так и остались стоять стеной вокруг Иры.

— Да, дружба — это круто, — хмуро сказала Ангелла, — но я, пожалуй, выберу мировое господство. Что же, поехали. Ира и Таня, подходите ко мне.

— Что ты с нами сделаешь, когда мы тебе перестанем быть нужны? — Спросила Таня с вызовом. Никто не сдвинулся с места.

— О! — Ангелла от досады чуть не взвыла. — Надо было ужокошить кого-нибудь из вас, остальные бы забегали. И без вопросов.

— Ты можешь ужокошить кого-то не того, ведь правда? И тогда окажешься в тупике в этом подземелье. Тебе нужны все на всякий случай.

Ангелла сделала широкий шаг к компании, её черные жала взметнулись, оставив в воздухе пустой след из белой пыли. Таня и Ира закричали от боли — в их плечи насквозь

воткнулись членистые отростки. Девочки, вопя, вскинулись на цыпочки — шипы потянули вверх, перекашивая их на одно плечо, Хиз и Ира чувствовали, что дыры в проткнутых мышцах растянулись и вот-вот начнут рваться. По предплечьям, в подмышечные впадины, на грудь, пропитывая футболки, заструилась кровь.

Сергей и Пашка, тоже крича, с двух сторон схватились за тонкие щупальца, холодные и стальные на ощупь. Они повисли на них в попытке облегчить страдания, но не смогли сдвинуть ни на сантиметр, как будто те были частью статуи — крыльями металлического изваяния.

Пещера превратилась в мрачное страдалище, где все кричали. Все, кроме Радости.

— Давайте быстрее сделаем то, что ей надо. — Сказала ровным и сильным голосом девочка под номером 144-9. Чёткие слова, вибрацией юношеских связок пропечатанные в воздухе, услышал каждый.

Ангелла сразу опустила свои гарпуны на двадцать сантиметров, что облегчило пытку. Вопли прекратились, став только двойным всхлипыванием девушек и потрясённым молчанием Сергея и Пашки, которые дёрнулись на отростках, как флажки на стрелочных рычагах. Они осторожно отпустили гладкие сочленения.

Монстр плавно подвела приштиленных девушек к стальной двери. Те ступали осторожно, как стеклянные, морщась и постанывая от вспышек острой боли.

— Сама подойдёшь? — Бросила вполоборота Ангелла.

— Да. — Девочка в коричневом обогнула Иру, без стеснения, но и без эмоций, рассмотрев угнездившееся в плече железное щупальце. Она заняла место у стены.

Таня и Ира почувствовали, что проткнутые плечи слегка онемели, они глянули каждая вниз и вбок, Ира — влево, Хиз — право, и увидели, как чёрные сверкающие иглы покидают их плоть. Обе скривились в омерзении, а потом раскрыли рты в блаженном удивлении, поскольку онемение залило теплом боль, подарив секунды облегчения, сравнимого с наслаждением, а движение шипов в ранах ощущалось не более, чем быстрое перемещение маленького уплотнения в мышце.

— Обезболивающее. — Пояснила Ангелла. — Можете не благодарить. Кровь остановлена, раны обеззаражены, заживут быстро.

Она приложила ладонь к пыльному металлу.

— Один. — Раздалась хрипая запись женского голоса через невидимые динамики, судя по гуляющему эху, установленные по всему залу. Ребята, и даже Ангелла с 144-09, дёрнулись.

— Давай ты. — Приказала монстр Ире.

«Эльф» приложила свою миниатюрную ладонь рядом с бледной вытянутой кистью Ангеллы.

— Два. — Всё та же мёртвая запись.

Таня не стала дожидаться команды и прикоснулась к пыльной, скрипящей микроскопическими камушками, холодной поверхности. В глубине металла кожей она почувствовала щелчок и услышала: — Три.

Три представителя разных миров стояли бок о бок и держали ладони на стальном люке. Ничего не происходило.

— Так я и знала. — Сказала Ангелла. — Руку верни на место. — Прикрикнула она на Таню, когда та с разочарованием и облегчением начала убирать руку.

— Два... Три. — Полусинтетическая женщина из прошлого продолжала считать

количество прикоснувшихся к двери существ.

— И ты тоже. — Ангелла мотнула головой Радости.

— Но ты и я... — Начало было девочка.

— Ничего подобного. — Оборвала её Ангелла. — Мы живём на одной планете, но в разных мирах. Насколько твой хуже этого, настолько мой кошмарнее твоего. Потом это обдумаем. Не тяни, руку прикладывай, пока я тебя не заставила.

144-09 приложила руку на свободное место между других ладоней, как будто девчонки решили вспомнить чужое детство и сыграть в «Пали-стукали».

— Четыре. — Констатировали динамики. — Для подтверждения намерения необходимо держать схему активированной десять секунд.

— Держим. — Сухо приказала Ангелла. На бледных в свете неона скулах у неё выступил яркий румянец.

— Внимание осталось десять секунд до запуска программы обрушения и затопления базы «Невод».

— Чтоо??? — Хором выкрикнули все присутствующие девчонки и мальчишки, конечно, кроме Ангеллы и Радости.

— Три. Два. — Быстро прокомментировала механика действия Тани и Иры, когда те бросили руки. Радость держала ладонь и вопросительно смотрела на Ангелу. Та была озадачена.

— Всем спокойно. — Сказала Ангела и подняла открытую ладонь в примиряющем жесте. Ту ладонь, что только что прижимала к стенке. — Давайте сделаем несколько глубоких вдохов. — Она демонстративно неторопливо вдохнула и шумно выдохнула три раза. — И подумаем. О десяти секундах.

— Которые нам остаются до обрушения и затопления. — Подсказала Таня. Она не могла устоять на месте, как спринтер за чертой финиша, у которого кровь стучит в венах рывком стометровки. Она понимала, что Ангелла не остановится и заставит сделать так, как ей надо, какое бы самоуничтожение «Неводу» ни было обещано. Никакие глубокие вдохи не помогали!

— Нет! — Горячо возразила блондинка. — Этот отчёт, — старательно упуская упоминание страшных десяти секунд, — ведётся только до начала запуска программы. А там до основного действия, может быть, часы пройдут...

— Может быть?!

— Практически точно, ведь не думали же инженеры, которые создавали это, что команда, которая сюда придёт, окажется самоубийцами?! Они заложили время достаточное, чтобы покинуть базу. — С нажимом сказала Ангелла. От неё снова повеяло тихим бешенством, как в ту секунду, когда она проткнула девчонок своими ужасными огрызками крыльев.

— Всё нормально, — поспешно выпалила Хиз, вскинув руки в защитном жесте, — мы сделаем, всё, что скажешь... только, — Таня не смогла прикусить язык, — все эти протоколы пишут не инженеры, а военные.

Ангелла словно не услышала окончания фразы.

— Так, все собрались и подошли сюда, — она махнула и пацанам тоже, которые на минуту остались в стороне. — Драпать будем вместе и сразу же, но, — Ангелла сделала короткую выразительную паузу, — *только когда я скажу!* — Окончание фразы она произнесла искажённым голосом, словно внутри неё на секунду с воем включилась дисковая

пила. От этого звука продрали мурашки, Таня увидела, как у Иры мгновенно глаза сделались большими и тёмными, как два колодца плеснувшие страхом. Хиз точно знала, что у неё такие же. Если Ангелле и дальше перечить, она, наверняка, шипом засадит не в плечо уже, а в лоб. И хорошо, если только шипом, а то как выскочит у неё изо рта циркулярка и как пойдёт пилить конечности.

И не смотря на все эти соображения Таня смогла выдавить из себя дрожащим голосом:

— А как же вожатые?

— Я о них позабочусь. — Сказала монстр нормальным голосом. У неё между лопаток зашевелилось и уже два кнутаобразных щупальца как змеи устремились к вожатым, чтобы припасть к скрытым волосами дырам в затылках.

Куклы вожатых скупыми движениями автоматов синхронно сели на колени.

— А теперь прикладываем ладони и не отпускаем их, пока я не скажу.

Таня, Ира, Радость и Ангелла синхронно прикоснулись к холодной поверхности. Снова ожили динамики и произнесли знакомое:

— Для подтверждения намерения необходимо держать активированной схему десять секунд. Внимание осталось десять секунд до запуска программы обрушения и затопления базы «Невод». Десять.

Таня сжала зубы.

Ира зажмурилась.

На лице Радости проступило упрямство, словно она могла силой воли заставить замолчать проклятый отсчет.

— Девять.

Пашка придвинулся к Сергею, а тот положил ему руку на плечо.

— Восемь.

— Сознание не терять. — Приказала Ангелла, заметив, что Таня и Ира дрожат, как будто силятся удержать на своих хрупких плечах непосильный груз. Так оно и есть.

— Семь.

— Если кто-то отпустит руку, я всех приколочу гвоздями к этой стене. — Окрик Ангеллы подействовал на девочек, как удар хлыста надсмотрщика на рабов. Заставил терпеть и дрожать ещё сильнее.

— Шесть.

— Не бойтесь. — Сергей и Пашка подошли к девочкам.

— Пять.

— Ты мой лучший друг. — Сергей успокаивающе погладил Иру по спине. Та ему ответила виноватой улыбкой.

— Четыре.

— И ты, Пашка. Чудак и инопланетянка, вы мои лучшие друзья. — Пашка молча ударил кулаком Красавчика в предплечье, скупым жестом и лицом полным искреннего обожания выражая свою любовь.

— Три.

— А ты все эти годы был моим единственным другом.

— Два.

— Я так по тебе скучала каждое лето! — Сдавленным горлом прошептала Ира.

— Один.

Таня смотрела на своих новых друзей, слушала их и по пыльным щекам её заструились

слёзы.

Равнодушная женщина со старой записи продолжила зачитывать приговор:

— Протокол уничтожения базы «Невод» запущен. Не эвакуированному персоналу рекомендуется проследовать маршрутом ПР-1. Остальные маршруты затапливаются. Расчетное время до полного затопления составляет 180 секунд.

Громкоговорители замолчали с сухим щелчком, который подвел черту всем инструкциям.

Воцарившаяся тишина зазвенела. Зашуршала. Зашипела отдалённым эхом, которое прикатывалось из темных коридоров и всё росло, росло.

Ребята прислушались и лица их посерели от понимания простой природы нарастающего звука. Вода, много воды. Всё больше и больше, все ближе и ближе.

— Что нам теперь делать? — С отчаянной злобой вскричала Хиз, целясь трясущимся пальцем в Ангеллу.

Та с самым невинным видом пожала плечами:

— Маршрут ПР-1, я полагаю.

— Где он?!

— Откуда я знаю!

— Но как-то же ты собиралась спастись!

— Нет, вообще-то. Мне нужно только уничтожить Невод. А там как получится.

— Но ты не похожа на самоубийцу. — Подала голос Ира.

— Я и не самоубийца. Я даже не настоящая Ангела, так, копия. Настоящая на том корабле.

Ребята оторопели. Первый пришел в себя Сергей:

— Копия или нет, ты что, не хочешь спастись?

— Хочу, конечно. Но у меня всегда есть выход: паляю мозги и высвободившейся энергией выстреливаю свою личность Ангелле, чтобы слиться с ней.

Радость, которая всё это время так и держалась за стену, опустила руку за ножом, возможно, хотела снова попытаться достать Ангеллу — испортить ей фееричный финал. Но тут в металле что-то громко звякнуло и обрушился целый пласт недобитой штукатурки. Блестящая поверхность, которую так долго грели ладонями представители четырех миров, съехала вверх, открыв такой же металл, только с двумя продолговатыми отверстиями и короткой графаретной надписью: «ПР-1».

— Да! — Таня даже подпрыгнула, когда увидела эти буквы. — Ну, давайте же все, скорее сюда, кладите руки!

Хиз и Ира первыми шлепнули ладони на новый участок холодного металла. Невозмутимо-хмурая Радость была следующей. Ангелла положила свою руку, словно делая одолжение; она, похоже, уже настроилась дать дёру в виде импульса.

Ничего не произошло. Гул воды нарастал, напоминая рокот недалекого водопада. Девчонки оглянулись на парней, те поспешно припечатали железку.

Из всех изменений только усиливающийся шум. Малявки, которым последнее время удавалось незаметно стоять в сторонке, подскочили и, протиснувшись между старшими, приложили и свои ладошки.

Вода взревела в недалеких коридорах камазом, штурмующим крутой склон. Отведенные 180 секунд заканчивались.

— Ангелла! — Завопила Хиз. — Ты нас всех убила! Сделай что-нибудь!

Ангела промолчала и с невинным видом опустила руку, остальные же беспомощно держались за стену.

Со стороны входа дохнуло сырой прохладой, «камаз» преодолевал последние повороты, мощно врезаясь в каждую стену.

Малявки что-то говорили, но их никто не слышал, ребята не могли оторвать взглядов от проёма, ожидая, когда через него ворвется ревущий поток. Маленькая Ира схватилась за Иру большую, а маленькая Таня стала трясти Сергея. Наконец ребята услышали:

— Ключи! У вас есть ключи! Скорее!

Девочки прыгали, махали руками и показывали на стену. Наконец до Иры дошло, что отверстия в стене — это скважины, она сорвала со спины рюкзак, зарылась в нём на секунду, выхватила ключ и вставила с размаху в стену. То же самое сделал и Пашка, молниеносно обшарив глубокие карманы своих шорт.

Когда оба ключа оказались в стене, та задрожала в унисон рёву приближающегося потока. Пальцы Иры и Пашки пронзила настолько резкая и сильная вибрация, что они отдернулись, точно от электрического тока. Одинаковые бирочки с выбитыми пиктограммами зазвенели сердитыми медными мотыльками, добавляя свою высокую ноту в нарастающую какофонию хаоса. Раздался протяжный скрип и вой, пробирающий ниспадающими в инфразвук стальными обертонами до самого позвоночника. Он затмил всё, запечатав уши ватой где-то глубоко в черепе.

Поток наконец-то ворвался в широкий проем мрачного зала черной пузырящейся рекой. Месиво из тонн воды и хлама шкребло по полу и стенам досками, кабелями, металлоломом, напутывая из них и целофана мерзкие клубки и с треском разбивая их об углы и друг об друга. Напор тут же спал, войдя в большой объём пещеры, из ниагары превратившись в ласковый прибой, который невысокой мусорной волной прокатился по полу и огладил лодыжки ребят ледяной лаской.

Девчонки заверещали и запрыгали, пытаясь поджать то одну, то другую ногу, а пацаны лишь шумно выдохнули. Вода поднималась на глазах, ежесекундно погружая в холод новый сантиметр кожи.

Проклятая стена уже не вибрировала, а тряслась так, что с нее полетели ломти штукатурки, обнажая тусклые листы сваренной стали. Уже по колено в воде, а малявки по бедра, ребята отбежали, тяжело рассекая воду, в сторону, с ужасом наблюдая за втекающим потоком, с надеждой оглядываясь на железную стену.

Вожатые механическими куклами поднялись из воды и встали по бокам от Ангеллы, которая выполняла обещание позаботиться о них.

Один из швов стены лопнул и стал медленно раскрываться толстой гермодверью размером с гаражные ворота.

— Я же вам сказала, что всё в порядке, а вы... — начала Ангелла, когда малявки испуганно завопили, показывая на вход в пещеру. Туда вальяжно заплывал старый многоногий и многоглазый знакомый. — Оу! — Удивилась пришелец. — Рутс. — Назвала она вид или имя личное чудовища.

Монстр, узрев, добычу, подобрался и, шустро загребая всеми лапами, устремился к ошалевшим людям моторной лодкой, вздымая кильватерные фонтаны брызг.

Гермодверь едва раскрылась на ширину одной из малявок, сотрясая своды непрерывным стоном заржавевших петель.

Вода дошла до пояса высоким вожатым и Ангелле, остальным было уже до пупка. Малявки вскарабкались на спины к мальчишкам. Все начали пятиться к медленно растущей щели, странно, но именно присутствие Ангеллы не давало впасть в неконтролируемую панику, она была тем ещё чудовищем, но на их стороне в какой-то степени.

Блондинка широко открыла рот и издала вой-визг чужого, в этот раз действительно громко, так, что полоснуло по ушам. Рутс остановился, покачиваясь на волнах и вращая на ускользящую добычу бешеными глазами. Немного подумав, он неуверенно продолжил свое движение, забирая немного вбок, чтобы обойти Ангеллу стороной.

— Нифига себе, вы его разозлили. — Удивилась блондинка и нырнула в темную воду, только отростки на поверхности остались. Многоглазый тут же прибавил ходу, но не успел он сделать и пяти метров на крейсерской скорости, как Ангела выскочила на поверхность призраком-русалкой — белые волосы закрыли лицо, с них стекали ручьи воды — и метнула в чудище неправдоподобно огромный ком спутанного кабелями и целофаном мусора. Словно болид, оставляя за собой хвост из брызг, двухсоткилограммовый снаряд врезался в приблизившегося Рутса. Тот успел закрыться большинством лап, но от удара его снесло назад на несколько метров. Восстал он изрядно запутавшимся. Ангелла повторила своё предупреждение на языке лесопилки и теперь монстр остался на месте, не пытаясь возобновить преследования.

— Вообще-то с ними можно договориться, но к этому я бы не стала поворачиваться спиной. — Сказала Ангелла снова приятным девичьим голосом, очередной раз удивляя способностью издавать адские звуки, не сипя потом сорванными связками. «Хотя есть в ней вещи и поудивительнее», подумал Сергей рассматривая порванную на спине футболку с торчащими длинными плетями.

Тонкие пальцы Иры нащупали его пальцы и сжали, пожалуй, слишком крепко для ободряющего жеста. Сергей улыбнулся электрическому теплу, которое заструилось из ледяной руки Иры вверх по его руке, наполняя живот щекочущим холодом. Он такое чувствовал второй раз в жизни, первый был в мае, когда на последнем звонке все вернулись в класс, чтобы побалагурить перед экзаменами и летом с классным руководителем. Все рассаживались за парты, кто как хотел — совсем не так, как на уроках. Сергей растерялся в кутерьме, думая, с кем из приятелей и где ему сесть, когда рядом появилась Ира, взяла за руку так естественно, как если бы делала это каждый день, и они, под удивленные взгляды как минимум двух приятелей Сергея и одной подруги Иры, заняли свою привычную парту — первую в первом ряду. Кроме сбитого дыхания и волнующей щекотки внутри Сергей тогда почувствовал и странное удовлетворение, как от правильного и важного поступка.

Сейчас он с пронзительной остротой осознал, что самым важным и правильным будет выжить.

Вода дошла до груди вожатым и Ангелле и почти до шеи остальным, Радость стояла на ципочках и помогала сохранять себе равновесие руками. Всех, кроме бесчувственных

вожатых и двух пришельцев из нижнего слоя — Ангеллы и Радости, била дрожь.

Подъем уровня замедлился, усиливающимся потоком вода изливалась в расширяющийся проход ПР-1, уже достаточный, чтобы пролезть через него боком, но не выдыхая весь воздух.

— Уходим. — Скомандовала блондинка и первой попятилась к пути эвакуации, ведя на поводках Маргариту и Светлану. Рядом с щелью ей стало трудно удерживать равновесие, и она схватилась за проклепанный край гермодвери. — Давайте, в проход, быстро! Я последняя, без меня рутс нападет.

Радость перестала барахтаться, сопротивляясь течению, и её всосало в щель — молча она исчезла в темноте и неизвестности.

— Пошли. — Позвала Таня замешкавшуюся Иру. Та кивнула, но сделала шаг в другую сторону — к панели с торчащими из нее ключами. Двумя руками она схватилась за них, первое мгновение ключи не поддавались, но потом резко выскочили из пазов, как будто их удерживали магниты. Девушка бултыхнулась с головой, но сразу вынырнула, хватая воздух — от неожиданного погружения в холодную воду захватило дух.

Рутс дернулся было в её сторону, но взвизг циркулярки Ангелы осадил чудовище.

Глушащая вибрация исчезла, стало отчетливо слышно плеск воды. Секунда в относительной тишине сменилась новым гулом, похожим на предыдущий, но как будто обратным ему. Гермодверь неспешно стала закрываться, вместе с пребывающей водой не оставляя больше времени на раздумья.

Таня слегка оттолкнулась от дна и ее потащило в щель, где она расперлась спиной, руками и ногами, сопротивляясь мощному течению.

— Давайте вы с малыши сначала. — Сказала она Сергею и Пашке. — Я подстрахую. — Когда подошел Пашка с Ирой на спине, синхронно ожили вожатые и, поддерживая, направились к Тане, которая освобождая проход, аккуратно, чтобы не снесло потоком, пролезла в темноту за дверь. На виду остались только ее побелевшие руки с красными пальцами, вцепившимися в угол двери. По одной исчезли и они. Сквозь шум с трудом донесся ее крик:

— Я за углом, держусь!

Выстроилась цепочка из Светланы, Маргариты и Ангеллы, которая быстро передавала ребят в сужающийся проход. За дверь Хиз схватила Пашку с Ирой и тех не унесло в неизвестность, потом все вместе они удержали Сергея с Танюшей на плечах, следующей группа приняла Иру. По одной к их мокрой компании примкнули вожатые. От прикосновений к их бессознательным, не реагирующим телам ребятам стало не по себе, но, скрепя стучащими зубами, холодных, как и все, но по особому, Светлану и Маргариту, облапили и оттащили вбок. Последней в проход, не испытывая затруднений, вошла Ангелла. Тусклый свет за ней пресёкся тушей рутса, который, не решаясь входить, караулил снаружи.

— Фу, какая мерзость! — Раздался полный отвращения голос Пашки в сгущающейся тьме. Девчонки так и похолодели, если можно было стать еще холоднее, настолько продрогнув. Блондинка-пришелец хихикнула. — Да убери же ты это от моего лица!

— Я не специально! — Слова Ангеллы дрожали от смеха. — В других обстоятельствах тебе это может понравиться.

— Твои щупальца мне понравятся только хорошо прожаренными вместо сосисок в хотдогах!

— Фууу! — Дружно воскликнули все.

— Хочешь попробовать на вкус? — Хохотала Ангелла. — Так я засуну тебе их в рот,

дрянной мальчишка!

— Господи, какой трэш, — сказал Сергей, — Паха, помолчи.

— Знязакзосто не зазуаешь! — Не унимался толстяк, только теперь он огрызался сквозь крепко сжатые зубы.

— Пашка, что, уже полный рот сосисок?! — захохотала Таня, она чувствовала, как от смеха согревающие волны разливаются по телу. А может быть в этой зале пещеры было немного теплее, да и вода уже едва достигала колен, уносясь с эхами журчаний в темноту и не успевая пополняться через сузившуюся щель.

— Ай! — Испуганно вскричал Пашка, едва не сбросив с себя Ирку. Она заржала в полный голос:

— Это я тебе пальцы в ухо засунула. — Две малявки прыснули, безмерно довольные своим вкладом в фарс.

— Ребята, ну прекращайте, — умоляюще протянула Ира, хотя ей тоже было весело и от этого становилось теплее. — Мы неизвестно где и вокруг нас неизвестно что, а фонарики промокли. — Она безрезультатно пощелкала своим.

— У меня непромокаемый! — Гордо заявил Пашка и тоже заклацал кнопкой. Без всякого эффекта.

— Ты же его о бомжа разбил, теперь он протекает. — Напомнил Сергей.

— Ах, черт!

— Тсс! Я что-то слышу! — Насторожено прошептала Ангелла, чем мгновенно заставила всех замолчать и напрячься. — Кажется, оно приближается... Очень большое!

Ребята застыли, парализованные накотившим страхом темноты. Дверь за спиной перестала вибрировать, она полностью закрылась, отрезав поток воды и последние кванты света. Тишина и темнота стали ватными, хотелось пощупать руками глаза, чтобы убедиться, что они раскрыты.

— Оно близко! — Не скрываясь заголосила блондинка, чем повергла всех в шок. — БАААМ!!! — Заорала она и ей ответил истошный ор ребят, находящихся на пороге лютой смерти. — Ой, я не могу! — Ангелла ржала и топала ногами по залитому водой полу, она шлепала себя по мокрым коленям. — Я, я... ик! — Она начала икать. — Я вижу в темноте... ик! Здесь никого нет. У вас такие лица!

Она похохотала еще немножко и быстро успокоилась.

— Вы что, обиделись? — Весело спросила Ангелла, но ей никто не ответил. — Обиделись. — Констатировала она. — Кстати, Радость, стой спокойно, ты всё равно крадешься в угол. — Прокричала она так, словно звала с другой стороны пропасти. Ответило ей вполне соизмеримое усилием эхо. По звуку воображение нарисовало внутренности собора.

Выходка Ангеллы высосала из ребят последние остатки энергии, они стояли в темноте понурые: слепые и беспомощные во власти непредсказуемой маньячки.

— Что за ключи у вас? — Спросила та деловым тоном.

— Нашли в душе. — Ответил Сергей.

— И вы тоже? — Удивилась Ира.

— И вы тоже в душ вдвоем ходите? — Удивилась Таня.

— Не всегда! — поспешно сказал Пашка. — Вообще редко.

— Цыц! — Пресекла балаган блондинка. — Отложим этот животрепещущий вопрос. Хотите, чтобы я поверила, что одинаковые ключи вам на голову свалились в разных

душевых?

— Но это правда! — Таня попыталась вложить всю горячность правоты в свои слова. — Выдумать мы бы могли что-нибудь поинтереснее!

— Про душ — куда уж интереснее! — Съязвила Ангелла. — Но вопрос в другом: хотите, чтобы я поверила в эту чушь, не прибегая к пыткам?

— Она хочет заглянуть вам в мозги. — Донесся из темноты далекий голос Радости. — Не соглашайтесь.

— Как будто мне необходимо чье-то согласие, чтобы залезть в голову. — Гордость и высокомерие зазвенели бронзой в красивом голосе.

— Необходимо, если ты хочешь пополнить ряды своих преданных рабов-обожателей, а не сделать еще несколько полуживых идиотов.

— В принципе, — саркастично заговорила Ангелла, — есть из чего выбрать: раб, идиот или пытки. Нужен всего один. Кто?

— Я! — Браво заявил толстяк.

— Пашка! — Удивился Сергей. — Какого хрена такая храбрость?

— Она красивая. — Честно признался Пашка. — Я согласен её обожать.

— Пфф! — Громко фыркнула в темноте Хиз.

— Нет, это буду я. — Заявила Ира.

Танина челюсть с шумом отвалилась:

— У тебя тоже тайная страсть к щупальцам?

— Не совсем. Просто я смогу защититься от посягательств на собственную волю. Я же инопланетянка, помнишь?

— Все время забываю.

— Значит Ира. — Констатировала Ангелла. — Жаль, с толстячком было бы интереснее. Начинаем?

— Давай.

Не успели подростки застыть в напряженном ожидании, как блондинка-тиран сказала:

— Все понятно, действительно, на голову свалился.

— Ты в порядке? — Прошептала Таня Ире.

— В полном. — Ответила та тоже шепотом.

— На что это похоже?

— На яркий сон и сильное дежа-вю.

По плеску воды было слышно, как кто-то уверенно зашагал прочь от ребят. Зрячей была сейчас только Ангела, неужели она собралась просто уйти?

— Эй! — Окликнула её Таня.

— Ты куда? — Растерянно сказал Пашка

— А как же мы? — Жалобно запричитали малявки.

Шаги неумолимо удалялись и удалялись. Но вот раздался далекий щелчок и пространство залил белый свет, выжигая привыкшие к сумеркам, а потом и к полной темноте глаза. Ребята закрыли лица руками.

Зрение ещё не успело адаптироваться, когда все начали, шурясь, осматриваться.

Не пещера, а огромный зал, больше, чем в любом кинотеатре, сопоставимый по размерам с закрытым легкоатлетическим стадионом, на которых Хиз доводилось неоднократно бывать во время соревнований. Стены выложены крупными светло-серо-розоватыми ноздреватыми плитами, выпиленными из известняка с ракушками. Таня

вспомнила, что точно такими же оформлен холл столовой в лагере. А в той параллельной столовой, где они встретили Рутса, даже пыли на плитах накопилось столько же. У дальней стены с темным бугристым экраном, или скорее сложным огромным табло, тянулись массивные столы — железные короба, крашенные в кондовый военный зеленый цвет. В центральной части этого «стадиона» было расчерчено что-то похожее на площадку для спортивных игр, только не вытянутую и квадратную, как в баскетболе или футболе, а идеально круглую, со множеством секторов внутри, не только радиальных, но и зональных, образующих сложный рисунок или, скорее, чертеж.

Задняя часть зала была свободна, у стены сгрудились промокшие ребята и смотрели на противоположный конец помещения, где за столами, сбоку от нависающего гигантского табло из пыльных цветных лампочек и трубочек рядом с панелью рубильников стояла довольная Ангелла.

На чисто вымытом потопом бетонном полу последние лужи стекали в узкие решётки, проложенные вдоль двух длинных стен.

И никаких больше дверей, кроме той единственной, что осталась за спиной, запечатанная механизмом и килотоннами воды. Наверное, пещера уже заполнена под потолок. Осознавая это стоять рядом с гермодверью было неуютно и даже страшно. Само пребывание в тупиковой комнате наполнилось тревогой и беспокойством, когда воображение рисует, как тишина разрушается вместе со стеной, а напор холодной воды мгновенно стирает пыль со стен и жизни нескольких человечков, запертых внутри.

Но стена стоит непоколебимо и нелепой кровавой царапиной висит на ней красный багор — длинный и заостренный, с хищным крюком приваренным у пики. Странно, что нет огнетушителя и треугольного ведёрка рядом.

Хиз перевела взгляд с багра на стоящую в другом конце комнаты Ангеллу и попыталась представить, как протыкает её. Сможет? Пожалуй, нет, даже если та будет стоять, задрав на животе футболку и уговаривать сделать это. Таня посмотрела на вожатых, вот они, рядом, с красивыми и неподвижными лицами манекенов. Моргнула Светлана, моргнула Маргарита — и всё, на большее они сами не способны. Таня снова посмотрела на пику, украдкой. Или всё-таки сможет? И каковы шансы против монстра? Смогла же она оглушить её палкой, потому что ходит на кэндо. Может быть справится и с багром, ведь не даром она лучшая в секции на уроках со-дзюцу — в искусстве владения длинным оружием.

Тане на секунду захотелось, чтобы ее родители узнали, в какой кошмар она попала, чтобы сказали: «Доченька, как же мы были неправы, когда хотели запихнуть тебя на английский и заставить ездить на занятия через полгорода! И как же ты оказалась мудра и прозорлива, когда в своем желании отлынить от иностранного, записалась в первый попавшийся кружок на районе». Хиз улыбнулась своим мыслям, стараясь больше не обращать внимания на красный пожарный инструмент. На всякий случай, хотя на самом деле не сможет она его воткнуть в живую Ангеллу — какого бы монстра та из себя ни строила. Даже рану в плече обезболила, а что касается мозгов вожатых: она же сказала, что через пару недель те будут, как новенькие. Через пару недель... Какой невероятный срок, почти абстрактный. Тут второй день в лагере никак не кончится. Или уже кончился? Таня подняла правое запястье с навигатором на ремешке. Бесплезная штука показывала 16 часов и больше ничего, ведь сигналам спутников ни за что не пробиться вглубь горы.

Торчать возле стены было не просто неуютно, а еще и глупо, поэтому ребята направились к Ангелле. Вожатые не шелохнулись. Ира и Сергей взяли их за руки и потянули

за собой. С небольшой задержкой, но те послушались и пошли — покорно и слепо.

Таня помедлила, еще раз оглядела комнату, сняла со стены багор и взвесила его в руках — килограмм пять-шесть, легче, чем выглядит, учитывая двухметровую длину. С пожарным инструментом наперевес она пошла за всеми.

Ангела не выказала обеспокоенности, шутливым тоном она спросила:

— Чего это ты удумала?

Таня в ответ молча показала вверх и все, проследив за ее жестом, увидели на боковой стене, на высоте примерно трёх метров, пунктирную линию с выцветшими трафаретными символами: «ПР-1» — не люк, как могло показаться, а просто рисунок люка.

— Практика показывает, что надо долбить. — Сказала она. — Опять.

— У кого копые, — Ангела могла не знать о настоящем пожарном предназначении инструмента, — тот и долбит.

Таня полезла на последний во втором ряду стол, удобно расположенный как раз под пунктиром прямоугольника, но её остановил Пашка:

— Давай я.

Таня замешкалась, но Сергей поддержал друга:

— Он в качалку ходит, давай ему.

У толстяка покраснели уши, и Таня отдала ему инструмент. Пашка, размазывая мокрой одеждой пыль в грязь, взобрался на стол. Его тактический кроссовок скovyрнул из-под пушистого серого слоя, что копился годами, простой тетрадный листок в клеточку, вероятно пожелтевший от времени, но сейчас такой испачканный, что это не определялось. Зато вполне ясно различалась надпись простой шариковой ручкой, кривая, наведенная несколько раз спешащей рукой: «Спасись!».

III. Глава 8

Таня, не отводя глаз от такой актуальной надписи, потянула к ней руку, когда сверху раздался стук и на голову ей просыпался килограмм штукатурки.

— Таня! Не спи! — Отдернула её от стола Ира.

— Извини, — сказал Пашка, благоразумно отклонившийся от падающего мусора, — но тут сыпется. — Он примерился и долбанул багром еще раз. Новый дождь пескоцементной штукатурки с побелкой уже никого не застал врасплох.

Ира попыталась струсить с головы подруги штукатурку, но больше размазала ее по мокрым волосам.

— Я, наверное, то еще чучело? — Спросила Таня. В ответ Ира поспешно замотала головой.

— Первосортное чучело! — Съязвила Ангелла. — Я это с момента нашей встречи заметила. — Она засмеялась собственной шутке и вернулась к наблюдению за Пашкой, который размеренно выбивал проем по пунктиру. Под белой пылью тускло отсвечивала знакомая нержавейка.

— Еще раз извини меня за тот удар палкой. — Таня тут же пожалела о своей обходительности, испугавшись, что выдала свои мысли насчет багра. Но Ангелла больше в её сторону не смотрела, вместо этого из-за плеча блондинки дрессированной змеей выплыло щупальце, неспеша преодолело три метра и зависло перед лицом Хиз. Та оцепенела, как кролик перед удавом, не отрывая глаз от гибкого черного кнута. Оцепенели все, включая Пашку, который сжал тяжеленный багор до белых пальцев.

Щупальце мелькнуло в воздухе, раздался тихий стук.

— Ай! — Вскрикнула Таня, потирая ушибленную макушку. — Больно!

— Теперь мы квиты. — Моной Лизой улыбалась Ангелла, не поворачиваясь к Хиз. Она быстро убрала щупальце, которым щелкнула Таню, во втором сжимая багор, не долетевший тыльным закруглением добрый метр до ее лица. До вытянутой в броске пашкиной руки было намного ближе. Ангела перехватила шанцевый инструмент почти мгновенно.

— Не шали! — Она протянула багор обратно толстяку и тот взял его обеими трясущимися руками. — Продолжай.

— Я думала, мы квиты ещё в том месте, где ты продырявила нам плечи. — Заметила Хиз.

— Это другое! — издевательски рассмеялась блондинка.

Пашка попробовал ударить в стену острием снова, но у него получилось едва дотронуться. После своего безотчетного броска, в попытке защитить Хиз, он чувствовал себя, как желе — таким же мягким, вибрирующим и бессильным. Показалось, что Ангела сейчас воткнет щупальце Тане в голову и все его внутренности провалились в черную яму, когда он швырнул то, что было в руках. А блондинка-монстр снова с ними шутила. Шутила и демонстрировала свою неуязвимость.

— Ты же беспощадная убийца и кровавый тиран в своем мире? — Блеющим голосом спросил Пашка, поставив багор закруглением на стол. Все равно ближайшую минуту от его рук зефирного человечка толку мало.

— Да, это я, — широко улыбаясь ответила Ангелла. За ее плечами медленно прятались черные щупальца.

— Да, это она. — Подала голос Радость, до этого молча изучавшая щиток с рубильниками. — Один из злейших врагов Государства.

— Один из?! — Негодуя переспросила тиран. — Да я самый главный враг! Ни орды чудовищ на границах, ни проникающие в города демоны — никто, только я положу вам конец. Въеду верхом на самом большом монстре во главе своей армии в вашу столицу и выволоку из недр Комитета Верховного Диктатора! — В ее голосе звенящими обертонами проступили нотки inferнальной твари. Она начала расхаживать под экраном, как генерал на плацу.

— Верховный Диктатор давно ушел!

— Как бы не так. За сто лет правления он стал биомехаником похлеще меня. Уверена, сейчас он полон сил и вообще бессмертен. — Радость втянула голову в плечи и смотрела на Ангеллу, как на мерзкого еретика. — Интересно, — продолжила Ангелла издевательским тоном, — сколько в нем осталось человеческого?

— Я сама его видела в Мавзолее! — Закричала девочка. — Он мёртв!

— Милая, я тоже ездила с классом на экскурсии и видела Его чучело: двухметровый атлет в адмиральской форме, стоит в хрустальном гробу памятником самому себе. А вокруг флаги, барельефы, буквы на мраморе и граните. Впечатляет. После ста лет у кормила он неплохо сохранился.

— Потому что Он был великим человеком!

— Детка, кто спорит, что он великий и что он человек? Как и я. — Пауза, улыбочка. — Радовалась бы, что твой кумир живет всех живых. А почему я так уверена?

Радость презрительно промолчала.

— Моя северная армия, — продолжила без приглашения тиран, — захватила практически целым ваш город-крепость, которого нет на карте Государства...

— Таких много. — Буркнула радость.

— ... город-крепость, под улицами и домами которого оказался целый лабиринт биологических лабораторий. Как ни странно, все это не было вывезено, а потом взорвано, сожжено и обрушено, как обычно, при эвакуации. Но основной сюрприз заключался в том, что целёхонькие лаборатории достались мне в комплекте с группой ученых. Перебежчики, Радость ты моя, понимаешь?

Злое молчание в ответ.

— Вся программа трансгенной евгеники Государства досталась мне на серебряном блюде. В этой области вы лишились тридцатилетних наработок. И знаешь, что сказали мне эти седовласые и высоколобые умники — почему они предали?

Показалось, или Радость скрипнула зубами?

— Они сказали, что не хотят, чтобы жители Государства вслед за его правителями, стали такими же чудовищами как я. Они считают, что люди должны оставаться людьми. Особенно элита общества.

— Правильно они сказали. — Прощемила Радость.

— А я им: клоуны вы и маразматика, узкие же у вас понятия о человечности!

— Тебе об этом рассуждать?

— Мне! Я считаю себя человеком! И ни один высокомерный засранец с двумя руками и ногами меня в этом не разубедит. А что касается тех стариканов — это предатели и лицемеры, которые просто хотели жить и дальше играть в богов. Продолжай. — Кивнула она Пашке. Тот поспешно возобновил работу.

У Тани голова шла кругом: не от захватывающей истории Ангеллы, но от содержания записки, которую, она несколько раз прочитала тайком, пока пришельцы спорили на гуманистические темы:

«Спасись!»

Нас срочно эвакуируют, ПР-1 приказано замуровать — это тупик! Если Невод затопляется, вы обречены! Выход один: открыть ворота. Проход в другой мир, но и вход оттуда в наш. Что и кто ждёт на пороге? Может тебе лучше погибнуть здесь? Вместе с Неводом, годами труда советских инженеров и учёных, солдат и строителей, миллиардами народных рублей. Решать тебе. Но если подземная река уже залила базу, половина дела сделана — вода станет током, коридоры — катушкой, а гора — гигантским ферритом. Так и задумывалось, представляешь!? Мы из горы построили трансформатор! Рубильники просто все вверх, остальное я тайком спаял, когда понял, что начальство никогда не запустит проект. Удачи! У всех должен быть шанс!»

Отсутствие подписи не удивило.

Таня тайком передала записку Ире, а сама сделала шаг в сторону рубильников, благо тиран от них отошла. Для неё выбор, якобы предоставляемый неизвестным автором записки, таковым не был: умереть или шагнуть в неизвестность? Пф! Мои пыльные кеды не похожи на белые тапки! А остальное: занятное, но как-то меркнувшее бла-бла, о котором можно будет размыслить после спасения из затопленного подземелья.

Ангелла повернулась на движение Хиз. Та сразу выпалила:

— Пашка наверняка хотел спросить что-то еще.

— Да! — С видом человека, который резко вспомнил забытое, толстяк опять поставил багор. — Спросить я на самом деле хотел: если ты такой масштабный тиран там, почему так возишься с нами здесь?

— В смысле? — Переспросила Ангелла. Чем-то ей вопрос не понравился.

— Свернула бы нам шеи, да занялась своими делами без помех. А так ещё и от монстров защищаешь.

— Вы мне пригодились, чтобы уничтожить эту базу — сделать то, зачем я пришла. Кто знает, что будет дальше?

Хиз сделала еще шаг, Ангелла не обратила внимания.

Ира читала записку, это было видно по её поникающим плечам.

— Она подросток. — Заговорила Радость. — У неё сентиментальные чувства к вам. Она воспринимает вас, как ровесников.

— Психолог мне не хватало. — Мрачно произнесла блондинка. — Ты знаешь, что мне — восемьдесят?

— Восемьдесят один с того момента, как ты сбежала из Государства.

Хиз шагнула снова и ей осталось прокрасться всего половину расстояния.

— Я сбежала, или меня выгнали. А что, в школе мою биографию проходят?

— Только два урока. На первом разбирают факторы деформации твоей личности в лоне Государства. На втором — краткая история твоей бесславной борьбы с нами.

— Неплохо для начала. Когда я выиграю войну, будет целый предмет. — Засмеялась Ангелла.

— Мне кажется, два урока — очень мало. — Продолжила Радость и блондинка перестала смеяться. — Я изучала твою биографию факультативно.

— Автограф дать? — Монстр изобразила щупальцем в воздухе витиеватый росчерк.

— Давай, — Радость наконец заулыбалась, — только у меня ручки нет.

— Не проблема, иди сюда.

Девочка подошла, отмеряя каждый шаг. Таня осталась одна у рубильников.

— Дай свой нож на минутку. — Попросила Ангелла и Радость с понурым сожалением протянула ей складной ножик, тут же отступив на шаг.

— Не волнуйся, чтобы кого-нибудь порезать мне не нужны игрушки. — Она достала лезвие и кончиком ногтя медленно стала водить по нему. Завоняло окалиной. — Осторожно, горячий. — Монстр протянула нож обратно, протерев его ладонью. На блестящей поверхности остался черный тонкий узор, в котором с трудом можно было узнать имя Ангеллы. Это была самая красивая и вычурная подпись, которую ребятам когда-либо доводилось видеть. Любой из учителей и даже директор школы, лопнули бы от зависти.

Таня задержала дыхание, сказала про себя «раз-два» и, ударяя по рычажкам снизу сразу двумя ладонями, начала стремительно и шумно включать рубильники: два-четыре-шесть-восемь... Остался последний и правая ладонь Хиз с размаха налетела на холодный и твердый, как сталь, коготь суставчатого отростка Ангеллы, которая уже стояла рядом и любовалась изумлением на лице девчонки, ее круглыми глазами зафиксированными на ладони, которая была насажена на острие крыла падшего ангела в сантиметре от пыльного переключателя.

В изумленной тишине по полу загрохотал багор, который Пашка снова попытался метнуть в Ангеллу, на этот раз острием вперёд. Он не докинул, и красное копьё с крюком, дробно лязгнув, застыло у двух пар стройных ног. Хиз его заметила самым краем сознания, которое заполнила тупая пульсирующая боль и онемение вокруг холодного штыря, раздвинувшего плоть, чтобы оскорбительно противоестественно торчать с противоположной стороны кисти, влажно отблескивая рубиновым. С каждой пульсацией онемение разгоралось, в скором времени обещая стать пламенеющей болью.

Таня, чувствуя, как ее мутит от зрелища собственной раненой руки (кровь еще не пошла, коготь плотно затыкал дырку), с трудом отвела наливающийся темнотой и тошнотой взгляд, чтобы упереться им в безумные глаза Ангеллы: один с расширенным от садистского внимания зрачком, другой — ясный, чистый и полный извиняющихся сожалений: «Ну ты же сама виновата». Хиз увидела, как прояснилось лицо монстра, на котором сочувствие взяло верх, та внесла в ее поле зрения знакомый листок со спешащим подчерком.

— Только враги не предают. — Произнесла Ангелла грустно, Таня не понимала почему, но ей казалось, что слезы готовы покатиться по правильному лицу её мучителя.

— Извини. — Сказала сипло Ира. А вот она плакала, некрасиво кривя губы и подрагивая плечами, пытаясь справиться с собой и не справляясь.

Боль, намного сильнее той, что разгоралась в насаженной на хитин чудовища ладони, пронзила сердце Хиз.

— Проход из их слоя не должен открыться. — Произнесла Ира, давая из себя каждое слово. Пашка и Сергей с непониманием уставились на неё. Радость потемнела лицом. — В их мире плохо! В этом мире не всё в порядке и может стать ещё хуже. А в моем всё хорошо! — Взревела белугой Ира. — Он беззащитен! — Она заплакала в голос. Сергей обнял девушку и та уткнулась ему в плечо.

— На самом деле, — сказала Ангелла, — если бы Ира не отдала мне записку, ты бы включила не больше двух рубильников. А так я знала, что ты делаешь и когда тебя можно остановить. Ведь правда, так интереснее?

Хиз не удостоила ответом монстра, она смотрела той за спину, на ожившую огоньками стену. Там в форме двух скрещенных в трёх измерениях восьмерках переливалась синим и белым схема базы. В месте пересечения углов четырёх вытянутых каплями окружностей, обозначились два прямоугольника помещений: один заполнен синим, а второй, смежный, мигал — красное, черное, красное, черное.

— Портал открылся бы прямо здесь. — Сказала Ангела. — Но у вас не было шансов.

— Ира. — Позвала Хиз подругу. Та подняла голову и посмотрела на Таню. — Всё нормально, не плачь. Я тебя понимаю и прощаю. — Боль, причинённая предательством, туманящая и давящая, растворилась, оставив после себя легкость и радость. Как странно, подумала Хиз и сказала: — Малявки, — те встrepенулись понурыми воробьями, — а откуда вы узнали о ключах? Мы же вам ничего не рассказывали

— *Что?* — С удивлением Ангелла обернулась на маленьких девочек. Те с невинным видом пожали плечами и проворно отпрыгнули в разные стороны, когда к ним метнулось, порвав футболку на животе, очередное гибкое щупальце монстра. Второе, из спины, захлестнуло запястье целой руки Тани, которую та рискнула протянуть в сторону последнего переключателя.

«Пора», — сказала себе Хиз и что есть силы, с хрустом в разрываемой плоти, надавила снизу ладонью на коготь, по-садиcтски остановивший её и показательно удерживавший у самой цели.

Никакой тупой боли — только острая, чистая и рафинированная. Вверх брызнул фонтанчик крови, скопившейся в ране и теперь выжатой. Хиз вскрикнула и почувствовала удар багром в спину, но, скорее всего это был не он, а второе «крыло» мятежницы из другого мира. Щелкнул последний выключатель и электрический щиток на стене брызнул в лицо снопами искр и облаком черного дыма. Хиз отшатнулась, но не упала, удерживаемая... она посмотрела вниз, да, так и есть: из футболки с правой стороны торчал черный хитиновый штык, пробивший её, как повелось сегодня, насквозь. Оба крыла-штыка бесцеремонно были выдернуты, Ангелла принялась курочить ими щиток.

Таня, покачнувшись, осталась без опоры. Она почувствовала, как тёплые струи полились по её телу и прижала левую, целую, ладонь к ране на груди, футболка под рукой чвякнула мокрым. Ноги превратились в вату и поэтому Таня взвесила: хватит ли сил отойти в сторону от разгневанной Ангеллы, которая сейчас рвала уже не щиток, а последние провода в стене под ним, или стоит присесть прямо здесь. Она сделала шаг в сторону, и нога как будто провалилась, картинка резко потемнела, и она почувствовала, что её подхватили руки друзей — сразу стало уютнее, Хиз возрадовалась, что умрёт не на холодном полу. Жаль, что так получилось, откровенно говоря, она надеялась, что Ангелла ограничится ещё одной болезненной, но безопасной дыркой, а не станет убивать её насмерть. «Дикари-с!» — подумала Таня и заулыбалась. Над ней всхлипывала Ира и, похоже, что не одна.

— Ирка, — заговорила Хиз, не открывая глаз (когда они закрылись?); голос звучал глухо и тускло, как будто не покидал её головы, но Таня все же понадеялась, что говорит вслух, — ты всё сделала правильно, но больше так не делай. Ведь мы же подруги? — Ей хотелось добавить «навсегда», но она вовремя прикусила язык, которого сейчас не ощущала.

— Да! Да... да... — Горячо затвердила Ира.

«Значит, вслух».

К ранам на спине и груди прижали мягкие комки тряпок. Наверное, пацаны стянули с себя футболки, подумала Хиз. Шум, производимый вандальствующей Ангеллой стих и в

воцарившейся тишине стали различимы нарастающие потрескивания в воздухе.

— Это портал? — спросила Таня. — Есть на что смотреть?

— Есть. — Ответил Пашка. Он держал кляп из своей футболки, прижатый к спине раненой девушки, Сергей затыкал своей рубашкой поток крови спереди. Оба они, не сговариваясь, приподняли Таню выше и усадили в объятия Пашки, уперев о него спиной, а он уже прислонился к стене. Толстяк кусал губы, чтобы не орать от переполняющего его чувства несправедливости и сочувствия: самая лучшая девчонка на свете сейчас умрёт! Он сквозь пелену слез смотрел в центр комнаты, откуда доносился нарастающий звук — запутанные линии научной спортивной площадки, похоже, были отлиты из металла и сейчас они раскалялись, всё ярче светясь красным. Потрескивал лопающийся сырой бетон, в который был залит невероятный чертеж. Все заметили, что на потолке зеркальным отражением ему рдел еще один металлический узор, тоже круглый, но другой — что-то похожее на схематическое изображение атома с ядром и сотней орбит электронов, по которым сейчас проносились искры с шорохом сотни сатанеющих змей.

Таня с трудом разлепила глаза и смотрела на ширящуюся феерию, всего секунду назад ей нестерпимо хотелось спать, но теперь она забыла обо всём, жадно впитывая масштабное зрелище, возможно, последнее на её недолгом, как оказалось, веку.

— Я вас всех сейчас убью. — Произнесла без особого энтузиазма Ангела и направилась походкой рабочего, идущего на тяжелую смену, к ребятам. Над ней двумя скорпионьими жалами раскачивались суставчатые отростки, приготовленные для казни.

— Зачем? — Крикнула Ира сквозь сильный уже шум и поднимающийся ветер. Снизу чертеж сиял розово-белым, от него тянуло жаром, как от полуденного солнца. Сверху искры миллионом бенгальских огней слились в непрерывный сноп римского фонтана.

— Для порядка. — Мрачно ответила монстр и замахнулась крыльями, чтобы насадить левым Иру, а правым Сергея. Ребята сжались, но Ангелла пошатнулась и не закончила удар: её лицо стало удивленным, она развернулась и ребята увидели, что из спины девушки, ровно из того места, куда она ранила Таню, покачиваясь торчит багор, засаженный по самый крюк. На прибитой к телу футболке расплзлось алое пятно, на вид — самой обыкновенной крови.

— Получай! — Закричали малявки. Они стояли на том месте, где раньше лежало пожарное орудие, метрах в пятнадцати от своей мишени. Метнуть на такое расстояние и с такой силой пятикилограммовое копье детям точно было не под силу, но это сделали они — больше никому.

— Кто вы? — Резанула сквозь усиливающийся шум портала Ангелла. Два гибких щупальца обвили багор у основания и не торопясь, с чавканьем, вытащили его. Ребят от такого зрелища затрусил. Пятно крови вокруг дыры в футболке было размером с ладонь и больше не увеличивалось.

— Так мы тебе и сказали! — Выкрикнула маленькая Таня и показала язык. В то место, где она только что стояла с колокольным звоном вбился всё тот же красный багор, брызнувший из пола бетонной шрапнелью. Бросок Ангеллы, попади он в цель, проткнул бы малявку не до крюка, а прошел бы навывлет, разорвав пополам. Но сверхъестественная реакция существ, выдававших себя за девочек, давала им равные с Ангеллой шансы.

Тиран выругалась на незнакомом наречии (Тане показалось, что где-то она уже слышала эти слова: «Тутимео ми!», или сильно похожие на них) и, широко расставив свои крылья и щупальца побежала на дразнивших её малявок. Те, потеряв всего мгновение на раздумья, оказались зажаты в углу налетающей на них, растопыренной пятиметровым пауком Ангеллой. Когти чиркнули по стенам, оставив глубокие борозды, но малявки, неуязвимые, снова ускользнули, в этот раз удивив до жути: двумя древесными лягушками они сидели под потолком, на высоте десятка метров. Ангелла могла бы дотянуться до них своими безразмерными щупальцами, но не стала, поняв, что гоняться за этими шустрými существами бесполезно. Задрав голову, она прокричала им:

— Лучше бы вам быть на моей стороне!

— Нам и на своей неплохо! — Ответила маленькая Таня. Она отодвинула свисающие вниз волосы, чтобы глянуть на открытие портала, маленькая Ира повторила ее жест. Ангелла и ребята тоже обернулись на пламенеющий столп искр, который соединил верх с низом, превратившись в ревущую колонну от пола до потолка — тугой солнечный протруберанец, на который было больно смотреть. В огненном потоке мелькнули тени.

Малявки шустрými жуками побежали по потолку в сторону столпа, над ребятами они притормозили:

— Было классно! — Крикнула сверху Таня.

— Еще увидимся! — Добавила Ириша.

— Ключи открывают всё! — Напутствовала Танюша и у четверки друзей вытянулись

обращенные вверх лица.

— Пока! — Они махнули ладошками и понеслись к свету и огню.

— Кто вы?! — Вслед им запоздало закричал Пашка, повторяя вопрос Ангеллы, но ему они ответили, обернувшись уже перед самым порталом, плохо различимые в сиянии слезящимися глазами.

— Путешественники! — Донеслось еле слышно. «Мы заблудились, но теперь нашлись», — было прошептано на ухо каждому.

Малявки прыгнули двумя тенями в костер, где другие тени уже теснились, словно ждали своих, приготовили им тёплую встречу. Но те, другие, словно не заметили мелькнувшие вверх два пятнышка, ждали они не их, они топтались на пороге, не терпя его переступить.

Момент настал!

Сквозь огонь в залу поперли силуэты, которые скакали многоногими конями, прыгали на суставчатых ногах и перебирали щупальцами в стремительном, в меру своих сил и разнообразных конечностей, рывке. Куда? Пять, десять, пятнадцать, двадцать существ, и сзади другие, размерами от овчарки до огромного коня катили во весь опор свои как на подбор безобразные тела. Зачем?

Ребята невольно оглянулись в поисках неведомой цели, тех широких ворот, которые так манили чудовищ, которые были готовы вместить это клацающее стадо, принять сей оружий на все лады табун.

Сзади только стена с переливающимся в экстазе планом запущенного проекта. И еще Ангелла в боевой стойке: с распростертыми крыльями, дрожащими щупальцами и выпущенными кинжалами черных когтей. (О! Она и так умеет?!)

— Жалею, что раньше не умерла. — Прохрипела Таня и лишила друзей последних секунд растерянного ступора, на смену которому пришла, ударив мощным прибоем, катящаяся впереди чудовищ черная волна отчаянного ужаса. Захотелось закричать, но это смог с натяжкой сделать только один Пашка, протолкнув подавленный писк через пережатое страхом горло.

В лидеры спринта монстров, наступая на мелких и расшвыривая крупных, выбился огромный зверь о шести лапах с выдающейся головой, похожей на конскую, только с разевающейся крокодильей пастью, усаженной красивыми загнутыми назад саблевидными зубами. Он то скакал на четырех галопом, расталкивая передними двумя — мощными и жилистыми — конечностями толпу, то становился только на заднюю пару лап, орудуя двумя передними, когда нужно было быстро разорвать на мелкие части соперника. Невезунчики, вставшие на пути у шестиногого исполина, брызгали фонтанами разноцветной крови и разлетались по сторонам кусками разнокалиберной плоти, которую тут же ловили их более счастливые собратья и жрали на бегу. Если бы не постоянные перекусы в дороге друг другом, жуткая лавина уже бы смела тёплый и мягкий десерт, кучкой сжавшийся у дальнего края боковой стены.

Очередной попутчик кошмарного коня взлетел до потолка крупными брызгами или мелкими кусками, когда яростный взгляд, до того прыгавший по сторонам, остановился на ребятах. Огромные красные глаза с голубой и пронзительно безумной радужкой, как будто заглянули каждому в нутро, увидели там множество оттенков вкусного и недвижно зафиксировались на умирающей Хиз, от которой исходил горячий запах крови. Конь пошёл локомотивом, издав залихватский рёв.

Мимо мелькнула тень Ангеллы, которая неслась наперерез коню, но тот её даже не

замечал, зато заметили твари поменьше, у которых хватало ума держаться в стороне от лидера гонки. Блеклые и небольшие, комплекцией, как тощие люди, они перешагивали длинными задними и передними лапами, почти касаясь пола коленками и локтями, выставив вперед слепые лица с мощными челюстями, чьи ряды серых квадратных зубов не прикрывали тонкие сухие губы. Первый из них протянул длинную, похожую на руку, переднюю конечность, чтобы схватить девушку за ноги и тут же лишился головы, походя отсеченной крылом Ангеллы. Остальные набросились на неудачника, благо разумно позабыв о предыдущей цели.

Тиран приблизилась к коню апокалипсиса спереди и справа, её маленькая фигурка позволила правильно оценить масштабы чудовища — больше слона — настоящий динозавр, он навис над ней ожившим чучелом из парка приключений, ритмично перебирающим поршнями многотонным экскаватором, который сметёт всё на пути даже с выключенным двигателем, по инерции.

Ангелла прыгнула со стороны мощной передней лапы и воткнула копьё своего крыла под лопаткой конечности, в бугристую грязную кожу, натянутую поверх играющих мышц, сухожилий и пульсирующих вен с кровью. Зверь взревел, а девушка рывком подлетела, чтобы оседлать широкий загривок почти под потолком. Королева чудовищ, перед которым хочется преклонить колени — ужасная и прекрасная, верхом на левиафане — такой она предстала на то мгновение, пока не вонзила в голубые глаза чудовища, исторгнув из них струи тёмной крови, свои крылья, по самые сочленения. Монструозный конь умер мгновенно, прямо на бегу уронив огромную голову на пол, с неё грациозно спрыгнула Ангелла. Огромное тело продолжило движение, падая передней частью, в то время, когда задняя все еще двигаясь вперед, совершила грузный кульбит всей тушей, проехавшись на спине несколько метров. Как раз столько не хватало до сжавшейся группы друзей, уже попрощавшихся с жизнью. Мерзкий хвост, на вид как обсосанный хребет недоглоданной таранки, безжизненно распрямился и коснулся кроссовок Иры, она отодвинулась и с трудом сглотнула ком в горле.

Туша, перекрывшая весь обзор портала и даже сонмы чудовищ, исторгаемых им, задрожала и мелко задёргалась, словно монструозный конь надумал жить и вот-вот сделает первый вдох, но это с невидимой для ребят стороны в неё впились десятки разнокалиберных, но одинаково голодных пастей, выкусывая, отрывая и раздирая. На бедро задраной кверху задней лапы взобрался урод с двумя передними конечностями несоизмеримыми остальному телу, они раскладывались локтями вверх, как лапы богомола, но заканчивались каждая клыкастой пастью, жующей и залитой кровью. Лысая овальная голова существа не имела рта, только два истошно желтых глаза, которые перестали вращаться хаотично и отдельно, когда уставились на ребят. Пасти издали жадное рычание-хрюканье, втягивая воздух и подбирая алые слюни, и потянули чудовище за собой. Ему осталось только расслабиться и соскользнуть по неровному боку поверженного гиганта, когда серо-зеленое тело брызнуло во все стороны мелкими кусками: внутренности и их жидкости унесло как будто резким дуновением горячего ветра, оставив посередине только оскаленные рты на толстых руках, которые покатались своей дорогой — снова к ногам Иры и других ребят. Друзья оказались щедро орошены мерзкой плотью и пребывали в ступоре шока и омерзения, совершенно не понимая, что происходит и с какой стороны к ним всё-таки придёт уродливая смерть.

— Мы здесь! — Неожиданно закричала Радость, она находилась в стороне, не загораживаемая тушей коня, залитая спереди солнечным светом портала — радостная и машущая кому-то руками, даже подпрыгивающая. Её усилия оценили сразу несколько

тварей, бросившихся наперегонки: козёл, начисто лишенный шерсти и влажно поблескивающий, взблеял пастью полной острых зубов-иголок, собрат многоного рутса круто изменил траекторию и гигантский чёрный мохнатый мотылек с метровым извивающимся хоботом спикировал сверху. Достиг цели только летающий монстр, козла и рутса сдуло-разорвало той же силой, что заляпала внутренностями пастелапого богомола ребят. Но мотылек накинудся сверху на девочку и забил её с бешеной скоростью шуршащими крыльями, пытаясь хоботом отыскать брешь в отбивающихся руках, в спутанных волосах, чтобы прильнуть выгрызающей присоской к голой коже. Радость истерически заверещала, втянув голову в плечи, пытаясь не упасть под натиском мерзкого мотылька, размерами немногим уступающего ей. Неравная борьба продолжалась, пока девочка не начала хрипеть, отступая шаг за шагом в попытке сохранить равновесие, и никакое чудо в виде разящих выстрелов или разгневанной Ангеллы не спешило помочь. Наконец Радость оступилась на бесформенном и скользком куске, завалилась на спину, и монструозный мотылек смог припасть жадным хоботком к её ключице. Крик, который издала девочка рассказал всё о том, что делал сейчас с ней монстр — он её жрал, а она беспомощно дергалась под ним и билась.

Первым сорвался со своего места Сергей, его заменила Ира, прижавшая руку к мокрому и горячему на груди Тани. Он подбежал к бьющемуся над Радостью монстру и принялся его пинать, но это не прервало трапезы и захлебывающихся уже криков жертвы. Пашка аккуратно передал Таню Ире, которая теперь зажала обе ее раны и облокотила подругу на себя, и бросился на помощь другу. Вдвоем они схватили мотылька за жёсткие неостанавливающиеся крылья и что есть сил потянули от девочки. Тварь билась и извивалась, но по сантиметру уступала обед; Радость, почувствовав перемену в этой, как казалось безнадежной схватке, перестала паниковать и стала целенаправленно отдирать о себя мохнатую трепещущую пакость.

Таня и Ира с трепетом наблюдали не столько за борьбой мотылька за Радость, сколько за тем, что вокруг кружат десятки чудовищ и каждое из них, которое пытается приблизиться к людям, сносит мощный беззвучный выстрел. Хотя не совсем беззвучный, каждое смертоносное дуновение сопровождается далёким и низким вукающим звуком, словно резко нагружается большой амортизирующий поршень.

— Давай поднимемся. — Сказала Таня на ухо подруге и принялась искать руками опору, одной шаря по полу, а другой хватаясь за одежду Иры.

Мотылька и Радость соединял уже только один вытянутый хобот, конец которого погрузился в страшную рану рядом с шеей девочки. Крылья не ослабевая колотились в руках подростков, которые теряли силы с каждой секундой, но что есть силы продолжали упираться ногам в пол и стискивать онемевшими пальцами трясущуюся тварь. Она победит их измором, она неустоимее, она сильнее их троих.

Радость сжала одной рукой хобот, который не переставал глотать ее ключицу и мелко сглатывать, а второй залезла с карман на коричневом платье. В кулаке у неё щёлкнул ножик, и она с криком освобождения перепилила приклеившийся к ней отросток. Мотылек резко оторвался от нее и ребята упали на задницы, выпустив тварь, которая забилась по бетону кругами, брызжа из покалеченного хобота кровью: грязно-коричневой своей и ярко алой — кровью Радости. Девочка села на полу и выдернула, не взирая на красное марево боли, кусок хобота из раны, тот легко поддался и мокрой тряпкой плюхнулся рядом. Ребята как смогли быстро отползли от раненого существа и, поднявшись сами, помогли подняться на ноги,

качающейся, как на сильном ветру, девочке. Они увидели еще одну качающуюся фигуру, бредущую к ним и с трудом переставляющую четыре ноги — сплетенных Таню и Иру, которые, все-таки встали. Сзади них, закрытые тушей фантастического коня от неведомых стрелков, подбирались слепцы на длинных лапах. Их передние конечности с пальцами тряслись от нетерпения, но сами монстры, не будучи настолько безумными, как большинство собравшихся в этом зале, осторожно поводили морщинистыми черепами из стороны в сторону и вздрагивали каждый раз, как рядом гибло очередное чудовище — снесенное ли неведомым лучом, или раскушенное своим коллегой.

— Сзади! — Закричал Сергей.

Девчонки оглянулись, заметили дышащих в затылок слепцов и как смогли ускорили шаг. Получилось не важно, Таня висела на Ире, слабо перебирая ногами по полу. Там, где ребята сидели на полу, чудовища остановились и принялись лизать пол толстыми, как шланга пылесоса, шершавыми языками, которые противоестественно высовывались из пасти на передних лапах. Они вымакивали с бетона лужу крови, которая натекла с Хиз. Самый крупный оставил лакомото собратям и, не отрывая мельтешащих языков от пола, направился дальше. Его отсутствующие глаза зафиксировались на Тане, которая кропила за собой манящий след, а пасти издали сладкий стон, он побежал, как в ускоренной съемке, не оставляя без внимания ни единую кляксочку крови. До девчонок гурману оставалось только руку протянуть, что он и сделал, коснувшись языком ноги Хиз, по которой сбегали красные дорожки. Лапу с пастью снесло брызгами, Таня и Ира выковыляли из-за туши коня, попав в зону обстрела. Чудовище кубарем покатилося дальше и было тут же распылено кровавым дождем.

Девчонки сделали еще два шага и остановились, Хиз больше не могла держаться на ногах, она падала, соскальзывая с плеча Иры. Затухающим зрением она увидела, как из столпа гудящего света в центре зала выходят тени Пожарных с огнемётами наперевес, превращая бесчинствующий хаос вокруг в тихий и мокрый порядок. Один из них направился прямо к ребятам и Таня, прежде чем отключиться, увидела в глазницах его противогаза полыхающий за своей спиной пожар. Она медленно упала, поддерживаемая подругой.

Человек с поблескивающим забралом вместо лица двигался удивительно легко для своих массивных доспехов. Любой рыцарь умер бы от зависти, увидев эту грудку лоснящейся брони, любой рыцарь не смог бы в ней пошевелиться, будь она сделана из стали.

«Сервоприводы или сверхлегкие сплавы?», — отрешенно подумал Пашка и сам удивился полному безразличию к вопросу.

— И то, и другое, — сказал Сергей усталым голосом, угадывая мысли друга. Он так делал часто, и Пашка тоже, неизменно испытывая восторг, когда догадка попадала в точку, создавая ощущение чуть ли не телепатии. Сейчас восторга не было. Сейчас хотелось броситься наперерез лязгающему о бетон воину, только не понятно: с кулаками или объятиями.

«Лучше ему не мешать», — решили друзья, увидев на левом нагруднике большой красный крест. Мимо них вихрем пронеслась Радость, она решила сбить огромного рыцаря с ног? Не успел Пашка открыть рот, чтобы закричать: «Стой!», не успел Сергей броситься за ней, как девчонка — мелкий грязный воробей пикирующий на сияющий монумент — прыгнула.

Ире хотелось зажмуриться, но она смотрела как Радость налетает на бронированного солдата, как тот поднимает своё ужасное оружие... Ира всё-таки закрыла глаза. А Сергей с Пашкой увидели, как воин отшвырнул винтовку и поймал девчонку на руки, как она прижалась к его широкой груди, схватив за шею, как он нежно держит ее в колыбели моторизованной брони.

Когда Ира открыла глаза, не услышав ни близкого вскрика, ни басового ухания выстрела, она с изумлением увидела, что пришелец в латах с сияющей Радостью на руках подошел к Хиз и опустился перед ней на колени. Он аккуратно, Ира тоже вспомнила воробья, поставил Радость и на секунду положил руку в перчатке на залитую кровью футболку Тани. Открылась крышка на правом бедре воина-медика, из отсека выпрыгнул инструмент с длинной иглой, похожий на шприц, соединенный с внутренностями костюма толстым металлическим жгутом.

Бесновавшихся вокруг тварей отстреливали уже по одной, команда вышедших из портала солдат расходилась веером, зачищая пространство зала, а за их спинами появлялись новые люди, облаченные уже не в столь тяжелые доспехи, но всё же скрытые за броней костюмов и масками шлемов, они несли с собой огромные ящики и катили алюминиевые на вид чемоданы, быстро раскрывая их и монтируя из полученных блоков оборудование.

Но слаженная работа пришельцев оставалась за границами внимания ребят, которые не отрываясь смотрели на манипуляции медика. Он, орудуя «шприцом», как скальпелем, вырезал вокруг раны под правой грудью Тани прямоугольный лоскут, просто проводя острием иглы по ткани. Потом инструмент узким конусом то ли пара то ли газа с жидкостью сдул всю кровь и грязь вокруг рваной кожи и покрыл чистый участок тела серебристой жидкостью. Ребята ойкнули, когда медик ввел шприц на всю длину в рану, при этом игла вела себя как упругая и гибкая трубочка, и вытащил его обратно. Из дырки на груди вылезли несколько серебристых пузырей и застыли. Сверху был наложен кусок толстой и мягкой белой ткани с красными как медицинский крест цифрами и буквами, лоскут прилип к коже и футболке, закрывая прореху в одежде.

Медик аккуратно перевернул Хиз, в этом ему помогали Ира и ребята, которые отходили от оцепенения, и таким же образом обработал рану на спине. После этого настал черед руки. Скорость и легкость промывки и заклейки дыры в ладони напомнили манипуляции с зеленкой вокруг пустячной царапины. У Иры высохли слезы.

Наконец универсальный медицинский инструмент нырнул обратно в бедро бронекостюма. Медик поставил раскрытую ладонь перед своим плечом, в его ранце что-то щелкнуло и в руку выпрыгнул блок размером со спичечный коробок, который был установлен на запястье Хиз. Устройство, напоминающее теперь огромные смарт-часы, зажглось экраном и по нему побежали цифры и графики тревожного оранжевого окраса.

— Будет жить. — Сказал солдат откинув забрало; он, не вставая с колен, посмотрел на всю компанию. У него было молодое лицо, которое в обрамлении шлема напоминало лица с черно-белых фотографий первых космонавтов. Такое же правильное, простое и светлое. Люди с такими лицами не врут, люди с такими лицами — всегда на стороне добра.

Теперь всё в порядке, можно сесть и отдохнуть, а лучше лечь и закрыть глаза. Но упрямые дети не ложатся спать, даже когда глаза слипаются, даже если еле стоят на ногах, наигравшись за день и набегавшись от чудищ.

Сергей, Пашка и Ира смотрели за спину солдата, где другие бронированные фигуры закончили сбор кольца из катушек вокруг столпа портала. Медик оглянулся, потом крикнул ребятам:

— Закройте уши! — И показал как. Когда они послушались он, оставаясь рядом с Хиз, развернулся лицом к потоку энергии, рядом с которым что-то настраивали другие пришельцы. Несколько мгновений спустя столп скачкообразно расширился вдвое, поглотив кольцо оборудования и раздался продолжительный гром, от которого задрожала вся пещера, крупно зазудела кожа и всколыхнулись внутренности. Потолок, в том месте, куда входил столп вспыхнул нестерпимо ярким светом, так что все зажмурились и отвернулись. Сквозь сомкнутые веки бушующее сияние плясало неистовой бесконечной вспышкой несколько минут и жар лизал открытые участки кожи, осушая грязь и кровь на руках и ногах, волосах и одежде. Ребята корчились в громе и сиянии, казалось, что эта пытка будет продолжаться, пока не подожжет их. Но неожиданно всё прекратилось и теплый ветер загулял вокруг, оглаживая обожжённую до красноты кожу.

Перед глазами всё ещё плавали разноцветные круги, а в ушах звенело, когда ребята увидели, что в потолке пещеры проплавлена широкая дыра, светящаяся тусклым красным, а мощный широкий столп портала превратился в узкий багровый луч, чей конец теряется в дыре свода.

К лежащей на полу Тане подошли двое санитаров в белых халатах с совершенно обыкновенными носилками. Они аккуратно переложили ее и подняли, чтобы унести, когда солдат остановил их и показал на тройку друзей:

— Они пойдут с ней, пусть отдохнут на соседних койках после того, как будут осмотрены, заклеены... и вымыты — Парень улыбнулся своей улыбкой Гагарина ребятам и сказал для них: — Вы бы себя видели: Рэмбо от первой до последней крови!

Ребята повернулись друг к другу и засмеялись неуклюжей, устаревшей шутке. Они и вправду походили на беглецов из преисподни. Они ими и были! Вы только посмотрите, что творится вокруг: груды мёртвых монстров — целиком и частями (крупными и мелкими), те, что поближе к portalу еще и дымятся!

Пашка уставился на что-то в отдалении. Друзья проследили за его взглядом. Замолчали.

Среди грязных ошметков на залитом кровью бетоне белым флагом виднелись белокурые волосы. Ангелла.

— Познакомились? — Понимающе спросил солдат.

— Да. — Тихо за всех ответил Толстяк. Странно, но ему было жалко это чудовище, причем, как она сама сказала — только копию с настоящего.

Они смотрели и смотрели на разметанные белые волосы, хмурые и печальные.

Медик больше ничего не стал говорить ребятам, а только кивнул в жесте «Ещё увидимся» и направился к следующим пациентам — Маргарите и Светлане, лежащим двумя красивыми манекенами среди хаоса и грязи. Друзья, проводив его взглядами, увидели, что к их вожатым торопится целая бригада с носилками и пошли за терпеливыми санитарями, несущими Таню в противоположную сторону зала, где разворачивался мобильный госпиталь. Неужели только для девушки и двух вожатых? Скорее всего, нет. В большом бетонном пространстве, где всего полчаса назад гуляло эхо, стало тесно от людей и оборудования. Бронированные солдаты и техники переносили громадные ящики, стыкуя их и раскладывая, непонятно откуда появились люди без оружия, одетые не в камуфляж, а в чистые голубые и белые комбинезоны, они не столько помогали разворачиванию штаба армии (вот на что всё это было похоже!) руками, сколько руководили действиями остальных. Никакой суеты, только слаженная работа, действия, отработанные на тренировках. Это подготовленное вторжение, которое сейчас переживало одну из первых активных фаз.

— Вы будете захватывать Землю? — Спросил Пашка у спин санитаров, не надеясь на ответ. Он его и не получил, те, не оборачиваясь зашли в белый бокс с красным крестом на дверях. У входа ребят ждал пожилой мужчина в белом халате, в руках он держал стопку белой одежды.

— Сначала душ! — Сказал он бодрым голосом, указал на дверь соседнего блока и протянул комплекты чистого белья и комбинезонов ребятам. Те с готовностью, но осторожно, чтобы не испачкать, взяли свежие вещи, при виде которых свои заскорузлые шорты и футболки захотелось побыстрее скинуть. — И, да, мальчик, — сказал он, глядя в глаза Пашке, — «да» — это ответ на твой вопрос.

"Рекордно короткая смена получилась", — подумал Спартак Петрович. Второй день не закончился, а случилась катастрофа, о которой директора предупреждала странная девочка из другого мира — вторая из них, которая называет себя Ангелла. А куда делась первая? Недалеко, уже нашлась: вот он на экране сигнал ее навигатора, появился несколько минут назад, да не один, а в компании. Тут все потерянные: Маргарита и Светлана — их координаты почему-то неподвижны, а пульс — удивительно стабильные 65 и 67 ударов в минуту. Спать они не могли завалиться, значит находятся без сознания. Рядом Таня Хизер и ее подозрительная подруга Ира, с ними симпатичные балбесы Сергей и Павел. Все мельтешат, а пульс такой, что смотреть страшно. И думать тоже страшно о том, что у них происходит, учитывая, что вышки джиэсэм, перенастроенные Эльвириным, ловили настолько мощные гармонические поля, как раз там где все балбесы, что графики выдавали сплошной срез по верхнему уровню. То есть сигнал был мощнее любых предусмотренных при настройке аппаратуры пределов. На карте это выглядело черной дырой, в окружении кипящего сиреневого, накрывшего всю доступную для вышек территорию, то есть полностью лагерь с окрестными горами и лесами. Жаль рядом нет Петра, он бы все перенастроил, добился стабильных графиков и выдал пару теорий насчет того, что происходит. Но директор «Кристалла» и без ученого с головокружительной уверенностью понимал, что случилось — прокол слоёв мироздания, стабильный и мощный. Они открыли портал!

Два часа назад казалось, что всё пропало. Директор чуть с ума не сошёл, когда к нему ворвались вожатые одного из младших отрядов и привели чуть ни заикающихся девочек, которые рассказали, что страшные водолазы похитили половину отряда 1-А. Спартак Петрович сказал себе: «Доигрался дурак старый» и дрожащей рукой набрал полицию. Мгновенно его связали с солидным чином отдела по борьбе с терроризмом. Еще бы, такое ЧП в летнем лагере! И тот был внимателен и угрюм до тех пор, пока директор не начал рассказывать о том, что похитители, скорее всего, сошли с огромного корабля, стоящего в прямой видимости от берега.

— Дредноут? — Растерянно переспросила шишка из антитеррора. — Минутку, сейчас запрошу береговую охрану. — Через сто восемьдесят три секунды (Спартак Петрович считал, то и дело с усилиями расжимая кулаки с побелевшими пальцами и челюсти, стиснутые до хруста) в трубке раздался другой голос:

— Береговая охрана и пограничники не подтверждают присутствие какого-либо корабля в вашем квадрате. Повторите пожалуйста описание.

Директор повторил.

— Дети действительно похищены? — Спросил голос нетерпеливо, наверное, он был уверен, что из лагеря по телефону администрации звонит какой-то шутник. — Вы понимаете, что, если это розыгрыш, вас ждет статья?

— Да, дети похищены! — Возопил директор. — Пол-отряда!

— Ждите. Через 15 минут встречайте вертолёт. — В трубке пошли гудки. Похоже в антитерроре так и не поверили.

Как было обещано, через четверть часа из-за гор появился вертолёт, наполняя окрестности бодрым рубящим шумом. Спартак Петрович выбежал на площадку перед

административным корпусом, даже зачем-то помахал руками, а вертолёт дал полукруг вдоль побережья, опасно не приближаясь к чужому кораблю, и скрылся за снежными вершинами.

Директор постоял растерянно и вернулся в кабинет, чтобы обнаружить, что каналы связи с внешним миром полностью отрезаны. В проводном телефоне только шорохи, в мобильном, работающем через ретранслятор, полное отсутствие делений, интернета — как не бывало.

— Ого. — Сказал вслух директор. — Значит, вы уже с подобным сталкивались? И каков же протокол?

Через десять минут он увидел в исполнении первый и даже, может быть, единственный пункт протокола. Раздалось оглушительное гремящее шипение и через открытое окно, в котором дредноут маячил, как пятно на маринистском пейзаже, Спартак Петрович увидел яркую звезду с дымным шлейфом, которая падала с небес на корабль. Встречная молния её уничтожила.

Директор крикнул от такого зрелища. Что же, не хитрый протокол. Одна ракета не помогла, интересно сколько следом прилетит? Пять, десять, двадцать? И сколько сможет сбить пришелец? И что за люди отдают приказы топить корабли с несовершеннолетними заложниками?

А потом ожили экраны и начали показывать растущую черную дыру среди поглотившего весь лагерь поля аномалии. Когда дыра на мониторе прекратила увеличиваться, по горам прокатилась едва уловимая дрожь и на поверхность из-под разверзшейся земли вырвался слепящий столп света, который через пару минут сменился тонким красным лучом, растекающимся в высоте по куполу невидимой полусферы. Как оказалось, очень даже вовремя для дредноута, на всех дымах устремившегося к берегу, потому что скоро всё небо заполнил всепоглощающий гремящий рокот и с неба пролился целый метеоритный поток. Он должен был вколотить корабль в пучину, разбросать обломки и вскипятить сверху море. Но на высоте, обозначенной лучом, яркие звезды гасли и в дредноут врезались мертвыми железными птицами падающие по инерции крылатые ракеты. Они разбивались о толстую броню, не взрываясь, и осыпались дорогим металлоломом на палубу и в воду.

Весь лагерь прильнул к окнам. Два часа назад громкоговорители разнесли тревогу, прервав в общем-то классную игру; затем голос директора сообщил трём тысячам мальчишек и девчонок о ЧП с заложниками, поселив в юных мозгах тревожное возбуждение. Теперь оно лопалось от ужаса и восторга, подаренных невиданным зрелищем. Спартак Петрович понимал, что скоро дети начнут хаотическое движение: одни высыпят на площадки перед корпусами, чтобы обсуждать увиденное, другие, наоборот, полезут на верхние этажи, чтобы ждать продолжения представления. Найдутся и такие, кто сломя голову кинется маленькими группками, подначивая друг друга к морю, на набережную и пляжи, чтобы занять первые места, а то и попасть в самую гущу неизвестности, меньше всех будет тех, кто последует указаниям вожатых оставаться в номерах. Хотя с такими видовыми балконами, пожалуй, их тоже будет немало.

Хаос не обуздать до вечера, если только не ввести войска, с висильным юмором подумал директор. Но войска и в самом деле скоро появятся, только не затем, чтобы загонять детей по номерам. А зачем? Что ты натворил, директор Кристалла? Заигрался в великую идею. Сделал её своим хобби, сколотил маленькое тайное общество, треть которого

сейчас лежит без чувств в подземелье, а рядом твои подопечные, судя по пульсу и перемещению, борются за жизнь.

Спартак Петрович похолодел от таких мыслей, ему стало плохо, а горизонт в окне накренился. Схватившись за подоконник чужими дрожащими руками директор понял, что в своем кабинете он откинет копыта от сердечного приступа, снедаемый совестью и страхом.

— Три тысячи детей, дурак старый, о чем ты думал! — Услышал директор свой горький голос.

Он подошел к компьютеру, открыл папку со звуковыми файлами, записанными вместе с Петром в полушутку, в полусерьёз, кликнул по флаку с названием «Армагеддец 03» и направил воспроизведение на систему оповещения лагеря.

Под звуки своего нарочито серьёзного, даже картинно трагического, голоса, он вышел на улицу и направился к северной границе лагеря, где среди редких раскидистых сосен на скалах луч из подземелья пробил себе путь к небу.

— Дети и персонал лагеря, данное сообщение не является шуткой! Разлетелся над Кристаллом многократно усиленный и повторенный эхом голос директора. — Пожалуйста, выслушайте его внимательно, сохраняйте спокойствие и следуйте дальнейшим инструкциям...

Был ли Эльдар дураком? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос: все карты путало невероятное, просто звериное чутьё, которое позволяла ему всю сознательную и бессознательную жизнь наслаждаться идущими в руки подарками судьбы и при этом выходить сухим из воды. Вот и сейчас он чувствовал, как в воздухе разливается невиданное им до сих пор чувство крошечного хаоса.

Нет, внешне ещё всё под контролем: отряды тревожно и послушно сидят по корпусам, вожатые делают вид, что спокойны и стараются глаз не спускать с подопечных. Но земля уже сотряслась! Из-под нее вырвался луч, упершись в невидимый потолок. Как все кинулись к окнам! А Эльдар, опьяненный запахом полной свободы, а ведь именно её сулил приближающийся хаос, кинулся на выход и не просчитался! Десантура прощелкал дезертира! Вожатый-нянька кинулся за лопухими шкетами, чтобы те не повыбрасывали друг друга из окон и с балконов на склон горы, пытаясь рассмотреть красный лазер.

Луч не так сильно удивил Эльдара, как остальных. Видели бы они какие разноцветные зарева этой зимой уходили в ночное небо над родным заводом, где впахивает третье поколение семейства Низамутдиновых. Вот где пахло апокалипсисом: темень, на улице минус тридцать пять и холодает, а уличные фонари погасли, электричества им не хватило что ли. Вот тут весь город и увидел настоящее северное сияние над цехами металлургического комбината. Зрелище было величественнее и страшнее сегодняшнего лазера. Но свободой тогда не пахло, а сейчас... У Эльдара волосы дыбом стояли от этого запаха, и не только волосы. Он несся по пустым аллеям лагеря на восток — туда, где от него спрятали всех девчонок. А он их любил! Ещё и как! Только они от его знаков внимания серели и даже плакали, но так он их любил ещё больше, до умопомрачения. Сколько раз счастливо кружилась голова, а воздух становился прохладным и сладким (ментоловым!), когда они плакали из-за него. Чутьё же всегда подсказывало с кем и где надо уединиться, как именно унижить и растоптать, чтобы жертва оставила всё в себе и сгодилась на следующий раз.

А сейчас чутьё орало: *делай что хочешь!*

Эльдар лез через сетчатый забор в залитом закатным солнцем сосновом парке, когда через динамики донесся голос директора. Пьяный от свободы Эльдар слабо слышал, что тот буровит об опасности и вторжении, но понимал, что чуйка его не подвела. Да! Настал тот час, о котором так мечталось, и даже не пришлось идти на войну, чтобы это испытать. Как там говорится? Эльдару эта нецензурная фраза всегда нравилась, он ее повторял про себя всю дорогу, а теперь даже запел тонким от счастья голосом: «Грабь, убивай, лови гусей»! Но при чем тут гуси?

— *А при том, что можно ВСЁ!* — Эту фразу он закричал дурным голосом и свалился с забора на мягкую хвою. Тут же подскочил и довольным хихикающим зверем понесся в сторону ближайшей дорожки.

Лида сейчас должна была вместе со всеми сидеть на четвертом этаже, который занимал отряд 2-А. Эти невыносимые клуши собрались в общем зале под присмотром двух мегер, а Лиде такое общество перестало нравиться давно. Она чувствовала себя единственной взрослой среди стада лохушек и девственниц, а потому большую часть времени проводила в

наушниках — чёрных фирменных затычках, говорящих прямым текстом: не беспокоить! Когда глупая дневная игра была прервана сообщением директора о вероятном нападении террористов, Лида только обрадовалась, потому что ей было лень носиться по лесистому парку, а тут произошло что-то интересное. Но, всё захватывающее быстро кончилось, когда их заперли, разумеется, фигурально, на этаже. От взволнованного гомона Лида предпочла отгородиться сначала альбомом «Гнев и непонимание» группы Свободные Псы, потом компиляцией «Долой авторитеты» радио Молодость, а потом под печальными взглядами и вовсе ушла в номер.

— Дуры, наверное, думают, что у меня живот болит или депрессия от неразделенной любви. — Усмехнулась Лида и достала из дорожной сумки ярко-розовый с сердечками толстый блокнот. Украшала его голубая размашистая надпись: «Мой секретный дневник!», да, именно с восклицательным знаком. А всю серьезность секретности подчеркивал маленький золотой замочек на двух же маленьких золотых петельках. Лида чуть со смеху не умерла, когда его покупала, но вещица свою роль выполнила, хоть и вызвала недоуменные взгляды мамы, эту карикатуру никто трогать не стал и «секретный дневник» благополучно поехал в лагерь.

Золотой ключик в сумке не нашёлся, поэтому Лида просто оторвала обложку. Классика жанра: в страницах нагло вырезано прямоугольное отверстие, в которое влезли три пачки тонких сигарет и две зажигалки. Если поймают за курением второй раз, из лагеря выгонят, но вы попробуйте первый поймите! Сейчас была идеальная ситуация, чтобы тайком выкурить пару сигарет, лагерь-то опустел, если не считать зловещих террористов, конечно. Балкон был бы чудесен, но отпадал, а вот лавочки на аллеях ниже подходили идеально, главное выбрать ту, которая не на виду, но и не с края, чтобы из-за угла никто не выскочил.

Осталось незаметно выбраться из корпуса, что проще простого, правда, пришлось проползти рядом со стеклянными дверями, благо снизу у них были непрозрачные участки. У Лиды бешено колотилось сердце, она и не подозревала, что ей так понравится сам процесс маленького побега. Вернуться она собиралась так же, полчаса, а то и час у нее есть спокойно; судя по интенсивности разговора за тонкой стенкой, расходиться никто не собирается до самого отбоя. В животе забурлило и Лида вспомнила, что ещё будет и ужин, на который она точно успеет.

Эльдар то бежал, то быстро шёл по восточной части лагеря, неуклонно поднимаясь к корпусам старших отрядов. Таким счастливым и сильным он себя не чувствовал ещё никогда, даже пару раз, как ему показалось в самых глухих местах, он издал звериный крик — боевой рык и заколотил себя по груди, не в силах спокойно перенести поднявшую его над землей волну кружащего восторга. Он бы сейчас справился голыми руками и с ненавистным вожатым-десантником, попадись тот ему на пути. Голыми руками и зубами, если бы подкрался сзади, уточнил Эльдар, стараясь не до конца утрачивать связь с поплывшей реальностью.

К жертве его вывел запах ароматизированных сигарет, мазнувший тонким химическим яблоком. Охотник застыл, повел носом, осторожно втягивая воздух и заскользил в нужном направлении по асфальтной дорожке, обеспечивающей ему, в отличие от палочек, иголок и листьев, бесшумное передвижение.

«Я не человек-паук, я только учусь!»

На лавочке, расслабленно протянув полные ноги и откинувшись на спинку, сидела

крупная старшеклассница, с наслаждением пуская густые клубы дешёвого дыма. Эльдар встряхнулся, приводя себя в человеческий вид (ведь он хочет еще и повеселиться!) и пошел расслабленной походкой к добыче. Пацан, как пацан, а то, что волосы дыбом стоят и ноздри раздуваются, сразу не заметишь.

Девушка подобрала ноги и спрятала сигарету при виде Эльдара, который комплекцией вполне тянул на взрослого водителя, но, присмотревшись, она тут же расслабилась и сделала еще одну затяжку.

— Привет, куришь? — Интонации парня звучали не слишком дружелюбно.

— Как видишь. — Девушка не ступевалась. — А что ты здесь делаешь?

— Таких дур, как ты ловлю, чтобы накормить их сигаретами.

— Отвали, придурок. — Словесное оскорбление было подкреплено презрительным взглядом и Эльдар вспомнил похожий взгляд водителя, который он вынужден был проглотить. Его лицо вытянулось в торжествующей демонической гримасе: уж теперь он терпеть не будет!

Он стоял и ждал, пока девушка вставит сигарету в рот. Та это сделала, излучая независимость и пренебрежение, тогда он с удовольствием размазал горящий огонёк по её лицу. Когда она закричала, его обожжённая рука уже зажимала ее обожжённые губы, левым кулаком он ударил её под дых и стал рвать на одежде пуговицы, наваливаясь, чтобы придавить всем весом бьющееся в панике тело.

Его взяли за плечо, а в ухо словно попал снаряд, отшвырнувший его от девушки, скинувший с лавки на землю. На боксе он уже ловил такие снаряды, да и сам раздавал, поэтому, не ожидая следующих, попробовал вскочить, ставя блок, в который въехала нога в тяжелом ботинке — оба предплечья онемели и Эльдар завалился на спину, приложившись затылком о бордюр, сквозь фейерверк сыпанувших по сторонам искр он увидел наставленное ему в лицо оружие. Вспышку разлётанные по траве нейроны обработать уже не успели.

Лида поджала под трясущийся подбородок колени и смотрела в оцепенении на водителя, который спас её и отстрелил обидчику голову. Нет, не водителя: она прекрасно видела и облегающую броню, отдалённо похожую на спортивный костюм, и фантастический пистолет, спрятанный сейчас в кобуру на бедре. Пришелец, не особо задерживая взгляд на деле рук своих, повернулся к Лиде и ободряюще улыбнулся. Она как дура улыбнулась ему в ответ.

— Как на человека похож выродок, да? — Улыбка Лиды из глупой стала виноватой и кривой. — Нет, нет. — Померк парень и теперь уже внимательно посмотрел на обезглавленное тело. — Это и был человек?

Лида неопределенно пожалала плечами, а потом неуверенно кивнула.

— Фу, — пришелец сглотнул слюну, — мерзость какая, — он побледнел. — У вас такие до сих пор водятся?

Лида утвердительно понурила голову.

Псевдо-водитель отыскал взглядом за деревьями яркое свечение багрового луча и сказал:

— Успею. Пошли я тебя в отряд провожу.

— Тут недалеко. — Сказала девушка вслух первые с момента встречи с пришельцем слова и слезла с лавочки, придерживая рукой порванную на груди рубашку.

Когда они поднялись на крыльцо корпуса, над округой прокатился железный стон и

шум сходящей лавины. Оглянувшись на море, они увидели корму и трубы огромного корабля, врезавшегося носом в галечный пляж. Когда дредноут замер, стал слышен другой звук — по небу быстро приближался гудящий пропеллерами военный самолет. Он шел немногим выше купола и на подлете к берегу с него посыпались раскрывающиеся белыми цветами парашюты с подвешенными к ним фигурками. Когда самолет покинул последний парашютист с корабля веером просыпался в безоблачную голубизну огонь, похожий на праздничный фейерверк и парашюты повспыхивали, роняя своих пассажиров в море, падая следом дымными хвостами.

С гор начал бить другой «салют», целя в корабль, казалось, что он осыпается с брони, не причиняя ей ни малейшего урона. Гром исторгся из стволов одной из башен и скалы полетели по правильным дугам, убегая от клубящихся взрывов и застеливших склон горы облаков пыли.

— Пошли. — Сказал солдат и, положив руку на плечо Лиде, мягко направил её в неестественно тихий вестибюль корпуса.

На четвертом этаже, куда под конвоем пришла Лида, слышались бессвязные вскрики и охи: это было странно и страшно. Но, заглянув в прозрачные двери холла, девушка увидела отряд в полном сборе, прилипший к панорамным окнам. Не только девчонки, но даже их вожатые, висели на широких подоконниках, некоторые залезли с ногами, и неотрывно наблюдали за горой, покрываемой разрывами залпов с дредноута.

«Они не видели горящих парашютов с другой стороны», — подумала Лида и ей стало намного легче.

Она вошла в комнату, и никто даже не обернулся, зато обернулась она, чтобы увидеть улыбающегося солдата, уничтожившего на аллее насильника, словно бешеного пса. Парень (она бы в него влюбилась) помахал ей рукой и ушёл.

Лида стояла за спинами плохо знакомых ей девчонок и испытывала давно позабытую окрылённость, незнакомец напомнил ей о Рыцаре — глупой фантазии двенадцатилетней девочки. Она не удержалась и представила, как робко целует парня в благодарность за спасение. Улыбка быстро покинула её лицо и свет погас в мечтательных глазах — Лида с пронзительным омерзением ощутила вкус табака во рту. Рыцарь перед её мысленным взором передёрнулся, но мужественно стерпел прикосновение слюнявой пепельницы, незамедлительно вскочил на коня и понесся во весь опор в закат.

Лида стояла грустная, не слыша возгласов других девчонок по поводу разворачивающейся за окнами битвы, пока снова ни просветлела. Она развернулась и пошла чистить зубы, прикидывая, куда бы незаметно выбросить все сигареты.

Ангелла наконец-то оделась, вернее облачилась — в броню, которая скрыла её верхнюю, человеческую, половину за воронёным металлом, оставив неприкрытой голову. За спиной появились два манипулятора, напоминающие каркас механических крыльев, заканчивающихся длинными лезвиями, с устрашающими трехствольными пушками в крайних сочленениях. Четыре длинных членистых ноги теперь смотрелись органично, подпирая демоничную тёмную фигуру с развевающимися светлыми волосами.

Сейчас она стояла на носу корабля, куда согнала и своих пленниц, включая девчонок, провалявшихся большую часть времени на корме без сознания. Рита присматривалась к ним с того момента, как те встали на ноги, сладко потягиваясь, словно после хорошего отдыха. Почтальон искала следы вмешательства Ангеллы, но видела тех же поверхностно знакомых девчонок, только в крайне хорошем настроении. Они светились от расправившего их энтузиазма, шутили и с обожанием поглядывали на своего властелина. Наблюдать это за ними было не так странно, как за другими членами Солнечных Ласточек, у которых никто еще не ковырялся в мозгах, но те пребывали в не менее лихорадочном оживлении.

«А что такого?», — спросила себя Рита. Вот ты была обычной школьницей на каникулах, у которой свои маленькие радости и большие проблемы, вредные любящие родители, настоящие и фальшивые друзья и учёба, висящая над головой вечным и всё тяжелеющим дамокловым мечом. А вот ты пленница сюрреалистичных существ и, похоже, что всё кончено и скоро будет больно. Но тут всё переворачивается и вместо скорой смерти тебе обещают вечную жизнь и вместо серых будней намечаются захватывающие приключения. Как карантинном продлевают короткие каникулы: послезавтра в школу, а настроения уже никакого, надо срочно зубрить, то, что садисты-усителя задали на несчастную неделю отдыха, но тут эпидемия гриппа спасает и дарит ещё целую неделю, а то и две. Везуха!

И так хмурая Рита стала ещё мрачнее, потому что почувствовала себя тем единственным глупцом, который отталкивает щедрый подарок, в то время, когда все уже празднуют сорванные джекпоты.

За двадцать минут до этого, ещё на корме, после того как прилетела первая ракета, Ангелла сочувственно покачала головой:

— Похоже, вас, дорогие мои, никто не собирается спасать.

— Может быть они просто еще не знают, что у тебя есть заложники? — Возразила Марина.

Чудовище не стало отвечать, но в воздухе раздался щелчок из невидимых динамиков, и отряд прослушал короткий и полный паники разговор директора лагеря с компетентными органами. Затем в воздухе соткался большой экран с изображением пролетающего вертолётa. Задрав головы, девчонки смотрели, как тот приблизился оптикой корабля до тех пор, пока не стало видно изумление на лицах военных пилотов. Их губы зашевелились и были озвучены записью радиоперехвата:

— Передаю изображение цели, прошу разрешения на облёт на высоте 150.

— Запрос отклоняется. Немедленно возвращайтесь.

— Не понял приказа. У нас на борту группа для высадки в лагере.

Потом пилот добавил сиплым голосом:

— Как возвращаться на базу? А высадка «Альфы»?

— Высадка отменяется. Немедленно возвращайтесь на базу. Прошу подтвердить.

Пилот прокашлялся и ответил прежним твёрдым и отстранённым тоном:

— Подтверждаю выполнение приказа о возвращении на базу. Конец связи.

Вертолёт сделал широкую дугу и ушёл за горы.

— Это записано, пока мы припирались на корме. — Пояснила Ангела, наклонившись. — За десять минут до появления той никудышной ракеты, которую я сбила. Совпадение? Не думаю. Кстати, сейчас будет продолжение фейерверка. Нас решили угробить наверняка. Сюда летит пять десятков этих крылатых бочек со взрывчаткой и мне точно не сбить все: пять-десять прорвутся. Этого достаточно, чтобы отправить нас на дно по кусочкам. Всё, мне больше не нужны заложники. Сейчас мы врежемся в берег и потом — каждый сам за себя, только от ракет уворачивайся. Я — выживу, а вы — нет. Защищать я буду только своих соратников, остальные могут катиться к чёрту.

Неожиданно сила притяжения поменяла вектор и перестала прижимать вниз, вместо этого она потянула девушек за спины, так что ноги заскользили по палубе и все почувствовали, что падают параллельно палубе. Одновременно с этим воздух заполнился сплошным белым шумом, а его отражение в металле запрыгало вибрацией под и так скользящими ногами.

Мир перевернулся и девушки полетели кувырком в сторону носа. Это корабль врезался в дно и тормозил, распахивая камни, гальку и песок, приближаясь к берегу, пока его тень не нависла над набережной. Гравитация вернулась в норму и Ангелла, единственная, кто остался стоять вертикально, стала помогать землянам встать на ноги, приговаривая: «с прибытием», «добро пожаловать на берег», «вот вы и дома».

— Что это было? — Спросила Рита, потирая содранные о палубу локти. Она уставилась на протянутую ей руку монстра. Снова.

— Жесткая швартовка. — Ответила Ангелла, выжидательно держа руку в жесте помощи.

— Это только из вежливости. — Сказала почтальон Ласточек и взялась за бледную кисть, нежную на вид и такую же на ощупь, которая аккуратно подняла девушку, так что та чуть не подпрыгнула, и поставила на ноги.

— Да, конечно. — Просияла четырёхногая блондинка, а Рита который раз поймала себя на симпатии к этому сумасшедшему монстру. — Никто никуда не закатился? Все в сборе? — Крикнула Ангелла, оглядывая своих бесполезных теперь пленников.

Девчонки оглянулись и утвердительно закивали.

— Ну, тогда держитесь. — Сказала она и с металлическим хрустом расправила огромные тонкие крылья, как показалось всем сначала, но это были суставчатые манипуляторы с косами на концах, которые вылезли у Ангелы из-под лопаток.

— Нет! Не убивай нас! — Заголосили вразнобой девушки, закрываясь руками и пытаясь спрятаться друг за друга, так что впереди осталась только невозмутимая Рита, наблюдающая за хохочущим чудовищем с огромными ножами, которые та широко расставила, словно желая ловить на острия непокорных беглянок.

Почтальон снова впала в ступор обострённого внимания и теперь одновременно воспринимала сферическую картину мира, в которой для пристального наблюдения она выделила два кластера событий: рост чёрной покрывающей субстанции по телу Ангеллы

снизу вверх и нарастание отдалённого пока гула, который в этом состоянии интуитивно определился, как приближение множества реактивных снарядов. Скулёж товарищей по отряду она отнесла к несущественному фону.

— Так ты могла в любой момент одеться! — Констатировала Рита, обвиняюще ткнув пальцем в сторону голого еще секунду назад живота, который на глазах покрывался раскладывающимися друг из друга многоугольниками.

— Это не одежда, а доспехи. — Со значением возразила Ангелла и вытянула перед собой руки, на которые из-за плеч выбежала саморастущая броня. — Кто ходит по дому в доспехах? — Спросила она, повышая голос, чтобы перекрыть накатывающий гул ракет, пламенеющих яркими звездами в синем небе за её спиной. Звезды стремительно превращались в слепящие кометы с чёрными хвостами, устремлённые, как показалось ошеломлённым зрителям, которые, наконец, заткнулись, прямым им между глаз — каждая из пятидесяти.

Шум исторгаемого из двигателей ядовитого пламени перешёл болевой порог и стал невнятным рваным громом, который терзал барабанные перепонки, презрев ладони, беспомощно закрывающие уши, заткнув кричащие рты. Ракеты приближались, словно горящие стрелы, пущенные армией лучников, чтобы сжечь непокорную крепость, и поступь их была настолько страшна, что кишки заворачивались в страхе, а мозги полностью отключались, не в силах перенести децибелы неотвратимого рокота, слепящее сияние карающего выхлопа.

Все попрощались с жизнью. Все уже были мертвыми.

Над головами грешников огни погасли и ракеты со скоростью тысяча километров в час просыпались на корабль, избивая его своими тяжёлыми от неразорвавшейся ноши телами. От удара каждой крепко засевший на мели корабль содрогался всем корпусом, а неповоротливые «птицы», почему-то издохшие на подлёте, от субзвуковой встречи с толстой бронёй дредноута разлетались в стороны обломками, заполнив пространство над палубой густым ливнем сплавов алюминия и титана, обрывков проводов и электронных схем, холодными камнями взрывчатки и раскалёнными деталями потухших двигателей.

Кроме Риты и Ангеллы все скорчились и зажмурились. Почтальон Ласточек во все глаза смотрела, как в палубу, надстройки и башни орудий врезаются с воем остывшие метеоры, а воздух стал рябым от их осколков. Ещё она видела, как ей подмигнула Ангелла и что её расправленные крылья очертили невидимую полусферу, по которой смертоносно быстрые куски скользят и уносятся дальше, чиркая по металлу корабля, оставляя на нём с искрами глубокие царапины, но никому не причиняют вреда.

На падение последних ракет смотрели уже все, осмелев ровно до той степени, чтобы сердце продолжило биться, а любопытство перестало прикидываться дохлым.

Над заваленной небесным хламом палубой воцарилась тишина.

— Фееричный бардак! — Ангелла компактно сложила заплечные манипуляторы, но совсем убирать их не стала. — Вас, вместе со мной, конечно, хотели стереть в порошок. И вы выжили благодаря двойному чуду: мы успели войти под защитный купол Утопии, который погасил электронные импульсы и химические реакции в снарядах, и я решила вас всё-таки прикрыть. Несмотря на вредность некоторых. — Полный превосходства взгляд в сторону Риты.

— Ты просто не хотела, чтобы мы залили кровью палубу.

— Точно! Так что я вас просто придушу и повыкидываю за борт.

— Её одну, пожалуйста. — Поспешно уточнила Марина из-за спины почтальона.

— Пошлите вперёд, теперь нам надо, чтобы вас увидели с берега. — Приказала Ангела и показала направление к носу корабля.

— Кто должен нас увидеть? Ты же сказала, что мы тебе уже не нужны в качестве заложников. — Напомнила Рита.

— Давайте, двигайте, я передумала. Появилась возможность сохранить корабль, раз его не разбомбили ваши. — Похоже, что монстр перекраивала планы на ходу. Нет, она не наморщила лоб от непосильной умственной работы, но её взгляд на непродолжительное время утратил обычную колкость и конкретность, с которыми она препарировала каждое прожитое мгновение, каждый предмет и существо, попадающиеся на пути. — Но его может расплавить оружие Утопии. На наше счастье они правильные до безобразия и будут стараться сохранить невинные жизни, то есть ваши, до последнего.

Отряд пробирался через весь корабль: впереди Рита, а сзади Ангела. Палуба была завалена хламом от ракетной атаки так, что почти на каждом шагу приходилось выбирать, куда ставить ногу, а то и аккуратно переступать зазубренные куски металла. В одном месте проход был полностью перекрыт более-менее уцелевшим крылатым снарядом, который вблизи оказалась размером с небольшой самолёт.

— Как у нас в парке. — Сказала восхищенно Алина.

— Такие же развалины? — Спросила Марина.

— Нет, похожий самолёт на пьедестале.

Ангелла прошла вперед, ступая над головами, взялась руками и манипуляторами за снаряд и, приподняв его со скрипом, перевернула за низкое в этом месте леерное ограждение. Все припали к перилам, чтобы глянуть, как железка кувыркаясь плюхнет в воду. Рита прикинула, что до берега осталось ещё полторы сотни метров и половина корабля, и глубина тут порядочная. Но теперь она не испытывала того панического ужаса, который ещё часом ранее мог бы заставить её сигануть в море с высоты двенадцатого этажа. И она пошла во главе отряда дальше, защищать своей грудью корыто Ангеллы от таинственной Утопии, которая окопалась на берегу.

Рита и весь её отряд, вернее уже не её, а Ангеллы, стоял на огромном носу дредноута, возвышающегося заострённым трамплином над набережной. В отличие от кормы здесь не было глухого фальшборта, только лёгкие леера по грудь и прохладный предвечерний ветер в лицо. Уже сгорели парашюты в небе и Ангелла сказала, что все десантники, скорее всего выжили, если не запутались в стропах и не утонули, после удара об воду. Скоро они начнут вылезать на берег, если не хватит ума плыть прочь от лагеря.

После этого корабль был обстрелян с берега, заряды точно попадали только в те орудия, из которых вёлся огонь по десанту.

— Я же сказала, что с вами меня никто не тронет. — Ангелла была довольна, как слон. — Но, продолжим переговоры!

Дипломатия в исполнении хозяйки линкора выглядела, как залпы из крупных калибров по скалам над огневыми точками Утопии. Рокот камнепада стих и больше пушки не говорили.

— Ты им показала, что можешь уничтожить весь лагерь? — Спросила Рита.

— Да. — Коротко ответила Ангелла и добавила невпопад. — Моя копия на берегу погибла, вы были с ней знакомы. — Она взглянула на Риту, немного стеснительно. — А мы с тобой, оказывается, чуть не подружились ещё на берегу.

— Если дружбой можно назвать неудержимое желание переспорить друг друга, и в процессе придумать, то да. А откуда ты знаешь?

— Она умерла, а значит, теперь я знаю всё, что видел и слышал мой обученный дубль, подруга Рита, в том числе и тебя. Одна из сторон моего практического бессмертия.

Ангелла хотела сказать что-то ещё, но прямо перед кораблём в воздухе появилась огромная полупрозрачная надпись: «Запрос на связь. Привет, Ангелла. Утопия».

— Какие вежливые, — просияла блондинка, — ещё и разрешение спрашивают. Я знала, что вы будете полезны. — Она погладила по головам стоящих к ней ближе двух девушек. Те от неожиданности отшатнулись и засмеялись.

Со словами: «Надо принарядиться», — Ангелла сделала несколько шагов сторону и за её спиной из палубы быстро выдвинулась стойка, похожая на блестящие внутренности огромного трактора, в переплетении труб, проводов и механизмов которой невозможно было рассмотреть отдельных деталей, кроме невнятной и трудноуловимой симметрии. Когда монстр, не глядя, защёлкнула на сочленениях крыльев две строенные пушки, стало понятно, что это полка с оружием, грозным и незнакомым, предназначенным не для рук, а для манипуляторов.

Так же быстро, как появилась, стойка спряталась.

— Как я вам? — Спросила Ангелла у всех, глядя на Риту.

— Нормальных ног не хватает. Без них тебе не принять героическую позу.

— В точку! — Паучиха соединила попарно четыре ноги, заклацали складываясь механической головоломкой сочленения нижних конечностей и вскоре Ангелла стояла на двух механических, но вполне по-человечески пропорциональных ногах, черных в тон броне на торсе и руках, так что их можно было принять за настоящие, если не присматриваться. — Запрос на связь принимаю, — сказала она негромко.

На палубе из искр неоновых светов, прямо в лучах клонящегося солнца, соткалась

фигура седого, но крепкого мужчины в белом халате. Он оглянулся и заулыбался отшатнувшимся солнечным ласточкам.

— Здравствуйте, Учитель. — Сказала Ангелла с холодным почтением.

— Здравствуй, Ангелла. Хорошо выглядишь.

— Вы тоже, и не скажешь, что сто двадцать отметили.

— Медицина продвинулась, моя девочка. Плюс закаливание, зарядка.

— Плюс биоинженерия. — Подказала девушка и скромно сложила за спиной крылья с пушками.

— Так и тебе она на пользу пошла. — Мужчина поправил короткие седина. — Ещё больше, чем мне.

— Я просто смелее распорядилась этими знаниями.

— Ты всегда отличалась смелостью. На грани и за гранью безумия.

— Вы пришли в этот мир за мной, чтобы критиковать? Не надоело, Учитель?

— И никогда не надоест, ведь ты до сих пор моя любимая ученица. А за тобой или вперёд тебя мы пришли — вопрос неоднозначный, в нём ясно только одно: этот мир оставлять тебе на растерзание — преступно.

— Вы называете растерзанием освобождение.

— Освобождение от нормальных людей твоих территорий, действительно, проходит успешно.

— Неудачное начало переговоров, Учитель, вам не кажется?

— Кажется, Ангелла. Давай перейдём к делу.

— Переходите, наконец.

Мужчина на голограмме вытащил руки из карманов халата и скрестил их на груди.

— Ангелла, ты понимаешь, что между тобой и превращением тебя вместе с кораблём в горячие брызги стоят только эти подростки?

— А вы понимаете, что не только они, а еще три тысячи человек, в основном детей, которые находятся в этом живописном лагере? Я поставила мины, которые в случае, если вы решите пожертвовать десятком этих девушек и убить их вместе со мной, простерилизуют берег до самых гор перегретым цунами.

Учителя передёрнуло.

— Что-то такое мы ожидали. — Он обернулся к кому-то, кто сейчас находился за кадром, выслушал его. — Мы займёмся твоими минами немедленно.

— Но вы не знаете сколько их.

— Я уверен, что мы найдём и обезвредим все.

— А пока вы ищите, я неприкосновенна.

— Само собой. Я сюда пришёл договариваться, хоть с минами, хоть без. Армия местного государства приводится в боеготовность и скоро здесь будут сотни, а потом и тысячи солдат.

— Ваш ЭМИ купол остановит их танки и самолёты.

— Но они придут пешком с простейшими автоматами и гранатами. Столько, сколько понадобится чтобы засыпать весь лагерь телами в сколько угодно слоёв.

— Сбрасывайте тела в море. В чём проблема?

— В том, что Утопия — это не твоя армия чудовищ, и нам не нужна война на истребление против всей планеты.

— Так на кой чёрт вы вообще сюда припёрлись? — Ангела принялась ходить по палубе

взад и вперёд между голограммой собеседника и кучкой растерянных девушек. — Если не готовы прорубить себе место в этом густонаселённом мире силой, думаете справитесь уговорами? Тут сто государств и столько же армий, а население — восемь миллиардов! И все — бараны! Кроме тех шакалов, кому служат армии. Здесь не пастухов ждут, а избавителей, которые не побоятся облиться кровью этого стада с ног до головы!

Учитель медленно захлопал в ладоши.

— Спорить трудно. Но есть одно огромное «но» — мы сюда не как завоеватели вторгаемся.

— А как кто? — Ангелла даже споткнулась. Она уставилась на собеседника.

— Мы возвращаемся домой.

— Ч. Т. О? — Раздельно произнесла тиран с выражением весёлого недоумения.

— Дом, Ангелла, этот слой и есть наш дом. Разве не странно, что мы говорим с этими детьми, — жест в сторону Ласточек, — на одном языке? Здесь прошло всего сто лет, как эскадры с нашими предками отправились в неизвестность, убегая от своих политических противников. У нас промелькнули триста, за которые мы выжили на чужой планете, устояли в войнах против адских тварей и создали Государство.

— Я поняла. — Сказала Ангелла. Значит, вся та чушь, что написана в Книге насчёт «люди были изгнаны и бла, бла» — не полностью чушь?

— Да.

— Почему этого никто не знает в Утопии? Почему правительство кормит всех сказками?

— Мы не были уверены, что нам удастся найти дорогу домой. Скоро все узнают, если операция окажется успешной. Ты можешь вписать своё имя в историю, Ангелла, не просто как сумасшедший полководец и главный враг Утопии, а как герой, который вернул всем Дом, разумеется, рука об руку с Государством.

— Пообещай мне вычеркнуть из будущих книжек это тошнотворное «рука об руку».

— Обещаю.

— Тогда разговариваем дальше.

— Нам нужны твои таланты в области контроля за сознанием и оборудование твоего корабля для вмешательства в местные сети информации и пропаганды. Первые же командиры, чьи отряды будут вторгаться на территорию лагеря, будут завербованы тобой. Рядовой состав мы обезоруживаем и отпускаем. Одновременно с этим немедленно начинаем круглосуточное вещание обращений Утопии к населению этого государства и всей планеты.

— Утопия успешно глушит все мои передачи, это же сделают и земляне. — Возразила Ангела.

— Не сделают. Твои передатчики, милая, совершеннее всего, что есть на этой планете, а мы поможем с энергией, сможем сделать мощность любой, какая потребуется.

Вперёд вышла Рита, тиран и учитель с удивлением посмотрели на неё.

— Включите интернет по всему лагерю и у вас появится пара тысяч добровольных корреспондентов со своими камерами и неудержимым желанием рассказать всему миру о происходящих событиях. — Сказала она и в подтверждение своих слов вытащила из кармана телефон. Из него грустно закапала морская вода.

— Отлично! — Сказал Учитель. — Как тебя зовут, девочка?

— Её зовут Маргарита. — Ответила Ангелла. — А чего это ты решила быть на моей стороне?

— Я не на твоей стороне. И ты, и он, — она показала на голограмму, — мерзкие захватчики. Но я не хочу бойни, не хочу, чтобы всё здесь превратилось в пекло, вместе с солдатами, которых будут гнать на убой, пока не кончатся. Вместе со всеми нами, если правительство решит вообще стереть с карты этот полуостров.

— Молодец, Маргарита. Смелость и честность — это то, что ценится в Утопии, ты бы нашла у нас своё место. Я не буду сейчас ничего доказывать, главное, пока что, — выживание, как ты правильно заметила. Ангелла, — повернулся наставник к своей бывшей подопечной, — включишь детям интернет?

— Уже включила, — ответила та. — Тысячи наших заложников сейчас закричат на весь мир. Правительству придётся действовать аккуратнее, по крайней мере высотной атомной бомбардировки можно теперь не опасаться.

— Кстати, хорошо, что ты упомянула об этом: они — не заложники.

— Кто? Они? — Она показала на школьниц. — Конечно нет, это мои преданные друзья.

— Ангела, — укоризненно сказал Учитель, — ты запустила щупальца им в мозги?

— Нет, во всяком случае не всем. Я их очаровала и пообещала вечную молодость.

Учитель гневно закачал головой.

— Речь идёт обо всём лагере! У нас нет здесь заложников. — В его словах появилась горячность. — Все они — будущие члены Утопии, причем, первые новообретённые в этом мире!

Теперь настала очередь Ангеллы закатывать глаза.

— Все, кроме тех, кто захочет остаться со мною. — Поправила она.

— Непременно. — Согласился наставник и снова прислушался к донесениям невидимых подчинённых. Он кивнул. — Ангела, когда корабль будет готов к приёму энергии и трансляции каналов Утопии в телеэфир?

— До заката, я дам вам знать.

— И, — наставник замялся, — местная армия готовит заход под купол уже через полчаса. Ты нам нужна на передовой. — Он взглянул на пленниц. — Лично отправишься, или аватара пошлешь?

— Вы пришибли мою последнюю копию час назад! — Возмутилась Ангела. — По-вашему, я их что, как кукол штамую?

— Значит, лично. — Одобрительно кивнул Учитель. — Это отлично! — Добавил он невпопад, но складно, и показал большой палец. — Прими пакет наших тактических данных, союзник.

— Приняла.

— Я рад, Ангелла, что мы сейчас заодно. Не как один из руководителей вторжения. Просто по-человечески. Мне всегда было с тобой интересно.

— Мне тоже, Учитель. Кроме вас со мной никто не может разговаривать как с равной. Никаких бы переговоров без вас и не состоялось.

— Я знаю. Во многом, я в этом мире благодаря тебе. Когда разведка донесла, что ты отправляешься сюда, все сомнения отпали в вопросах руководства экспедицией. Я согласился с радостью.

— Ох уж эта разведка! Выловлю всех!

— Выловишь, если вернёшься. У тебя нет связи со своим аватаром в нашем мире. Тебе предоставить? Попроси, её, чтобы согласилась на перемирие, которое мы готовы предложить и там тоже.

Ангелла подняла бровь.

— Условия?

— Сейчас я тебе передам зашифрованный документ. — Голограмма покопалась по карманам, достала нечто похожее на бензиновую зажигалку и кинула собеседнику. Ангелла выставила вперёд руку, чтобы поймать предмет, и тот, достигнув ладони, ярко блеснул и исчез.

На несколько секунд погрузившись в себя, словно только что проглотила вкусный кусочек и теперь наслаждалась оттенками привкусов, Ангелла посмотрела с неподдельным интересом на Учителя и сказала:

— Это интересно. Для моей Империи, да и для Утопии, это революция. Надо всё тщательно взвесить.

— С нетерпением жду твоего положительного ответа. — Просиял наставник. — И в качестве жеста доброй воли: отпустишь с корабля своих преданных друзей?

— Конечно. Я всё равно это собиралась сделать.

— Ангелла, — сказал Учитель немного разочарованно, — ты же не любишь врать по пустякам.

— Мне всё равно кормить их нечем!

Голограмма переговорщика рассмеялась на прощание и растворилась в воздухе.

Бронированная блондинка в молчании прощлась, клацая своими стальными протезами. Сейчас она казалась настоящим человеком, даже хрупкой девушкой, когда на неё ложилась тень от нависающих над палубой стволов пушек, которые тягались по диаметру и длине со стволами вековых деревьев. Тонкие манипуляторы с массивным оружием, торчащие из-за лопаток, только подчеркивали утонченность фигуры киборга. Она остановилась перед отрядом, пристально рассматривая каждую девушку.

— Ну, что же, теперь вы будете принимать меня в гостях. — Сказала она наконец, но ответом ей было растерянное молчание. — Я вас отпускаю! А в качестве благодарности хочу только побывать в вашем лагере.

Рита не верила в столь лёгкое избавление от психованного монстра, но она ничего не могла поделать с радостью, поднимающейся у неё изнутри, как будто она возвращается не просто в отряд, а домой к папе и маме. Тем удивительнее ей было слышать разочарование в голосе Марины и вторившим ей остальным пленницам.

— А как же мы? — Спрашивали наперебой девчонки. — Ты же обещала вечную молодость. Что теперь?

Не суетились только те четверо, которые были без сознания на корме, они загадочно улыбались, наблюдая за беспокойством товарищей.

— Всё в силе! — Поспешила унять гомон Ангелла. Кого заинтересовало моё предложение, просто подходите ближе.

Образовалась небольшая толкотня и киборга быстро взяли в полукольцо почти все ласточки. В стороне осталась стоять только Рита и Алина.

— А ты чего? — Спросила почтальон хмуро у блондинки.

Та притронулась к ссадине на лбу. — Не могу забыть ужаса похищения. Да и голова до сих пор гудит колоколом, меньше всего охота сейчас в неё кого-нибудь пускать.

— Извини! — Крикнула Ангелла поверх голов. У неё определённо был сверхчеловеческий слух. — Я могу избавить тебя от дискомфорта за секунду.

— Нет! — Отшатнулась Алина.

— Я ей дам таблетку аспирина в номере. — Пообещала Рита, глядя с вызовом на Ангеллу. Как же она была благодарна Алине, что та избавила её от необходимости стоять сейчас одной и *сомневаться*.

Ангелла пожала плечами и обратилась к окружившим её девчонкам.

— Я не волшебник и не могу вам ничего дать по мановению руки, кроме связи со мной и, для желающих, небольшой переделки вашего процесса мышления. — Она подняла руку, останавливая готовых взорваться вопросами пленниц. — Сейчас объясню. Я создам у вас в голове небольшую нейронную структуру, которая станет антенной и ключом доступа к моей антенне. — Тиран выразительно постучала себя по виску. В любой момент вы сможете связываться со мною и в случае необходимости передавать любую информацию в оба конца. Обещаю помогать на экзаменах, — хихикнула Ангелла, — только если вы сами будете хорошо учиться!

В ответ слушатели тоже хихикнули и происходящее стало напоминать какой-нибудь тренинг, где выступающий рисуется в своё удовольствие перед наивными хомячками.

— Хотя насчёт экзаменов, — продолжила Ангелла доверительным тоном, — я имею в виду обычные школьные, или университетские, у меня большие сомнения, что вам они грозят вообще. Понимаете, милые, здесь сейчас такое закручивается, что снесёт всё мироустройство. Тем более новая, и я вас заверяю гораздо более интересная, жизнь начнётся для вас, если вы решили добровольно стать моими помощниками.

— Расскажи о перделке мышления. — Выпала Марина, комкая слова пересохшими губами. Никто не заметил её оговорки в разгорающейся лихорадке нетерпения. Даже скептически настроенные Рита и Алина чувствовали исходящую от тирана магнетическую энергию.

— Хороший вопрос. — Похвалила Ангелла. — А главное, правильно сформулирован: «*перделка мышления*» — это как раз то, что сейчас у вас в головах. — Девчонки по очереди понимали каламбур, что ознаменовывалось всхмыкиваниями и коротким хохотом.

— Пфф, очень смешно. — Сказала с пресным лицом Рита.

— Главное, что это правда. — Продолжила Ангелла. — И ваши «перделки мышления» просто не дают вам думать и учиться, вы смотрите, но не видите, слушаете, но не слышите и надо сто раз повторить одно и то же, чтобы оно усвоилось.

Публика внимала, но не очень понимала, что отражалось на растерянных лицах.

— Короче, — Ангелла решила округлять лекцию, — я тонко перенастрою около тысячи зон торможения и возбуждения у вас в мозгах, и вы станете многократно умнее и способнее. Иностранные языки будут покоряться за месяцы, а чёрный пояс по карате, при неспешном посещении секции, вам дадут уже через год. Шпионы из глупых фильмов будут плакать горячими слезами от зависти к вам. И всё это уже через полчаса.

— И что взамен? — Рита и Алина оставались последними трезвыми людьми в отряде, в то время как остальные уже гневно на них позыркивали в нетерпении подставить свои головы под манипуляции сумасшедшей маньячки.

— Всего-навсего абсолютная преданность мне.

— Стать тебе пожизненным рабом? — Рита не верила, что после её слов кто-то передумает добровольно подчиниться Ангелле, но она не могла молча выносить покорность большинства. Маргарита — лёгкая и словоохотливая блондинка, симпатичная почти всем учителям и одноклассникам, успела нажать врагов среди и тех, и других, превращаясь в непримиримого борца с несправедливостью в ситуациях, когда эта несправедливость неминуемо торжествовала.

Ангелла глубоко вздохнула и со снисходительной грустью посмотрела на оппонента.

— Вы и так рабы. — Начала она объяснять сначала тихо и терпеливо. — Вас любят только родители, но и они воспитывают вас с покорности, подготавливая к взрослой рабской жизни. Школа — лишь тренировка подчинения и адаптация вашей психики к будущей жизни по будильнику, по звонку, по приказу. Ах да, — девушка отмахнулась от попытавшейся было вставить слово Риты и немного повысила голос, — это ваши лучшие годы, многим даже нравится? Не сомневайтесь — лучшие, дальше будет хуже и хуже, а сейчас вам позволяют резвиться, приучая находиться в одном коллективе с идиотами, негодьями, извращенцами, садистами и другими выродками, многие из которых займут места выше вас в пищевой цепочке. — Ангелла уже чеканила слова, словно зачитывая приговор всем присутствующим. — Большинство из вас проживает сейчас последнее счастливое лето перед тем как отправиться в путешествие по взрослой жизни, кочуя от одного хозяина к другому, если повезёт, повышая свой статус, поднимаясь над другими рабами, чтобы получать приказы, спущенные уже не на десять ступеней вниз, а на девять, восемь... Несогласных ждёт смерть! — Вскричала тиран и все вздрогнули. — Отказавшиеся от рабства или слишком ленивые становятся изгоями: нищими, алкоголиками, наркоманами, бомжами, их жизнь коротка, а конец смраден и жалок.

Киборг замолчала и ей никто не возразил. Все это уже слышали: обрывками от своих недоделанных поп-кумиров, призывающих к подростковому бунту. Видели среди одноклассников множество уродов, на которых не было управы, потому что у них были сдвинутые родители-истерики, богатые родители, важные родители, родители-шишки, родители-алкоголики. «Нормальным» оставили только терпение и послушание.

— Со мной вы будете, — продолжила Ангелла уже спокойным тоном, — вне рабства, вы будете моими соратниками в построении нового общества, в котором займёте места подобающие первым. У вас будет настоящее дело! — Она подняла вверх сжатый кулак.. — И начнём мы с разрушения этого лживого мира! Поверьте, работы много, но во главе смогут встать очень немногие. Вы со мной?

— Да! — Закричали девчонки, погружаясь в радужное ощущение великих перемен, их было уже не удержать.

Ангелла ступила вперед и протянула правую руку ладонью вверх:

— За перемены!

— За перемены! — Подтвердила унисоном четверка первых обращенных, они положили свои ладони сверху, рисуя картину команды, готовой кричать «Вперёд» и тут же отправиться за победой.

— За перемены. — Говорила каждая из оставшихся десяти ласточек, кто решительно и спокойно, словно ступая на эскалатор, а кто обуреваемый страхом и нерешительностью, как

перед прыжком в прорубь, и накрывала рукой стопку из рук, в основании которой была кисть Ангеллы.

Команда во главе с Ангеллой выжидательно обернулась к оставшимся в стороне двум девчонкам.

— Извини! — Алина, словно на прощание схватила двумя руками ладонь Риты, сжав её на секунду, и бросилась к группе будущих приспешников тирана. Её встретили ободрительными возгласами, найдя место в тесном кругу.

— Поехали! — Крикнула Ангелла и подкинула вверх девичьи ладони.

Ответом ей стал радостный визг, который тут же оборвался и воцарилась тишина.

Шум моря снизу и крик чайки сверху.

Плавно опустились руки и Рита увидела, как разгладились лица и умиротворились ресницы на смежившихся веках.

— Им надо десять минут покоя. — Ангелла вышла из толпы. — Жаль, что ты так и не решилась. Поверь, сейчас отсутствует выбор, который бы включал возврат к уютному миру, который ты помнишь. Остались только два варианта: я или Утопия. Всё, что за пределами этого лагеря, — блондинка сделала круговой жест тонким пальчиком, — доживает последние дни.

— Так может быть мне с Утопией будет лучше? — Рита чувствовала себя одинокой, но странно свободной.

— Может быть. Если ты, конечно, готова стать винтиком огромного слаженного механизма. Со мной было бы веселее.

— Зачем тебе они? — Почтальон показала на спящих стоя школьниц. — Уверена, ты найдёшь сотни последователей, стоит только сойти на берег и показать пару фокусов. Люди, а особенно подростки, падки на силу и красоту, они будут влюбляться в тебя пачками, а после пламенных речей, с песнями побегут за тобой на убой.

— Можешь считать это капризом. — Ангелла заметила скепсис Риты и улыбнулась краешком изящного рта. — Но сейчас мы будем сходить на берег и, поверь, там будет столько проблем, что заниматься вербовкой лично мне будет просто некогда. Ею займутся они, создавая собственные команды, прикасаясь к добровольцам, чтобы создавать в новых мозгах нейронные передатчики. Ведь знаешь, что в армии самое главное?

— Солдаты?

— Нет. Связь всё же главнее. В моей армии-государстве никто никогда не бывает одинок.

— Кроме тебя.

— Это не навсегда. — Не стала отрицать Ангелла. — Я работаю над этой задачей.

— Она неразрешима в тех условиях, которые создаёшь *ты*!

— Поясни.

— Ты всех, до кого можешь дотянуться, делаешь частью своего воинственного муравейника...

— Это неверная аналогия, — перебила киборг, — в муравейнике нет свободы воли, у меня же полная свобода, а единственным обязательным условием является только средство связи, оно же гарантия полной лояльности.

— Гарантия! — Подчеркнула Рита. — Ты же можешь в любой момент заглянуть в сознание человека с таким «телефоном»?

— Да. Но я же не могу доверять всем на слово, ведь у меня нет полиции, которая

встанет между мной и народом, нет спецслужб, нет этого плесневого нароста аппарата насилия, которое зовётся государством! Я постоянно вместе со своими солдатами, в одном строю и могу повернуться к любому спиной, потому что знаю: никто меня не предаст!

— Поэтому ты всегда будешь на вершине пирамиды, на своём холодном троне. Одна! — Рита, как и Ангелла, перешла на повышенные интонации. Блондинки бросали фразы в друг друга, помогая себе резкими жестами и убийственными взглядами. — Каждый в твоём мире: либо преданный солдат, либо враг. А где место дружбе, любви?

— Да всё как-то некогда. — Резко спокойно сказала Ангелла. — Вот и сейчас — уже пора. — Она отстегнула от своего фальшивого бедра маленький кусочек черной стали: плоский глянцевый ромб, размером с крышку от ситро. — Возьмёшь? — Девушка робко протянула предмет Рите. — Это тоже средство связи со мной. Просто, чтобы не потеряться. Нажмешь и тихо позовёшь «Ангелла!», я откликнусь, где бы ни была в этом мире.

Рита протянула руку и взяла ромб. Ангелла отдала его, задержав ненадолго пальцы почтальона в своих, тоже словно прощаясь, как и Алина, несколькими минутами ранее. Почтальон не стала отдёргивать руку, а вместо этого попыталась ощутить чужое тепло, сохранить, как воспоминание, это прикосновение.

Девушки одна за другой пробуждались от недолгого сна и с удивлением оглядывались. По их глазам Рита видела, что те впечатлены произошедшими в себе переменами, они голодными взглядами впивались в окружающий мир и молчали так многозначительно, что тишина окутала и единственную «ласточку», в чьи мозги никто не влез. Она снова провалилась в чудесное состояние, где шум собственных мыслей не заглушал звук и свет, запахи и прикосновения мягкими симфоническими потоками вливающиеся в ненасытное сознание. Теперь она не удивилась преобразению, а постаралась запомнить его ощущения, сделать с них слепок, чтобы пользоваться им, как ключом. Если у неё перестанет получаться, она до конца дней не избавится от сомнений, правильно ли оттолкнула Ангеллу, когда та может сделать простое созерцание окружающего мира настолько наполненным.

Ангелла смотрела на дело рук своих и гордилась. Она присутствовала во время пробуждения не просто от короткого гипнотического наваждения, вызванного сторонними манипуляциями, а от сна длиною в жизнь. Почти в жизнь, за вычетом первых нескольких лет младенчества, когда сознание открыто и еще не заражено паразитными программами, предназначенными непрерывно ткать обыденную реальность, пожирающими всю свободную психическую энергию, взамен давая ощущение нормальности действительности и себя. Тонкая настройка активности мозговых центров на девяносто процентов заключалась в возвращении их к состоянию, с которым люди появляются на свет. Как показали предыдущие эксперименты, некоторые подопытные быстро возвращались в исходное состояние и их невозможно было снова «перезагрузить». А некоторые оставались пробуждёнными до конца — все они были заняты войной и все они погибли.

Ангелла собиралась предоставить своим новым солдатам столько войны, сколько понадобится.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net